Огни Кузбасса

№ 5 / 2020

Открытие выставки «Святые неразделённой церкви»

Кардинал Герхард Мюллер и митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх

Репортаж о выставке на вклейке журнала

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров, г. Кемерово, председатель общественного совета

Н. Ф. Иванов, г. Москва, председатель Союза писателей России

М. А. Евса, г. Кемерово, министр культуры и национальной политики Кузбасса

И. Ф. Фёдорова, г. Кемерово, председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Законодательного собрания Кемеровской области – Кузбасса

С. Ю. Куняев, г. Москва, лауреат Государственной премии им. М. Горького, главный редактор журнала «Наш современник»

В. И. Лихоносов, г. Краснодар, лауреат Государственной премии им. М. Горького, главный редактор журнала «Родная Кубань»

Г. Л. Немченко, г. Москва, лауреат премии «Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст, директор по внешним связям и имущественным отношениям Кузбасского филиала ООО «Сибирская генерирующая компания»

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЁТСЯ С 1949 ГОДА

№ 5 / 2020

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Василий Киселёв. Военная родня 3
Инна Кабыш. Куда, родимая, несёшься? 42
Ксения Фомина. Мне нравится разговаривать с белым листом 74
Валерий Тихонов. Боже мой, как я тебя люблю! 83
Ирина Надирова. Жить тут можно – вопреки, вразрез 96

ПРОЗА

Игорь Герман. Миссионеры и язычники (Театральный документ – 2013) 6
прот. Сергий Адодин. 16 белок и прочее разумное пространство 45
Татьяна Твердохлебова. Посторонние. Рассказ 77
Александр Дёмышев. Куда уходят дети. Рассказ 86

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Василий Дворцов. Русская правда Ермака 98

300 ЛЕТ КУЗБАССУ. КНИГА ПАМЯТИ

Александр Савченко. Мы все в одной жизни 109

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Геннадий Красников. И одна в поле воин 118

ПУБЛИЦИСТИКА

Эдуард Анашкин. «Россия ещё вернётся к себе...» 126

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Виктор Арнаутов. По Южному Вьетнаму (Дневниковые заметки кемеровского туриста) 129

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Марина Карпенко. Проза и стихи. **Елена Павлова, Ирина Ляшко, Александр Школдин.** Стихи. **Владимир Переводчиков, Владимир Неунывахин.** Рассказы 146

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена Трухан. Зачем переписываются мужчины? (О книге Бориса Дюкина «Диалог») 153
Татьяна Горохова. Отклик на сборник стихов В. Коврижных «Черёмуховый Спас» 156
Валерия Салтанова. «Чтоб плач расхристанного мира баюкать колыханьем струн» (Рецензия на книгу Алексея Бурко «Дождитесь момента») 158

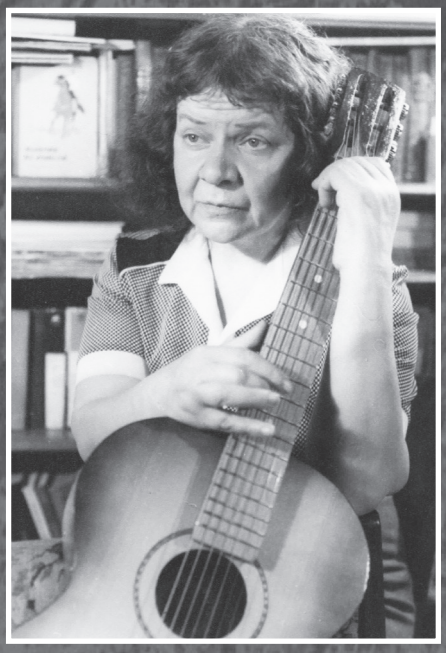
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕМИНАР

Межрегиональное совещание авторов Сибири и Дальнего Востока. **Екатерина Малофеева, Арман Комаров, Анна Зорина, Роман Поплавский, Тамара Юшкина, Павел Сидельников, Наталья Добаркина, Ева Райм, Дарья Уланова.** Стихи. **Анатолий Бимаев.** Рассказ 161

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Дмитрий Мурзин** 170

Русской поэтессе Новелле Матвеевой – 90 лет

(1930–2016)

Неожиданный факт открылся, когда оказалось, что невозможно найти свидетельство о рождении Новеллы Николаевны. По ряду юридических моментов было необходимо получить копию документа о рождении. Содержание ответа из архива отдела загса г. Пушкина, бывшего Царского Села, было и ожидаемо, и не очень. Год рождения Новеллы Николаевны был указан как 1930-й… После уточнения всех деталей с сотрудниками архива стало понятно, что ошибки быть не может. По воспоминаниям Светланы Николаевны, родной сестры, их дом в Юной Республике, в Щёлковском районе Подмосковья, однажды после войны ограбили и вынесли всё ценное вместе с документами. При их восстановлении для подтверждения года рождения Новеллы было проведено врачебное освидетельствование. Это обычная и обязательная процедура для установления возраста ребёнка при отсутствии документов. По итогам чего и был подтверждён и внесён в новые документы 1934 год рождения, который назвала Надежда Тимофеевна, мама юной Новеллы. Сделала она это для того, чтобы можно было снова отдать дочь в школу: из-за болезней было пропущено слишком много, а по физическому развитию девочка вполне подходила под детей года на четыре младше. В школу она так и не пошла, а год рождения остался. Знала ли и помнила Новелла Николаевна об этом? Наверное, мы этого никогда не сможем ни утверждать, ни опровергнуть. Таким образом, этот, 2020 год с юридической точки зрения является юбилейным. Неоспорим тот факт, что вся биография, награды, премии и прошедшие юбилеи были организованы исходя из 1934 года рождения. Ломать все эти устоявшиеся даты было бы неверным. Но и четыре года жизни убрать из биографии человека было бы несправедливо. Получается, что Новелла Николаевна покинула нас, не дожив чуть больше месяца до своего 86-летия.

Эссе Геннадия Красникова читайте на с. 118

Поздравляем нашего автора Василия Киселёва с 60-летием!

Василий КИСЕЛЁВ

ВОЕННАЯ РОДНЯ

МОЛИТВА МАТЕРИ

«Хлеба прошу не вдосталь –
Просьба моя ина:
Я попрошу тебя, Господи,
Чтобы ушла война…

Пусть лягут травы росные
Под остриём косы.
Я умоляю, Господи,
Пусть возвернётся сын…

Петенька, месяц мой ясный,
Свет долгожданный мой…
Только б война не лязгнула
Над белокурой главой.

Только б затихли залпы.
Здесь, на краю весны,
Что-то случится завтра:
Вижу плохие сны.

Будто бегу по погосту,
Следом – фашисты-псы…
Я заклинаю, Господи,
Пусть возвернётся сын!

В домике так одиноко
Без моего сорванца.
Где же ты, мой синеокий?
Что ж ты не шлёшь письмеца?..»

Шёпот её стихает,
Падают две слезы.
Только одно витает:
«Пусть возвернётся сын…»

Плачет уставшая до смерти
Матерь в апрельскую ночь.
Только не может Господи
Ей уж ничем помочь…

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Месяц июнь. Малая родина.
Утро. Луч солнца встречает меня.
Чёрные родинки чёрной смородины.
Домик. Мосточек. Речка Иня.

Всё как всегда. Только, сердце, куда же ты
Рвёшься на свет из усталой груди?
Всё, что сберёг, всё, что было мной нажито,
Всё, что до срока держал взаперти,
Разом нахлынуло!

Сдержишь ли слёзы?..
Повременю. Постою у воды.
И поцелую у белой берёзы
Чёрные шрамы прошедшей беды.

КИСЕЛЁВ Василий Иванович *родился в 1960 году в посёлке Краснобродском Беловского района Кемеровской области. После школы работал на Новосибирском заводе полупроводниковых приборов. Посещал заводскую литературную студию. В 1980 году был призван в ряды Советской армии. Служил в Афганистане. Потом вернулся в Кузбасс. Работал радиомехаником, водителем, агентом по снабжению. Печатался в журналах «Огни Кузбасса», «Бег». В настоящее время работает в строительной компании. Руководитель литстудии «Северное сияние» посёлка Краснобродского.*

ДЯДЯ САША

Дядя Саша выпить был совсем не прочь,
Лишь один в году он праздник признавал:
День Победы! Он с отцом гулял всю ночь,
А под утро уходил на сеновал...

Дядя Саша знал Смоленск и Сталинград,
В Кёнигсберге вёл за каждый дом бои...
«Что, Иван, пойдём-ка завтра на парад?
Пусть племяш почистит цацки-то мои!

Двадцать лет Победе нынче, брат! Ура!
Наливай по полной! Выпьем за судьбу!..
Вася! Чунь возьми и шаркни пару раз
Все медальки да и орден не забудь!»

Боже мой! Вот радость-то! Я рад!
«Беломора» дым струится по избе...
А в шкатулке была дюжина наград:
«За отвагу»,
«За Берлин»,
«За Кёнигсберг».

«Эх, дороги!..» – дядя Саша запевал,
Уносился в песне дальне-далеко...
Приходил сосед наш старый Епифан,
Приносил в бутылке мутный самогон.

Дядя Саша – бравый воин, ветеран!
Я, малец, к нему с расспросами не лез.
Старый чунь почти до дырок я стирал,
Чтоб сиял медалей звонких чудный блеск!

Дядя Саша леденцы мне покупал
(«Золотая рыбка» – баночка была).
Эскимо сластило счастьем на губах,
И рассветный луч над Родиной пылал!

ЗАПАХ СИРЕНИ

Я окунусь в довоенное лето…
Ночное! Купанье лошадок.
А вечер – устроит дебош! – фиолетов,
Будет столбы расшатывать.

Будет расшатывать – во дела! –
Мир лазаретный и белый.
И кони мои, закусив удила,
Понесут меня в хлопьях пены

Туда, где черёмухи цвет, холода,
Где юность беспечная наша,
Где голова не в бинтах – золота!
Не контужена – бесшабашна!

...А где-то в Москве, рядом с метро,
Живёт моя девушка Юля.
Но поднимает фаустпатрон
Мальчишка из гитлерюгенд.

Юля в 6:30 идёт на завод,
Победу трудом приближая.
Я хрипло шепчу ей: «Родная…» Зову.
Она же – как будто чужая.

В глазах её – боль. Надежда. Испуг.
В глазах её – солнце июня.
Но ухмыльнётся и дёрнет спуск
Мальчишка из гитлерюгенд...

Я окунусь в довоенные сны:
Мама печёт оладьи...

Запах сирени победной весны
Ветер принёс в палату.

МОЙ ДЕД, ВОЙНА, ЛОВЛЯ РЫБЫ И Я

«Сорвался подлещик! Опять мимо кассы!
О! Был он огромен, серебрян! Красив!»
Мой дед о войне никогда не рассказывал,
Напрасно его я об этом просил.

Он, щурясь, дерябнув стакан «Солнцедара»,
Глядел на осоку, кувшинки и плот...
В крови захлебнулась Вторая ударная,
Увязнув в трясине Синявских болот...

«Ни шагу назад!» – нам Ставкой приказано! –
Прикажет комбат. – Пробивайся к реке!»
...Мой дед о войне никогда не рассказывал,
Чинарик свой спрятав в разбитой руке.

...А рыбы плескались, крутили кадрили,
И всё тяжелел наш огромный кукан!
Шептал дед, настойкой кедровой взбодрившись:
«Васяка! О, знатная будет уха!»

От дыма я корчил смешные гримасы
И дул во всю грудь на притихший костёр...
Мой дед о войне никогда не рассказывал,
Он вздрагивал нервно от слова «котёл».
Мне дед говорил: «Не поставлена точка
В той страшной войне, покуда я жив!»
За нож он хватался, услышав: «Deutsche»,
«Deutschland»,
И в телик плевал, видя Гитлера: «Пшик!»

«Как славно, мой друг, ночевать на природе
В июле в Сибири, средь звёзд и луны!..
Ну что ел так мало? Давай-ка за Родину!
Ещё полчеплашки!.. Боец, ты заныл!»

Мой дед уважал Астафьева повести
И «Сашке» Кондратьева отчаянно рад...

Мечтал попроведать реченьку Полисть,
Где в сорок втором встретил огненный ад...

Костёр озаряет прибрежные кущи.
Моторка бубнит – к нам едет Вован!
Дед швыркает чай – солдатская кружка! –
И курит цигарку, подбросив дрова.

Луна желтолица, как дека гитарная.
Я, не мигая, смотрю в небеса.
...Сомкнулся «котёл» над Второю ударной,
Мой раненый дед выбирается сам.

Бредёт наугад: «Где же Старая Русса?»,
Глотая зловонную жижу болот.
Бредёт он один перелесками русскими
И верит: дойдёт, непременно дойдёт!

...Блестит Млечный Путь,
как хрустальная ваза.
«Дед, дед, ну скажи, а в Рейхстаге ты был?»

...Мой дед о войне никогда не рассказывал,
И фильма про Штирлица он не любил.

Игорь ГЕРМАН

МИССИОНЕРЫ И ЯЗЫЧНИКИ
(Театральный документ – 2013)

В жизни шарлатаны обычно симулируют болезни, а в искусстве они симулируют чаще всего здоровье.

В. Э. Мейерхольд

1. НОВЫЙ ГЛАВНЫЙ

В начале сентября в наш театр прибыл новый главный режиссёр.

По некоторым обстоятельствам я был вынужден задержаться с выходом из отпуска на неделю. Пришёл. Написал заявление на отпуск без содержания на пропущенные дни. Поднялся на третий этаж знакомиться с главным. Он был у себя в кабинете. Поздоровались, представились.

Сергей Александрович Першин произвёл впечатление крепкого орешка: среднего роста, гладко выбритый, коротко подстриженный, с крупной круглой головой и без излишеств в фигуре, присущих мужчинам за пятьдесят. Держится уверенно, смотрит прямо. Не заигрывает и не желает понравиться. Ведёт себя естественно, говорит просто. С первого же взгляда в нём чувствуется внутренняя сила. Это хорошо: лидерские качества в характере главного режиссёра – обязательное условие. Без них он не сможет стать организующим творческим центром своего коллектива.

Я объяснил главному, почему не смог вовремя выйти на работу.

– А мы уже вовсю в процессе, – бодро ответил он.

– Отлично. Надеюсь, не опоздал?

– Нет. Для вас тоже припасена роль. За эту пьесу мы ещё не брались. Завтра утром первая репетиция. – Сергей Александрович вынул из стола стопочку листов с отпечатанным текстом пьесы и положил передо мной: – Вот. Почитайте пока. Потом придёте. Поговорим. Поделитесь впечатлениями.

– Хорошо, – сказал я и взял пьесу.

– Сейчас одиннадцать, у меня репетиция. К двум подходите.

Я вышел из кабинета. Спустился в свою гримёрку на первом этаже, раздвинул шторы, чтобы стало светлее, сел к столику и принялся за чтение. Прочитал название: «Любовь». Имя автора незнакомо: кто-то из новых. Главный дал пьесу с прицелом – буду что-то играть. Нужно прочесть внимательно и спокойно. Так я и сделал, потратив на чтение час с небольшим. Следующий час у меня ушёл на то, чтобы прийти в себя после прочитанного. Это было моё первое прямое столкновение с айсбергом под названием «новая драматургия».

Вкратце сюжет пьесы таков. Муж убивает и расчленяет свою жену. Сообщает о пропаже в

ГЕРМАН Игорь Викторович *родился 10 августа 1964 года в городе Топки Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный институт культуры в 1985 году. Служил в танковых войсках. Работал актёром в театрах Красноярского края, ныне в Русском театре имени М. Ю. Лермонтова (Абакан). Публиковался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Современная драматургия» (Москва). Спектакли по его пьесам идут в театрах Уфы, Симферополя, Оренбурга. Живёт в Минусинске.*

полицию. Изображает из себя несчастного, убивающегося мужа. Дело поручают вести следователю – молодой женщине. В процессе дознания у неё с мужем пропавшей гражданки (то есть с убийцей) возникают отношения, переходящие затем в более глубокое чувство. Герои отдаются ему. Труп так и не находят. Дело зависает. Молодые живут вместе и уже собираются узаконить отношения, но тут он признаётся ей в убийстве. Признаётся накануне свадьбы. Она в шоке. Требует от него написать явку с повинной, после чего идёт к себе в кабинет, оставляет его заявление на рабочем столе и здесь же вешается на собственных колготках. Сослуживцы утром находят её тело, читают признательные показания любовника и всё понимают. В финале пьесы автор, видимо, желая показать свою осведомлённость в области физиологии человеческого организма, вкладывает в уста капитана полиции просьбу к уборщице подтереть под повесившейся лужу мочи. Последняя фраза пьесы от этого же капитана: «Вот такая вот любовь!»

Ну, дикой историей в наше время никого не удивишь. Бесконечная череда диких историй тянется по всем телеканалам с утра и до утра. Так что одной больше, одной меньше – уже всё равно. Другое дело, каким языком эта пьеса была написана. Когда я прочитал первый мат, подумал: «Ошибка или опечатка», но… сквернословием в пьесе страдали все, включая влюблённых героев. Вкупе с чёрным сюжетом безобразная авторская лексика провела на моё сознание массированную психическую атаку, и к последней странице пьесы я был морально разбит. Нахлынуло беспросветно-гадостное состояние: казалось, будто изнасиловали мою душу. Хотелось хватить чистого воздуха и внутренне отдышаться. Какое-то время я сидел молча, не двигаясь и прислушиваясь к себе. Впечатления для меня новые, я должен их прочувствовать и пережить. Почему-то всплыла в памяти услышанная когда-то информация о том, что в начале девяностых, когда всё *это* только начиналось в Москве и стало проникать в столичные театры, старая актёрская гвардия, воспитанная в традиционной культуре, получив роль в такой пьесе, приносила её домой, брала двумя пальцами, выбрасывала в мусоропровод, а потом долго мыла руки с мылом.

Мне сейчас захотелось сделать то же самое. На минуту стало страшно. По-настоящему страшно. Бывают моменты откровения в жизни, когда внутренний голос подсказывает тебе: «Всё, ты попал». И вот после прочтения этой пьесы, подумав, взвесив и рассудив, я должен был честно сознаться себе, что попал. Открывшиеся новые театральные берега не обещали лично мне ничего хорошего.

Я попытался стряхнуть оцепенение тела и души. Поднялся со стула. Начал нервно ходить по гримёрке. Я и так всё принимаю близко к сердцу, даже когда для этого нет причины, а уж если она есть... Сейчас ситуация касалась меня конкретно: мне жить и работать в этом театре, а другие времена на один день не приходят. Хотя паниковать не надо. Рано. Я ещё не говорил с главным. Вероятно, он как-то прояснит ситуацию. Сгладит её, что ли. Он ненамного старше меня. В школе и институте учились примерно в одно время, нас воспитывали одни педагоги, и в наши души вложены одни ценностные установки. Это давало надежду, что мы найдём общий язык, по крайней мере в отношении того, что сызмальства заложено в наше сознание как безобразное.

Я открыл ящичек своего столика, взял кружку, натряс в неё из баночки кофе, сходил на вахту к кулеру и набухал до краёв горячей воды. Вернулся. Пил кофе, не чувствуя густого горького вкуса. Вскакивал, ходил, вслух спорил с воображаемым оппонентом. Снова, обжигаясь, пил кофе. Думал – искал и находил аргументы. Так пролетело оставшееся время.

В четырнадцать ноль-ноль я взял прочитанный текст пьесы и, немного взволнованный, направился в кабинет главного. Он уже был там.

– А-а, проходите, присаживайтесь… – Першин с улыбкой заглянул мне в глаза: – Прочитали пьесу?

– Прочитал.

– Ну и как?

Я выдержал паузу. Пауза перед ответом всегда несогласие.

– Не понравилась?

– Скажите… – первым делом я хотел задать именно этот вопрос, – скажите, Сергей Александрович… Как вы относитесь к матерщине на сцене?

Главный даже на секунду не задумался:

– Очень хорошо отношусь.

Я растерялся:

– А почему?

– Что «почему»?

– Почему хорошо относитесь?

Теперь в его глазах мелькнуло удивление.

– А почему я должен относиться плохо?

– Но ведь это сквернословие.

– Ну и что?

– Как «что»?

– Это часть нашего языка. Она имеет место в жизни, значит, имеет право быть и на сцене.

– Сергей Александрович… Простите… Но ведь должна же быть какая-то культура…

Все аргументы, придуманные мной за кружкой горячего крепкого кофе, в секунду вышибло из головы. Как после удара палкой. Позиция главного меня дезориентировала окончательно. Я не мог собраться с мыслями, от которых, таких стройных ещё минуту назад, сейчас остались раздрызганные лохмотья. Прямой открытый взгляд интеллигентного человека Сергея Александровича Першина и его убеждённость действовали на меня обезоруживающе.

Мы разговорились.

Я пытался возражать, вспоминал и приводил свои доводы, пару раз удачно парировал, но в целом спор проиграл.

От общей культуры языка разговор перешёл на тему прочитанной мною пьесы. Першин сказал, что с завтрашнего дня приступаем к работе над ней, и назвал роль, которую мне предстоит репетировать. Я вспомнил роль: сосед, друг главного героя и его собутыльник. Язык этого персонажа такой же поганенький, как и всех остальных. Я сразу поставил в известность главного, что произносить *этого* не смогу ни на репетициях, ни тем более со сцены. Буду пропускать *это* либо заменять нормативными синонимами.

– Пожалуйста, – согласился Сергей Александрович. – Нет так нет. Никаких проблем.

– Ещё вопрос… – всё никак не мог успокоиться я. – Как вы думаете, качество этой пьесы, если оно, конечно, существует, пострадает, если мы уберём оттуда все маты?

– Думаю, что нет.

– А тогда для чего они там?

– Сейчас все так пишут.

– Зачем?

– Пример Запада. Гниём оттуда.

– Ну, Запад гниёт – это его проблемы. А нам для чего гнить вместе с ним? За компанию?

– Это не ко мне. У меня тоже есть вопросы к политикам. Но у них свой театр, а у нас свой… Ладно. Будем работать. Я запускаю шесть пьес современных драматургов. Занята вся труппа. Будут пока не спектакли, а только читки.

– Что такое читки? – не понял я.

– Не сталкивались?

– Нет. Не приходилось.

– Это новая форма театральной работы. Появилась именно благодаря современной драме. Суть состоит в том, что за три-четыре-пять репетиций показываем результат, то есть всё, что можно сделать за это время. Возможен приблизительный эскиз спектакля. Ну, эскиз, по сути, более углублённый вариант читки. Поэтому и говорю – приблизительный… Вот так. В процессе всё поймёте. Если вопросов больше нет – за работу! Завтра в одиннадцать.

2. ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Назавтра в одиннадцать утра собрались в кабинете главного режиссёра на первую репетицию. Перед тем как прочесть по ролям, Першин сказал о пьесе вступительное слово. Прежде всего он горд тем, что первым нашёл её в интернете и заинтересовался. Пьеса совершенно новая, написанная молодым драматургом, которому всего двадцать четыре года. По мнению Першина, удивительно то, как такую зрелую тему мог раскрыть совсем молодой человек.

– Я перечитал кучу пьес современных авторов, – говорил Сергей Александрович, – а современные авторы – это прежде всего молодёжь. Хочу сказать, что не так много из прочитанного можно ставить на сцене, но они пишут, пишут и пишут. Неумело, коряво, но ведь прорываются. Как видите, и в драматургии количество постепенно переходит в качество. Судя по этой пьесе – наконец-то писать научились. И это не только моё мнение. Пьеса «Любовь» стала победительницей драматургического конкурса-лаборатории в Москве. Так что это, на всякий случай, уровень.

Он замолчал и с осторожной улыбкой посмотрел на актёров, сидевших по обе стороны длинного репетиционного стола. Артисты уткнулись в листы своих текстов и молчали, слушая главного режиссёра. Никто не поднимал ни головы, ни взгляда. И только Михаил Петенькин, маленький, кругленький и ершистый актёр сорока четырёх лет, внимательно и спокойно смотрел в глаза Сергея Александровича. В его спокойствии вибрировал какой-то нерв, и опытный человек Першин не мог не почувствовать за этим спрятанной иголки.

– Вы что-то хотите сказать? – спросил главный режиссёр.

– Пока ничего, – спокойно ответил артист.

– Тогда почитаем пьесу по ролям.

Прочитали.

Першин лукаво поглядывал на актёров в тех местах, где встречался ненорматив. Молодёжь с нормативом справлялась на раз, то есть просто читала его как норматив. Шестидесятилетняя Надежда Павловна Лапихина, играющая мать главной героини, Миша Петенькин и я на ходу перефразировали *это* или же вовсе не произносили.

Думаю, что для главного расклад сил в нашей труппе определился. Стало понятно, кто за ваших, кто за наших. Главные режиссёры, как и все прочие руководители, тоже нуждаются в своих людях. Свои люди для начальника – это как группа поддержки, и без них рулить в коллективе очень сложно. Любой режиссёр предпочитает работать с беспроблемными артистами, и это правильно.

Сказать, что я был поражён той лёгкостью, с которой большинством коллег преодолевалась авторская матерщина, значит ничего не сказать. Разумеется, все мы знали о существовании таких пьес и таких авторов, сколотившихся сегодня в своеобразную «могучую кучку». Но, не касаясь нас впрямую, они до сего дня существовали в параллельном мире. Как другая форма жизни. Пьесы эти я не читал, а если и случалось, то до первого мата. Сквернословие – показатель уровня культуры автора, а произведение – зеркало его души. Что может сказать миру такой автор и что можно увидеть в таком зеркале?.. Именно по этой причине современная драма меня не интересовала. Кто-то где-то её репетировал, ставил, смотрел, даже хвалил, но я, оставаясь в стороне, надеялся, что волею судьбы чаша сия и далее будет следовать мимо. Но…

Текст с ненормативом в стенах нашего театра читался впервые. Я слушал товарищей, озвучивающих полную авторскую версию, делающих это в здравом уме и твёрдой памяти, и ничего не понимал. Складывалось ощущение предательства (слово на каблуках, конечно, но другого подобрать не могу): предательства родителей, которые воспитывали, педагогов, которые учили, культуры, в которой выросли, профессии, которой служили. И никого не упрекнёшь, все взрослые люди и понимают, что творят. Какая-то оторопь брала оттого, что понятия «хорошо» и «плохо» в момент поменялись полюсами. Кувырк – и ваши не пляшут!

Все делали вид, что ничего не происходит. Я не мог делать такого вида, поэтому был растерян и подавлен.

Дочитали пьесу.

В паузе Першин с вопросительной улыбкой смотрел на нас. Мы молчали, глядя кто куда. Только Миша Петенькин всё так же спокойно смотрел в глаза главному режиссёру.

– Михаил Петрович, давайте начнём с вас, – обратился к нему Першин. – Ваши ощущения от прочитанного?

– Сложные, – кратко ответил Петенькин.

– А если попытаться сформулировать?

– За такие пьесы в тюрьму сажать. И надолго.

– Это всё?

– Всё.

– Ясно. – Першин слегка покраснел, но продолжал улыбаться. – У кого ещё какое мнение?

Высказалась Надежда Павловна Лапихина:

– За такую пьесу зрители нам спасибо не скажут! – Подумала и добавила: – Нет. Не скажут.

– Ну, прежде чем предполагать реакцию зрителей, спектакль нужно поставить, а потом показать, – не согласился с актрисой главный режиссёр. – А уж зритель сам решит, что сказать.

– А если мы уже знаем, что они скажут?

– Откуда вы можете это знать?

– По нашим же впечатлениям. Мы такие же люди. Если нам не понравилось, то, скорее всего, не понравится и зрителям. Чернуха – она и есть чернуха.

– Давайте всё же не будем торопиться. Зритель тоже бывает разным. Тем более что пьеса не чернуха, я в этом с вами, Надежда Павловна, категорически не соглашусь.

– А что это, по-вашему?.. Белуха? – спросил Миша Петенькин.

– Ну… белуха не белуха, а пьеса хорошая.

– И в каком месте это видно? – не унимался Миша.

– Вот когда мы разберём её, я думаю, что вы всё увидите сами.

– Но ведь такую пьесу, в самом деле, не будут смотреть зрители, неужели вы этого не понимаете?

– Не понимаю, – пожал плечами главный. – Я ставил спектакли по пьесам современных дра-

матургов не в одном театре, и они идут, и идут с успехом, не сочтите за бахвальство.

Петенькин промолчал. Успех – настолько тяжёлый обух, что тут бессильна любая плеть.

Я решил поддержать Мишу и переспросил Першина о возрасте драматурга.

– Двадцать четыре, – повторил главный.

– В такие годы этот молодой человек уже настолько испорчен?

– Испорчен? – удивился Першин. – Чем же он испорчен?

– Последняя сцена пьесы, где героиню находят повесившейся в своём кабинете…

– Ну?..

– Смерть – это таинство. Таинство перехода в другой мир или в никуда, я не знаю… И ёрничать над этим…

– А кто ёрничает?

Похоже было, что Сергей Александрович и в самом деле не понимал.

– Никто не ёрничает.

– Автор обозначил смерть героини… Не хочу повторять в точности эту фразу… Это что такое: «Подтереть под ней лужу мочи»?!

– И что вас смущает?

– Лужа мочи – это, по автору, такой художественный образ смерти человека?

– Вообще-то при удушении организм расслабляется и происходит непроизвольный выброс… Ну ясно, да? Это нормальная физиология.

– Но театр – искусство, а не физиология.

– ?..

Если Першин только делал вид, что не понимает, то делал он это очень органично.

– То есть, Сергей Александрович, вас это не смущает?

– По крайней мере, в пьесе всё укладывается в рамки жизни человеческого тела.

– А как же жизнь человеческого духа?

– А вот дух, друзья мои, будем вдувать в персонажей мы сами.

Я более не нашёлся что сказать. Сергей Александрович в своей абсолютной уверенности был очень убедителен.

– Всё равно зрители не скажут нам спасибо, – задумчиво повторила Надежда Павловна. – Не скажут. Вот увидите.

– В московском театре… – Першин назвал его, – тоже взяли в работу эту пьесу. И актёры тоже спорили сначала, называли её чернухой, потом успокоились, выговорили её и нашли, что это очень даже светлая история.

– Вот ярчайший пример того, как можно всё перевернуть с ног на голову, – заметил Миша Петенькин.

– Я думаю, что люди просто разобрались, что к чему. Огульно можно заплевать что угодно…

Препирательства, вероятно, продолжались бы ещё, но главный решил прекратить их.

– Ладно, – сказал он, – каждый остаётся при своём мнении. Все взрослые люди, никого не переубедишь. Но так как мы ещё и профессионалы, то давайте найдём в себе силы смириться с материалом, над которым предстоит работать. Это шестая пьеса, которую я запускаю в читку. Над пятью уже работаем. Премьера в начале октября. Текст всё равно не выучите, будете ходить с листочками. Форма работы это допускает.

– А потом? – спросил кто-то из молодых.

– Потом?.. Потом по этим эскизам зрители сами решат судьбу будущих спектаклей: быть им или не быть на нашей сцене.

3. ЭСКИЗЫ СПЕКТАКЛЕЙ

У актёров к зрелому возрасту стадия романтического обожания лицедейства, как правило, переходит в стадию кислого скепсиса. Но я любил и люблю свою профессию. Верно служил и служу ей. Никогда не разочаровывался, научившись отделять богово от кесарева. Мне всегда хотелось играть, я радовался, когда получал роль и делал её на совесть. Но вот в работе над пьесой «Любовь» впервые запнулся. Запнулся о противоречие внутри самого себя. С одной стороны, есть работа и есть роль, но с другой… Над такой ролью работать не хотелось. Не хотелось, и всё. Крайне раздражал убогий авторский язык, который сам автор пытался выдать за убогость языка своих персонажей.

Дома я брал текст в руки, честно пытался собраться, читал, но скоро происходило внутреннее отторжение, я раздражался, откладывал текст, ходил по комнате, плевался и ругался вслух, пугая своих домашних. Затем снова пытался, снова не мог, снова ходил, злился, ругался и пугал. И так в нескольких подходах. Вымотавшись вконец, возненавидев пьесу, роль и себя, убирал текст с глаз долой. Клялся, что больше никогда не возьму его в руки.

Но приходил на репетицию, слушал бодрого Сергея Александровича, видевшего за общей авторской безграмотностью сермяжную правду нашей жизни, брал себя в руки и находил силы

на творческую работу (если работу над таким материалом можно назвать творческой). Должен сознаться, что первый раз в моей театральной биографии я не чувствовал любви к своему делу.

Першин, безусловно, обладал даром убеждения или гипноза, каковым и должен обладать профессиональный режиссёр, а актёр в силу своей профессии обязан быть в достаточной мере гипнабельным, то есть поддающимся гипнозу. Профессионализм Сергея Александровича чувствовался во всём: в умении вести репетиционный процесс, в собственной дисциплинированности, в способности требовать и добиваться, копать и находить, зажигать, увлекать и в конечном итоге вести за собой. Он был явно выраженным творческим лидером. Профессиональная уверенность в себе нового главного, конечно, основывалась не на пустом месте: на сегодняшний день он обладал постановочным багажом в девяносто спектаклей! Умный, интеллигентный человек. Грамотный. Выдержанный. Принципиальный, но в то же время понимающий. Доброжелательный. Тем загадочней и необъяснимей была его привязанность к откровенно сомнительной драматургии. Причём, если я не обманываюсь, привязанность искренняя, идущая от ума и сердца.

Репетиции пьесы «Любовь» продолжались. Мы уложились не в три-четыре, как планировал Першин, а не менее чем в десяток репетиционных точек. Текст в полной мере осилить не смогли, но какие-то сцены уже легли на язык.

Сергей Александрович работал с актёрами подробно, на совесть, несмотря на то что будущий результат был заявлен как читка. Читку он перешагнул, это было понятно, и тянул на хороший эскиз, более глубокую и подробную работу. Эскиз спектакля – это примерно четверть дороги до полноценной премьеры. Эту четверть мы благополучно прошагали и 10 октября должны были выйти на зрителя. Под зрителем подразумевался коллектив театра – желающие посмотреть новую форму сценической работы, а также приглашённые – родные, друзья, знакомые и по традиции студенты городских вузов, всегдашний авангард молодёжи. Показ не закрытый, но ограниченный.

Ещё одно новшество, которое принёс с собой принцип читок, – перемещение зрительских мест из зала на сцену. То есть на сцене устанавливались сваренные железные конструкции (подобие амфитеатра), сиденья и спинки которых обшивались мягким материалом. Здесь и планировалось размещать зрителя. Эту конструкцию устанавливали на сцене в непосредственной близости от декораций. Закрывался занавес, и получалось своеобразное камерное пространство: малая сцена на большой сцене.

Сначала была непонятна причина такого смещения акцентов. Понимание пришло потом: на подобную драматургию зрительский спрос невелик и пятьдесят человек в зале на шестьсот мест будут смотреться удручающе, а здесь те же пятьдесят человек – практически полный зал.

И вот вечером десятого октября мы с текстами в руках, взволнованные, как на настоящей премьере, впервые вышли в новой для себя сценической версии.

Эскиз спектакля «Любовь» предлагался первым в запланированной череде показов, потому что, по мнению Першина, эта пьеса была наиболее мощной. Главный хотел открыть сезон читок именно ударным материалом.

Интерес работников театра подогревался ещё и слухами о хулиганской лексике. И если кто-то пришёл посмотреть из любопытства здорового, то кто-то откровенно шёл на скандал.

Перед началом выступил главный. Сказал пару слов о современных пьесах и их авторах, попросил не расходиться после показа и пожелал приятного просмотра…

Разумеется, зловонную матерщину изгнали из текста, который, кстати, от этого если не приобрёл, то ничего и не потерял. Сергей Александрович решил попридержать козыри современных драматургов до лучших времён. Но вместе с тем он оставил нетронутыми все полуненормативные выражения, там… ну… понимаете. Однако и этой дозы адреналина оказалось достаточно. Зрители, привыкшие к иному уровню сценической культуры, были, мягко говоря, озадачены. После трагического финала с лужей мочи они как-то растерянно и жидко похлопали.

В центре внимания опять появился главный режиссёр. Он попросил актёров, работавших в показе, вновь выйти на сцену, присесть и принять участие в обсуждении. Чтобы не забыть, Сергей Александрович сразу сказал, что в фойе стоит столик с двумя ящичками для голосования, там же лежат ручки и заготовленные бюллетени, на которых следует поставить зрительское «да» или зрительское «нет» будущему спектаклю по просмотренному эскизу. Першин подчеркнул, что сценическая судьба материала полностью зависит от мнения зрителей. Но голосова-

ние – это чуть позже, а сейчас он предлагает поделиться впечатлениями.

Разговор на тему предварила долгая зрительская пауза. Сергей Александрович настойчивее пригласил присутствующих к диалогу. Присутствующие довольно несмело, но всё же высказались.

Наиболее показательным стало мнение одной студентки-старшекурсницы. Она пришла на просмотр со своим парнем. Вдвоём они сидели немного особнячком, потому что их соседи справа и слева ушли по окончании показа. Девушка, красивая шатенка с выразительными карими глазами, попросила слова.

– Пожалуйста, – сказал Першин.

– Знаете, – заговорила она, – я посмотрела ваш спектакль…

– Пока это только эскиз, – поправил главный режиссёр.

– Хорошо, эскиз, – согласилась девушка. – И у меня сложилось странное ощущение. Я сейчас попытаюсь как-то сформулировать его, потому что это ощущение такое… общее… от того, что я увидела. Так вот. Я поняла из этой истории, что любовь – это гадкое чувство. – Она помолчала и закончила мысль: – Но ведь это не так.

Ни слова добавить и ни слова убавить!

В целом высказавшимся зрителям сама пьеса как таковая не понравилась, и только одна женщина, не сумев сдержать одолевающих её эмоций, сказала, расплакавшись, что её сестру тоже убил муж и что это очень жизненная история.

На этом обсуждение закончилось. При выходе зрители голосовали – опускали листочек с написанным словом и уходили. Сколько там было «за» и сколько «против», неизвестно, потому что Сергей Александрович, всё это единолично подсчитав, на следующее утро объявил, что зрители проголосовали за доработку эскиза и превращение его в спектакль.

Через парочку дней я уже как зритель отсмотрел эскиз спектакля по пьесе другого современного драматурга. Тому вообще не исполнилось даже двадцати лет. Художественность в тексте также нужно искать днём с огнём, но зато, по мнению Першина, как и в пьесе «Любовь», здесь была близкая и понятная нам реальность. Чем эта реальность была нам близка и понятна, Сергей Александрович так и не объяснил.

Обсуждение со зрителями проходило по уже апробированному сценарию.

Выступающие говорили, что пьеса чёрная, язык недопустимый, смысл истории непонятен, морали никакой.

Кому-то из молодых, напротив, понравилось, особенно подкупало то, что персонажи говорят так, как они сами в жизни, а они в жизни говорят ещё и не так, поэтому текст крутой.

По окончании обсуждения публика голосовала. Так же как и в прошлый раз, после единоличного подсчёта голосов Першин объявил, что и этому эскизу зрители подарили жизнь. Попробуйте возразите главному режиссёру!..

На показ следующего эскиза я шёл уже без энтузиазма, заранее зная, что меня как зрителя ждёт. Хотя должен сказать, что третья пьеса, со всеми её недостатками, написанная девушкой, произвела на меня скорее благоприятное впечатление. Хотя за зрителей поручиться не могу. Пришлось верить на слово радостному Сергею Александровичу, который и не сомневался, что эта пьеса понравится всем без исключения.

Зритель оставшихся трёх эскизов оказался почему-то таким же непоследовательным, как и зритель эскизов первых. На публичных обсуждениях был весьма сдержан, при тайном голосовании, опять же – со слов Першина, одобрял.

Сергей Александрович остался удовлетворённым результатом большого проекта под названием «Читка-эскизы». Он объявил, что весь текущий сезон мы будем заниматься только современной драмой. Этим самым, по словам Першина, мы привлечём в театр не только старушек-одуванчиков, но и реальную силу завтрашнего дня – молодёжь.

4. СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Сказано – сделано. Завертелось театральное колесо. Правда, завертелись вместе с ним не шесть пьес, а пока только пять. Театр подал заявку на получение гранта для постановки пьесы «Любовь» как двухактной и самой объёмной. От результата – получим или не получим – и зависела дальнейшая судьба этого недоделанного спектакля.

И вот всех нас, участников зависшего проекта «Любовь», переадресовали на подготовку новогодней сказки. Постановка сказок вообще, в том числе и новогодних, это дело не царское, поэтому главные режиссёры, как правило, сказками не занимаются. Занимаются сказками режиссёры очередные, то есть такие же режиссёры, только не главные (все главными быть не могут,

по закону социума кто-то должен быть и подчинённым).

Очередным у нас в театре много лет служил Артур Артурович Грецкис. В своём зрелом возрасте – пятьдесят пять лет – он всё никак не мог дорасти до главного режиссёра. Когда эта должность у нас в театре время от времени становилась вакантной, республиканское руководство искало претендентов на стороне, раз за разом обходя Артура Артуровича. И дело здесь было не в отсутствии режиссёрского таланта у Грецкиса, а исключительно в особенностях его характера. Артур Артурович в повседневной жизни отличался прямотой и несдержанностью. Он мог вспылить, наорать, обидеть и – что совсем непростительно – сказать правду. Поэтому, когда увольнялся главный режиссёр, кандидатура Грецкиса, сумевшего испортить отношения и с республиканским министерством культуры, даже не рассматривалась. Оправданием излишней горячности Артура Артуровича служили два смягчающих обстоятельства: творческая натура и хоть и порядком разбавленная, но южная кровь.

Итак, я попал в новогоднюю сказку. На первой репетиции, когда мы прочитали пьесу по ролям, Грецкис поинтересовался нашим мнением. Ну просто по традиции: понравилась – не понравилась.

Каждый нашёл в сказке свои сказочные достоинства, когда же дошла очередь до меня, я сказал:

– Матов в тексте нет – уже спасибо.

Коллеги рассмеялись, приняв мою реплику за шутку.

Между тем Першин усиленно готовил к премьере бывшие эскизы. Доделывал он их одновременно, то деля репетиционный день на пять, то работая утром над одним, вечером над другим, в зависимости от состояния дел там и сям. Все пьесы были небольшого формата, примерно на час сценического времени.

Художник спектакля особенно не заморачивался над декорациями. Во-первых, раз зрители сидят на сцене, то и само понятие «сцена» становится условным; во-вторых, за основу каждого из пяти спектаклей была взята выгородка их эскизов. Добавили немного тут, облагородили немного там, костюмы взяли с подбора, то есть со списанных ранее спектаклей, и в результате за пятнадцать затраченных копеек получили пять премьер в репертуар театра.

Последняя, пятая премьера состоялась пятнадцатого февраля. В три плотных репетиционных месяца – пять спектаклей! Однако...

Я принципиально отсмотрел всё. После каждого просмотра у меня складывалось впечатление от увиденного как от чего-то незавершённого. Полноценным спектаклем назвать такую работу язык не поворачивался: нет масштаба, нет настоящих декораций, ярких костюмов, воздуха между сценой и зрительным залом. Нет серьёзной драматургии, а значит, и поднимаемых проблем. В результате на суд зрителей представляли полуработу режиссёра, полуработу художника, полуработу актёров и в целом полуспектакль.

Может, где-то в подвально-чердачных театрах больших городов это как-то и прокатывало, но в республиканском драматическом, чьи зрители привыкли к искусству традиционному и масштабному, такие эксперименты вызывали лишь разочарование.

Ситуацию усугубляла полуненормативная лексика, уже прописавшаяся на наших подмостках. Откровенный ненорматив, коим изобиловала сегодняшняя драма, Першин всё ещё резал, подготавливая неиспорченного зрителя к словесной правде жизни поэтапно. Первым этапом в этом процессе и стал полуненорматив. Нецензурными такие слова как бы не назовёшь, хотя и цензурными как бы тоже.

Сидя на верхнем ряду трёхъярусных зрительских конструкций, я наблюдал реакцию зрителей на произнесение актёрами полуненормата. Ведь вроде и ничего особенного, это ведь не мат – так, козерушка. Зрители реагировали по-разному: кто-то – никак, молча проглатывая выдаваемое со сцены, кто-то кривился, кто-то морщился, кто-то хмыкал, молодые девочки изумлённо хихикали, закрывая рот ладошками и пряча глаза в пол, но неудобно было всем. Люди в своём большинстве реагировали так, как и должен реагировать нормальный человек на проявление публичного свинства…

В первую мартовскую неделю все пять спектаклей, согласно расписанию, должны были играться за два дня. Такой плотный график работы объяснялся тем, что на просмотр приезжали два театральных эксперта из столицы: Яков Грехов, руководитель «Лаборатории современной драматургии», и российский театральный критик Владимир Бодрецкий. В их задачу входило отсмотреть спектакли, произвести разбор и дать оценку.

Многие коллеги, как и я, втайне надеялись, что учёные люди из Москвы воздадут заслуженное если не спектаклям по таким пьесам, то хотя бы самим пьесам. И если Першину по барабану мнение провинциалов, то мнения московских профессионалов он игнорировать уже не сможет. По большому счёту от москвичей мы ждали спасательного круга.

И вот наступил день икс.

Творческий состав, а также всех желающих из числа работников театра собрали в зрительном зале (который на сцене) по окончании последнего, пятого спектакля.

Критик Бодрецкий беседовал со зрителями после каждого просмотра. Он интересовался их мнением и непременно спрашивал: «Похожи ли персонажи пьесы на реальных знакомых нам людей?» И обязательно находился из зрителей хотя бы один, который говорил: «Да, похожи». Тогда критик спрашивал: «Знаком ли зрителям тот язык, которым разговаривают герои спектакля?» И опять тот же зритель отвечал, что знаком. «Тогда, – продолжал критик, – если герои спектакля реальны и говорят реальным языком, можем ли мы сказать, что сценическая история, рассказанная драматургом, режиссёром и актёрами, – это история про нас?» И вновь тот же самый зритель соглашался за всех. Те, кто не соглашался, были в подавляющем большинстве, но они молчали. В искусстве как и в жизни: несогласное большинство всегда молчаливо.

Критик внимательно слушал, кивал головой и потирал руки.

Диалог с подобными вопросами и подобными же ответами произошёл и со зрителями последнего спектакля. Потом зрителей отпустили, а мы остались на внутритеатральный разговор с приезжими москвичами.

Главный режиссёр предоставил слово гостям.

Первым вышел Владимир Бодрецкий, высокий приятный мужчина лет сорока, с густой вьющейся шевелюрой. Одет по-походному: джинсы, пиджак, жёлтый «шарф-удавка» вокруг шеи. Часто улыбается. Очень обаятельный. Быка за рога взял сразу: спектакли в целом ему понравились, какие-то больше вызвали вопросов, какие-то – меньше, но по большому счёту последнее слово всегда за зрителем. А зрителей слушали после каждого спектакля, и зрители высказывались откровенно, от души. Их впечатления от увиденного на сцене были разными, но сходились в одном: разыгранная актёрами история очень близка к сегодняшним реалиям. А значит, такие спектакли (вернее, спектакли по таким пьесам) при всех их недостатках имеют право быть. Лично он, Владимир Бодрецкий, любит современную драматургию – разумеется, не всю, он говорит о тенденции и считает, что она отражает потребности сегодняшнего общества в правде жизни.

Он ещё много говорил, шутил и улыбался, сказал, в частности, что современная драма всё увереннее завоёвывает театральную Москву, к ней обращается всё больше и больше прогрессивных режиссёров. И лично он, Владимир Бодрецкий, искренне рад тому, что с сегодняшнего дня серьёзных и думающих театров в России стало на один больше.

На наших лицах радости по этому поводу не отразилось, но молодёжь захлопала.

Бодрецкий спросил, есть ли вопросы.

Вопросов по существу не оказалось, а своего недоумения мы пока внятно сформулировать не могли. Владимир Бодрецкий на отсутствие вопросов развёл руками и присел на место.

Я сделал каменное лицо, за которым спрятал своё внутреннее нервное напряжение.

Поднялся руководитель «Лаборатории современной драматургии» Яков Яковлевич Грехов – худой, высокий, сутулый. На вид лет пятьдесят семь. Седой. Одет подчёркнуто небрежно: грубый вытянутый свитер, как кольчуга, джинсы. Лысина на темени, серебряная бородка, длинные пальцы рук.

Он также поздравил нас и наш театр с обращением. Обращением к современной драме. Он работает с подобным материалом уже давно, видит в нём перспективу, видит творческий рост этой пишущей молодёжной братии и убеждён, что за такими пьесами если не будущее, то очень значительная культурная ниша завтрашнего дня. Театр без современной ему пьесы мёртв. Не нужно бояться нового, новое по своей природе всегда в конфликте со старым, новое растёт и пробивается вопреки старому, новое, согласно закону жизни, всегда прогрессивнее старого. Только это надо увидеть, понять и принять. Кому-то это будет проще (например, молодёжи), кому-то сложнее, но чтобы соответствовать времени и шагать в ногу с ним, необходимо уметь перестраиваться. Перестраивать сознание прежде всего. Если этого не сделать – в новой реальности будет жить трудновато.

Я сидел, слушал всё это и чувствовал, как у меня поднималось давление и опускались руки. Бывают минуты слабости, когда не хочется жить. Нет, не желание умереть, а нежелание жить. Забиться в глубокую норку, не видеть никого и никого не слышать. Невообразимая ситуация: из тебя публично делают дурака и ты абсолютно ничего не можешь сделать в своё оправдание!

Вспоминается эксперимент, показанный одним из телеканалов (и это тоже документально), проведённый психологом с десятью студентами московского вуза, ведущего учебного заведения страны… Пустая аудитория. Стол. На столе стоит пять небольших бумажных пирамидок: четыре из них чёрные, одна белая. Психолог вводит в аудиторию десять студентов и рассаживает вокруг стола с пирамидками.

Задача очень проста: нужно посмотреть на пирамидки и сказать, какого они цвета. И всё. Один нюанс: девять студентов находятся в сговоре с психологом – они должны утверждать, что все пирамидки чёрные. Десятый ничего не знает и выскажет своё мнение последним.

И вот девять человек во главе с психологом начинают дурачить своего товарища. Каждый из молодых людей на вопрос психолога: «Какого цвета пирамидки?» – с серьёзной миной отвечает, что все они чёрные.

Всё внимание телекамеры, естественно, направлено на фиксирование реакций десятого студента. Весьма любопытно наблюдать за внутренним процессом в его глазах. После первого, а затем и второго ответа товарищей, видевших все пирамидки чёрными, испытуемый улыбнулся, решив, что товарищи шутят. С каждым следующим ответом его недоумение нарастало, а лицо вытягивалось. После восьмого абсурдного утверждения взгляд его стал растерянно бегать, он ещё раз взглянул на пирамидки, на честные лица товарищей, на непроницаемую маску психолога. Когда дошла очередь, он с такой же убеждённостью ответил, что все пирамидки чёрные!

Почему? Почему он это сделал?! Ведь ничего не угрожало его жизни, здоровью, его не собирались отчислять из учебного заведения, лишать свободы или казнить. Просто скажи честно, что ты видишь своими глазами, и только. Психологу десятый студент не смог внятно объяснить причины своего поступка.

Эксперимент повторили с другими группами. Результат в большинстве случаев оказался таким же самым. Испытуемые, физически и психически здоровые ребята, студенты-интеллектуалы, будущее нашего общества, не могли противостоять простому мнению большинства. Мнению, издевательски противоречившему элементарному здравому смыслу!..

И сейчас, сидя на сцене нашего театра, слушая монологи столичных театральных деятелей, уважаемых людей, я пронзительно осознавал себя тем самым десятым студентом. И мне также предстояло сделать выбор. Выбор между тем, что я вижу, и тем, в чём меня пытаются убедить. Я не мог ни возразить, ни возмутиться. Наверное, надо было, но не мог, ведь за москвичами решающее слово. Для этого их и пригласили сюда. Многие из нас, я это видел, сидели униженные и подавленные.

Творческий курс театра на ближайшее будущее был утверждён!

Удовлетворённый Сергей Александрович поблагодарил гостей за внимание к нам, нас – за внимание к гостям и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество.

Мы в молчании стали расходиться. Молодёжи было плевать, молодёжь тут же переключилась на свои проблемы. Я оставался под впечатлением, как под тяжёлым камнем. Миша Петенькин, с которым мы вместе вышли со сцены в коридор, находился в таком же удручающем состоянии. Мы молча посмотрели друг на друга и направились каждый в свою гримёрку. Всё стало понятно и без слов.

Примерно месяц спустя тот же Миша принёс в театр и показал всем свежий выпуск столичного театрального журнала, где публиковалось интервью с Греховым.

Яков Яковлевич в своей беседе с корреспондентом делился впечатлениями о творческой поездке в наш город. У нас ему всё понравилось. Как выразился Яков Яковлевич, «театр живёт в правильном направлении». В частности, он сказал, что если раньше театр ставил всякую ерунду, то теперь здесь взялись за серьёзную драматургию – интересных современных авторов.

Миша Петенькин подходил к каждому из нас и буквально заставлял прочитать абзац про «всякую ерунду» (на тот момент в нашем репертуаре были и А. П. Чехов, и А. Н. Островский).

– Какой страшный человек! – возмущался Миша. – Вы только почитайте, что он несёт! Это страшный человек! Просто сволочь!

Но дальше обид и оскорблений в адрес Грехова дело не шло. Миша кусал локти, потому что

от Миши, как и от всех нас вместе взятых, ситуация уже не зависела.

Тогда рассерженный артист Петенькин в бессилии дал прозвище Якову Яковлевичу Грехову. Он так и назвал его – Страшный Человек.

5. ТРЕПЛЕВ

Весь сезон мы занимались только современной драмой. Крутой творческий вираж нашего театра, конечно же, не мог не отразиться на настроении коллектива. Реакция большинства из нас на новые художественные ориентиры сравнима с резкой переменой характера питания человека: физиология в таких случаях отвечает либо запором, либо послаблением. С нами произошло примерно то же. Кто-то брюзжал и ругался в кулуарах, кто-то молчал, ходил хмурый и злой. Недовольны остались многие, но главный режиссёр в театре как генерал в армии: скажет Родине служить – будешь служить, скажет дачу строить – будешь строить.

В феврале наш театр получил денежку из фонда одного доброго человека на постановку пьесы современного автора.

По рекомендации господина Грехова (оказалось, что Першин и Грехов коротко знакомы) утвердили автора, название, а также режиссёра будущего спектакля.

Режиссёром оказался красивый молодой брюнет из Санкт-Петербурга.

Случилось так, что я попал в распределение на одну из двух мужских ролей утверждённой пьесы. Причём не просто попал, а выиграл кастинг. Было это так.

Всех нас, актёров и актрис, по два претендента на каждую из четырёх ролей, собрали в кабинете главного режиссёра. Сергей Александрович представил гостя из Петербурга.

– Знакомьтесь, это – Савелий… – Он повернулся к молодому человеку: – По отчеству?..

– Просто по имени, – ответил тот.

– По-европейски? – улыбнулся Першин.

Савелий согласно повёл бровью.

– А у нас тут Азия, – предупредил главный режиссёр, и мы рассмеялись.

Нам Сергей Александрович сказал, что окончательного распределения ролей ещё нет. Режиссёр-постановщик сам будет утверждать актёров, для чего мы здесь, собственно, и собрались. Нас два состава: один – помоложе, второй – постарше. Пьеса достаточно специфична, написана не в виде диалогов, как обычно пишутся пьесы, а в виде огромных монологов-рассказов. И все эти истории, нанизанные, как бусинки, на ниточку-пьесу, должны рассказывать актёры примерно одного возраста. Савелий сегодня определится и даст своё распределение, которое завтра же выйдет приказом. В заключение короткого вступительного слова Першин подмигнул нам, сказал: «Но пасаран!» – и удалился.

Оставшись с нами наедине, Савелий через ноутбук связался по скайпу с Греховым. Сообщил ему, что прибыл на место и что всё в порядке; что с сегодняшнего дня приступает к работе и надеется на успех; что он уже сидит в кабинете главного режиссёра с симпатичной командой будущих исполнителей. Передал Якову Яковлевичу привет от нас, а нам – от него, сказал, что погода здесь чудная и настроение прекрасное. Завершив сеанс связи, Савелий в порядке более близкого знакомства рассказал немного о себе.

Из его слов следовало, что приехал он к нам на постановку именно той пьесы, которую он собирается ставить и которую считает очень талантливой, тонкой и глубокой. Он достаточно знаком с её автором и на сегодняшний день считает его ведущим драматургом страны. Сам Савелий как режиссёр очень востребован, ближайший год у него расписан под завязку, его приглашают на постановку и туда и сюда, но он соглашается работать исключительно с современной драматургией. Не то чтобы он не признаёт классику, нет, конечно. Просто любое классическое произведение, поставленное сегодня, – это всегда интерпретация, не живая сегодняшняя жизнь, а имитация чьей-то прошлой жизни, то есть, прямо говоря, фигня. Этому их учил мастер курса, и в этом он убедился сам, работая с новой драматургией и сравнивая её с классикой. Театр – это живая трепещущая жизнь, и доставать зрителя она должна проблемами сегодняшнего дня, а не мертвечиной ушедших веков. Те пьесы были хороши в своё время, в наше время хороши наши. Спектакли Савелия с успехом идут в разных городах России, один – едет на фестиваль «Золотая маска» и даже выдвинут на соискание национальной премии в своей номинации.

Нагнав на нас нешуточного страху, Савелий предложил почитать пьесу.

Все монологи – мужские и женские – оба состава читали по очереди. Момент чтения каждого из нас Савелий тщательно фиксировал видеокамерой телефона.

Я осторожно наблюдал за Савелием и всё пытался понять: кого он мне напоминает? Этот молодой человек явно был похож на кого-то, но сейчас я ещё не был готов определённо сказать, на кого именно. Его риторика, его уверенность и, самое главное, его идеи…

Телефонные видеодосье на нас Савелий внимательно просмотрел дома, определился с возрастным составом и утром принёс решение главному режиссёру.

Так как в приказе о распределении ролей я обнаружил и свою фамилию, то понял, что на сей раз победила не молодость.

Пока не знал, радоваться или нет. Пьеса странная, да и вообще не пьеса, а проза, разделённая поровну на количество рассказчиков (не могу сказать «действующих лиц», потому что действия как такового в пьесе нет). Как играть такую прозу и можно ли её играть в предлагаемых автором обстоятельствах, представлялось пока весьма расплывчато. К тому же настораживала перспектива учить эти гигантские монологи, но главная трудность состояла даже не в том, чтобы всё запомнить. Текст был построен таким образом, что в нём отсутствовал стройный сюжет. В центр каждого монолога автор помещал какую-то ситуацию из жизни героев и оборачивал её, как капусту, нестройным многословием. К примеру, если персонаж благодарил кого-то за что-то, то делал он это не одним-двумя предложениями, как все нормальные люди, а целой страницей убористого текста. Авторская мысль не двигалась вперёд, а вместе с текстом кружила вокруг своей оси, повторяясь вместе с фразами, возвращаясь к уже сказанному, расцвечиваясь то так, то этак. Предполагалось, что за словесным половодьем пряталась некая философия, которая и должна была всплыть при сценическом воплощении. В целом – откровенно недраматургический и несценичный материал.

Явным плюсом пьесы являлось отсутствие в ней матерщины, поэтому актёрам оставалось смириться только с кружевными хитросплетениями авторского языка.

На первой же репетиции после утверждения на роли мы спросили Савелия, будем ли мы играть этот неиграбельный текст, а если будем, то каким образом?

Савелия от произнесённого слова «играть» отшатнуло, он замахал руками и сказал, что ни в коем, ни в коем случае мы не должны ничего здесь играть! Мало того, нужно забыть всё, чему нас учили театральные школы и проведённые на сцене годы, весь свой опыт забыть, как страшный сон, и начать работать над этой пьесой с чистого листа. Слово «играть» вообще не должно произноситься, оно разрушительно для данного материала, на это слово Савелий налагает табу. Он как режиссёр предлагает нам гораздо более сложное и интересное решение – он нам предлагает эту пьесу рассказать! И не просто рассказать, а РАССКАЗАТЬ!!! Это суперсложная задача, справиться с ней мы сможем лишь в том случае, если на все сто будем доверять Савелию.

Ну, тут возразить трудно, так как принцип доверия режиссёру заложен профессией актёра изначально. Да и так, собственно, понятно, что на такой драматургии без взаимного доверия далеко не уедем. Правда, насколько далеко уедем и при взаимном доверии, тоже вопрос неоднозначный.

Приступили к репетициям. Будущий спектакль не предусматривал декораций, реквизита и вообще привычного оформления сценического пространства. Соответственно, не нужны стали и перемещения актёров в этом пространстве, то есть мизансцены. В связи с принципиальным отсутствием театральности в будущей театральной постановке наши актёрские задачи ограничились кропотливой работой над текстом. Вернее, над техникой его рассказывания.

Савелий бесконечно повторял нам, что просит не читать, а рассказывать и, самое главное, почувствовать разницу между тем и другим. Мы пытались это делать честно и на совесть, старались читать не читая, играть не играя и, боже упаси, ничего не интонировать.

Когда режиссёр добился от нас желаемого, то есть монотонности и ровности в чтении каждого монолога, необходимо было перейти на следующий уровень освоения текста – транслирование мысли. То есть каждым монологом мы должны чётко сформулировать для себя мысль и в процессе рассказывания транслировать её в зрительный зал. Причём эта мысль не была производной самого монолога, а являлась нашим отношением как рассказчиков к событиям, происходящим с героями.

Трансляция мысли давалась нам сложнее. Во-первых, сама мысль не являлась авторской, а была придумана режиссёром, во-вторых, текст страдал чрезвычайным многословием, в котором уследить за собственно авторской мыслью и то было непросто.

Суть некоторых монологов в пьесе можно уложить в несколько строк без ущерба для смысла, но они расписывались на полтора-два листа.

Я сразу спросил Савелия, будем ли мы сокращать текст, то есть вымарывать то, что для нас как для исполнителей не несёт смысловой нагрузки.

– Нет! – категорично ответил Савелий. – Из пьесы не уберём ни слова.

– Но ведь сокращают даже тексты классиков...

– И что?

– Вы знаете, на моей памяти один режиссёр порезал целые сцены в «Укрощении строптивой» Шекспира и даже убрал оттуда второстепенное действующее лицо без ущерба для смысла. Второй – вымарал сцену Пети Трофимова и Ани в чеховском «Вишнёвом саде» вместе с хрестоматийным монологом «Вся Россия – наш сад…» и даже возил такой спектакль на фестиваль. И это – у гениальных авторов! А тут… извините, конечно.

Молодой режиссёр покраснел.

– Это – автор!! – отчитал он меня. – Понимаете? Автор!! Я лично знаком с ним и прекрасно знаю, как этот человек работает над каждым словом, над каждой фразой, над каждой буквой! И мы будем работать очень точно, вплоть до запятой.

Здесь я не сдержался:

– Но в пьесе куча опечаток, которых могло бы и не быть, если бы автор хотя бы пару раз внимательно прочитал свой текст. Я уже не говорю о безграмотной пунктуации, в которой драматургу не смог помочь даже компьютер. Так что у автора проблемы с грамотностью, простите ещё раз… А ошибки мы тоже будем произносить? Если, как вы говорите, до каждой запятой?..

Савелий промолчал.

Молодой режиссёр оказался последовательным и принципиальным. Когда процесс работы над текстом вступил в третью фазу – рассказывания наизусть, Савелий жёстко предъявил свои режиссёрские требования. Он не давал нам спуску, когда мы неверно произносили текст, пропускали в нём слова или фразы. Делал замечания, если мы меняли слова в предложениях. Например, вместо «спала сладко» произносили «сладко спала». По мнению Савелия, это нарушало музыкальный строй фразы, ибо сама пьеса, по его глубочайшему убеждению, являлась стихами в прозе.

Быть может, мы несправедливы к автору этой пьесы, быть может, нет пророка в своём отечестве, но думаю, что, скромно промолчавшие, мы не совсем согласились с такой оценкой данного произведения.

Тем не менее убеждённость Савелия и его спокойная уверенная сила подкупали. Режиссёр должен влюбиться в материал сам и заставить это сделать своих артистов. Причём качество материала значения не имеет. Хотя в данном случае думаю, что Савелий без насилия над своей творческой природой и в самом деле искренне веровал в эту пьесу.

Но, чёрт возьми, кого же мне всё-таки напоминает этот молодой самоуверенный режиссёр?!

Актёрская работа над спектаклем по мере приближения его к финишной ленточке становилась всё мучительнее. Савелий активно помогал нам правильно произносить текст, интонационно поправляя каждую фразу и каждое слово. Понятнее нам от этого не становилось, мы нервничали, уставали, раздражались, в конце концов просили отпустить нас в наших ролях, но режиссёр железной рукой вёл спектакль к намеченному результату.

Премьера состоялась опять же камерная. Зрителей (несчастные зрители!) вновь лишили мягких кресел зала и заставили ютиться на сцене на неудобных сиденьях самодельного амфитеатра.

Мы страшно волновались в день премьеры. Боялись забыть текст. Стыдно признаться, но нам так и не хватило профессионализма выучить его. И режиссёр Савелий принял решение выпустить нас с папками в руках – в щепетильных случаях мы могли откровенно подсмотреть.

Спектакль, как и всякая премьера, прошёл на нерве. Изо всех сил мы пытались рассказывать и транслировать. Вроде как бы обошлось.

После финальных осторожных аплодисментов зрителей уже по традиции оставили на обсуждение. Три четверти присутствовавших, однако, ушли. Осталось совсем немного. Савелий попросил и нас принять участие в разговоре. Мы заняли свои сценические места уже в качестве отыгравших актёров.

Первым делом Савелий поинтересовался мнением о просмотренном спектакле.

Зрители, видимо, ещё не готовые к живому общению, молчали.

Тогда Савелий конкретизировал вопрос:

– Скажите, эта история, рассказанная актёрами, про нас?.. Те люди, о которых шла речь в спектакле, их жизнь, их чувства, их взаимоотношения – это мы?.. Как вы считаете?

Бойкая молодая девушка в первом ряду согласилась, что это про нас и что это мы, после чего опять повисла неопределённая пауза.

Савелий попросил высказываться смелее.

Зрители то ли оставались под впечатлением, то ли сказать было нечего.

Наконец инициативу проявил мужчина лет шестидесяти, седой, худощавый, серьёзный. Несколько минут начинающегося диалога он внимательно смотрел на нас.

– Я хочу спросить у актёров, – обратился он в нашу сторону. – Скажите, вам самим было интересно работать над такой пьесой?

Мы с товарищем многозначительно морщили лоб, собирались с мыслями, и за нас пришлось отдуваться женщинам. Актрисы сказали, что всё было интересно, материал необычный, мы работали увлечённо и с удовольствием.

Мужчина внимательно выслушал и вопросов больше не задавал.

И всё бы на этом уже закончилось, и мы с Савелием расстались бы друзьями, но… но робкий женский голос из числа зрителей под самый финал диалога высказал следующее предположение:

– Наверное, спектаклям по таким пьесам нужен подготовленный зритель.

Кто-то ещё и поддакнул:

– Конечно.

И вот в этот момент мне впервые за всё время наших читок-эскизов-обсуждений очень захотелось высказаться. Прямо зачесалось.

– Можно про подготовленного зрителя? – скромно попросился я.

– Пожалуйста, – дал мне слово Савелий.

И моё слово вылилось в следующий монолог.

– Прежде всего хочу сказать, что сегодня премьера, на которую, как правило, случайные люди не приходят. На премьеру идут целенаправленно, и именно те зрители, которые любят, ценят и понимают искусство театра. То есть вы. А теперь, внимание, вопрос: кто может быть более подготовлен к просмотру театрального спектакля, чем премьерный зритель?.. Отвечаю: никто. Вот вы, именно вы, те, кто пришли к нам сегодня и сейчас, вы – главный критерий любой театральной постановки. Потому что вы самый подготовленный зритель. Подготовленнее вас уже не может быть никого. И если вам спектакль не понравился или, как вы вежливо говорите, вы его не поняли, быть может, здесь проблема не в вас, а в нас? Может, это мы сделали что-то не то? И может, режиссёрам стоит задуматься над тем, какие пьесы они выбирают?.. Обратите внимание: большинство зрителей не осталось на обсуждение. Это показатель. Театральный спектакль идёт не менее двух часов, и зрители рассчитывают своё время исходя из этого. Наш спектакль шёл час двадцать. Как бы люди ни спешили домой, сорок минут у них в любом случае в запасе. Но они ушли, и можно предположить, что спектакль им не понравился. Они высказали так своё отношение. Вот…

Когда несёт, очень трудно остановиться, и я продолжал:

– И ещё… Думаю, вы не раз слышали такую фразу: «Это спектакль не для всех, это спектакль для элитного зрителя. Только элитный зритель поймёт и примет такой спектакль». Если позволите, ещё два слова про элитного зрителя… Вы встречали людей, которые любят рыбу с душком? В смысле – копчёную рыбу с лёгким пикантным запахом? Лично я знаю таких, кто обожает рыбу с душком. Вот я такую рыбу есть не могу, думаю, что большинство из вас – тоже. Можно ли сказать, что у любителей душка изысканный вкус? Вряд ли. Просто они любят тухлую рыбу, и всё. Так вот, специфические пьесы, вернее, спектакли по таким пьесам смотрит не элитный зритель, а тот зритель, кому нравится творческий душок. Есть такие пьесы, есть такие спектакли, и есть такие зрители. Именно этот вкус и спрятан за словом «элитный»… Савелий Аркадьевич, – обратился я к нахмурившемуся режиссёру, – если вы приглашаете актёров для разговора со зрителями, то будьте готовы и к нашему мнению. И оно не всегда будет совпадать с вашим, но… мы тоже творческие люди и имеем на него право. Тем более что вы сами предложили разговор откровенный…

Савелий обиделся.

И правильно. В моём возрасте нужно быть умнее и понимать, что не всегда нужно честно высказываться, особенно когда тебе это настойчиво предлагают.

Очень недолго держался спектакль Савелия в нашем репертуаре.

Как-то в зале я заметил зрительницу с букетом цветов. Для чего приходят в театр с цветами?

Думаю, что понятно. Так вот, после просмотра нашего спектакля эта зрительница ушла со своим букетом. Документальный факт.

С другой стороны, было бы несправедливо не сказать и того, что по окончании этого же спектакля, этим же вечером две женщины вели из зала расчувствовавшуюся зрительницу – старенькую бабушку. У неё были мокрые глаза. Она никак не могла успокоиться.

– Какая глубина!.. Какая глубина!.. – повторяла бабушка.

Тоже документ.

И только после того, как Савелий уехал, я наконец понял, кого он мне напоминал. В своём воображении я вдруг увидел его в роли Константина Треплева из знаменитой «Чайки» Чехова и почти явственно услышал произнесённые его голосом фразы, знакомые уже не одному поколению театралов: «Ваш театр устарел», «Нужны новые формы».

6. ЛАБОРАТОРИЯ

Яков Яковлевич Грехов, добрый гений современной пьесы, выбрал наш театр в качестве площадки для проведения «Лаборатории неодрамы».

Не знаю, у кого как, но в моём представлении слово «лаборатория» ассоциируется с пробирками, белыми халатами, сосредоточенными лицами и стерильностью. Что же такое лаборатория театральная, никто из нас толком не знал. Нам предстояло теперь оценить это явление на ощупь. Сразу скажу, что чего-то большого и чистого мы не ждали, потому что та памятная встреча с Греховым и Бодрецким всё расставила по своим местам. Понятен был курс, приветствуемый и проводимый этими господами. Грехов являлся в нашем понимании командиром этого курса, Бодрецкий – его комиссаром.

Говорили, что Грехов внедрял в театры главных режиссёров из своего дивизиона, а те уже двигали на местах соответствующую репертуарную политику. И матерщина в таких театрах становилась своего рода направлением – неодраматическим реализмом. Актёры оказывались фактически отрезанными от мира привычной культуры и становились заложниками нового художественного вероисповедания – адептами хорошо организованной и набирающей силу театральной секты. Кто-то ломался с хрустом, кто-то с удовольствием, но в целом поставленный в перевёрнутые условия театральный народ вынужден был приспосабливаться к новой системе ценностей и, как следствие этого, перерождаться. Да-да, перерождаться. Ведь если человека целенаправленно отучать от здоровой пищи и кормить всякой дрянью с усилителями и заменителями вкуса, то сам вкус у человека в конце концов испортится. Пищу, полезную для здоровья, его природные рецепторы воспринимать уже не смогут. Всё натуральное будет казаться пресным, невкусным, и опять потянет на гаденькое. Необходимо время, чтобы организм такого человека восстановился и отвык от вредной (и даже губительной для него) пищи.

Теперь новая театральная кухня в полной мере добралась и до нас: пьесы, режиссёры, спектакли и шабаш новой драматургии – так называемая лаборатория.

Прежде чем двинуться дальше, хочется вспомнить такой случай.

Будучи по служебным делам в краевом центре соседнего региона, я встретился в Доме актёра с Мариной Новолоцкой, театральным деятелем, которую знал много лет. Она всегда была для меня образцом человека с художественным вкусом и принципами. Я хорошо помню, как лет десять назад она категорически не принимала чернушества нарождающихся новых драматургов.

Мы сидели тогда вдвоём в её кабинете Дома актёра и пили кофе. Делились проблемами, жаловались на то на сё и как-то незаметно коснулись темы сегодняшней драмы. Тут Марина оживилась, в её глазах заплясал огонёк, и она сказала, что должна мне прямо сейчас прочесть одну пьесу. Пьеса короткая, много времени не займёт, но я обязательно должен её послушать.

Я согласился. По тому, как загорелись у Марины глаза, я решил, что пьеса в самом деле замечательная.

Она нашла её в папке компьютера и начала читать вслух. Автором пьесы была совсем молодая девушка (не скажу – драматург). Героиня истории – подросток, выросший в детском доме, – рассказывала про свою жизнь и про поиски бросившей её когда-то матери. Героиня изъяснялась грубым языком, сквернословила, совершала поступки на уровне животных инстинктов и в целом создавала впечатление умственно отсталого подростка. У Марины во время чтения несколько раз срывался голос и накатывала слеза, особенно в моменты, где героиня обращалась к своей отсутствующей матери.

Закончив чтение, расчувствовавшаяся Марина внимательно посмотрела на меня влажными глазами, оценивая впечатление, произведённое пьесой. И опять у неё странно вспыхнули глаза и зарумянились щёки.

Нет, согласиться с ней я не смог. Обычное грязнушное сочинение. Правда жизни и языка?.. Я знал двух молодых людей, парня и девушку, учившихся в нашем колледже на актёрском отделении. Сергей учился на моём курсе (я ещё и преподаватель), Светлана – на курс ниже. Оба адекватные, умеющие думать и разговаривать, обладающие должным уровнем интеллекта, росли и воспитывались в детском доме. Они ну никак не походили на ту девочку-питекантропа, от лица которой был написан монолог. Тут одно из двух: либо автор писал о девочке, страдающей выраженным кретинизмом, либо у самого автора были нелады с душевным здоровьем. И потом… Правда жизни и правда искусства – это одно и то же?

Это я и сказал Марине. Она посмотрела на меня удивлённым и, как мне показалось, сочувствующим взглядом. Больше всего меня поразил тот неугасающий лихорадочный блеск в её глазах. Я не мог его объяснить. Тогда мне показалось, что Марина бессимптомно больна гриппом.

Этот случай я вспомнил теперь, на «Лаборатории неодрамы», где, как мне показалось, бессимптомно больны были мы все.

К нам съехались несколько групп из соседних театров – режиссёры, актёры.

Грехов раздал каждой группе по свежеиспечённой, ещё горячей пьесе начинающих и, по словам самого Грехова, очень перспективных авторов. Задача состояла в том, чтобы в течение трёх дней разобрать отношения персонажей, развести актёров по ключевым мизансценам и результатом представить эскиз будущего спектакля.

Представители каждого театра получили свой текст, а нам, как самой многочисленной команде и хозяевам базы «Лаборатории...», досталось три пьесы. За первую взялся сам Першин, вторую готовила девчонка, она же автор этой пьесы, а третью (в которую попал я) – режиссёр, прибывший с командой господина Грехова.

Не теряя времени, режиссёры развели нас по кабинетам.

О пьесе, над которой предстояло работать и мне, я не скажу ничего. Просто потому, что сказать нечего.

Как и в предыдущих случаях, при контакте с такой драматургией, таким русским языком и таким уровнем авторской культуры я рассчитывал держаться своей чистоплюйской позиции, но сейчас – увы! – не получилось.

– Стоп! – скомандовал режиссёр, когда я в третий раз пропустил в тексте то, что воспитанные люди не произносят в обществе вслух.

После первого моего текстового пробела режиссёр пронзительно посмотрел на меня, после второго посмотрел ещё пронзительнее и, наконец, не выдержал.

– Почему читаете не весь авторский текст? – обратился он ко мне.

Товарищи притихли, понимая, что на сей раз я попался.

– Я не могу этого произносить, извините… Если за это надо извиняться.

– Извиняться не надо, надо читать весь текст.

Режиссёр, сорокалетний блондин, сурово смотрел на меня. У него были светлые холодные глаза. Глядя в них, мне стало ясно, что понимания со стороны этого человека я не найду.

– Почему вы не можете произносить текст автора? В чём причина? – наступал он на меня.

– Ну, я думаю, это понятно и так, – пытался защищаться я.

– Мне непонятно. Объясните.

Я постарался скрыть волнение, хотя на самом деле очень волновался. Ведь мне публично предстояло либо белую пирамидку назвать чёрной, либо дать объяснения, на каком это основании белую пирамидку я смею называть белой.

Я вновь поднял взгляд на режиссёра. Его глаза, жёстко смотревшие на меня, поразительно напомнили мне глаза Марины Новолоцкой при той нашей встрече. В этих глазах горел такой же странный огонёк.

– Так в чём дело? – повторил режиссёр свой вопрос.

Мне ничего не оставалось, как принять бой.

– Вообще-то меня воспитывали. В семье. В школе. В институте. Учили быть культурным человеком.

– Меня тоже этому учили. И что?

– И вас тоже?.. Тогда почему вы позволяете актёрам публично произносить эту ересь? И не только позволяете, но и заставляете это делать. Здесь женщины находятся, девушки. Мало того что им приходится выслушивать, так ещё и самим… Раньше за это в тюрьму сажали, а теперь лаборатории устраивают.

– Раньше мы на деревьях жили, давайте ещё вспомним и то время.

– Давайте. Потому что с такой культурой до этого нам уже совсем недалеко.

И режиссёр, и я взяли паузу для следующего раунда.

Коллеги почтительно молчали, ожидая исхода поединка. Первым отдышался режиссёр.

– Давайте не будем мешать в кучу жизнь и искусство, это разные вещи. Чему учили тут и чему учили там – это не одно и то же. В искусстве есть мера допустимости. То, что мы делаем в жизни, необязательно к исполнению в искусстве, и наоборот.

– Странно, – удивился я. – Матерщинники от драматургии козыряют именно тем, что всё жизненное приемлемо в театре. Это и есть оправдание мата в их сочинительстве.

– Мат в драматургии – это речевая характеристика персонажей.

– Мат – это аргумент либо труса, либо бездарности.

– Это ваше личное мнение.

– Вы верующий человек?

– Это имеет значение?

– Имеет. Ребёнка крестили?.. Крестили?

– Ну крестил. И что дальше? – Он всё так же не спускал с меня жёсткого немигающего взгляда.

– А вы знаете, что с точки зрения православия сквернословие – это заклинание на призвание сатаны. Мат – это молитва сатане. Это говорил православный священник.

– Я бы ещё в бабушкины сказки верил. Мы здесь делом занимаемся, а не в страшилки играем. Если вы с нами – давайте работать.

– Работать я согласен.

– Прекрасно. Тогда читайте всё.

– Нет. Опускаться до уровня такого автора я не хочу.

– Вы считаете – опускаться?

– Не считаю. Это так и есть.

Режиссёр помолчал, принимая решение. Я послушно ожидал приговора.

– Знаете… Признаюсь честно, я немного знаком с процессом написания пьес, – наконец заговорил режиссёр. – И знаю, как порой мучительно рождается каждая фраза, как тщательно работается над каждым словом. И произвольно менять авторский текст я как режиссёр не могу вам позволить. Либо вы с должным уважением относитесь к авторскому слову, либо я вынужден буду просить Сергея Александровича заменить артиста. Решайте.

Идти на попятную стыдно. Я развёл руками:

– Нет. *Это* я читать не смогу.

– В таком случае я вас больше не задерживаю.

Я вынужден был встать и уйти.

Через час на мою роль назначили другого артиста, который с должным уважением отнёсся к авторскому слову.

Через три дня, как и предполагалось, состоялся показ результатов.

Я непременно приходил на каждый, но не из интереса, а потому, что уже планировал писать эту повесть и собирал материал.

Впечатлений «Лаборатория неодрамы» оставила предостаточно. Стало известно, что кем-то (а я подозреваю, что именно самим Страшным Человеком) было дано устное распоряжение режиссёрам-постановщикам хулиганить (то есть читать всю матерщину) по полной программе. Оправдывалось это тем, что «Лаборатория...» – внутритеатральная тусовка и здесь все свои. Зритель приглашается на такие мероприятия в качестве экспериментального кролика – чикнуть скальпелем по живому и посмотреть на реакцию.

Просмотры показов проходили всё там же, на сцене – зрители и актёры нос к носу. Зрительный зал как таковой уже был основательно забыт. Кресла в зале, не используемые по назначению, начали покрываться паутиной.

Закрытый показ, конечно, закрытым показом, но на зрительских местах сидело, помимо театральных работников, ещё и немало незнакомых (в том числе молодых) лиц.

Все пьесы, представленные на этих эскизах, оказались похожи в главном: одна грязнее другой.

Актёры безбожно матерились на сцене, честно отдавая дань мучительно выстраданному авторскому слову.

Нетворческие люди нашего театра, то есть службы и цеха, включая сантехников, пожарных и уборщиц, после каждого такого просмотра надолго впадали в состояние шока, поражённые языковой правдой жизни, услышанной со сцены.

– Какая стыдоба! – возмущалась вахтёру одна из уборщиц. – Неужели артисты не могут отказаться говорить это?! Да как у них язык не отсохнет?! И ведь не боятся!

Творческая же половина театра уже не видела в публичной матерщине в принципе ничего

предосудительного. Допускаю, что кто-то из наших, выживая, прятался и поэтому делал вид, что не видел.

Я чувствовал себя на этом эгегей-параде, как на раскалённой сковородке, потому что здесь грешниками являлись не те, кто совершал публичное непотребство, а те, кто в силу ещё недобитого духовного иммунитета не могли это непотребство принимать.

Очень, очень тяжело жить, господа, в перевёрнутом обществе. Ну как же тут не поддаться искушению и не облегчить своё существование? Как не согрешить, наконец, согласившись, что все пирамидки чёрные?!

Должен сказать, что сегодня, когда пишутся эти строки, то есть в воскресенье, тридцать первого марта две тысячи тринадцатого года, ведущая итоговой программы новостей прокомментировала принятый Государственной Думой и ожидающий подписи президента закон. Документ, запрещающий мат в средствах массовой информации. Телеведущая не скрывала своего иронического отношения к принимаемому закону. Подборка мнений в телерепортаже от рядовых граждан на улице до писателя-матерщинника (как он сам себя позиционировал) в его заграничном особняке носила выраженный тенденциозный характер. Ни один из респондентов не высказался в пользу принимаемого закона. Интервьюируемые (очень точное слово) как один недоумевали по поводу ущемления прав естественной части русского языка. А вот для людей с другим мнением не нашлось места в сюжете. И это – «Первый канал»! И это – информационное лицо государства!

Насколько всё же глубоко проникли метастазы нравственной мутации в ткани организма нашего государства! И как вообще могло морально здоровое большинство нашего общества незаметно задвинуться на позиции, занимаемые раньше маргинальными меньшинствами? И как извращённые в своих вкусах меньшинства стали занимать в культуре, в том числе и культуре языка, лидирующие позиции, вербуя в свои ряды всё больше и больше легионеров? Как?!

Знакомый всем эксперимент.

Внесём ложку дёгтя в бочку мёда. Тщательно перемешаем ингредиенты. Количество составляющих – неравное, и по логике вещей меньшинство должно бесследно затеряться в большинстве. То есть дёготь должен принять вкус и благородство мёда. Снимаем пробу… Ну, результат известен.

Может быть, так же и во всём прочем?

Назвали свободой то, что на самом деле является только свободой другого вкуса, а в результате, извините, вонючим оказался весь мёд! А если вокруг такой бочки поставить десять испытуемых, девять из которых в сговоре с психологом? А если они будут утверждать, что у испорченного мёда оригинальный и даже изысканный аромат?.. Что скажет десятый?

7. МАЙ. ШКОЛА. МАТЕРЩИНА. ПУШКИН

«Лаборатория неодрамы», шокировав службы нашего театра, завершила свою работу. Страшный Человек в заключительном слове поблагодарил всех за труд, за результат, сказал, что все достойно справились с творческим заданием, и – до встречи на следующей «Лаборатории...».

Режиссёры и актёры с сознанием выполненного долга разъехались по домам.

Администраторы хватались за головы:

– Если здесь ставить такие пьесы, то мы отучим от театра последнего зрителя!..

– Дебилы, которые говорят таким языком, в театр не ходят. Кому будут интересны истории из жизни дебилов и их дебильные разговоры?..

– Кошмар!.. Кошмар!..

Кто-то услышал реплику из разговора пожарного с вахтёром. Пожарный говорил, что после таких лабораторий весь театр нужно дезинфицировать и приглашать батюшку на отчитку сцены. Но батюшку не пригласили и театр не обеззаразили, ограничившись обычной влажной уборкой.

Спустя несколько дней по окончании «Лаборатории...» произошёл показательный случай. Описываю его со слов случайных свидетелей и тех, кому случайные свидетели всё это в подробностях рассказали…

Солнечным майским утром в помещение театра со служебного крыльца вошла немолодая строгая и подтянутая женщина.

– Мне к директору, – сказала она.

– У вас назначена встреча? – поинтересовался вахтёр.

– Нет.

– По какому вопросу?

– По важному.

– По лестнице на второй этаж, направо – дверь приёмной.

Женщина уверенно двинулась в указанном направлении.

Секретарь доложил Светлане Сергеевне о посетительнице. Директор пригласил гостью в кабинет.

– Меня зовут Антонина Дмитриевна, – представилась вошедшая.

Директор предложил стул. Посетительница, не поблагодарив, присела. Помолчала. Посмотрела в глаза Светлане Сергеевне.

– Слушаю вас, – слегка озадачился директор.

Утро выдалось тёплое, окна и двери кабинета были открыты.

– Я вот по какому вопросу, – официальным тоном заговорила Антонина Дмитриевна, чем ещё больше озадачила Светлану Сергеевну. – Значит, так… Я учитель русского языка и литературы. Вчера на уроке ученик девятого класса при мне, ничего не стесняясь, выругался матом.

– Какой ужас, – посочувствовала Светлана Сергеевна.

– Но дело даже не в этом, – продолжала учительница. – То есть дело именно в этом. И связано оно конкретно с вашим театром. Поэтому я и пришла к вам.

– Каким образом это связано с нами? – не понял директор.

– Когда я отчитала этого хама… своего ученика, он знаете что мне ответил? Он сказал, что если матерятся актёры в спектаклях прямо со сцены, то, значит, это можно делать везде, в том числе и в школе!

Она помолчала, сурово глядя на смутившуюся Светлану Сергеевну.

– У вас что, действительно матерятся на сцене?

Директор взял паузу перед деликатным объяснением.

– Видите ли… На нашей сценической площадке недавно закончила свою работу драматургическая лаборатория. И там… актёры читали новые пьесы…

– И что, там были маты?

– Ну… там были… Как сказать?.. Всякие слова…

– И маты?!

– Вероятно. Но это был закрытый показ.

– Какой же это был закрытый показ, – возмутилась учительница, – если на нём присутствовал мой ученик с товарищем!

– Мы не пускали несовершеннолетних.

– Но у него здесь тётка работает. Я не знаю кем.

– А-а, ну вот видите. Это тётка. Зачем она его привела?

– Безобразие. Учреждение культуры! Чему вы учите людей, подростков прежде всего?

– Но у нас до восемнадцати… – попытался оправдаться директор.

– А после восемнадцати матерщину со сцены, значит, слушать можно? – перебила учительница. – Убийственная логика.

– Предполагается, что после восемнадцати – это уже взрослый, умный человек, который сам сможет отличить…

– Если вы сами здесь, в театре, своей головой не можете отличить, что можно, а чего нельзя говорить со сцены, то что требовать от восемнадцатилетнего ребёнка?! – выпалила раздражённая Антонина Дмитриевна.

– Ну знаете… – растерялся директор. – Давайте без эмоций.

– А давайте на матах поговорим, – предложила учительница. – Раз на сцене можно, то в жизни тем более. Давайте вы – мне, я – вам. Начинайте.

– Не надо! – категорично заявила Светлана Сергеевна. – Здесь вам не сцена!

Женщины недолго помолчали.

– Что вы делаете? – покачала головой расстроенная учительница. – Театр!.. Что же вы делаете? Я как ученику буду объяснять теперь, что нельзя сквернословить?

– Хорошо, – сказала Светлана Сергеевна. – А теперь я с вами поговорю не как директор театра, а как мать, рядовой зритель и просто человек… Во-первых, я хочу вам сказать спасибо за то, что вы пришли. Многим не нравится то, что происходит с нашим театром, но никто не возмущается, все молчат. Во-вторых, должна признаться, что я целиком на вашей стороне и полностью вас поддерживаю. Я сама против этого безобразия. Безобразие, конечно, это ещё мягко сказано. Но что мне делать? Все вопросы творческой политики решает главный режиссёр. Он даёт направление. Так вот, в-третьих, вам правильнее было бы обратиться к нему. И я прошу вас это сделать. Поговорите с ним. Быть может, он прислушается к голосу народа, если к голосу своих коллег прислушиваться не хочет. У меня уже не хватает сил. С ним говоришь как со стенкой. Не хочет ни слышать, ни понимать. Я с детства люблю театр, для меня сцена всегда была чем-то святым, и как мне больно сейчас от того, что здесь происходит… И ещё больнее, что я

пока ничего не могу сделать. Я на должности второй год, молодой руководитель, он опытнее меня и пользуется этим. Я, конечно, остановлю это безумие, которое он насаждает здесь, но сначала нужно набраться опыта. И сил. А то, что вы пришли, отлично!.. Поговорите с ним. Убедите его. Пожалуйста. Прошу вас.

– А где он?

– Поднимитесь на третий этаж, кабинет надо мной. Ещё нет одиннадцати, он должен быть у себя.

– Нет. Пригласите его сюда. Я хочу, чтобы в вашем присутствии.

– Хорошо. Так даже будет лучше, – согласилась Светлана Сергеевна и окликнула секретаря в приёмной: – Леночка! Пригласи, пожалуйста, Сергея Александровича.

Леночка оперативно привела в кабинет главного режиссёра.

– Только недолго, – предупредил вошедший Першин. – У меня через десять минут репетиция.

– Сергей Александрович, у нас тут возник вопрос, – обратился к нему директор. – Или проблема, не знаю, как сказать. Вот. Педагог из школы. Антонина Дмитриевна. Просит объяснений.

– По поводу?..

Учительница повторила претензию главному режиссёру.

– И что? – не понял тот.

– Как что? Вы чему детей учите?

– Ничему не учим. Дети это прекрасно слышали и до нас. Театр – зеркало жизни. И только.

Уверенное спокойствие, исходившее и от личности главного режиссёра, и от его слов, несколько обескуражило Антонину Дмитриевну. Ведь чья-то непоколебимая убеждённость, особенно в вопросах, противоречащих здравому смыслу, поначалу всегда выбивает нас из седла. Потом, конечно, мы собираемся с силами, но в первую минуту такого разговора, глядя в уверенные глаза оппонента, взять себя в руки, согласитесь, не так-то просто.

– Позвольте… Искусство в нашей культуре всегда было предметом для подражания.

– А я вам говорю, что искусство – это правда жизни. Подражайте, если хотите.

– Нет, извините, – не согласилась учительница. – Искусство – это когда хочется стать лучше, а не хуже; когда хочется обнять ближнего, а не дать ему в морду; когда хочется жить, а не плеваться!

– Вы собираетесь читать мне лекцию о современном искусстве? – всё так же спокойно спросил Першин.

Антонина Дмитриевна даже покраснела от распирающего её волнения.

– Вы на вид такой интеллигентный человек. Зачем же вы ставите ужасные пьесы? Ведь они развращают…

– Простите, вы преподаватель чего? – перебил Першин. – Предмет какой?

– Русский, литература.

– Отлично. А вы знаете, что Александр наш Сергеевич, в смысле Пушкин, тоже хулиганил в своём творчестве? И вам, учителю литературы, этого ли не знать?

Антонина Дмитриевна слегка опешила, получив в оппоненты великого русского поэта, но выдержала удар и нашлась:

– Я понимаю, о чём вы говорите. Однако какие произведения сделали Пушкина Пушкиным?

– Но из песни слова не выкинешь.

– Скажите… Если бы не было «Евгения Онегина», «Руслана и Людмилы», его гениальных сказок, стихов и поэм, Пушкин оставался бы Пушкиным? Конечно нет. А если бы не существовало той части его творчества, на которую вы намекаете, что потеряло бы имя Пушкина? Абсолютно ничего. Так благодаря каким стихам Пушкин прославился как солнечный гений? Тем, которые знают и любят все? Или тем, которыми прикрывается та часть людей от искусства, которая за великим именем хочет спрятать свою испорченность?

– Очень трудно говорить с человеком, – вздохнул Першин, – который не понимает сути предмета, о котором он говорит.

– Объясните. Я не самый глупый человек, я педагог. Может, пойму.

– Только две минуты, – поставил условие Сергей Александрович, взглянув на часы. – Понимаете… Театр, как и общество в целом, не стоит на месте, он движется вперёд, развивается. Прежняя форма театра с его масштабностью и дидактикой устарела. Я не говорю, что она устарела вообще, всё развивается по спирали, вы же понимаете, но она устарела на сегодняшний день. И вот на её место пришёл другой театр – молодой, дерзкий, ищущий… Да – с перчинкой, да – неудобный. Этот театр показывает нам реальную жизнь, её анатомию, если хотите, без заигрывания, без ретуши, без сладенького. И за одно это мы должны быть ему благодарны…

Взволнованная учительница не дала договорить главному режиссёру.

– Значит, – жестом остановила она его, – реальную жизнь как она есть? И в этом, по вашему мнению, состоит задача театра?.. В таком случае я могу сесть на лавочку в скверике у фонтана, послушать сквернословящую, пьющую пиво молодёжь, полюбоваться, как они мочатся под берёзку, потом подойти к ним, поблагодарить за правду жизни и уйти домой художественно удовлетворённой!.. Вот только для чего тогда нужен театр, если такую правду я могу бесплатно увидеть на каждом шагу? Для чего тогда нужны вы?.. За что вы получаете зарплату? За обезьянничанье подзаборного языка и подзаборных отношений?! Да я лучше посмотрю и послушаю в оригинале!.. Закрывайтесь и прекращайте даром есть государственный хлеб!

Педагог разволновался так, что не мог больше говорить. Не попрощавшись, женщина вышла из кабинета и возмущённо застучала каблуками вниз по лестнице.

– Ночь, улица, фонарь, аптека, – усмехнулся Першин. – Ох уж эти учителя!

Светлана Сергеевна даже покраснела, так ей хотелось ответить Сергею Александровичу, но она сдержалась и промолчала.

8. ЧЕЛОВЕК С МИРОВОЗЗРЕНИЕМ

До середины июня, пока театр не ушёл в отпуск, в кулуарах продолжалось обсуждение того, что происходило здесь в рамках «Лаборатории неодрамы». Очевидно, что молодые российские драматурги всё же заставили говорить о себе. Неважно, в каком контексте, но ведь заставили!

Першин не обращал внимания на брюзжание недовольных, хотя бы потому, что недовольные в театре всегда были, есть и будут. Сергей Александрович, не останавливаясь, не огрызаясь и не оглядываясь, твёрдо держался выбранного пути...

В начале нового сезона с журналом «Современная драматургия» под мышкой ходил по театру хмурый Артур Артурович Грецкис.

– Ищу что-нибудь для постановки, – отвечал он интересовавшимся его дурным настроением.

Но оказалось, что «что-нибудь для постановки» уже нашёл для него главный режиссёр, а Грецкис просто вынашивал смирение, с которым должен был встретить приказ о начале работы над этой пьесой.

– Он навязывает её, – пожаловался мне Артур Артурович в гримёрке, где мы с ним разговорились. – Он хочет, чтобы я её ставил. Пьеса, конечно… – Он покачал головой. – Мат на мате. Даже не поверишь, что писала женщина. Молодая. Если бабы такое пишут, что спрашивать с мужиков?.. Не лежит у меня душа, но… уговаривает. Я подчинённое лицо. Что я могу? Сам ничего не нашёл, покопался в пьесах – один глинозём. Придётся брать эту. Нравится не нравится – терпи, моя красавица! – Он подмигнул мне. – Так что готовься.

Я понял и приготовился.

Когда распределение ролей дали приказом и я попал в работу, Грецкис принёс мне почитать эту пьесу. Несмотря на то что за год знакомства с подобной драматургией у меня начал вырабатываться к ней хоть слабый, но иммунитет, всё же, читая, я опять потратил огромное количество нервных клеток.

В таких случаях, конечно, необходимо следить исключительно за драматургией материала, не обращая внимания на матерщину, потому что из текста, где есть хотя бы начатки драматургии, похабщину можно вымарать без следа. Нельзя похабщину вымарать из текстов, где драматургии нет совсем – тогда там не останется вообще ничего замечательного. Иными словами, профессионал должен уметь отличать зёрна от плевел. К сожалению, я устроен не так: наткнувшись на первый же плевел, в нахлынувшем раздражении я уже не вижу зёрен.

Итак, читая, я дёргался, трепал себе нервы, ненавидел всех и вся, как вдруг к концу пьесы меня неожиданно отпустило. Словно сжатая пружина, державшая меня в напряжении последний год, сразу ослабла и потеряла свою давящую силу. Это случилось легко и само собой. Всего от одной-единственной мысли, пришедшей мне в голову.

Дочитывая эту пьесу, я вдруг представил себе всех её персонажей… с рожками! Да, с маленькими рожками на головах. И вот эти рожки в мгновение ока всё расставили по своим местам. Я сразу же понял, кто эти герои, где всё это происходит и почему. Стала объяснима вся дичь их существования, взаимоотношений и фантастическая убогость языка. Меня осенило этой мыслью так, будто я открыл новый, доселе неизвестный закон.

Потом я сделал в этой логике следующий шаг, вспомнив персонажей всех пьес сегодняш-

ней драмы, поставленных и отчитанных в нашем театре за последний год. И так же представил всех этих действующих лиц с рожками. И вновь пазлы сложились в нужную картинку, и я легко и сразу смирился с тем, с чем ранее мириться не хотел, ведь в таком мире иначе и быть не может. Вот это, господа, логично!

На следующий день Грецкис опять нашёл меня в гримёрке. Я отдал ему текст. Он спросил моё мнение. Я колебался между ответом честным и политкорректным. Высказался честно. Артур Артурович задумался.

– А меня она зацепила, – признался он. – Вот не цепляла, не цепляла, а тут… царапнуло. Может, ты чего-то недопонял?

– Может быть, – согласился я.

Надо сказать, что Артур Артурович в жизни (и особенно в творчестве) представлял из себя человека вулканических эмоций. На репетициях в запале он не стеснялся выражаться и нехудожественно, и сильно. Так что в быту Артура Артуровича ненорматив как таковой не пугал. Другое дело – хулиганство в тексте.

– Вот в тексте хулиганство – это, конечно, лишнее, – сказал он. – Но… внимательно покопавшись в этой пьесе, я решил (хотя в принципе тоже не приветствую сценический мат)… я решил, что здесь в парочке моментов матюги просто необходимы!

И Артур Артурович прочитал мне вслух один из таких эпизодов.

– Ну как здесь без мата?! – сокрушался он, обращаясь то ли ко мне, то ли к стыдливой Мельпомене. – Как?!

Препираться на эту тему не имело смысла, и я промолчал.

Вечером состоялась первая репетиция.

Ну, прочитали.

Кто-то из актёров поахал, кто-то поохал, кто-то закатил глаза и обратился к звёздам с вопросом, когда всё это уже закончится?

Взялись за работу.

Кто не хотел, тот, конечно, матерщину в тексте не читал, но кто хотел, тот читал смело и даже получал от этого некоторое эстетическое удовольствие. Артур Артурович дипломатично молчал.

Дело в том, что Артур Артурович был убеждён: в театре должен быть только один человек с принципами и мировоззрением – это режиссёр. Артист же, вынужденный профессией подстраиваться под всякого режиссёра и принимать его мировоззрение, по своей природе обязан быть беспринципным. Что ему скажут снять – то и сними, что попросят сказать – то и скажи, как скажут встать – так и встань. Беспринципный актёр – норма, принципиальный – проблема. Если у актёра есть своё видение, то оно, за редчайшим исключением, будет вступать в конфликт с видением режиссёра спектакля. В этом случае артист должен или сломать себя, или… или он просто не сможет заниматься профессией, не сможет хорошо делать своё дело. Спектакль создаёт прежде всего режиссёр. Спектакль удачный, неудачный – неважно, но создаёт его именно режиссёр! Он придумывает сам механизм, все остальные, будучи составляющими этого механизма, ему только помогают. Поэтому, господа артисты, давайте не будем!.. Или будем! Если режиссёр посчитает, что это нужно для спектакля.

В случае с ненормативом конкретно нашей пьесы Грецкис предоставил актёрам свободу совести – никого не заставляя, никому не запрещал.

Надежда Павловна Лапихина, уважаемый человек и заслуженная артистка, играющая бабушку главной героини, с трудом выносила озвучиваемые коллегами авторские вольности. В дни её молодости такая словесная смелость была немыслимой; её невозможно было представить без последующего трудового перевоспитания автора пьесы где-то на северах и сильной головной боли для директора театра, главного режиссёра, режиссёра-постановщика и актёров, *это* произносивших. Конечно, Надежда Павловна вне сцены и сама могла ругнуться, но к такому… к такому она просто не была готова. Я видел, как её брезгливо передёргивает, коробит и как при этом провокационно улыбается Артур Артурович, тоже решивший немножечко похулиганить. Дурной пример заразителен, а творческие люди ох как подвержены всяческой заразе!

К слову, Артур Артурович – по-настоящему театральный человек – уважал сцену. Он никогда не позволял себе выйти на репетицию не в сменной обуви, даже в репетиционных комнатушках непременно переобувался. Нечего говорить, что так же строго Артур Артурович следил и за актёрами, не выпуская нас на репетицию без сменки. Это был принцип, и принцип этот самим Грецкисом неукоснительно соблюдался.

– Не сметь выходить на сцену в грязной обуви! – говорил Артур Артурович.

Творчество очень индивидуально, у каждого режиссёра выработана за годы служения сцене своя манера работы. Например, у Грецкиса репетиционный процесс делился на две неравные части. Выглядело это примерно так. Период разбора пьесы за столом и последующая черновая разводка актёров по мизансценам проходили спокойно и уравновешенно: Артур Артурович улыбался, шутил, рассказывал истории из своей жизни и жизни своих знакомых. Иногда вынужден был прощать опаздывающих актёров, иногда опаздывал сам. В такой обстановке артисты, по своей природе нуждающиеся, как овцы, в пастухе, немножечко расслаблялись.

Но тогда уже напрягался Грецкис. Помощник режиссёра, наша милая, обаятельная Рената Рифатовна, докладывая Артуру Артуровичу, что сегодня на репетицию такой-то актёр проспал, такой-то перепутал расписание, а у такой-то актрисы заболел ребёнок, принимала на себя первый удар его режиссёрского гнева. Рената Рифатовна не виновата в срыве репетиции, но рассерженному Артуру Артуровичу нужно выпустить пар. Понимая, что господа актёры «совсем оборзели», Грецкис принимался закручивать гайки: делал артистам внушение, призывал к дисциплине, ругался, распалял сам себя и в заключение каждый раз спрашивал: «Какого (мат) мы пришли в театр, если (мат) не желаем работать?» По его мнению, «лучше вообще (мат) не делать, чем делать всё так (мат)!» Потом добавлял, что «если нам всё (мат), то лучше сразу идти на рынок торговать яблоками!»

Но так как в жизни Артура Артуровича мы знали человеком добрым и отходчивым, то его рыка, угроз и матов никто не боялся. И только Рената Рифатовна терпеливо выслушивала и виновато вздыхала.

На этом заканчивалась первая часть репетиционного процесса Грецкиса и начиналась вторая, примерно за три недели до премьеры. Начиналась резко и без предисловий. Артур Артурович вдруг просил выдать результат.

С этой минуты Грецкис мобилизовался, брался за себя и за нас.

Теперь он придирался к каждому слову, произнесённому актёром на сцене. Говорил, что он как зритель не понимает смысла такого-то слова, его задачи, не понимает вообще ничего из того, что делают артисты, и что артисты по большому счёту вообще ничего не делают. Он требовал от нас правды жизни каждой фразы, каждого движения, каждого взгляда. Запуганные высокими художественными требованиями, мы начинали стараться, а когда артист старается, то получается ещё хуже: актёрское старание напрочь разрушает иллюзию правды на сцене. Грецкис совсем выходил из себя, кричал, просил, требовал, актёры ещё больше пыжились и, как следствие этого, безбожно наигрывали. Тогда раздражённый Артур Артурович вынужден был показывать нам, как надо играть.

Показывал он всегда одинаково. Все герои пьесы в его исполнении казались законченными неврастениками. Грецкис их изображал крикливыми и истеричными. В процессе режиссёрского показа Артур Артурович заводился ещё больше, краснел от давления крови, размахивал руками и работал на пределе голосовых возможностей. Он так тратился в эти моменты, что казалось, его хватит удар. Конечно, пытаясь повторить за режиссёром, мы в любом случае смотрелись лишь бледной копией.

В особо эмоциональные моменты репетиций, а таковых с приближением к премьере становилось всё больше, Грецкис чаще и чаще прибегал к помощи ненормативной лексики. Она помогала ему более внятно доносить до актёров режиссёрскую мысль, более точно обрисовывать требуемые задачи, более образно оценивать сыгранную сцену и более глубоко выражать степень своего недовольства.

Артур Артурович крепко ругался и до периода работы с современной драмой. А уж теперь, когда актёры под намоленными старшими поколениями сводами грохотали матерщиной так, что пугались кулисы и вздрагивала люстра в зале, он уже не мог и не желал сдерживаться. Зачем? Если позволяет автор, почему бы не позволить и нам? Тем более что всё законно, официально и ответственность на авторе. Ещё с первой репетиции Грецкис обещал убрать ненорматив из текста, но пока подвижек в этом направлении не наблюдалось.

С каждым днём творческая атмосфера репетиций накалялась всё больше. Артур Артурович вынужден был чаще показывать нам, как правильно существовать на сцене, потому что, с его слов, мы не жили в предлагаемых обстоятельствах, а играли в них. Он цеплялся к нам, как репей, останавливал сцену после каждого слова, фразы, предложения, объяснял на криках, на матах, на цитатах из Библии, и даже его одобрение нашей игры (что случалось нечасто)

было таким же яростным и не всегда литературным.

За неделю до премьеры Артур Артурович начал хрипеть, что не мешало ему по-прежнему не жалеть ни себя, ни нас.

Мы тоже, взведённые, как курки, орали друг на друга, орали на режиссёра, когда режиссёр орал на нас, и орали на бедных реквизиторов, когда они в этом оре забывали положить нужный предмет на нужное место. И даже Надежда Павловна Лапихина, доведённая Артуром Артуровичем до белого каления, парочку раз позволила себе вслух выразиться вразрез своему комсомольскому воспитанию.

В такой экстремальной ситуации монтировщики (самый раскрепощённый словесно народ в театре), слушая откровенную сценическую речь, как-то тушевались и между собой разговаривали не в пример интеллигентней.

Настоящим же испытанием это стало для женщин костюмерного и реквизиторского цехов. Они всё время находились за кулисами. Рената Рифатовна вынуждена была обязать их неотлучно сидеть на передовой, ибо Артур Артурович крайне раздражался, когда чего-то нужного на репетиции не оказывалось и не с кого было это спросить. Девочки даже боялись выйти в туалет, потому что именно тогда, когда они на минуточку отлучались, обнаруживалась срочная необходимость в том или другом.

Как-то после своей сцены я подошёл к ним за кулисы, и мы тихонечко разговорились.

Костюмер Олеся, молодая девушка, возмущалась до глубины души.

– Зачем взяли такую пьесу? – недоумевала она. – На кого она рассчитана? На каких зрителей? Я бы заплатила деньги только за то, чтобы не смотреть такую пьесу.

Ольга Андреевна, реквизитор, миловидная женщина за пятьдесят, появилась в нашем театре недавно, около года назад.

– Знаете, – доверительно зашептала она мне, – я много лет работала на стройке. Там тоже выражались, конечно, я не буду скрывать, но мужчины при женщинах старались не произносить… Всё-таки уважали как-то… А здесь... Для меня дикость то, что здесь слышу. Никогда бы не подумала, что культурные люди так страшно матерятся. Ужас!

Тем временем репетиционный марафон вышел на финишную прямую. До премьеры оставалось четыре дня.

Несмотря на то что театр – профессиональное производство, в его работе то и дело случаются сбои: там недофинансировали, здесь не успели дошить, то не подписали, это не завезли. В нашем случае столярный цех не успевал с подготовкой декорации. Полностью её обещали выставить только в день премьеры (спасибо, что не к пятому спектаклю – на моей памяти есть и такой случай). Глядя на багровое лицо Артура Артуровича, надувшиеся сеточкой капилляров белки глаз и подрагивающие губы, слыша его срывающийся голос, мы всерьёз опасались за его здоровье. Нельзя так воспринимать рабочие проблемы, ну нельзя!

Рената Рифатовна (помощник режиссёра – несчастная профессия!) признавалась, что каждый день пьёт цитрамон, а каждый вечер – валерьянку.

Актёры считали, что Грецкис вампирит их, высасывает всю энергию на репетициях, но в действительности было не так. Такого энергетического донора, как Артур Артурович, стоило поискать. Он настолько выматывался, выкладывался, выкрикивался на репетициях, что если эту его выбрасываемую в пространство энергию генерировать в подстанцию, то электричеством можно было бы снабжать небольшой российский городок в течение суток.

Но надо признаться, что такая тактика давала и свой результат. Спектакли Грецкиса имели неизменный успех у зрителей. Он заставлял артистов пахать на сцене, и они вынуждены были пахать. В спектакли Артура Артуровича будто переходил его собственный нерв, они эмоционально воздействовали на публику и держали её внимание. К тому же у Артура Артуровича присутствовал драматургический вкус: он выбирал истории, которые трогали человеческую душу. В нашем городе у него был свой постоянный зритель, который приходил именно на спектакли Грецкиса.

Но очень, очень непросто, господа, даётся успех в творчестве, и каждый продирается по дороге к нему через свои тернии. И слава богу, уважаемая Анна Андреевна, что почитатели муз не знают, из какого сора рождаются не только стихи, но и хорошие театральные спектакли!

За три дня до премьеры в театре произошёл экстраординарный случай.

На утренней репетиции, в перерыве, когда на сцене и в зрительном зале никого не было, вдруг съехала с катушек люстра. Съехала в са-

мом прямом смысле. Что-то там произошло в механизме, и огромная люстра на металлическом тросе опустилась на кресла зрительного зала.

Когда мы вернулись с перерыва, то сначала не поняли, что произошло. Подумали, что рабочие намеренно опустили люстру для ремонта, но приглашённый инженер по зданию, увидев такую картину, пришёл в замешательство. Тяжёлую хрустальную люстру срочно подняли к потолку и тщательно закрепили. Но как хорошо, что это случилось не на спектакле!

Артур Артурович Грецкис оставшееся время утренней репетиции, а также всю вечернюю остерегался ходить под люстрой, стал задумчивым, вёл себя тихо и даже перестал выражаться.

К сдаче спектакля на коллектив наконец-то убрали всю матерщину, за исключением двух слов. По убеждению Артура Артуровича, в них была художественная необходимость. Совершенно нетронутым оставили и полуненорматив – о нём вопрос даже не стоял.

По окончании спектакля состоялось обсуждение на коллектив. В целом отзывы были хорошие. Как всегда в спектаклях Грецкиса, отметили убедительность актёрских работ. Предложили только убрать те самые два слова, потому что… ну потому что.

Грецкис же, когда высказались все желающие, сказал в свою очередь о праве режиссёра на художественную целостность спектакля; о том, что мы говорим такие слова в жизни, а значит, должны пустить их и на сцену; что если кто-то не согласен, то пусть напишет Артуру Артуровичу на бумажке те слова, которые нельзя произносить со сцены, ибо лично для него все слова равны; что он не понимает ханжества и что не надо идти на поводу! Потом он успокоился и сел.

Главный администратор Зоя Фёдоровна, первая принимающая на себя удар премьерных зрительских отзывов, после обсуждения подошла к Грецкису и настоятельно попросила его убрать из спектакля то, что убрать порекомендовали. Даже Першин, который и занёс в наш театр вместе с новой драматургией эту заразу, на сей раз, как благоразумный человек, взял сторону большинства.

Это был, пожалуй, тот самый случай, когда в творческой дерзости ученик Артур Артурович превзошёл учителя Сергея Александровича. (Сам Першин, как бы то ни было, в своих спектаклях на зрителя ещё ни разу не допускал сценический мат.)

Но Артур Артурович был принципиальным человеком и в жизни, и в творчестве.

Перед премьерой он подошёл к актёру, текст которого содержал «художественный ненорматив», хитро подмигнул ему и предложил:

– Давай скажем *это*. Под мою ответственность. Посмотрим, что получится. Давай!

Ах, Артур Артурович! Ай-ай-ай!..

Ну, артист по просьбе режиссёра дал.

Однако оказалось, что в зале кроме зрителей после восемнадцати присутствовали подростки и даже дети. По окончании спектакля к администраторам подошла бабушка с двенадцатилетней внучкой и что-то им сказала. Сразу же после этого главный администратор Зоя Фёдоровна, серьёзная волевая женщина, служившая ранее в милиции, завела размягчённого премьерой Артура Артуровича к себе в кабинет, прижала к стеночке и дала такого раздолбона, что Артур Артурович даже на следующий день, собрав нас за полтора часа до спектакля, имел растерянный и бледный вид. После вступительного молчания он сказал, что никогда не позволял бабам орать на себя, что это уже слишком и он хоть сейчас готов подать заявление. Потом добавил, что, как режиссёр спектакля, он убирает из текста нецензурные слова, ну и… ну и кое-что ещё.

Мне стало интересно, какие же убедительные доводы в беседе с Артуром Артуровичем нашёл главный администратор, если Артур Артурович после этого распорядился вымарать из спектакля даже полуненорматив, не видя в нём более художественной целесообразности.

Может быть, творческих людей и таким способом следует убеждать? То есть не только пряником? Сразу всё становится на свои места… Как думаете? А? Не утверждаю, просто советуюсь.

В любом случае спасибо, Зоя Фёдоровна!

9. МИССИОНЕРЫ И ЯЗЫЧНИКИ

Наш театр выбил грант на постановку пьесы «Любовь»!

Та самая «Любовь», чей эскиз мы делали немногим более года назад.

И – событие в моей биографии: уже более года, как я перестал радоваться получаемым в театре ролям. И гранту тоже не был рад. Не хотелось работать над этой пьесой ни тогда, ни

сейчас. Но никто не спрашивал ни нас, ни тех, кому предстояло сидеть в зале и всё это смотреть.

По окончании новогодних праздников Першин взялся за доработку этого уже порядком забытого эскиза.

Я не сомневался, что спектакль у Першина получится. Даже по такой пьесе. Вернее, тексту. Современная драма – это всё же не пьесы, это только тексты.

Пьеса – это произведение автора, написанное по законам драматургии, имеющее стройный сюжет, грамотную конструкцию, мысль, идею, авторскую позицию.

Текст же, как правило, это сочинение автора, мало смыслящего в законах драматургии, имеющее условный сюжет, труднодоступную мысль, в лучшем случае страдающее многотемьем (когда обо всём понемногу и в результате ни о чём), а также изобилующее ненормативной лексикой.

Режиссёры, работающие с текстами, в силу своего профессионализма ищут в них драматургию, то есть то, чего там нет, делают вид, что её находят и потом убеждают в этом актёров.

Сергей Александрович – грамотный профессионал, и никто не сомневался, что в тексте «Любовь» он найдёт все составляющие полноценной пьесы.

Так и случилось. На одной из первых же репетиций, разбирая с нами психологию персонажей, Першин сказал:

– Конечно, автор молодой и рановато ещё говорить о художественности его произведения… – Он помолчал и добавил: – Хотя и очень хочется.

Грядущий спектакль претендовал на уровень, так как в работу над ним были вовлечены столичные специалисты. Художника-постановщика пригласили из Петербурга, а педагога по сценической речи – из театрального вуза Москвы. Необходимость педагога по речи была не совсем понятна, но его пригласили, и он приехал.

Прежде всего педагог Роман Васильевич поздравил нас с замечательным материалом, в котором нам предстояло работать. Сказал, что видел спектакль по этой пьесе в Москве. Помолчал. Добавил, что от спектакля осталось сложное впечатление. Там героиня после признания любовника в совершённом им злодеянии (убийстве и расчленении тела жены) хватала противопожарный баллон и начинала распылять порошок вокруг себя. Это такое режиссёрское решение сцены, когда героиня образно пыталась погасить страсть в своей душе, разрываясь между любовью и долгом. И всё бы ничего, но на спектакле актриса не справилась с огнетушителем и направила струю в зрительный зал, побелив первые ряды. Произошёл скандал.

Слушая эту историю, я тут же вспомнил сюжет из телевизионных новостей о премьере знаменитого шекспировского «Гамлета» в одном из провинциальных театров, где главный герой насиловал Офелию на рояле. Эта режиссёрская находка возмутила зрителей своей пошлостью. Дело дошло до суда, где режиссёр спектакля заявил, что это – художественный образ, что это – мы, что мы такие на самом деле и что нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Обвиняющая сторона не смогла доказать факт художественного извращения, и суд вынес насилующему Гамлету оправдательный вердикт.

Сопоставив эти два случая, я впервые отчётливо понял, что в искусстве театра грань между творческим поиском и творческим идиотизмом очень условна. И самое главное, переход за эту грань недоказуем.

Роман Васильевич привёз с собой некий фильм, не художественный и не документальный, в котором, за исключением пары персонажей, заняты непрофессиональные актёры. Внятного сюжета в фильме нет. Вялотекущее действие происходит в глухой умирающей деревне, где живут одни старики.

На репетицию Роман Васильевич принёс свой ноутбук, и мы, заинтригованные, внимательно просмотрели необычное кино. Однако мой интерес вызвал не сам фильм (потому что фильма как такового не было: он весь состоял из диалогов старушек на свои старушечьи темы), а комментарии к нему Романа Васильевича.

Роман Васильевич восхищался способом существования в кадре жителей деревни: они словно не замечали кинокамеры. Как специалист по сценической речи, он просил обратить внимание на манеру говорить и вести диалог. Особый восторг Романа Васильевича вызывала естественность звучания мата из уст этих старушек, которым они время от времени сдабривали свои беседы.

Роман Васильевич подчеркнул, что так замечательно и легко материться, как эти бабушки в кадре, театральные актёры, к сожалению,

не умеют. Их мат часто звучит неестественно и тяжеловесно. К тому же некоторые артисты стыдливо стараются нивелировать ненорматив, даже если его и произносят. Они всё ещё считают, что это не совсем пристойно, отчего внутренне зажимаются. Из зала это заметно и мешает зрителю воспринимать мат как естественную и неотъемлемую часть нашего языка.

Москвич Роман Васильевич был убеждён, что в фильме показана настоящая русская деревня, в которой Русью пахнет, что это подлинная наша жизнь, жизнь российской глубинки, что это плоть от плоти русский характер, кровь от крови русская душа и мат от мата русский язык.

Я смотрел на этого умного, приятного, образованного, воспитанного человека – педагога! – и отчётливо видел, что он глубокомысленно рассуждает о том, о чём не имеет ни малейшего понятия. И как же такие люди в Москве ставят спектакли и снимают фильмы о народе, будучи совершенно оторванными от народа?! Какие морально-нравственные ориентиры они могут нам предложить, если сами плутают во мраке? В состоянии ли они, имеющие выход к массовой аудитории, помогать государству воспитывать здоровый дух своих сограждан, если, варясь в нездоровой среде, даже не представляют, что такое духовное здоровье в принципе? Творчество таких людей опасно тем, что оно заразно. Болезнь духа протекает внешне бессимптомно – просто однажды хорошо знакомый нам человек вдруг начинает рассуждать с других этических позиций, и мы перестаём узнавать в нём хорошо знакомого. Он заражает этим ещё не обозначенным медициной вирусом кого-то из нас, более восприимчивого к духовным недугам, и мы пополняем ряды бессимптомно больных, по цепочке передавая вирус дальше…

На премьеру спектакля «Любовь» приехали из Москвы (как же полюбила наш театр определённая группа москвичей!) кандидат искусствоведения Елена Анатольевна Дробышевская и знакомый нам Владимир Болеславович Бодрецкий. Они отсмотрели премьеру и, как уже повелось, попросили зрителей остаться на обсуждение. И так же как во всех предыдущих случаях, три четверти зала оставило за собой пустые кресла, а немногочисленные желающие остались. Актёров тоже пригласили на разговор (кстати, «Любовь» поставили традиционно: актёры на сцене, зрители в зале), и мы, спустившись со сцены, тесной кучкой сбились на галёрке.

Дробышевская и Бодрецкий в своём вступительном слове похвалили пьесу, режиссёра, сказали, что очень многое получилось, после чего передали слово зрителям.

Поднялся немолодой, интеллигентного вида мужчина в очках, представившийся преподавателем университета. Отсмотрев наш спектакль по пьесе с сомнительным сюжетом, сомнительными отношениями и очень сомнительной лексикой, он сказал, что всё показанное на сцене про нас, про нашу жизнь, что это правда и что это мы.

Парадокс состоял в том, что сам преподаватель университета говорил хорошим русским языком, грамотно и связно излагая мысли, производил впечатление человека, абсолютно чуждого той среде, в которой варились наши сценические герои. Поэтому его собственная идентификация с персонажами-маргиналами вызвала у меня некоторое недоумение и даже оторопь, но… Документ есть документ. И надо здесь признаться, что такое мнение тоже имело место.

На следующее утро состоялась заключительная творческая встреча кандидата искусствоведения, главного редактора газеты такой-то, доцента театрального училища имени такого-то Е. А. Дробышевской и российского театрального критика В. Б. Бодрецкого с общественностью города.

В просторном зрительском фойе второго этажа поставили стол для уважаемых гостей и около пятидесяти стульев для желающих побеседовать с ними.

Общественность города на этой встрече представляли журналисты, педагоги высших и средних учебных заведений, а также театральные деятели. Тема встречи – современная драматургия.

Первым взял слово энергичный Владимир Бодрецкий. Он начал с небольшого экскурса в историю сегодняшней пьесы, которая начала формироваться как движение с начала нулевых годов. В сегодняшней России, по словам Бодрецкого, количество графоманов-драматургов уступает разве что только количеству графоманов-поэтов.

Я записал наиболее интересные цитаты из его высказываний и хочу их здесь привести:

«Эти ребята пришли в театр от противного, писали принципиально не для сцены».

«Этих авторов назвали «рассерженные молодые люди». Они считают, что их голос, как

и голос 10 миллионов опустившихся, должен быть услышан».

«Это люди, не знающие, не понимающие и не любящие театр, люди не из театральной среды, из разных социальных слоёв и разного воспитания».

«Герои их текстов действуют на уровне инстинктов, они не обладают духовностью и внутренней культурой. Это люди придонья, ещё не самого дна, но около него».

«Человек, который ещё вчера не знал, что такое театр, сегодня становится молодым и даже перспективным драматургом».

Это говорил российский театральный критик, член экспертного совета национальной премии «Золотая маска», старший научный сотрудник отдела театра Государственного института искусствознания, руководитель театроведческого курса (такой-то вуз) и, на всякий случай, человек, сам активно пропагандирующий в российских театрах таких авторов и такую драматургию.

Слово перешло к Дробышевской.

Кандидат искусствоведения остался доволен поездкой в наш город и наш театр, назвав её чрезвычайно плодотворной. Ей есть о чём подумать в связи с этим и что сказать. Она наслышана о новом курсе театра, который взял главный режиссёр, и считает, что курс этот вместе с состоявшейся вчера премьерой есть в своём роде весьма серьёзный ответ оппонентам сегодняшней драмы. Оппонентам, которые аргументируют свою позицию и тем, что тексты новых авторов востребованы преимущественно форматом малой сцены, и тем, что круг этой аудитории узок и ограничен небольшими тусовочными партиями, и тем, что театральная провинция не очень-то приветствует подобную драматургию. Но вот Сергей Александрович Першин, принявший этот театр полтора года назад, опровергает подобный скептицизм по всем направлениям. Его творческая политика доказывает, что как раз сегодняшняя драма может стать серьёзной опорой репертуарному театру. Ведь современному зрителю совершенно не с чем соотнести собственную жизнь.

Далее вновь заговорил Бодрецкий. Он посчитал, что публика уже достаточно подготовлена, и принялся рассуждать об изюминке новой драматургии, то есть о сценическом ненормативе.

Он сказал, что никогда не понимал и не понимает того ханжества, которым страдает наше общество в отношении естественной части русского языка, называемой матерщиной. Сколько раз он проходил мимо школьников и слышал от них мат через каждое слово. И для них это нормально, это их манера общения. Так неужели эти школьники, услышав самих же себя со сцены, как кисейные барышни, упадут в обморок? Ну это такая глупость, что нет слов! Нет, разумеется, сценический мат – это тонкая наука на самом деле, и не каждый актёр делает это легко и непринуждённо. Есть такие, что слушаешь их и думаешь: «Лучше бы ты этого не говорил». Но некоторых – прямо заслушаешься!

При слове «заслушаешься» у российского театрального критика Бодрецкого сделалось совершенно умилительное выражение лица. Актёры с многолетним стажем, постигшие ремеслом психологию творческого обмана, сразу видят, играет ли разглагольствующий перед ними человек или же говорит правду. Бодрецкий не играл.

Дробышевская, извинившись, вставила реплику. «Многие сегодняшние тексты, – сказала она, – в том числе и тот, по которому поставлен спектакль «Любовь», – это «документы времени». Она убеждённо повторила для тех из нас, кто не понял или не поверил: «Документы!» Иначе говоря, всё происходящее в сочинениях таких авторов, которых сам Бодрецкий вместе с их персонажами назвал «голосом опустившихся», настолько отражает реалии нашего с вами бытия, что это можно назвать документальным. И, глядя на сценические истории, написанные опустившимися про опустившихся, мы можем уже, по мнению Дробышевской, соотнести с ними свою собственную жизнь.

Кстати, слово «документ», прижитое недавно новой драматургией от новой литературы, имеет сегодня широкое распространение и там и сям. Документом называется всё. Всё, за исключением написанного хорошим русским языком. Я не помню, чтобы что-то, написанное хорошим русским языком и вообще о чём-то хорошем, было названо в наше время документальным. И напротив, чем грязнее в сочинениях новых литераторов и новых драматургов представлена наша жизнь, наши отношения, наш язык и мы сами, тем большую документальность в этом почему-то видят некоторые столичные (и уже не только столичные) критики. Почему?..

Сергей Александрович Першин стоял чуть в стороне и наблюдал за реакцией общественности города. Общественность слушала молча

и пока никак не заявляла о своём согласии или несогласии.

Бодрецкий попросил задавать вопросы.

Бывают моменты в жизни (а конкретно в сегодняшней жизни таких моментов бывает очень много), когда не можешь понять: я ненормальный или мир? Сумасшедший ли я и нахожусь в мире здоровых людей или же я нормальный человек и попал в огромный сумасшедший дом?

В любом случае человек, осознав себя в скрытом конфликте с обществом, как поступит? Конечно же, затаится, чтобы не выдать себя.

Поэтому на просьбу Бодрецкого задавать вопросы общественность города ответила осторожным молчанием.

Прокололся только Миша Петенькин, сидевший через стул от меня. Он долго, внимательно слушал и наконец не выдержал. Миша обладал интересной личностной особенностью: чем более он был взволнован внутренне, тем спокойнее становился внешне.

– Знаете, – поднявшись со стула, убийственно-бесстрастным тоном заговорил он, – я слушаю вас уже больше получаса и никак не могу понять: почему за это время в разговоре с нами вы ни разу, извините, не матюгнулись?

На лицах московских театральных деятелей мелькнула тень недоумения.

– А что, в этом есть необходимость? – нашлась Дробышевская. – А то мы можем.

Она взглянула на Бодрецкого и сдержанно хихикнула. Бодрецкий согласно кивнул и растянул губы в снисходительной улыбке, которой мы обычно отвечаем на чью-то не очень уместную выходку.

– Я не сомневаюсь, что вы можете, – согласился Петенькин. – И всё же ответьте на вопрос: почему в течение вот уже… – он взглянул на часы, – почти сорока минут мы так и не дождались из ваших уст живого слова? Где мат?

Аудитория, начиная понимать, заинтересованно уставилась на критиков, ожидая их ответа. Пришла очередь растеряться почётным гостям.

– Вы используете ненорматив в жизни? – продолжал наступать Петенькин.

Критики-искусствоведы не ответили, но и без ответа было понятно, что используют.

– Тогда я не понимаю вашей логики: если всё, что мы говорим в жизни, можно произносить со сцены на том основании, что это правда, то тогда в реальной жизни эту правду тем более можно произносить. Наша встреча здесь и сейчас – жизнь? Жизнь. В жизни вы ругаетесь матом? Да. Тогда в чём дело? Поговорите уже, наконец, с нами на языке жизни.

Бодрецкий опустил глаза, а Дробышевская, слегка изменившись в лице, смотрела на Петенькина со смешанным чувством растерянности и неприязни.

Петенькин за внешним спокойствием прятал раздражение и злость. Он долго ждал своей минуты и теперь отступать не собирался.

Театральные критики, до сего момента уверенно владевшие ситуацией, начали терять над ней контроль. Чтобы доминировать и далее, надо было аргументированно отвечать.

– Я могу говорить? – обратилась Дробышевская к Петенькину.

– Да. И, пожалуйста, на том языке, который вы сами назвали документальным. Я думаю, нам всем очень хочется его услышать из уст театрального критика и искусствоведа.

И тут присутствующие вдруг захлопали, отчего гости смутились ещё больше. Но, уважаемые гости, поединок есть поединок: если ты бьёшь, то будь готов и сам получить в бубен.

Дробышевская начала интеллигентно рассуждать о том, что закон целесообразности справедлив и для театра, в театре нужно только то, что там нужно, что цель театра – отражать реалии жизни и показывать нас таковыми, какие мы есть, а не придуманными и отретушированными. И речь в том числе должна достоверно характеризовать сценических персонажей, делая их узнаваемыми и близкими. Нравится это кому-то или не нравится, но театр и современная ему пьеса – две половинки одного целого. И одна не может существовать без другой. А насчёт ненормативной лексики… Здесь и сейчас в ней нет никакой необходимости, а вот в рамках историй, показанных на сцене, мат как часть речевой характеристики персонажей, как неотъемлемая часть нашего родного языка, в конце концов, кое-где кое-когда порой, в отдельных случаях, очень даже, так сказать, может быть. Хотя сама Дробышевская, в принципе, против мата. Но куда деваться, так как он всё же часть нашего языка…

Искусствовед сделал паузу, запутавшись в собственной мысли, но продолжить уже не успел: вклинился школьный педагог.

– Я филолог по образованию, – представился он. – Вот вы заявляете, что мат – неотъемлемая часть русского языка. Кто вам это сказал? Мат да и вообще вся ненормативная лексика никогда не были частью нашего языка, но всегда

были, есть и будут его фекалиями. В процессе жизнедеятельности любого живого организма, в том числе и живого языка, образуются естественные отходы. Но они никак не являются частью самого организма, а лишь остаточными продуктами его жизнедеятельности. Его отбросами, мерзостью, скверной. В нашем случае – сквернословием. Поэтому давайте не будем… Это всё же отдельно друг от друга. А мешать в кучу… Это от лукавого.

Высказались ещё несколько человек, тоже по ненормативной лексике. Бодрецкий и Дробышевская в полемику принципиально не вступали – просто вежливо слушали. Наблюдая непосредственно эту ситуацию, я почему-то вспомнил картинку из учебника истории своего далёкого детства. Там за партами сидели неграмотные крестьяне, и первые советские учителя писали им на доске: «Мы не рабы, рабы не мы!» Я подумал, что обязательно настанет такое время, когда всех нас вместе с Дробышевской и Бодрецким усадят за такие же парты и заставят хором читать с доски: «Мы не дебилы, дебилы не мы!»

А вообще эти гости из Москвы, мягкой силой насаждающие в театрах новую сценическую культуру, чем-то напоминали первых христианских миссионеров в языческом мире. Только вместо слова Божия они несли с собой совершенно другое слово. Но миссия их была столь же трудна, неблагодарна и даже в чём-то опасна, хотя новые язычники, в которых сегодня превратились люди традиционной культуры, не побивают их при этом палками и камнями. Традиции не позволяют. Кстати, и Уголовный кодекс тоже. С грустью констатирую, что этот же Уголовный кодекс много лет разрешал всем желающим изливаться гнусным сквернословием со страниц литературных и драматургических изданий, с театральной сцены. И это тоже документ времени.

Снова поднялся с невозмутимым лицом Миша Петенькин.

– Я понимаю, что все устали, – сказал он. – Но у меня последний вопрос.

Критики хоть и без энтузиазма, но приготовились слушать.

– Вот вы сказали, – Петенькин обратился к Бодрецкому, – что подростки между собой через слово употребляют мат…

– Совершенно верно, – подтвердил Бодрецкий. – Это очевидно и всем известно.

– Ну, во-первых, не все подростки так разговаривают. Я веду театральную студию в школе, много чего вижу и много чего слышу из жизни школьников. Так вот, ваше утверждение сильно преувеличено. Во-вторых, хочу спросить вас вот о чём: что делать такому подростку, который слышит ненорматив по телевизору, в кино, читает его на страницах современной литературы и, наконец, придя в театр, слышит его со сцены? Как должен разговаривать после всего этого школьник во дворе со своими сверстниками, когда вы, Владимир Болеславович, будете проходить мимо?.. Но это ещё не сам вопрос. Сам вопрос таков: пропагандируя мат с театральной сцены – а допускать мат на сцене то же самое, что его пропагандировать! – так вот, пропагандируя мат с театральной сцены, не чувствуете ли вы доли собственной вины в растлении сегодняшней молодёжи?

Вопрос прозвучал некорректно и даже в какой-то степени оскорбительно.

Першин, до сих пор безмолвно стоявший у стеночки и, как рефери, наблюдавший за ходом словесных баталий, сделал замечание.

– Михаил Петрович, – обратился он к Петенькину. – Предлагаю соблюдать такт и по отношению к нашим гостям, и вообще. Думаю, что на ваш вопрос, так сформулированный, Елена Анатольевна и Владимир Болеславович имеют полное право не отвечать.

– Нет, почему же, я отвечу, – откликнулся Бодрецкий. – Я отвечу… Нет, своей вины в этом я не чувствую. Дети это слышат и от родителей, и на улице, где угодно. И не нужно крайним делать искусство. Искусство – это правда жизни…

– Нет, – оборвал его Петенькин. – Искусство – это правда жизни, поданная в художественной форме. Художественная форма – обязательное условие. Без неё любая правда жизни в искусстве – подлое враньё!

– Давайте не будем трогать художественную форму, – вмешалась Дробышевская, – и остановимся только на правде жизни. Какой бы она ни была. Нравится она лично вам или не нравится. Правда – она и есть правда. Принимайте её такой, какая она есть.

– Хорошо, – вдруг смиренно согласился Петенькин и сел на место.

Стало понятно, что тема встречи себя исчерпала. Во избежание бессмысленных прений сторон Першин поспешил подвести итог:

– Ну, я думаю, мы поблагодарим наших гостей за сегодняшнюю встречу. Уверен, что каждый из нас почерпнул что-то полезное для себя. Далее общаться мы, к сожалению, не можем, уважа-

емые гости спешат на самолёт. А нам ещё нужно успеть покормить их на дорогу… – Он обернулся к критикам: – Прошу в буфет.

Общественность города сдержанно похлопала и начала расходиться. И только до неправдоподобия спокойный Михаил Петрович Петенькин остался сидеть на своём прежнем месте.

Першин увёл гостей в буфет, находящийся здесь же, на втором этаже.

Прощальный обед с рюмочкой коньячка, которую подняли критики за творческие успехи нашего театра, ещё только-только начался, когда в буфете неожиданно появился Петенькин. Зловеще-спокойный вид Михаила Петровича не предвещал ничего хорошего.

Першин, зная натуру артиста, слегка напрягся.

Петенькин подошёл к столику с обедающими гостями и вежливо пожелал им приятного аппетита, на что гости так же вежливо поблагодарили его.

После этого здесь же, у их столика, Миша расстелил на полу газету, которую держал в руках, расстегнул ремень, снял штаны, присел и… как бы это сказать нормативно?.. Словом, *всё* сделав на эту газетку, он встал, подтянул штаны и, повернувшись к гостям, начал наблюдать их реакцию.

Театральный критик Бодрецкий и кандидат искусствоведения Дробышевская побледнели, словно мертвецы. Першин, суетившийся у их столика, окаменел на месте.

Когда пауза после чудовищного поступка Михаила Петровича потребовала разрешения, артист обратился к ошарашенным гостям. Он сказал следующее:

– А сейчас прислушайтесь, пожалуйста, к своим внутренним ощущениям. Что вы чувствуете? Вот то же самое чувствуют зрители в зале, когда они приходят в театр за искусством, а их угощают со сцены вот такой вот… – он указал рукой на совершённое им безобразие, – вот такой вот правдой жизни. Мат со сцены и «как» за вашим обеденным столом по уровню своего скотства – абсолютно равнозначные поступки. Я тоже показал вам правду жизни. Уж правдивее этого быть ничего не может. Правда – она и есть правда. Какой бы она ни была. Нравится она лично вам или не нравится. Принимайте её такой, какая она есть. Ещё раз приятного аппетита!

И Бодрецкий, и Дробышевская были до того шокированы, что не сразу догадались оскорблённо звякнуть вилками и встать из-за стола…

На следующий день артист высшей категории Михаил Петрович Петенькин за совершённое им деяние, несовместимое со статусом творческого работника, и нанесение морального ущерба театру был уволен.

10. ФЕСТИВАЛЬ НТО

В середине мая две тысячи тринадцатого года стало известно, что наш театр выезжает к соседям – в краевой центр город К. на фестиваль новой драматургии. У соседей этот фестиваль прописался уже как шесть лет и носил аббревиатуру НТО – «НеоТеатрОнлайн».

Для показа Першиным был выбран спектакль по пьесе современного прозаика и драматурга О., может, не очень известного, но хотя бы окончившего Литературный институт. Грамотность автора сразу же чувствовалась в тексте: язык нигде не спотыкался, не хотелось морщиться и плеваться. А что касается парочки затесавшихся ненормативных выражений… Ну, на этот счёт, знаете, мнения разные, хотя уже закон и принят.

Год назад, на первых репетициях, ненорматив из текста вырезали: Сергей Александрович вынужден был уважать неиспорченный вкус городского зрителя. Но вот сейчас, когда делалась корректировка спектакля, подготавливаемого к достойному показу на фестивале НТО, Першин остановил ведущую актрису, в чьём тексте в своё время был купирован ненорматив.

– Стоп! – скомандовал Сергей Александрович. – Давайте для фестиваля вернём оригинальный авторский текст.

После репетиции Першин подошёл ко мне. В спектакле я играл роль учителя русского языка и литературы.

– Что вы интеллигентничаете? – сказал он недовольно. – Не надо интеллигентничать в роли. Будьте как-то… развязнее, что ли. Там этого не надо, что вы играете. Надо представлять себе уровень тех людей, которые будут это смотреть. Уровень их запросов.

Со стороны Сергея Александровича это было достаточно откровенно.

...До фестивальной столицы – города К. – четыреста километров.

Ехали на автобусе семь часов. Устали, вымотались. Когда разместились в гостинице, фестивалить конкретно сегодня уже не всем хотелось, хотя на вечерние показы можно было ещё успеть. Мнение коллектива разделилось: кто помоложе и понаивнее – пошли по искусство, кто постарше и помудрее – в магазин.

Помощник режиссёра предупредил нас о завтрашней утренней репетиции, сказав, что играем в Доме кино. Странно: театральный фестиваль, а играем в кинотеатре. Ну, наверное, кинотеатр приспособлен для таких мероприятий – и сцена, и зрительный зал.

Первое знакомство с фестивалем НТО состоялось уже наутро, неожиданно и прямо в гостинице.

В начале девятого мы с товарищем по номеру спустились на завтрак в гостиничный ресторан. Отдав талончики официанту, стали ждать заказанный комплекс. Завтракающих было немного: пара у окна слева, двое одиночек справа и трое через столик позади нас. Один из этой троицы как-то уж слишком громко говорил. Громко, внятно и дикционно чисто – на весь завтракающий ресторан.

Я оглянулся. Это был молодой человек, не старше тридцати годов, в футболке, спортивных брюках и сланцах на босу ногу. Восседал на стуле идеально прямо, что со стороны воспринималось несколько вызывающе. Он спокойно и уверенно объяснял что-то парню и девушке, которые сидели вместе с ним за столиком. Говоривший будто не замечал оглядывавшихся на него людей и ничем не смущался. Парень с девушкой вели себя скромнее: просто ели и слушали.

И вот в речи оратора прозвучал первый мат. Прозвучал во всеуслышание, органично и естественно, как у себя на кухне. И я сразу же понял, кто этот молодой человек: безусловно, это один из артистов фестиваля «НеоТеатрОнлайн». Подтверждение моей догадки не заставило себя ждать. Второй мат в устах молодого человека был смыслово связан с именем Станиславского. Значит, я угадал.

Официантка, обслуживающая столики нашего ряда, попросила молодого человека не выражаться. Вместо того чтобы извиниться или хотя бы просто замолчать, тот с вызовом ответил:

– А вы пригласите полицию. За оскорбление чувств верующих.

Девушка, растерявшись, промолчала.

Парень, отбрив официантку, продолжил свой неторопливый монолог. Поприжать язычок он так и не потрудился.

Официантка вызвала наряд. Явились двое в форме, тяжёлых берцах и с дубинками на поясе. Подошли к столику с молодым артистом, сразу же вычислив его по наглому взгляду.

Потребовали документы.

Между сторонами произошёл следующий диалог.

– Документы в номере, поэтому, ребята, вы пролетаете.

– Ребята не пролетают, но если ты не закроешь рот и не перестанешь лаяться, то пролетишь ты.

– Нет, я не пролечу, потому что я артист московского театра, и не надо со мной так разговаривать.

– Здесь не Москва, поэтому лучше перестань кривляться и веди себя в общественном месте как полагается, иначе на тебя будет составлен протокол.

– Ни фига! Протокол будет составлен на официантку, она нарушает моё гражданское право на свободу слова.

В процессе вежливого диалога полицейские и артист не пришли к общему знаменателю, в результате чего молодого человека вывели на улицу, усадили в машину и увезли в известном направлении…

К одиннадцати часам, поболтавшись после завтрака по центральной улице и накупив в «Лакомке» печенья к чаю, мы пришли на репетицию. Вошли в здание Дома кино. Администратор отправил нас на второй этаж.

– Ваши все там, – сказала она.

Поднявшись к нашим, мы очутились будто в другом мире. Из евроотделанного помещения кинотеатра попали в некое странное пространство: узкое, метра четыре в ширину, около пятнадцати – в длину, с высокими, неопределённого цвета потолками. Дальняя половина зала была узнаваема выставленной декорацией нашего спектакля, а прямо от дверей входа начинались ряды зрительских стульев. Необъяснимыми в этом помещении были стены – нештукатуренные, старого красного кирпича грубой кладки, с серыми языками застывшего бетонного раствора. Словом, зал создавал впечатление не театра, а места для ритуальных жертвоприношений. И потом… На всех расставленных здесь стульях разместится не более семидесяти зрителей. Позвольте… А как же партер на пятьсот мест, торжественная атмосфера, занавес, кулисы, зрители с цветами, словом, всё то, что включает в себя понятие «театральный фестиваль»?!

Думаю, что не только я был в лёгком недоумении. Оптимистично улыбался лишь Сергей Александрович Першин: он знал, куда ехал.

В девятнадцать ноль-ноль начался наш спектакль.

Зрители остались довольны, подходили, благодарили.

Следом за нами в режиме плотного графика программой фестиваля планировалось документальное кино молодых московских режиссёров. Мы быстренько свернули свои декорации, и киношники тут же растянули белый экран.

Я стоял перед выбором: пойти в гостиницу, поужинать и бухнуться у телевизора или же остаться на просмотр. Победило искусство. Я остался.

Погас свет, и голые средневековые стены утонули в чёрной-чёрной комнате. Начался фильм.

Некоторое время я не мог понять, в чём там дело.

Оказалось, фильм совершенно нового жанра, не возьмусь определить какого. Состоит из отдельных, не связанных между собой эпизодов. Сюжета и мысли нет. Как сказал один из его создателей перед началом показа, это хроника о нас. Идея хроники такова, что авторами многочисленных эпизодов, составляющих самый фильм, являются обычные люди, в основном молодёжь. Они снимают на видеокамеру сами себя в бытовых, граничащих с интимными, обстоятельствах, разговоры друг с другом по поводу и без, монологи ни о чём, выяснения отношений, пьяные бредни родных и близких, свои гомосексуальные откровения и так далее. Во многих эпизодах присутствовала ненормативная лексика. И не просто присутствовала, а агрессивно довлела.

Кино длилось часа полтора и порядком утомило. Разнообразие сюжетов и лиц завершилось однообразием общей бессмысленности.

Обсуждение фильма аудиторией заняло ещё около часа. Если вкратце обобщить мнение высказывавшихся, то всё это ново, это здорово, это интересно и это – мы. Кто-то из зрителей сделал попытку спросить: «А, собственно, для чего? Ведь нет ни художественности, ни смысла, ни творческой задачи?» Столичные критики и эксперты, обслуживающие фестиваль, очень-очень удивились самой постановке такого вопроса; выступившему зрителю стало неудобно за себя, и более вопросов он не задавал…

Следующий день, день закрытия фестиваля НТО, был посвящён прочтению пьес современных драматургов в рамках дискуссионного клуба. В тринадцать часов в формате фестивальной программы «Автор представляет пьесу» состоялось прочтение пьесы драматурга М. Автор, как и заявлено программой, сам читал своё сочинение.

Пьесой назвать это было трудно, как, собственно, и самостоятельным произведением тоже. Сочинение драматурга М. представляло собой передёрнутую на современный лад повесть великого французского просветителя, с сохранением классических имён, в том числе и имени главного героя, давшего название всей повести.

Перед началом читки куратор форума российский театральный критик Владимир Болеславович Бодрецкий сказал, что драматург М., с творчеством которого мы будем сегодня знакомиться, много работает над актуализацией классических произведений, то есть, с одной стороны, адаптирует их к сегодняшнему дню, а с другой – создаёт на их основе самостоятельную художественную единицу. Одно из таких произведений бесспорно талантливого автора и предлагается вниманию уважаемой публики.

Уважаемая публика прослушала произведение.

Что сказать? Вообще-то пьеса в традиционном её понимании есть сочинение в форме диалогов. А здесь прозаический текст, профессионально написанный, лёгкий, злой, сдобренный жирной матерщиной. Всё это, наверное, здорово, только непонятно было, какое отношение он имеет к театру вообще и французскому классику в частности.

Такой вопрос возник не только у меня, потому что, когда автор закончил чтение, один из слушателей, лысый дяденька, демократично сидевший прямо на полу, тотчас же спросил:

– Это пьеса?

Грамотный, профессиональный автор, съевший огромные государственные суммы за своё обучение в Литературном институте им. М. Горького, ответил:

– Да, это пьеса.

Односложный ответ не убедил спрашивавшего, и драматург М. пояснил, что пьесой называется то, что сам автор пожелает назвать пьесой. Будь то хоть поэма.

Тогда тот же слушатель задал другой вопрос:

– В вашей пьесе примерно с середины текста вдруг всплывает множество матов. Они там необходимы?

Драматург М. сокрушённо вздохнул.

– Нет-нет, я не против матов, – начал оправдываться лысый дяденька. – Хотя и не за них. Мне просто любопытна ваша точка зрения.

Необходимость мата в вашем тексте. Я, например, не увидел необходимости.

Драматург М. поправил очки и подержал паузу.

– Как я устал… – наконец заговорил он. – Как я устал уже от таких вопросов. Эти маты… Мне сорок три года, и я говорю вам, что наша жизнь – ложь и в ней всё перевёрнуто. Мы живём в обществе, где мат – норма жизни. Наша с вами норма – это мат. Ненормативная лексика – это лексика без матов. А мат как раз нормативен для подавляющего большинства из нас. Я столько сил потратил на борьбу с матами, но сломался в конце концов, сейчас мне уже всё равно. И давайте больше не будем об этом.

В поддержку драматурга М. выступила К., молодая женщина из Санкт-Петербурга, профессиональный критик и кандидат искусствоведения. Она обратилась, в частности, к актёрам, присутствовавшим в зале.

– Задача актёра в формате современной драмы, – сказала она, – прийти к себе, быть ближе к себе. В сегодняшних пьесах часто звучит мат, и артисты зажимаются, говорят: «Это мои соседи, но не я». И это ханжество. Мы материмся независимо от уровня образования и социального положения, так что не стоит бояться быть собой.

Кстати, эта очаровательная женщина-искусствовед сама разочек загнула, давая понять, как именно не надо бояться быть собой. Правда, при этом она почему-то покраснела и смущённо захихикала.

Следующим на защиту чести и достоинства драматурга М. встал Владимир Бодрецкий. Курируя проект НТО, он выступал здесь и в качестве третейского судьи, если возникало недопонимание между обслуживающими фестиваль критиками и присутствующей в зале разношёрстной театральной публикой. Бодрецкий жёстко держал порядок, при необходимости унимал когорту столичных искусствоведов, как-то уж подозрительно активно защищавших новую драматургию, и признавал право каждого на собственное мнение.

Сейчас Бодрецкий рассказывал нам о творческом пути драматурга М., хвалил его, говорил, что он уже не первый год занимается нужным и полезным делом по актуализации классики и адаптации её к уровню сегодняшнего культурного потребителя. Из слов Бодрецкого следовало понимать, что уже не один великий автор и не одно знаменитое произведение дошло до нас с благословения драматурга М. в актуализированном и нецензурном виде.

Бодрецкий завершил своё выступление гениальной фразой, которую я не могу здесь не привести. Он сказал:

– Автор (имеется в виду драматург М.) достаточно вольно обращается с целой кучей культурных мифов.

То есть, с точки зрения господина Бодрецкого, шедевры мировой литературы, на которых человечество воспитывалось, воспитывается и будет воспитываться далее, на самом деле есть не что иное, как «куча культурных мифов»!

– Есть ли вопросы к автору?

К автору вопросов не оказалось.

Объявили перерыв.

Тусовка НТО потянулась в светлый еврокоридор. Здесь на столиках всё уже было приготовлено для кофе-паузы. Гости фестиваля с горячими пластиковыми стаканчиками и печеньем устроились на диванах и креслах.

Первой моей мыслью после всего услышанного было схватиться за голову и бежать не оглядываясь. Чудовищность идей, выдаваемых здесь грамотно построенными фразами и убедительными интонациями, выходила за всякие границы, но… я нашёл в себе силы и остался. Решил как можно больше набрать эксклюзивного материала для этой главы. Вышел вместе со всеми в коридор. Сказал себе: «Спокойно, Ипполит, спокойно». Налил стаканчик горячего кофе. Взял печенюшку-сэндвич. Диваны и кресла были облеплены пьющими и жующими гостями; не найдя места, я пристроился у стеночки.

Рядом стоял высокий мужчина, немного за пятьдесят, серьёзный, плотный. Он обеими руками держал стаканчик с кофе и осторожно швыркал обжигающий напиток.

– Как вам всё это? – обратился он вдруг ко мне, и я понял, что ему хочется поговорить.

– Сложно сказать, – уклончиво ответил я.

– Ну вы понимаете происходящее здесь?

Он явно искал родственную душу, и я открылся ему:

– Нет. Не понимаю.

– Спасибо. Хоть один нормальный человек. Это обнадёживает.

– Думаю, что нормальных здесь немало. Просто молчат.

– А почему? Почему молчат?

Я ответил ему фразой, которую придумал сам, работая над этой повестью:

– Несогласное большинство всегда молчаливо.

(Хотя не исключаю, что эту мысль я уже где-то слышал и она просто пришла мне на память.)

Мой собеседник, видимо, очень хотел высказаться и ждал моего приглашения. Я помог ему:

– У вас другое мнение? Поделитесь.

– Вы обратили внимание, – тут же начал он, – в какую дыру нас зарюхали? Зрителя в зале нет. Театрального зрителя – имею в виду. Хотя фестиваль открытый, никто никому не запрещает прийти послушать пьесу, посмотреть спектакль, поучаствовать в обсуждении. Пожалуйста. Даже денег никто не берёт. Бесплатно. Только приходи. Однако никого нет. Из семидесяти человек, здесь болтающихся, пятьдесят – сами участники фестиваля, остальные – здешний тусующийся бомонд. И всё. Что это за фестиваль, которым не интересуются зрители? Я терпеть не могу такую драматургию, но актёр – человек зависимый. Попал в спектакль. Привезли сюда. Позавчера отыграли. Пьеса – дебильная, поэтому её здесь хвалят. Здесь вообще всё вверх дном. Если серьёзно воспринимать то, что здесь городят, – в дурдом прямая дорога. Но я рад, что побывал здесь. Правда рад. Потому что наконец всё для себя понял. Я четвёртый день хожу на показы, на все обсуждения хожу. И вот теперь могу сделать вывод. Я посмотрел на них, я их послушал. Фестиваль назвали НТО – «НеоТеатрОнлайн», да?.. Ноу, сэр. Я вам сейчас расшифрую НТО так, как оно есть на самом деле. А на самом деле это – фестиваль нетрадиционной театральной ориентации. – Он посмотрел на меня внимательно, взглядом усиливая впечатление от своих слов, и повторил: – Нетрадиционной театральной ориентации. Как видите, есть и такое в нашем мире. Это фестиваль театральных меньшинств. Людей с иным художественным вкусом. Творческих извращенцев, прямо говоря. Я – человек нормальной творческой ориентации, сторонник классического театра, поэтому всё происходящее здесь для меня лично дичь дичайшая. Но сейчас их время, поэтому они имеют право на свои маленькие извращения. А мне, как заурядному традиционалу, остаётся только одно право – право радоваться их правам. – Большой человек допил кофе и хрустнул пластиковым стаканчиком. – Всё. Ухожу. Я всё про здесь понял, и мне уже неинтересно. Единственное, что я про них пока не понял: что стоит за всей этой любовью к грязи – их человеческая испорченность или чьи-то большие деньги?.. Творческих успехов им, конечно… Вы остаётесь?

Я решил остаться.

Перерыв наконец закончился. Эксперты фестиваля пообедали и набрались сил. Нас ожидало прочтение другой пьесы в рамках программы «Актуализация классики». На сей раз московский драматург, он же руководитель одного из столичных «подвальных» театров, не сумевший приехать на фестиваль лично, представил на наш суд свою новую пьесу. Читали её актёры краевого драматического театра. Оригинал, послуживший основой для актуализации, – произведение великого русского классика: всем известное имя и всем известное название. Прочтение представили эскизом спектакля – мизансцены, попытки характеров и взаимоотношений.

Участники эскиза – два актёра, две актрисы – молодые красавцы. Первые пять минут их существования на сцене подействовали на нас умиротворяюще, расслабили и усыпили бдительность, как вдруг спокойный авторский текст начало пучить матерщиной. Матерщиной тяжёлой, омерзительной и бессмысленной.

Бедные артисты! Их было очень жаль. Они вынуждены это произносить, вынуждены авторским правом. Почему не существует право актёров на соблюдение чистоты богатого, образного, великого, красивого, но такого беззащитного русского языка?! Согласно какому закону морально здоровое большинство должно унизительно соглашаться с извращёнными вкусами наплодившихся там и сям меньшинств, господа?!

Минут сорок длилось это издевательство над знаменитым художественным произведением. Наконец всё было кончено. Похлопали. Перешли к дискуссии.

Мажорно вступили эксперты. Сказали, что новое произведение искусства создаётся от ожога о старое и в данном случае творческий ожог дал безусловный результат: у автора сложилось.

Предложили высказаться присутствующим.

После некоторого интеллектуального словоблудия мужчин встала со стула немолодая женщина. Она робко произнесла: «Такие произведения… как бы сказать… неуважение к авторам-классикам».

Эксперты были крайне удивлены этой оценкой и не скрывали своего удивления. Высказалась за всех всё та же К., кандидат искусствоведения из Санкт-Петербурга.

Она ответила так:

– Идея лаборатории «Актуализация классики» состоит в попытке написать новые тексты на основе известных произведений, чтобы привлечь к ним (известным произведениям) внимание сегодняшних читателей и зрителей. В наше время, когда никто ничего не читает, идея, согласитесь, благородная. И в обоих текстах, которые мы слушали на первом и на втором прочтении, предельное уважение к первоисточнику и его автору – классику. Здесь нет никакого надругательства над ними, странно, что вы это заметили.

– Вообще, я считаю некорректным термин «актуализация классики». Классика – это как раз то, что актуально во все времена и не нуждается ни в какой актуализации, – возразила всё та же слушательница. – И потом… Я не увидела в прочитанном новых смыслов.

– Послушайте экспертов, они увидели.

– Зачем мне эксперты, я и сама не слепая.

– Нужно было внимательно слушать пьесу! – отрезал искусствовед.

Бодрецкий дал слово московскому критику, довольно молодому, но известному в столичных театральных кругах.

Среди прочего этим молодым человеком было сказано следующее:

– Пушкин, Гоголь, Лермонтов и другие скоро выпадут из культурного контекста в связи с потерей смысловых ценностей, которые они закладывали в свои произведения. Нам они будут уже не интересны. Утрачены будут многие идеи прошлого как бесспорные и сегодня необходимые…

В финале дискуссионного клуба Бодрецкий подвёл позитивный итог, ещё раз представил работавших для нас столичных экспертов. Критики и искусствоведы, сбросив рабочее напряжение, улыбнулись и благодарно аплодировали здешнему гостеприимству.

Объявили перерыв до вечернего спектакля.

В толпе зрителей из кирпичной комнаты вместе со мной вышел высокий худой старик. Мы столкнулись с ним в самых дверях, и я только сейчас узнал в нём режиссёра, у которого начинал когда-то свою актёрскую биографию.

– Павел Егорович, здравствуйте! – обратился я к нему. – Вы меня не узнаёте?

Он остановился и внимательно посмотрел на меня:

– Как же… Узнаю. – И назвал меня по имени.

Я поразился, ведь прошло столько лет. Я от души обнял его, и мы отошли на пару шагов в сторону.

– Не ожидал увидеть вас здесь, – признался я.

– Я старик, поэтому интересуюсь всем новым. Хочу знать, что идёт после нас.

– Ну и как вам… это?

Он улыбнулся. Но улыбнулся одними губами. Потом по-отечески взял меня за руку выше локтя. Посмотрел на меня внимательными добрыми глазами. Конечно же, понял всё, что творилось в моей душе.

– Есть такая пьеса на двоих «Что случилось в зоопарке» Эдварда Олби, – сказал он. – Так вот, там один из героев – Джерри – говорит такую фразу: «Иногда нужно сделать крюк в сторону, чтобы вернуться на место кратчайшим путём». И это не просто фраза, это один из законов жизни, открытый для нас драматургом. Простой и гениальный в своей простоте закон. Плохое нам в жизни даётся для того, чтобы мы потом больше ценили хорошее. И не расстраивайся. Вся эта шебутня, которую ты видел здесь, – это всего лишь крюк в сторону. Необходимый крюк в сторону, для того чтобы мы больше любили и берегли тот, настоящий театр… потом, когда всё вернётся на круги своя.

* * *

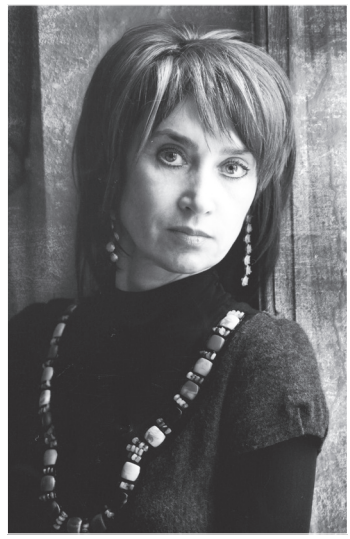
По возвращении домой я узнал, что наш театр готовится к проведению новой лаборатории, только теперь уже рассчитанной на детей. Это новаторство, придуманное Греховым и подхваченное Першиным, будет иметь замечательное название: «Сказки народов мира». Мне в руки попал листок с пометкой: «Для флаера».

Последними словами моей повести послужит абзац из того, что я там прочёл: «Уже много лет бытует ошибочное мнение о том, что дети – зритель без вкуса и способности возмущаться. Театры на этом спекулируют и, кормя детей второсортными морализаторскими постановками, «срубают» деньги. Да и сами родители зачастую пытаются отгородить детей от всего негативного (и прежде всего от объективной реальности!), выбирая для них сказки, в которых все танцуют и поют и, по выражению театрального критика Я. Я. Грехова, занимаются «затейничеством». Сказки народов мира в изложении современных молодых драматургов – первая творческая лаборатория, рассчитанная на детей. Мы надеемся, что этот проект станет для них чем-то очень интересным и познавательным…»

Без комментариев.

Занавес, господа!

Январь – июнь 2013 года

Инна КАБЫШ

КУДА, РОДИМАЯ, НЕСЁШЬСЯ?..

* * *

Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается с мужем,
уж тот не намерен, конечно,
с любовником тайно бежать.
Иначе зачем тратить сахар,
и так ведь с любовником сладко,
к тому же в дому его тесно
и негде варенье держать.

Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается долго,
во всяком уж случае зиму
намерен пере-зимовать.
Иначе зачем ему это,
и ведь не из чувства же долга
он гробит короткое лето
на то, чтобы пенки снимать.

Кто варит варенье в июле
в чаду на расплавленной кухне,
уж тот не уедет на Запад
и в Штаты не купит билет,
тот будет по мёртвым сугробам
ползти на смородинный запах...
Кто варит варенье в России,
тот знает, что выхода нет.

* * *

У, Москва, калита татарская:
и послушлива, да хитра,
сучий хвост, борода боярская,
сваха, пьяненькая с утра.
Полуцарская – полуханская,
полугород – полусело,
разношёрстная моя, хамская,
зла, как зверь, да красна зело.

Мать родная, подруга ситная,
долгорукая, что твой князь,
как пиявица ненасытная:
хрясь! – и Новгород сломлен – хрясь!
Всё её – от Курил до Вильнюса –
эк разъела себе бока!
То-то Питер пред ней подвинулся:
«Да уж, мать моя, широка!»

Верит каждому бесу на слово
и не верит чужим слезам:
Магдалина, Катюша Маслова,
вся открытая небесам.
И Земле. Потому – столичная,
то есть общая, как котёл.
Моя бедная, моя личная,
мой роддом, мой дурдом, мой стол.

КАБЫШ Инна Александровна *родилась в Москве. В 1986 году окончила факультет русского языка и литературы Московского заочного педагогического института. Работала учителем, руководителем литературно-музыкального коллектива. Первая публикация – в альманахе «Поэзия» (1985). Автор восьми книг стихов. Стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и др. Член Союза писателей СССР (1989). В 1996 году за книгу «Личные трудности» Инна Кабыш была удостоена Пушкинской премии фонда Альфреда Тёпфера (Гамбург), в 2005 году – премии Дельвига, в 2014-м – премии «Московский счёт», в 2016-м – Ахматовской премии. Живёт в Москве.*

...Богоданная, как зарница,
рукотворная, как звезда,
дорогая моя столица,
золотая моя орда.

* * *

Всё не только пройдёт,
но, пройдя, будет мило –
вспомним нынешний год:
спички, гречку и мыло.
Вспомним эту чуму,
вспомним эту холеру,
как сидели в дому,
испытуясь на веру.
Вспомним эту весну,
её май без парада,
вспомним злую длину
карантинного ада,
где впервые вдвоём
в целом свете мы были.
Предлагал ты: «Споём!»
И мы пели и пили.
Предлагал ты: «Уснём!»
И мы спали в обнимку.
О, мы вспомним о нём,
как о лете, – по снимку.
Не хандра и не сплин –
год, где были с тобой мы,
где был всяк не один,
но как пуля в обойме.

* * *

А женщине чего бояться?
Она не царь и не народ.
Ей Пасхи ждать и красить яйца
и не загадывать вперёд.

Где страх уста мужчине свяжет,
где соблазнит мужчину бес,
там женщина придёт и скажет
Тиберию: «Христос воскрес!»

* * *

Карантинной Москвою мы шли с тобою,
и была она до того пуста,
точно вот откопали её, как Трою,
и оставили до рождества Христа.
Карантинной Москвою с тобою шли мы,
той, где некого было и нечем крыть,
и казалось, что только что был тут Шлиман,
да ушёл на минуточку: покурить.
И лежала от края она до края,
окружала со всех четырёх сторон.
И взметнулась внезапно воронья стая,
и обрушился колокольный звон.
И подумалось, глядя на эту стаю,
что вот-вот архангел сойдёт с небес
и возьмёт с собою – куда, не знаю,
без манаток и объяснений без.
И закапали слёзы, как дождь нечастый,
и архангел сошёл-таки вниз, трубя,
и я знала: не быть мне уже несчастной
никогда – ни с тобою, ни без тебя...

* * *

Рай – это так недалеко...
Там пьют парное молоко,
там суп с тушёнкою едят
и с Дантом за полночь сидят.
Там столько солнца и дождей,
чтоб вечно алы были маки.
Рай – это там, где нет людей,
а только дети и собаки.

* * *

У меня, как у всех, нынче есть свой e-mail,
нынче есть, как у каждой собаки, мобила.
Но кто письма писал, тот теперь онемел,
и ушёл, кто звонил и кого я любила.

И уходит день за день земля из-под ног,
мои дети уходят, свои и чужие.
Только вскрикнешь по-бабьи:
«Куда ты, сынок?..»
А они всё идут – все такие большие.

Даже буквы срываются нынче с листа
и летят, словно клин, а потом –
словно точка...
Я стою на ветру, я совсем сирота,
одиночка ли мать, капитанская ль дочка,

хоть горшком назови, хоть совком –
не боюсь:
я как мёртвый, который не ведает сраму.
...А ночами мне снится Советский Союз,
тот,
где мама моя моет вечную раму.

* * *

Учёбой ли, в тимуровцы игрой
охвачена, – была я всюду первой.
Отличницей. Общественницей. Стервой.
Меня не научили быть второй.

Остановить бы тройку на скаку,
спросить: «Куда, родимая, несёшься?..»
Что первенством от смерти не спасёшься,
я знаю. Чем спасёшься, не секу.

Переборов ребяческую прыть,
живу неспешно, то есть драматично,
предпочитая не демократично,
а царственно решать, куда мне плыть.

...И мне уже не страшно быть второй.
И пятой. И десятой. И последней.
Да, может, тот бессмертней,
кто бесследней,
и тот первей, кто замыкает строй.

* * *

Цветёт черёмуха, а значит,
похолодание грядёт,
и во дворе ребёнок плачет
который день, который год:
он чувствует, что очень скоро
наденут шапку на него –
его предупреждает флора,
признав в ребёнке своего.
Ребёнок – он ведь только почка,
потом – яйцо,
потом – птенец,
потом зверёк –
и здесь не точка! –
и вот он ангел, наконец!

прот. Сергий АДОДИН

16 БЕЛОК И ПРОЧЕЕ РАЗУМНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Мышь смотрела на человека через решётку спокойным немигающим взглядом. Это было неправильно, ведь не она, а именно он, человек, – сотрудник лаборатории. Ему скоро докторскую писать, между прочим. И вообще, человек – венец творения, у него медаль, связи и пять тысяч подписчиков в твиттере. Но этой мыши, похоже, было всё равно. Её глазки, две блестящие ягодки, изучали человека безмятежно и даже как-то насмешливо. Нагло. Вот оно!

– Что ти есть, мыше, яко нагльства исполнилась еси? – требовательно спросил крещёный научный сотрудник.

Наглый грызун, с электродами в голове, поднял лапку и не спеша положил на кнопку удовольствия, продолжая молча смотреть прямо в глаза.

«Издевается», – догадался человек.

– Издеваюсь, – сказала мышь.

– А по какому праву? – возмутился учёный.

– Потому что могу, глупенький, – пояснила она.

– Я – человек. А ты – мышь! – выдохнул человек в белом халате.

– Делаешь очевидные успехи, – заметила мышь.

Нельзя позволять подопытному зверьку взять верх. Пора поставить его на место.

– Это всё следствие фрустрации, – заявила мышь и нажала на кнопку.

Электроды, вживлённые в её мозг, подали слабый импульс прямо в центр удовольствия, отчего мышь села и заскребла лапкой.

– Боже, хорошо-то как! – выдохнула она вскоре.

Учёный смотрел с отвращением: что за жизнь – сидишь в неволе, жмёшь на кнопку. Тьфу!

– О чём ты, презренный зверь? Какая ещё фрустрация?

– Начальник твой, завлаб. Он же глуп. Купил диссертацию, ворует бюджетные средства, тебя третирует. А ты кланяешься ему, хоть и ненавидишь. Давно бы уже ему горло перегрыз и закрыл гештальт.

– В тюрьму неохота, – проворчал человек.

– Мы с тобой оба в тюрьме, – сказала мышь. – Я – в клетке, у тебя – ипотека, автокредит и Роскомнадзор. Я тут против воли, а ты энтузиаст. Вот только, чтобы получить хоть какое-то удовольствие в жизни, тебе приходится терпеть идиота завлаба. Получив свои несчастные

АДОДИН Сергей Сергеевич *родился в Кемерове 22 декабря 1977 года. Священник РПЦ. Окончил Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет по специальности «теология», дважды КемГУ: по специальностям «генетика» и «зоология и биоэкология», СмолГУ по специальности «теология». Автор книг стихов и прозы: «По дороге вечной» (2007), «Ворваться в рай» (2016), «Цветоворот» (Кемерово, 2016), «Быть попом. Нежалобная книга» (2017), «Книжка для своих» (Смоленск, 2018), «Орто.docx. Записки непрозорливого священника» (Москва, 2019). Публикации поэзии и прозы в журналах «Огни Кузбасса», «Наследник», «Алтай», в газетах Кемеровской области, публицистика на портале pravoslavie.ru. Лауреат Кузбасской литературной премии имени святителя Павла Тобольского (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.*

двадцать пять тысяч, выкраиваешь на пачку сигарет и чекушку дешёвого коньяка. А я жму на эту кнопку бесплатно, и мне хорошо.

– Вообще-то, о мышь, от удовольствия ты забываешь есть, и тебе грозит скорая смерть от истощения.

– А тебе, человек, как будто от переедания. Я умру счастливой мышью, а ты так и будешь несчастен, ведь тебе не хватит духу выбраться из своей клетки.

– Грызть глотки не выход. Это не по-людски, – пробурчал научный сотрудник.

– Зато лишить мышь свободы, искалечить её – вполне себе по-людски, – сверкнула гневным взглядом мышь.

Учёный отвёл взгляд и отошёл от клетки. Около получаса он мерил шагами лабораторию – макет своей собственной клетки. Затем закурил в вытяжку, размышляя о гештальтах и мышах.

* * *

Один бобр по прозвищу Бобёр решил постигнуть искусство любви к ближним. О жабах говорили, что они мерзкие на вид, но сам Бобёр отказывался в это верить и представлял их розовыми и пушистыми, с прекрасным голосом. Также его уверяли, что жабья кожа выделяет яд, но Бобёр мечтал встретить жабу и поцеловать её, чтобы всем доказать, что всё это нетолерантный вздор и бездуховные сплетни.

Однажды, когда Бобёр предавался благообразным мечтам, сзади неожиданно раздалось зловещее урчание. Казалось, сама преисподняя изрыгнула этот звук. Подскочив на месте, он развернулся прямо в воздухе, чтобы увидеть воочию посланницу ада, не иначе.

– Глокая куздра! – в сердцах вскричал благочестивый Бобёр. – Раскудрить ерыгу! – добавил он, обнаружив себя сидящим на ветке ивы.

Как вы понимаете, это и была жаба.

Около недели ушло на уговоры самого себя, что внешность обманчива и что все кругом ошибаются насчёт ядовитости этих несчастных земноводных.

Наконец Бобёр решился.

Без лишних слов он быстро подошёл к жабе и поцеловал её.

Придя в себя через пару часов, Бобёр ощущал себя так, как будто на нём ездил медведь. Сам медведь всё отрицал и уверял Бобра, что он ещё счастливо отделался, кивая на бэд-трип Ивана-царевича.

И с той поры Бобёр старается как минимум учитывать чужой опыт.

* * *

Один человек залил зелёнкой все богохульные выставки, чем вызвал пристальное внимание антихриста. Но человек догадался сжечь свой новый паспорт, и антихрист его не смог обнаружить, чтобы поймать и наказать.

* * *

Раб Божий Акакий бесил всех женщин, с которыми жил. Спустя год после последнего расставания он заскучал от одиночества и принял решение нести подвиг юродства. Не на работе, конечно, а в храме. Вернее, в женском монастыре. Сперва Акакий хотел симулировать матерщинную форму синдрома Туретта, но побоялся быть изгнанным на паперть. Решение подменять обсценную лексику эвфемизмами пришло как-то само собой. Он подкрадывался во время службы к монахиням помоложе и выкрикивал подозрительные слова. Монахини краснели и усиленно молились за несчастного. Духовенство морщилось, но связываться с болящим не желало. А игуменья Акулина не могла определиться, что выбрать: благочиние на службах или возросшую популярность монастыря в связи с собственным юродивым.

Так продолжалось до тех пор, пока в обитель не прибыл отбывать месячное наказание некий протопоп по прозвищу отец Пью. В этот раз наказан он был за то, что по синьке подрался со своим настоятелем. Заступив в череду, он сейчас совершал каждение на «Господи воззвах», задыхаясь от дешёвого ладана сорта «Смерть попам».

Акакий подкрался к нему сзади и выкрикнул:

– Гордец птахой, глядь!

Отец Пью замер, не веря своим ушам, и медленно повернулся к юродствующему, попутно бросив взгляд на умилённых прихожан и монахинь. Оценив нездоровье обстановки, отец Пью вопросительно хмыкнул.

Акакий привстал на цыпочки, заискивающе глянул в опухшее лицо священника, захлопал руками по бёдрам и торжественно провозгласил:

– Клёпаный крот, щука!

Отец Пью переложил кадило в левую руку, взял Акакия за грудки и сурово сказал:

– Ты чё ... совсем?..

Раздался глухой звук падения монашеского тела. Акакий судорожно вдохнул и мелко-мелко заморгал.

– Какая ещё щука? Я, ... , тебе покажу щуку, ... ! Ещё раз услышу, ... кадилом! – убедительно добавил отец Пью.

После этих слов ещё две монахини потеряли сознание. Протопопу продлили наказание ещё на две недели, зато Акакий с того дня перестал юродствовать.

* * *

Один человек пытался вместить невместимое в свои карманы, одновременно испытывая чувство собственной важности и страх попасть на Колыму. Но прокурор звал его только на Кондому. Порыбачить. А что было дальше, неизвестно.

* * *

Отец Пью, выйдя на проповедь, сказал: «Господь являет чудо богатого улова апостолам. А их лодки чуть было не утонули от количества рыбы. И ведь это апостолы, а не кто попало.

Пойду ли просить у царя золота с ветхим мешком?

Порвётся, точно порвётся по дороге домой. Просыплется богатство на радость бродягам. Приду домой – и вот, нечего показать жене.

Тогда вымолю должность себе поважнее. Даст царь и это, не оскудевает щедрость его. Вот только навыки мои рыбацкие. Казну считать не обучен, нервы нежные, в дворцовых интригах не закалены, не готов я, нет. Раскусят меня, обведут вокруг пальца, должности лишат, а то и жизни.

Чего бы ни просил я себе у Царя царей, всё потребует подготовки и совершенствования. Не потому ли порой Он как будто не слышит некоторых моих просьб? Знает, что утонет ветхая лодка моя вместе со мной?

Пойду сошью себе новый мешок, покрепче старого. Мышцы тоже неплохо было бы подкачать. Золото – металл вовсе не из лёгких. Многие надорвались. Аминь».

Прихожане покачали головами и сказали: «Видимо, лишнего вчера употребил батюшка».

А игуменья Акулина обрадовалась и пошла менять сейф с деньгами на новый – покрепче.

* * *

Одна рыба начала стесняться своего происхождения и окружения, поэтому она залезла на дерево, где и сидела среди белок, пока не засохла.

* * *

Один ученик спросил учителя:

– Мой сосед утверждает, что спит с чужими жёнами и чувствует себя прекрасно. Почему так?

Другой ученик возразил ему:

– Я вот вообще не сплю ни с кем и тоже прекрасно себя чувствую.

Тут вмешался третий ученик и сказал:

– Я читал про человека, который спал только со своими женами. Кажется, он тоже чувствовал себя прекрасно.

Учитель на это ответил:

– Что тут скажешь? Человеку свойственно чувство прекрасного.

И все подивились мудрости учителя.

* * *

С утра в алтаре происходила какая-то сумятица. Из благочиния прислали высочайший циркуляр и стопку бумаг. Запыхавшийся настоятель объявил, что всем должно подписать петицию. Дьякон метнулся устанавливать на амвоне складной аналой с высочайшим текстом. Мальчишки-пономари отправились к старосте за пластиковым тазиком с шоколадками – раздавать прихожанам за подписание. Отцу Пью думалось, что это – излишняя трата, поскольку было понятно, что и так подпишут.

Приоткрыв дверь дьяконских врат, он впустил в святая святых ручейки речей:

– Батюшку-то нашего златоуста сатаной назвал!

– Это которого по «Спасу» показывают?

– Его, родненького.

– Как не стыдно?!

– И отца Мизогиния, и отца Логорея – в хвост и в гриву пропесочил ни за что.

Через пять минут протопоп был в курсе всех треволнений. Матушке Акулине был вменён в вину её собственный портрет, вывешенный в монастырской трапезной в ряду преподобных отцов. Депутату Клептоманову было отказано в приходе на званый ужин. Владыка Мизантропий получил выволочку за то, что в гневе пробил своему протодьякону ногу посохом. Ну не убил же. Досталось по большому счёту всем уважаемым людям.

Вскоре настоятель вышел на амвон и зачитал текст петиции, которую всякий, кому небезразлична судьба Отечества и Церкви, обязан был подписать. По всему выходило, что Христос должен был быть распят. После настоятеля слово взял казачий атаман Дисфориев, особенно возмущённый отказом Христа благословить бить Его собственных врагов.

Пошли подписывать. Десятилетний пономарь Феофил было пискнул, что он не хочет

участвовать в распятии Христа, но старший иподьякон Копропракс жестами показал, что, по его мнению, нужно делать с непослушными маргиналами. Феофилу сделалось дурно, и его тут же увела домой испуганная бабушка, пригрозившая расцарапать всем хари. Связываться с ней никто не стал, понятное дело.

Пошёл подписывать и отец Пью. А как иначе, ведь лишиться креста совсем не хотелось. Кто он без креста? Никто. Авторучка почему-то не писала. Покрывшись испариной, протопоп разобрал её и под пристальным взглядом общественности начал дуть в стержень. Дул он настолько прилежно, что потерял сознание, а когда пришёл в себя, обнаружил, что лежит в собственной постели и пытается нашарить будильник.

Сон, стало быть. Вытерев пот со лба, отец Пью сказал:

– Господи, слава Тебе, что Ты пришёл к евреям две тысячи лет назад, а то срам-то какой был бы!

* * *

Один человек был очень воцерковленным, но и грехи имел не то чтобы совсем постыдные, а такие, что могли бы заинтересовать Следственный комитет.

«Каяться не вариант», – решил человек. А поскольку индульгенций, как известно, в Православной Церкви нет, то решился он постричься в Великую Схиму. Перед самой смертью чтоб, а не то, что вы подумали. Знакомым игуменам и архимандритам было уплачено заранее, по набору юного схимника лежало дома, на даче, у любовницы, в коттедже на Кипре, в московской квартире, в офисе и даже в бардачках автомобилей.

Однако прихватило его в самолёте.

Тем не менее знакомый архимандрит приехал прямо к трапу самолёта со своим набором. А ножницы забыл. Не оказалось ножниц и у экипажа. Послали за ними в магазин, а неудавшийся схимник возьми да и умри скоропостижно. Ну и безвременно, как водится.

И последней его мыслью было: «С собой надо всегда иметь ножницы-то».

* * *

Однажды в результате политических процессов к власти в лесу пришёл Павиан. Правил он мудро и осмотрительно.

Как-то раз померкло солнце. Павиану доложили, что его проглотил Крокодил. Правитель хотел было запретить Крокодила, но задумался. Крокодил был неуступчив, а зубы его весьма остры. Так и до лесных волнений недалеко.

Рассудив, что спокойствие и стабильность зверям нужнее, Павиан запретил солнце. А звери подивились силе верховных указов, которые действовали не только на земле, но и на небе.

* * *

Один человек боялся быть оплёванным. Однажды его всё-таки оплевали, и он перестал бояться. Другой человек тоже боялся быть оплёванным, но его задавила насмерть пожилая тётка. А потом задавила и первого оплёванного. Третий тоже боялся быть оплёванным, поэтому сам оплёвывал кого мог. Он же за деньги отмазал тётку, чтобы загладить наплёванное. Четвёртый плевался исключительно в небо, поэтому был оплёван самим собой. Ещё один человек тоже боялся быть оплёванным, но на него было всем наплевать.

* * *

Однажды бесы, неудовольствовавшись условиями труда, сговорились не выйти на работу. Что-то вроде забастовки. Глядь, а показатели греха среди людского населения планеты не падают. Даже чуть выше стали по некоторым пунктам. Смекнули бесы, что дело швах, и немедленно приступили к должностным обязанностям. Пока сатана не прочухал.

* * *

Один мужик каждое воскресенье влезал на дерево и садился на сук, который принимался пилить. Сук был толстый, а пила хлипкая, так что получалось не очень.

А сосед всякий раз пытался объяснить ему, что так делать нельзя. Мужик кивал, улыбался, но в следующее воскресенье снова пилил. Спустя пару лет уговоров сосед исчерпал все аргументы и теперь лишь с ненавистью смотрел на пилильщика сквозь окно веранды. Иногда он принимался выразительно стучать себе кулаком по голове и бегать по своему участку.

А однажды сосед не выдержал, с истошным криком кинулся на мужика и убил его. После чего вызвал полицию и сдался ей. Друзья неоднократно пытались тайным образом передать ему в тюрьму ножовку по металлу, чтобы он перепилил решётку и сбежал, но без толку: арестант яростно ломал полотно на мелкие части.

А что до дерева, так оно в целости простояло ещё лет триста.

* * *

Отец Пью приехал в гости к старому товарищу и нашёл его опечаленным. Руководитель миссионерского отдела епархии справедливо

требовал с него кипучей антисектантской миссии. Только где ж ей взяться в небольшом городке, где даже собакам скучно?

Выяснив фронт работ, отец Пью сказал: «Я щас». После чего направился в парикмахерскую и сбрил свою эспаньолку. Там же узнал, где находится самый шикарный местный ресторан.

Меню не включало в себя трюфели, чёрные арбузы и Шато Лафит, впрочем, отца Пью это не смутило. Заказав самые дорогие блюда, он запил всё чёрным ромом. Затем потребовал счёт, но вместо денег положил в кожаный чекбук мормонский флаер, приглашающий к дискуссиям на английском языке.

Встал во весь рост, размял спину и швырнул тяжёлый стул в панорамное окно.

– Свят пророк Мормон! – взревел бритый батюшка, потрясая кулаком.

– За Урим и Туммим! – восклицал отец Пью, переворачивая стол. – Мормоны – сила, ресторан – могила!

– Покайтесь, язычники! – крикнул он напоследок и выскочил через окно на улицу.

Вечером этого же дня к зданию церкви Мормонов подъехали два внедорожника с тонированными вкруговую стёклами. Восемь энергичных парней убедили духовных руководителей в необходимости их срочного переезда в какой-нибудь другой город.

А утром на электронную почту главного миссионера епархии пришёл рапорт о том, что в результате комплекса мер сектантских организаций стало меньше.

– А борода отрастёт, – успокаивал товарища отец Пью.

* * *

Шестнадцать аристократичных белок задумали устроить тайное оппозиционное общество. Сказано – сделано. Назвались одиозным клубом.

– Почему одиозный? – спросила белка-поэтесса.

– Ма шери, – сказала другая белка, – но это же абсолютно очевидно с точки зрения математики.

Никто ничего не понял, но все согласились. Собирались втайне от всех, соблюдая тщательную конспирацию. Тем не менее Павиан узнал о том от птиц. Выяснив, что главным занятием белок было курить сигары и играть в шахматы, царь зверей успокоился, но наружное наблюдение с неблагонадёжных аристократок не снял.

* * *

Один верный Христов ученик боялся, что придёт антихрист и завладеет его душой. Он понимал, что сжигание паспорта и шарахание от ИНН не решит проблемы, поэтому продал свою квартиру и выкопал себе знатный бункер в тайге. Не сам, конечно. Пришлось нанять престарелых квалифицированных рабочих, страдающих склерозом, чтобы ни одна живая душа не знала, где он будет прятаться.

Бункер вышел таким, что позавидовал бы сам Гитлер. Человек запасся консервами и залёг на дно.

Когда пришёл антихрист, то этого-то человека он найти и не смог. Антихристы, как известно, народ глуповатый. Интернетами пользоваться умеют, кодингом, там, хакингом всяким, фишингом ещё куда ни шло, а вот поиск бункеров не их конёк всё же. Раздосадованный антихрист вскоре был упразднён Христом в своё время. Потом случился Страшный Суд. Овцы были отделены от козлищ и унаследовали Царство Истины.

А когда закончились припасы, дядька вышел на поверхность, но никого там не нашёл.

* * *

В одну обитель поступил бывалый послушник. Его маршрут хождения по монастырям превышал все миссионерские путешествия апостола Павла. Поэтому послушник доподлинно знал, где монашеский устав такой же, но с перламутровыми пуговицами. О том, как всё прекрасно устроено в иных обителях, он непрестанно рассказывал настоятелю и братии.

По всему выходило, что все настоящие монахи собрались в каких-то других монастырях, а тут остались сплошь подонки общества.

– От них же первый есмь аз, – с Арамисовым выражением лица добавлял тот послушник.

В конце концов монахи напоили послушника хорошим коньяком, выслушав упрёки, что он-де пахнет клопами. А когда тот уснул, отнесли его к речке, уложили в лодку и хотели уже оттолкнуть от берега, как вдруг услышали сзади властное покашливание.

То был отец Тигрий, настоятель.

– Что творите, ироды? – сурово спросил он.

Братья потупили взоры и засопели.

– Вы христиане или где? – продолжил игумен. – Да за него на Голгофе кровь лилась! Думаешь, твоя?

Монах, к которому был обращён последний вопрос, помотал головой.

– Или, может быть, твоя? Нет? – заглянул настоятель в глаза другого брата.

Тот вместо ответа бухнулся в ноги игумену.

– Человек покидает нашу чёртову обитель навсегда, а вы ему еды в дорогу не собрали? Позорище!

Двое монахов со всех ног бросились в трапезную и принесли всякой снеди. Разложили вокруг спящего послушника и вопросительно взглянули на настоятеля. Тот кивнул.

Лёгкий ветерок разглаживал прибрежный камыш, лунный луч скользил по воде далеко-далеко. Лодка, покачиваясь на белёсых волнах, медленно удалялась от берега, а отец Тигрий благословлял её вослед, утирая скупую мужскую слезу.

* * *

Услыхав о Вифлеемском огне, ученики вопросили о нём учителя. Тот долго молчал, притворяясь спящим, затем всё же открыл глаза и сказал:

– Не хотел говорить вам о том раньше времени, но есть особые элементы века сего: Вифлеемский огонь, Мёртвая вода и Акелдамская земля. Элемент же воздуха скрытым пока остаётся от человеческого ума, и его временно заменяет Иерихонская медь и Гергесинское сало. Только тсс!

И приложил палец к губам.

* * *

Радея о судьбах обитателей леса, одна из белок решилась на манифест об искренности закона и о том, есть ли место истине во всеобщем многословии.

Просидев над листом бумаги пару часов, она приятным почерком вывела следующее: «У нас сверху – блеск, снизу – гниль».

Дальнейшее сидение ни к чему не привело, белка потеряла терпение и решила, что общая мысль, в принципе, ясна. После чего ночью, таясь, вывесила манифест на поляне.

С утра весь лес был на ушах. Пришёл и Павиан, которому доложили. Прочитал, одобрительно хмыкнул и приказал оформить листок в рамку и под стекло.

* * *

Снилось отцу Пью, что финские астрономы открыли инопланетян. Взволновались люди и созвали богословское вече. Как, мол, объяснить всё это? У некоторых оказались с собой целые диссертации о том, что инопланетяне не противоречат Библии. Другие заявили, что в свете новых открытий им можно заниматься противоестественными грехами. Третьи на всякий случай закопали себя в землю по пояс. Четвёртые сказали, что подождут окончательного решения начальства. Пятые облили зелёнкой тех, у кого были диссертации. Один дьякон заявил, что ему вообще пофиг. Ему не поверили. Звонили проверенным старцам, но не дозвонились. Хотели позвонить в патриархию, но постеснялись. Потом выяснилось, что открытие совершили не финские астрономы, а цыганские. Градус накала страстей тут же понизился до нуля, и все разошлись.

Отцу Пью сразу стало скучно одному, и он проснулся.

* * *

Один человек всё время нервничал и переживал о том, что́ о нём думают люди: родственники, коллеги, начальство, соседи и кондуктора трамваев. Люди же думали о нём всякое с завидным непостоянством.

Ещё человек переживал по поводу сделанной им работы. А работа делалась чаще всего хорошо, но иногда не очень. Случалось, что и вовсе не делалась, когда он болел и оставался дома.

Также человек переживал за свою Родину: встанет ли она с колен, допустят ли её до Олимпийских игр, уважают ли её в ООН и не заселят ли её китайцы. А Родина ничего не знала о том, что за неё переживают, ведь она не личность, чтобы ей мыслить.

Стрессы, как известно, здоровья не улучшают, и человек, нервничая и переживая, сократил свои дни и умер измотанным и несчастным. Земля продолжала вращаться вокруг Солнца, границы государств менялись, цивилизации появлялись и исчезали, в общем, жизнь шла своим чередом.

А тому человеку за все его переживания так никто никакой награды и не дал.

* * *

Ученики вопрошали учителя:

– Почему православные соцсети пестрят борьбой с какой-то крысой? Что заставляет многих православных так яростно агитировать против китайского календаря, о котором мы узнали лишь второго дня, да и то случайно?

На это учитель сказал:

– Отстаньте от этих людей, ведь они уже победили свои страсти, преисполнились любви к Богу и ближним, бесы в страхе убежали от них, и теперь из всех врагов имеют лишь календарных

китайских зверей. А вот нам с вами ещё предстоит генеральная уборка в наших сердцах.

* * *

Одна сердобольная дама увидела, что её брат во Христе погибает от пагубной страсти пьянства, и решила его спасать. Во-первых, она в соцсетях призвала всех своих подписчиков к усердной молитве. Во-вторых, она стала приносить ему на работу соки и газировку, чтобы заменить алкоголь на нечто менее вредное. Ну, а в-третьих, дама вспомнила авторитетное выражение: «Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган» и решила положить свою душу взамен братской.

– А может быть, я и сопьюсь, – сказала она вслух, – зато спасу его. Возможно, он даже будет приставать ко мне, как это всегда бывает в состоянии алкогольного опьянения. Но лучше пусть пострадает моя честь, лишь бы избавить его от зелёного змия, – решила она и отправилась к погибающему в гости.

– Я не пью водку, – сказал гибнущий брат, увидев в руках дамы литровую бутылку.

– Как это? – поразилась спасительница.

– Ну вот так, – отвечал несчастный, – невкусная она.

– А что же вы тогда пьёте? – робко вопросила дама.

– Исключительно кальвадос, – мечтательно протянул алкоголик.

– Так он же дорогой! – возмутилась христианка.

– Потому пью я его по большим праздникам. Причём на свои, – насупился пропойца. Затем покосился на водку в руках незваной гостьи и добавил: – Завязывать вам надо с этими делами.

И попытался закрыть дверь.

– И вы не пригласите меня войти? – в замешательстве спросила женщина.

– Видите ли, – смутился пьяница, – с водки всякий блуд начинается, а после блуда – выклёвывание мужских мозгов, а оно мне надо?

После чего раскланялся и выставил посетительницу вон.

От столь мощного когнитивного диссонанса дама отпила водки там же, в подъезде, продолжила дома, а назавтра уже пригласила подружек, чтобы обсудить, какими же всё-таки козлами могут быть некоторые.

* * *

Один рыбак спьяну продал Кемскую волость шведам. Ну продал и продал, с одной стороны. Эка невидаль. Мало ли кто чего продаёт. Я вот, к примеру, и на трезвую голову готов любому уступить Ганимед по сходной цене. Да только волость та была собственностью Соловецкого монастыря. А если каждый начнёт монастырское имущество иностранным гражданам обещать, ничего хорошего не выйдет, нет. Поэтому рыбака того общим решением братии предали сатане.

Рыбак в себя приходил редко, и это грозило обернуться тем, что он так и не узнал бы о наказании. Тогда его показательно разобрали на вече. Но это тоже не очень тянуло на перевоспитание. В таком случае ничего другого не оставалось, как посадить его в острог. Что и сделали, собственно. Хорошо хоть, шведы в знак признательности ему туда передачки носили: гипокрас и водку Absolut. А будь он трезвым – хапнул бы горя.

* * *

Попав в очередной месячный запрет, отец Пью озадачился вопросом заработка, поскольку поповская зарплата ему пока не светила. Вспомнив слова женщин, которых бьют мужья, что последних оправдывает не то зависимость, не то ещё какой-то недуг, запрещённый пресвитер решил эту заразу лечить.

Разместил на нескольких приходах, где были знакомые настоятели, объявления. И вот поступил первый заказ.

Муж – баскетболист, жена – дюймовочка. Скула опухла, запястье забинтовано.

– Он не виноват, – сбивчиво объясняла жена. – Просто у его родителей так же было, вот он и впитал...

– Конечно, не виноват, – согласился отец Пью. – Случай классический. Ты пока на кухню сходи, отрежь кусочек сырого мяса, а я пойду соберу анамнез у больного.

– А зачем мясо? – поинтересовалась дюймовочка.

– Так надо, – таинственно ответил батюшка и прошёл в спальню.

– Ты кто такой? – изумился баскетболист.

– Дед Мороз я. Слышал я, что ты себя плохо вёл в этом году, потому без подарка пришёл. Но вот что имею, даю тебе!

И дал страждущему от духа драчливости хорошего православного леща.

Страждущий впал в культурный шок и, сам того не желая, подскочил с кровати, но, получив заушину, сел обратно и затих, потрясённо глядя на гостя.

– Смотри, чадо, если снова будешь плохо себя вести, я вернусь сюда с Сантой и его оленями.

В спальню заглянула дюймовочка с куском мяса в руке:

– Свинина подойдёт?

– Подойдёт, деточка, – ласково ответил отец Пью и погладил её по голове. – Как раз именно свинина тут и поможет. Сейчас вот наложу древнее заклинание, муж твой драться больше никогда не будет.

После чего воздел руки и хорошо поставленным голосом провозгласил:

– Крибле, крабле, бумс!

Неслышно прошептав над вырезкой: «Господи, помилуй и прости», бывший боксёр елейным тоном посоветовал мужу «приложить мяско к морде лица», взял с женщины плату и, уходя, сказал:

– Гарантия – два года, если что – звоните, приеду бесплатно.

За месяц запрета у отца Пью было ещё порядка двадцати подобных заказов и куча благодарных звонков от жён. Потому, когда архиерей ему снова разрешил служить, он даже несколько опечалился, поскольку боялся одновременно бить хари и служить литургию.

* * *

Один человек любил грузинское вино ещё с детства, заочно, прочитав повести Нодара Думбадзе. А также любил мчади, мцвади и, возможно, сациви, но это неточно. А потом политическая ситуация в мире изменилась и он разлюбил всё грузинское. Ещё он любил украинские песни и мультфильмы про казаков. Как вы поняли, их постигла участь чачи и чурчхелы. Панды и фильмы про кунг-фу подверглись остракизму за то, что китайцы хотели занять Сибирь.

Джинсы, правда, всё равно носил и пользовал на своей ЭВМ маздайскую ось.

Правда, ночами ему иногда снился Чоу Юньфат, ладно выводящий «Стелися, барвінку», и мастер Шифу, подливающий цоликаури троим запорожцам.

* * *

Однажды совершенно неожиданно прекратилось воровство, и Россия встала с колен. На радостях даже перестали пить.

Разбудили Салтыкова-Щедрина. Тот осмотрелся, покачал головой и сказал:

– Нет, братцы, это не Россия.

После чего полез обратно в гроб.

* * *

Один молодой священник был балагур. Не то чтобы он завидовал лаврам Петросяна и Мартиросяна, конечно. Просто он заботился о том, чтобы людям с ним было комфортно. Вот и подтрунивал непрестанно над своими подчинёнными и прихожанами незнатного происхождения.

Однако батюшка никогда не подшучивал над собой сам да и никому иному того не дозволял, поелику меру знал и черты дозволенного не преступал. Окаянного смехотворства всячески избегал потому что.

* * *

Один поп имел дар рассуждения. Причём сразу во время хиротонии на него этот дар и сошёл. Не успел епископ дочитать молитву, как открылось попу знание Писаний и всего Предания. Ну, там ещё церковных дисциплин всяких, вроде литургики с догматикой.

Это было очень кстати, поскольку в семинарии приходилось в основном на различных послушаниях находиться и учиться было некогда. Неожиданно для себя ставленник поверил в Бога и во всё, что он в Библии не читал. Почувствовав своей головой, что руки архиерея болят из-за артрита, он исцелил их одним лишь «Господи, помилуй», а заодно почистил печень, нормализовал метаболизм и кровообращение в некоторых местах.

Отпив из Потира, поп увидел, что антидора на всех соборных прихожан не хватит, и чудесно умножил его. Предсказал ошибку хора на запричастном, что и сбылось спустя минуту. Когда преподавал своё первое иерейское благословение, укорил местную блаженную, что юродство её бесовское, а не от Бога. Обратился со словом благовестия к китайским туристам, что толпились у знаменитой раки. Причём на их родном языке. А настоятелю поведал, что нужно говорить не «горе имеем сердца», а «горе имеим сердца», поскольку в переводе с церковнославянского это слово означает «обратим».

Придя домой после службы, поп обнаружил, что у него выросла густая седая борода, а волосы сплелись в один большой подвижнический дред. Скоромного есть не хотелось совсем.

В супружеском общении матушке было мягко, но решительно отказано, а в доказательство правильности этого решения он на пару минут воспарил над линолеумом.

На исповеди он был одновременно строг и мягок, учил с амвона простым выспренним языком, работал с молодёжью, бездомными, заклю-

чёнными, посещал больных, между службами беседовал с прихожанами и совершал все требоисправления, преподавал в семинарии и воскресной школе, ходил в детские сады и дома престарелых, переводил Богослужение на языки всех малых народов, массово крестил мокшан, тубаларов и кумандинцев, взаимодействовал с Вооружёнными силами, казаками, убедил всех зороастрийцев и чиновников чтить Закон Христов и родил десять детей.

А потом чудесный поп догадался, что его не существует, после чего незамедлительно растворился в эфире.

* * *

Один вспыльчивый водитель знал в совершенстве правила дорожного движения. И соблюдал. В отличие от многих других. В зависимости от разных факторов они условно делились на баранов, тупых дур и лиц нетрадиционной ориентации. Естественно, об этом они не догадывались.

Эти многие другие не пользовались указателями поворота, парковались в неположенных местах, ездили с выключенными фарами и двигались между полос.

Всё это так бесило, что герой повествования за рулём матерился и жестикулировал, как раздосадованный матрос, у которого украли сигнальные флажки. Нервная система, понятно, страдала, страдала, а потом вышла из строя, и её хозяин умер прямо за рулём.

А бараны, тупые дуры и лица нетрадиционной ориентации не нервничали и жили долго, хоть и не всегда счастливо.

* * *

Один мужик однажды перестал получать выплаты по супружескому долгу. Поразмыслив изрядно в течение месяца, он не нашёл причин и обратился к благоверной с вопросами.

Дражайшая же половина от прямого ответа уклонилась, сказав загадкой:

– А вот у баб своих спроси!

Баб у того мужика не было, поэтому пришлось ему потратить ещё пару месяцев, чтобы завести.

«Троих должно хватить», – решил мужик и стал расспрашивать их о причинах странного поведения своей жены.

Бабы хоть решить загадку и не сумели, зато на постоянной основе стали помогать с долгом, и мужик перестал забивать себе голову.

* * *

Игуменья Акулина учила у кафедры, что послушание превыше всего и что без оного нет спасения. А вновь сосланный в монастырь отец Пью прилюдно возразил, указывая на девятерых прокажённых, что исполнили послушание, продолжив свой путь. Мол, самарянин, очистившись от проказы, нарушил послушание и вернулся благодарить Христа. И это нарушение послушания, дескать, и спасло его.

Возмутившись духом, матушка ночью, пока все монахини спали, проникла в алтарь и раскрыла напрестольное Евангелие. К её досаде, всё выглядело, как и сказал поп-пьяница. Повинуясь внезапному озарению, мать игуменья выдрала злополучную страницу и удалилась в свою опочивальню в духе мирном.

* * *

Отцу Тигрию сообщили, что новоначальный монах странно себя ведёт в собственной келье. Братья затруднялись в формулировках, но были явно смущены.

Не в правилах настоятеля было подслушивать, тем не менее он, встав у двери, напряг свой слух.

– Господи, слава Тебе за красоту фрактальной геометрии, за свечение азота и кислорода в полярном сиянии, за биолюминесценцию и пустынные миражи, за коронные разряды огней святого Эльма и пение колец Сатурна, за гейзеры и водопады, текущие вверх, за Глаз Сахары и Шоколадные холмы, за китов, пингвинов и бессмертную медузу. Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего Александра Пушкина за его стихи, помяни и всех славных поэтов и писателей, что умягчили сотни тысяч сердец человеческих.

– И раба Твоего Гервасия Псальмова упокой, Христе Боже, – прошептал игумен, кандидат филологических наук, уже стоя на коленях под дверью кельи.

– Помяни, Господи, рабов Твоих Марка Нопфлера за его гитарное мастерство, боголюбивого Иоанна Златоуста Моцарта за его музыку вкупе с Бахом, Бетховеном и Вивальди...

Потихоньку встав с колен, отец настоятель перекрестился и на цыпочках удалился восвояси, задумавшись о тех вопросах, что нужно не забыть спросить у Бога при встрече.

* * *

Один человек решил завести змею. Для этого он совершил путешествие за тридевять земель, выбрал в серпентарии самую ядовитую и привёз домой.

Отогревшись на груди, змея начала кусаться и выжила человека из дома. Погоревав какое-то время, построил он себе новый дом.

А когда зажили укусы, этот человек завёл себе хорька и даже стал подумывать о пёстром варане, прочитав, что его яд вроде бы слаб и не особо опасен.

* * *

Один непростой человек возглавлял солидную компанию «Горпромснабзаготгриб» и благоволил Христу. Прочитав в церковной книжке о мытарствах, он завёл молескин, куда вносил сведения о своих грехах и добродетелях. Шифровал, конечно, чтоб посторонний глаз не соблазнился количеством его добрых дел, ибо оно преобладало над злыми.

Судите сами:

«1 убийство – 4 построенных храма,

2 измены – 38 паломнических поездок,

3 украденные тонны денег – 14 тыс. Иисусовых молитв».

И так далее. Приснилось солидному господину, что он умер, а черти его к Богу не пускают, мол, наш ты. Тот им под нос молескином тычет, а те копытами разводят, мол, у нас тут иной счёт грехам, а добродетелями мы и сами полны. Вон, гляди, котлы только до семидесяти градусов нагреты вместо ста, а на вилах зубцы затуплены во избежание проникающих ранений.

Стал глава солидной компании ангелам пенять на бездействие, а те руками разводят, мол, чертей тоже понять можно, а от Бога никаких указаний не поступало.

Проснулся господин в холодном поту и решил ещё построить монастырь. И жалованье положить монахам, чтоб вымаливали его от страж бесовских поусерднее.

* * *

Служил один неверующий поп. Родина о том и не догадывалась даже, поскольку, перефразируя Шевчука, ко всякой сволочи доверчива. Поп строил большой храм. Ну как строил? Один кирпич положит в кладку, три – в карман. В итоге получилась внушительная сумма, которой хватило на покупку заваленных всяким антиквариатом царских апартаментов близ Елоховского собора. Грянула проверка, и попу, откупившемуся малой кровью, пришлось уехать в другую епархию, где его поставили обычным штатным в женский монастырь.

Поп глядь да глядь, а игуменья тоже неверующая. Родственная душа, стало быть. Ан нет! Фигушки. Невзлюбила матушка нового священника. Тот уж с ней и так и эдак – не может угодить, и всё тут. А та вошла во вкус и вовсе издеваться стала.

Поп уж тут терпеть не стал и задумал игуменью свести со свету. А поскольку сотни часов провёл за сериалами вроде «Игры престолов» и «Декстера», то не стал пороть горячку, а раздобыл ядовитого тропического змея и подбросил его в игуменские покои. Змей укусил игуменью Акулину да и… сдох, отравившись.

А бесы, глядя на это, приняли решение, что стоит сериалы те продлить ещё на несколько сезонов, ибо польза от них изрядна весьма.

* * *

Один завсегдатай харчевни «Сосновый бро» перестал ходить в церковь в знак протеста. Дело было в том, что в харчевню частенько заглядывал один священник. Заказывал пиво, жареных креветок и кальян. Вёл себя возмутительно: чавкал, пускал дым колечками, а когда крякал, то приговаривал:

– Вот это благодать!

И приглаживал окладистую бороду.

Однажды, решив проучить злочестивца, завсегдатай подошёл к тому попу и сложил руки лодочкой, пытаясь взять благословение. Тот, взглянув участливо, положил ему в ладони сторублёвку.

Оказалось, бородач был айтишником. Но осадочек от всей этой истории был настолько велик, что в церковь наш герой уже не вернулся.

* * *

Один дядька любил, чтобы всё было на своём месте. Мужики чтоб служили, бабы – рожали, попы – благословляли, господа – правили, воры – рассуждали, земля – кротам, небо – орлам.

А чтобы было так, а не иначе, приходилось всех ставить на место. Кого мягко, а кого и жёстко. Понемногу вокруг дядьки порядок восстанавливался, а вот друзья куда-то подевались. Правду, видать, не любили.

* * *

Один поп решил всюду ходить в подряснике, поскольку в этом истинная тайна благочестия. Согласно задумке, это была молчаливая проповедь. Вот, мол, Церковь тут, среди народа, а не в царских палатах.

Вот только не учёл народный батюшка, что в подряснике нужно ходить с опаской. Стали люди роптать, что попы совсем обнаглели: то возле табачного ларька отираются, то у пивнушки да и возле стриптиз-клубов с ресторанами не раз бы-

ли замечены. Постепенно число мест, мимо которых ходить попу никак не можно, возросло.

Стал благочестивый поп составлять свой маршрут, глядя на карту города. Но тут – кинотеатр, там – кальянная, а где-то – спа и бильярдная. Во дворах – закладки, в подъездах – самогоном торгуют, в переходах – проститутки стоят. А ведь ещё в руках ничего нельзя было нести. Любому встречному там мерещилась водка, журнал «Плейбой» и сигареты.

Психанул священник, прекратил миссионерское дело своё. Успокоились люди и сказали: «Как была Церковь от народа далека, так всё и осталось».

* * *

Приступили как-то раз православные к своему настоятелю, мол, в этих ваших интернетах один скверный поп на портале «Православие.ру» пишет, что Ветхий Завет читать надо.

Вздохнул батюшка, покачал головой и сказал:

– Я как-то по молодости открыл Ветхий Завет, попал на Третью Книгу Царств. И там был такой момент, что Ровоам, сын Соломона, на просьбу народа о снижении налогов по совету молодых приближённых ответил крайне грубо и пошло. Не пристало православному читать такое, знаете ли.

Тогда стал молить народ православный, чтобы открыл им пастырь слова Ровоама. Долго упрямился протопоп, затем потребовал удалить из храма детей малых.

– И сказал Ровоам народу: «Да мой мизинец толще, чем у отца моего... это...»

И показал глазами, где находится «это».

– Господи, какой срам! – ахнула староста.

Клирошанки густо покраснели, а молодой дьякон Дионисий в алтаре оживился и прислушался.

– Это я ещё Песню Песней не читал, – продолжал мудрый настоятель, – а вот мой однокашник открыл, на свою беду. Застукали его потом с одной, с регентского, пришлось жениться. А ведь он о монашестве мечтал.

Люди возмутились духом и с клятвой отреклись от подобных чтений. Мало ли что.

Один лишь отец Дионисий радостно потёр ладони, чётко уяснив для себя, что ему обязательно следует прочитать из Библии.

* * *

Один благочестивый священник ждал поощрений от священноначалия за то, что он не бухал, не бил жену, не прелюбодействовал, не тырил церковную казну, не злословил архиерея и всегда заботился об уровне своих духовных компетенций.

Ждал он ни много ни мало – сорок лет. Да так и не дождался никаких благодарностей ни за своё благочиние, ни за боголюбие. И вовсе не потому, что начальство было злое. Оно было просто не в курсе всех его великих заслуг.

* * *

У одного проповедника было прозвище Шорох-в-кустах. Это потому, что никто не понимал, что он говорит на проповедях.

Прихожане терпели первое время, потом осерчали и стали говорить в сердцах:

– Да чтоб ему пусто было!

А бесы подслушали это и стали у того проповедника воровать красную икру с бутербродов. Он намажет густо, укусит, а во рту пусто. Опечалился и пошёл за советом к собрату, мол, колдует на меня паства.

Собрат-проповедник и указал ему на огрехи в дикции: сходи, мол, к логопеду и утолишь обиду людскую.

Опечалился Шорох-в-кустах и сказал:

– Так ежели я буду говорить чётко и понятно, все увидят мой недостаток в разумении Писаний, поскольку я большинство зачётов и экзаменов попросту купил. И будет последнее горше первого.

– А ты тогда не намазывай икру, а ложкой её ешь, – посоветовал учёный собрат.

– И то дело! – обрадовался наш герой и отошёл восвояси беспечальный.

* * *

Один добрый пастырь в порыве любви к людям освятил на Богоявление целый плавательный бассейн.

– Во Иорда-ане, – пел он, погрузив в воду крест, а у самого по густой бороде текли слёзы умиления.

А на епархиальном собрании он обличил подлого собрата, который вероломно вовлёк студентов в изготовление плюшевых свинок. Всё бы ничего, но по китайскому календарю наступал Год Свиньи. А потом этих свинок раздали больным детям, подрывая устои Православия.

– Как же так, владыка? – задыхаясь от любви к деткам и студенческой молодёжи, рыдал вещий поп.

Свинский собрат подвергся публичному порицанию, ибо следить за китайским календарём

всякого пресвитера обязывает православная совесть.

А на следующий год любвеобильного пастыря все зачем-то поздравляли с Годом Крысы. Вот ведь какая страшная зараза проникла в нашу Церковь!

* * *

Один бедняк ненавидел бедность и коррумпированных депутатов за их наглость, богатство и оторванность от народа. Причём свою ненависть изливал вслух. Потом кто-то предложил ему баллотироваться в областную думу, чтобы одним достойным депутатом стало больше.

Предвыборные дела проходили в таком нервном напряжении, что бедняк чуть было не слёг в больницу, но выстоял. А чтобы выборы не сфальсифицировали, он привлёк массу независимых блогеров. Слух об этом дошёл до самого президента, который выразил в прямом эфире свою моральную поддержку.

В результате система была взломана, как о том выразился новоизбранный народный депутат. Приступив к работе, со временем он распрощался с бедностью и научился отличать лангустов от лангустинов. А его ненависть к бедности постепенно распространилась на бедняков, которые были вечно недовольны, ленились работать и вообще раскачивали лодку. А ведь в ней всем нам предстояло плыть к светлому будущему.

* * *

Один вещий настоятель малоизвестного храма имел благодать быть одновременно в разных местах. Особенно это касалось святых мест, где была сильная нужда в священнике, – уличной территории крупных городских церквей. Вот, скажем, заезжает человек на хорошей машине на территорию кафедрального собора, а к нему уже подходит вещий поп и говорит:

– Здравствуйте, я священник, чем я могу вам помочь?

И людям даже не приходилось утруждать свои ноги пешим переходом до церковной лавки, поскольку договаривались о требах с батюшкой-тружеником, не выходя из автомобиля.

* * *

Один строгий настоятель не одобрял светский Новый год, признавая лишь церковное Новолетие – в сентябре.

– Что вы хотите праздновать? – вопрошал он с амвона прихожан. – Пусть мирские люди отмечают, а у нас с вами нет никакого особенного праздника, ибо мы люди Божии.

Православные понуро расходились по домам и всё равно встречали Новый год с родными за столом, под бой курантов, но как-то с затаённым чувством вины.

А спустя некоторое время архиерей благословил служить на новогоднюю ночь всем желающим, и суровый протоиерей насторожился. А когда благочинный подхватил эту инициативу, тут, конечно, Сам Бог велел служить.

Теперь настоятель уже грозно обличал всякого, кто не почтит его храм своим присутствием с тридцать первого на первое, ибо ночных служб в году всего-то четыре теперь и кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец.

Испугались православные канонических прещений и пошли на ночную службу, выслушав массу неприятных вещей от своих нецерковных домашних.

А чего ещё от них ожидать? От нецерковных-то.

* * *

Белка-поэтесса задумала стихотворную славу, но муза так и не пришла. В отчаянии белка решила спиться, а под утро, подняв тяжёлую голову, продекламировала:

Весенний лёд
Куда-то прёт.
Меня ведёт,
Весь мир плывёт.
Похмелье долго не пройдёт...

После чего уронила голову и уснула. Павиану, понятно, доложили, и он целый день думал, что запретить: алкоголь или белок. Психанув, запретил стихи.

* * *

Один протопоп, служа литургию, допустил помысел, что поскольку его пока ещё терпит Господь в сущем сане, то он, стало быть, вполне ничего такой себе священник. Бывают-то и похуже порой.

Но стоило ему на «Отче наш» выйти из алтаря в пономарку, чтобы омыть руки, как его там ожидал большой сюрприз.

В пономарке стояла дежурная по храму и показывала попу средний палец. Без пяти минут пастырь добрый замер, поражённый этим видением. Тут следует пояснить, что дежурная эта была самым незлобивым на свете человеком, ни разу не назвавшая никого даже дураком. Да что там дураком! Она и фигу-то никому не сложила. А тут такой обсценный жест!

«Дело дрянь», – догадался протопоп, взирая на невербальный намёк снимать крест и идти работать в такси за профнепригодностью.

«Vox Dei, надо полагать, – продолжил рассуждать он. – Пора уходить, иначе камни возопиют по-английски».

Всё это пронеслось в голове священника за долю секунды, и он даже не успел измениться в лице.

Затем всадница его персонального апокалипсиса ласково сказала:

– Один исповедник. – После чего разогнула указательный палец, образовав таким образом букву V, и добавила: – И два причастника.

Поклонившись, дежурная вышла.

Протопоп нервно шмыгнул носом и, забыв умыть руки, ушёл назад в алтарь – восставать из пепла.

Но с тех пор служил уже с опаской.

* * *

Ученики спрашивали учителя, допускает ли он вероятность существования инопланетян.

Отвечал учитель:

– Я не знаю, есть ли разумные существа на иных планетах, домысливать не стану, но на этой их точно нет.

* * *

Один коррупционер не верил в людскую бедность и нищету. А всё потому, что сидел в таком кабинете, куда всякий просящий входил с взяткой.

– Если бы у людей не было денег, они и не платили бы мне, – рассуждал он.

И никто не мог против такой логики возразить.

* * *

Отец Пью как-то размышлял за стаканом доброй чачи, подаренной ему благодарными прихожанами:

– Православные, вот почему вы такие унылые? Одни не в курсе, что Христос победил смерть, другие пытаются напялить на себя монашеские вериги со всеми этими сухоядениями и жёстким контролем своего либидо, будучи притом людьми семейными, между прочим. Третьи слишком много гордятся своими заслугами и боятся общественного порицания за грехи. У четвёртых всегда болит голова за школьную успеваемость, ипотеку, шубу и новые сапоги. А я почему всегда безмятежен, подобно весеннему цветку лотоса на глади пруда у подножья Фудзиямы? Да потому, что пью, мне нечего терять, нечем гордиться и почти в совершенстве овладел искусством православного дзен-пофига.

Затем поднял стакан, чокнулся с церковным сторожем и провозгласил:

– Ей, гряди, Господи Иисусе! Слава Богу, мы все умрём!

– И воскреснем, – сипло прошептал он вместо закуски.

* * *

Как-то раз утонул один учёный, свалившись в море с пирса. Поскользнулся на медузе. Ангелы, как водится, понесли его душу на суд. А тут откуда ни возьмись – черти. Чёрные, как самый оголтелый расизм. И давай запугивать учёного. Свистят, галдят, зачитывают грехи: как докторскую сплагиатил, как с аспирантками спал, как анонимки строчил на ректора.

Не ожидал усопший, что загробная жизнь существует. Да и к таким напастям от судьбы тоже не был готов.

– Так это же чёрный шум! – догадался он вслух.

– Чёрный что, простите? – растерялся один чертёнок.

– Ну, спектр сигнала произвольной природы, близкий к спектру абсолютного чёрного тела, – пояснил профессор. – Конечно, с одной стороны, мы имеем невозможность термодинамического равновесия между веществом и излучением, ибо вся тепловая энергия стала бы коротковолновой, но квантово-механический подход, пожалуй, мог бы всё прояснить...

– Не зли меня, подлюка, – взъерошился чёрт постарше, – я тебе сейчас так формулу Планка разложу, что и Рэлей с Джинсом не помогут!

И двинулся было на доктора, но тот вдруг закашлялся и исчез.

Очнулся учёный, смотрит, а над ним какой-то пионер склонился.

– Тебе чего, мальчик? – неласково осведомился утопленник.

– Да я же вас спас! – обиделся юноша. – Из воды вытащил, искусственное дыхание сделал, как меня учили.

– Поторопился ты, – отмахнулся профессор. – Я бы их там всех на место поставил.

Пионер сплюнул с досады, огляделся вокруг и сказал нехорошее слово, после чего полностью разуверился в моральных принципах пионерии.

* * *

– Батюшка! – как-то раз обратился к отцу Пью юный алтарник. – А вот вы почему никогда поклонов не даёте пономарям в наказание?

Отец Пью отвлёкся от разглядывания фотографий в церковном календаре и внимательно посмотрел на подростка.

– А тебе, брат, хочется их класть? – поинтересовался он.

– Поклоны спасительны, – уклончиво ответил юноша.

– Ну так что тебе мешает кланяться во славу Божию? Вовсе не обязательно для этого косячить.

После чего вернулся к бородатым фотографиям.

– Сколько жуликов на свете! Помилуй Бог! – покачал он сокрушённо головой.

Тут как тут настоятель:

– Кто жулики? О ком это ты?

– Мошенники телефонные, – ответил отец Пью, – звонят и звонят без конца. – Затем удивлённо воззрился на настоятеля: – Да уж не на этих ли святых старцев ты подумал, борода твоя многогрешная? Окстись, брат!

И, уткнувшись в календарь, замурлыкал «От Севильи до Гренады», к вящему неудовольствию начальника.

* * *

Ученики обступили учителя и сообщили ему, что некий миллиардер раскритиковал низкие пенсии и зарплаты россиян, ожидая услышать от своего наставника нечто мудрое по этому поводу.

Тот оглядел братьев и сказал:

– При сильном желании можете и вы покритиковать, ведь для этого совсем не обязательно быть миллиардерами.

* * *

Собрались как-то православные на одном приходе, чтобы решить вопрос, как привлечь молодёжь в Церковь.

– Не нужна нам тут эта молодая поросль, от неё одни проблемы, – сказал один дедушка. – Будут тут свои порядки наводить, с гаджетами ходить, шуметь, рок-концерты бясовские устраивать, ну их, короче.

– Молодёжь – наше будущее, – возразила ему тётенька.

– Дайте мне спастись спокойно, а они сами пусть как хотят, – упёрся дедушка. – С детьми этими возитесь, а они бегают по храму Божьему, молиться мешают людям.

– Кто научился молиться, тому дети не могут помешать, – высказалась клирошанка.

– Патриарх поставил задачу, и нам нужно её решать, хотим мы этого или нет, – отрезал настоятель.

– А, ну если так, то, конечно, да, – пробурчал дедушка. – Патриарху виднее.

– А давайте будем на русском служить, – предложил дьякон Дионисий, – а то им непонятно же, о чём мы тут молимся.

– Когда ты на русском читаешь Апостол, всё одно – ничего не понятно, – встряла староста. – Шуршишь, как ветер в ивах осенним вечером.

Дьякон обиделся и отвернулся.

Разгорелся большой спор. Один только отец Пью ничего не говорил, а только внимательно слушал. Предложили высказаться ему.

Он встал, оглядел уважаемое собрание и спросил:

– А эту самую молодёжь вы спросили, хотят ли они к нам попасть?

Все зашумели и решили выйти на улицу и спросить какого-нибудь юношу или девушку.

Поймали интеллигентного на вид подростка, обступили его и стали задавать вопросы. Так как предложений было много, парню пришлось их выслушать, поскольку он был очень воспитанным.

Потом юноша откашлялся и сказал:

– Вы, конечно, меня простите, но мне это просто неинтересно.

– Как же так? – опешил настоятель. – А Христос? Христос тоже не интересен?

– Да, простите, – ответил парнишка. – Не то чтобы я был против Церкви или религии как таковой, кому-то это действительно необходимо, но так уж сложилось, что вот именно мне Христос не нужен, простите.

И ушёл своей дорогой, продолжив слушать аудиокнигу через наушники.

– А я про что, – сказал отец Пью и пошёл отпевать, потому что уже привезли гроб.

* * *

Один человек слёзно молил Бога о миллионе. Долго ли, коротко ли, не помню. Суть в том, что таки вымолил.

Деньги пришли настолько легко, что радость вскоре сменилась осознанием того, что с таким же успехом можно было просить сто миллионов. А просить вторично было боязно. А может, стыдно. А на сто миллионов-то... Всю жизнь вспять. Или вперёд. А если не рублей, а долларов? Как бы тогда запели все те, кто его презирал! Попросить ещё или уже всё – лимит, экзамен? Тварь ли я дрожащая?

Как вы понимаете, кончилось всё это тем, что человек сошёл с ума.

* * *

Белка из числа шестнадцати открыла в себе талант живописца и написала закат в модернистском стиле. Все звери пришли посмотреть на картину, даже Крокодил, проглотивший солнце.

– Это же Павиан, – сказал он, – только под другим углом.

И уполз обратно.

Самому царю зверей работа очень понравилась, и он повесил её в своих личных покоях.

* * *

Один монах возмечтал о епископстве.

– Развелось начальников кругом! – говорил он. – Тут игумен, там эконом, поди туда, принеси это. Стать бы архиереем! Сам себе начальник. Наверху лишь один патриарх. А уж если стать предстоятелем, то...

Дальше воображение просто останавливалось.

Будучи человеком целеустремлённым, он трудился порядка десяти лет, отказывая себе в отдыхе, чтобы уменьшить количество начальников.

И вот он епархиальный архиерей. Глядь, а количество командиров вдруг резко увеличилось, да так, что преосвященному стало дурно. Заперся владыка у себя в резиденции и никого не пускал целых четыре часа. Дольше не получилось ввиду особенностей нового служения.

Новых целей по продвижению наверх епископ перед собой уже не ставил.

– Я всё понял, Господи, – говорил он, получая очередные указания из синодальных отделов и иных высоких мест.

* * *

Пока отец Пью чистил в пономарке камилавку от воска, алтарник поведал ему с грустью, что в состоянии аффекта разбил телевизор о камень мостовой, чтобы жена не смотрела круглосуточно свои сериалы.

– Эх, не стоило, обиделась же смертно, – говорил суровый бородач, скребя затылок.

– Дщи Вавилоня, окаянная, – задумчиво процитировал отец Пью. – Блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень.

– Ну я это, того, – смутился пономарь.

– Не те сериалы она смотрит, так и передай, – сказал протопоп. – Я вот давеча «Ведьмака» с Суперменом в главной роли пытался досмотреть... Тоже чуть телик не разбил, еле удержался, так взбесил меня скотский «Нетфликс». Не знаю, зачтутся ли мне те муки... А плесни-ка мне, родной, ещё бензинчику.

* * *

В ожидании епархиального собрания три сельских настоятеля стояли на улице и обсуждали вопросы языка богослужений. Один ратовал за перевод на русский, другой стоял на консервативных позициях, третий был просто за адаптацию церковнославянских текстов.

Тут к ним подошла одна согбенная старушка:

– Батюшки родненькие, а когда память святого Бебонага?

– Кого-кого? – оторопели попы, переглядываясь. – Нет такого святого у нас. Может, католик он?

– Какой ещё католик? – рассердилась бабушка. – Да он в одной лодке с апостолами рыбачил, а потом эпендитом препоясался и ввержеся в море Христа ради.

– Симон же Петр, слышав, яко Господь есть, епендитом препоясася, бе бо наг, и ввержеся в море, – осенило одного из троих.

– Да, вот он, родимый.

– А, ну так его ещё не прославили, матушка, – ответил догадливый поп.

Старушка заахала и отошла.

– Понял теперь? – было сказано консерватору.

И спор разгорелся с новой силой.

* * *

Когда отец Пью перед всенощной сидел в пономарке с другими попами, то увидел в окно, как настоятель выходит из нового автомобиля.

Закатив глаза, он вытянул вдаль руку и сдавленным голосом воззвал:

– Слушайте, братья, только что мне было видение! Сегодня зарплаты не будет!

Ему, конечно, никто не поверил. А через пару минут все уже слушали пространный рассказ о тяжёлых временах, общецерковных сборах на борьбу с кастанедовцами, разрухой и Гарри Поттером. Понурившись, попы поняли, что видение их сослужителя было истинным.

И только сам ясновидец не огорчился. Взяв в десницу свою длинный нож, которым обычно нарезали литийные хлеба, отец Пью мило улыбнулся настоятелю и запел:

– Ведьмаку заплатите чеканной монетой, чеканной монетой!

А окончив припев, двинулся на своего начальника походкой самурая-мечника, ко всеобщей радости.

Настоятель шутки не оценил и спешно покинул пономарку, чтобы позвонить в епархиальное управление.

Так отец Пью получил свой очередной месячный запрет.

* * *

Ученики спрашивали учителя, большой ли грех материться, когда всё плохо.

– Это не грех, а глупость, – ответил учитель. – Предлагаю весь следующий день провести без еды, но употребляя матерную брань.

Когда время эксперимента подошло к концу, учитель спросил учеников, легче ли им было, когда они не стеснялись в выражениях. Оказалось, что урчащий желудок матерщиной не накормить.

Вывалив на стол гору леденцов на палочке, учитель заявил:

– Завтра принимайте пищу как обычно, а как захочется с досады сказать что-то неладное, вместо этого берите по чупа-чупсу на каждый такой случай.

Выяснилось, что от сладостей гораздо больше толку, чем от ругательств. На том и порешали, закупив побольше конфет. Жизнь-то далеко не всегда сахар.

* * *

Одному настоятелю донесли, что его сотрудница не вакцинируется по религиозным соображениям. Она была вызвана на получасовую лекцию о том, что Церковь не учит против прививок.

– Какие у тебя ещё могут быть религиозные причины уклоняться от вакцин? – строго спросил пастырь. – Вот отлучу тебя от Причастия, тогда узнаешь, как воду мутить.

– Видите ли, батюшка, – ответила сотрудница, – у меня поливалентная аллергия, а в Писании сказано, что жизнь полагать похвально за друзей, а не за премию участкового терапевта.

Настоятель засопел и отпустил подчинённую на её рабочее место.

* * *

– Батюшка, мне тут ваша сотрудница заявила, что женщинам брюки носить – грех, а я прочитала в интернете, что не грех!

Пришедшая на огласительную беседу излучала негодование всем своим видом.

Отец Пью внимательно оглядел собеседницу, обойдя её вокруг, отчего она несколько смутилась.

– Ну вот сами рассудите: задние половинки развёрнуты в сторону бокового шва. И ещё вот эти складки, видите? Это не просто грех, это кощунство какое-то! Пожертвуйте брюки срочно кому-нибудь, а себе купите что-то более подходящее, да, – заявил протопоп и удалился в алтарь.

* * *

– Батюшка! Русский язык погибает! – воскликнула прихожанка монастырского храма. – Неужели Церкви до того и дела нет?

«Горе мне», – подумал игумен Тигрий, а вслух сказал:

– Гибнут цивилизации, пропадают с ними и языки, да и вообще все мы умрём.

– Так ведь иностранщина заменяет собой русскую речь. Вы что, не понимаете?

«Ланфрен ланфра», – очень захотелось ответить настоятелю обители, но вместо этого спросил:

– А помните, в Ветхом Завете говорилось, что некогда все на земле говорили на одном языке? И ведь ничего в этом не было плохого, пока хананеи не пошли против Бога. Может, нам об этом лучше задуматься?

– Да вы вообще русский человек или кто? – возмутилась дама, всплеснув руками.

– Монах я. А во Христе нет ни русского, ни этрусского, – парировал чернец.

– Да какой вы… – начала было женщина, но в этот момент отец Тигрий затрясся, как осиновый лист, и с перекошенным лицом указал на нечто за её спиной.

Взвизгнув на всякий случай, она резко развернулась на месте, но ничего страшного там не обнаружила. А когда повернулась к собеседнику, то, к своему неудовольствию, увидела, как тот, подобрав полы рясы, улепётывает к братскому корпусу.

И больше ноги её в том монастыре не было.

* * *

– Лично я считаю, что на помощь прихожан должны рассчитывать лишь семейные священники, у кого есть дети, – сказала новенькая бабушка, поставленная у панихидного стола раскладывать приношения для клириков, – и трезвые.

– Да я особо без претензий, – ответил отец Пью, отходя от кануна. – Была у меня семья, да погибла, к сожалению, – добавил он вполголоса.

* * *

– Есть такая проблема, святой отец, – сказал, смущаясь, один дядька, подойдя к дьякону Дионисию. – Все вот эти сборы с тарелкой.

Дьякон хотел было сказать, что он сам не в восторге от этой практики и, будь его воля, он бы... Но поборол желание, боясь, что донесут настоятелю.

– Понимаете, – продолжал мужчина, – кидать на блюдо мелочь как-то стыдно, мол, побирушка какой, а всякий раз класть купюры – накладно выходит.

– То есть дело лишь в этом? – удивился отец Дионисий.

– Ну как бы да. Что посоветуете?

– Кидайте фальшивые деньги, – нашёлся вдруг священнослужитель и предъявил сто дублей банка приколов.

Дядька повертел купюру в руках, хмыкнул, крепко пожал дьякону руку и, довольный, удалился.

* * *

Отец Пью сидел на заседании круглого стола по противодействию экстремизму вместо настоятеля, который находился в отъезде. Чтобы не было так скучно, он представил себя умиротворённым лемуром, греющимся на солнышке.

Экстремистом по неведомой причине тут считали именно попа, поэтому каждый считал своим долгом высказаться с критикой Церкви.

«Я збагоен, я совершенно збагоен», – думал отец Пью и ласково всем улыбался.

– Лично я, к примеру, считаю, – строго сказал какой-то чиновник, – что никакой разницы между православием и католичеством нет.

«Я снежинка», – голосом Медвежонка подумал православный делегат и кивнул чиновнику.

Тот, похоже, ждал иной реакции и спросил:

– Вот скажите, а почему католики на службах сидят, а православные стоят, а?

– Ну, дорогой мой, это же абсолютно очевидно, – снисходительно ответил отец Пью. – Это чтобы Бог нас сверху хоть как-то отличал друг от друга.

И добродушно улыбнулся.

* * *

Приступили как-то раз монахи к своему игумену:

– Нам тут вопрос каверзный задали в этих ваших интернетах, мол, почему ходишь, ходишь в храм и молишься, а всё одно болеешь? Судили мы да рядили, не знаем, что ответить.

Задумался отец Тигрий и ответил:

– Очень непростой вопрос. Вот взять моего брата, например. Так он и на лыжах, и в спортзале, не пьёт, не курит, диспансеризацию проходит двакраты в субботы, а духовнее не стал никак, хулит всех святых на чём свет стоит. Не знаю и я, что ответить.

И пошёл выбрасывать монастырский вайфай-роутер.

* * *

Вышел отец Дионисий кадить на вечерне. Покадил иконостас, покадил аналойную икону, покадил вдоль южной стены храма, а когда дошёл до притвора, то напала на него печаль века сего, как он потом рассказывал настоятелю. А не совладавши с той печалью, так и пошёл домой – в стихаре и с кадилом в руке.

А благочинный выговорил настоятелю, который позвонил пожаловаться, чтоб впредь зарплату дьякону не задерживал.

* * *

К отцу Пью в храме подошла молодая женщина:

– Батюшка, я нательный крестик потеряла! Я теперь умру?

Тот посмотрел на вопрошающую пронзительным взглядом, осторожно потыкал в неё пальцем и сказал:

– Да.

И ушёл.

* * *

Когда заболел требный иеромонах, отцу Тигрию пришлось самому выйти на исповедь. А исповедовать немонахов он не любил.

– Батюшка, жена от меня тако-о-ого требует, а я ведь православный. Только же миссионерская должна быть, ну, эта, вы понимаете? – докопается иной.

– Ты миссионер, чадо? – спрашивал несчастный собеседник ангелов.

– Э-э-э... Нет, я электрик.

– Ну вот и не выдумывай. Иди вон, зажигай, – бывал ответ.

Вот и в этот раз ему посчастливилось. Юбка в пол, за спиной почему-то рюкзак, на ногах ботинки. Городская. Спрашивает, не грех ли кота кастрировать.

– Вы очень правильно поступили, что с этим вопросом приехали именно в монастырь, к монахам, – оживился настоятель. – Только есть одна проблема.

– Какая, честный отче?

– Видите ли, я не кот, тем более не ваш кот. Вот вы спросите у него. И если он будет не против, кастрируйте на здоровье. Христос на вас будет не в обиде, – ответил игумен Тигрий.

– Отче, да как же это? – опешила паломница.

– Воля Божия! – воздел руки к небу пастырь. – Монахам Бог всё-всё открывает на благоприятную пользу истинных почитателей иноческого жития.

После чего объявил остальным паломникам отпущение всех грехов ввиду открывшейся ему истины о каждом присутствующем и поспешил в алтарь – дослуживать литургию.

* * *

Двадцатипятилетний алтарник за кружкой пива жаловался отцу Пью:

– С неофитством у меня прошло благоговение ко всему!

– А скажи-ка, брате, ты всё понимаешь из канона Андрея Критского? – спросил протопоп. – Только по правде.

– Да не особо, – признался пономарь.

– Разницу между омоусиос и омиусиос чётко чувствуешь? – продолжал пастырь.

– Дичь какая-то, как по мне, – поразмыслив, ответил молодой человек.

– А не мог бы ты чисто по-братски переписать свою квартиру на меня? – проникновенно предложил отец Пью.

– Э, постой-ка! – возмутился алтарник. – Это что за братство такое?

– Ну так и не беспокойся, ты всё ещё неофит и к своей собственности благоговение не потерял. Прояви уважение к праву собственности Господа Бога – и будет тебе счастье! – резюмировал отец Пью. – Что сидишь, раскрыв рот? Наливай давай!

* * *

Один человек решил бороться за православие. Для начала он начал выявлять скрытых врагов веры внутри самой Церкви. Некоторые неправильно осеняли себя крестным знамением, другие не обличали колдовство и магию в сказках и мультфильмах, третьи служили на дьявольских просфорах, выпеченных на дрожжах (а ведь там, как истинно писали в интернете, содержится костная мука). А чего уж говорить о принявших биометрические паспорта и не уважающих Распутина...

В общем, оказалось, что истинных православных в Церкви и не осталось никого. Поэтому верный Христов ученик основал свою Церковь – Истинно-Русскую Канонично-Православную. И назначил себя Патриархом за неимением иных достойных кандидатов.

* * *

К отцу Пью, дежурившему в храме, подошла бабушка:

– Сынок, скажи, пожалуйста, своими словами молиться можно?

– Да вы что? – изумился протопоп. – Как можно? Господь – Он ведь только по-церковнославянски понимает!

На пару секунд бабушка зависла, затем хитро улыбнулась, чмокнула отца Пью в макушку и удалилась довольная.

* * *

В одном храме настоятель решил не устанавливать таксы за требы. Мол, кто сколько может, столько и заплатит. А всё потому, что хотел облегчить соотечественникам вхождение в Царствие Истины.

Ожидание

Нищему Валере – всё бесплатно или за «подмести крыльцо».

Пенсионерка Валентина, приехавшая на автобусе, не может заплатить за записку сто пятьдесят рублей и жертвует пятьдесят.

Директор мясокомбината Викентий, приехавший на «Брабусе», стыдится заплатить сто пятьдесят рублей и жертвует пятьсот. Или даже тысячу.

Настоятели других храмов делятся на две партии: завистников и единомышленников.

Реальность

Нищий Валера подметает крыльцо храма бесплатно, платит за записку сто пятьдесят рублей.

Пенсионерка Валентина идёт пешком, экономит на автобусе, за записку жертвует десять рублей, копит на подарок внуку.

Директор мясокомбината Викентий приезжает на «Брабусе» с годовым запасом записок за всё своё генеалогическое древо, не жертвует ничего.

Настоятели других храмов ржут. Некоторые сочувствуют.

* * *

Однажды отец Пью подменял дьякона на огласительной беседе. Креститься хотел деловой дядька, в пиджаке, с замашками большого начальника.

– Слышь, отец, а давай как-нибудь договоримся без бесед, – начал он без обиняков.

– А ты чем заведуешь, мил человек? – поинтересовался катехизатор.

– Фирма у меня строительная, – ответил начальник.

– А возьмёшь меня на четверть ставки к себе?

– А образование строительное имеется? – спросил дядька.

– А давай как-нибудь договоримся без этого, – предложил отец Пью.

– А-ха-ха, – погрозил пальцем строитель, – подловил ты меня. Ну хорошо, смотри, мне бы просто креститься, я всё равно как бы соблюдать всё не собираюсь.

– А креститься-то зачем хочешь? – спросил протопоп.

– Ну на всякий случай, там, для подстраховки, что ли. Вдруг правда Бог есть. Надо же предусмотреть все варианты.

– Согласен, – поскрёб бороду священник, – дальновидность ещё никому не помешала. Только как ты себе это всё представляешь? Познакомился ты с прокурором. Дело нужное. Мало ли как в жизни всё повернётся.

Дядька понимающе закивал.

– Только вот сколько придётся вкладываться в эти отношения, подумай, – продолжал отец Пью. – Сколько нужно с прокурором выпить, сколько ему одолжений, чтоб в случае чего посреди ночи важный звонок сделать. А ты хочешь, познакомившись с Христом, тут же о Нём забыть? А потом в час смертный – такой, типа, вот он я, помоги?

Дядька серьёзно задумался, несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но всякий раз снова закрывал.

– Ну и задачку ты мне задал, – наконец промолвил он. – Вот не готов я сейчас с ходу её решить.

– Ну так и не торопись, подумай, – предложил пастырь.

– Пожалуй, что так, – ответил директор строительной фирмы, попрощался за руку и ушёл.

Думать, наверное.

* * *

Ученики в сильном волнении вопросили учителя по поводу мировой войны, что, согласно афонскому пророчеству, должна случиться буквально через пару месяцев.

– А я смотрю, у вас далекоидущие жизненные планы, расписанные на целых два месяца вперёд! – страшно удивился учитель.

* * *

Сменился в епархии правящий архиерей. Прежнего поставили возглавлять какой-то Синодальный отдел, а новый оказался однокашником отца Пью. И первое дело, которое он взялся изучать, было самым толстым от жалоб на смутьяна и пьяницу, которого бы в запрет с лишением сана, да вот только владыка имел свои собственные соображения по этому поводу.

– Здравствуй, дорогой мой отец Михаил! – приветствовал новорукоположенный епископ старого товарища.

– Благослови, владыка! – бухнулся смутьян ему в ноги.

Тот поднял его, благословил и крепко обнял.

– Садись, отче, выпей со мной чаю.

Пока отец Пью разливал чай по чашкам, владыка пододвинул к себе толстенную папку и сказал:

– Не знаю, какими словами выразить тебе свои соболезнования по поводу кончины Танечки и твоих малышей...

Протопоп, чьи виски уже тронула седина, молча опустил глаза.

– Я тут вот что решил. Хочу детский приют создать при епархиальном управлении. Да только дело это настолько тонкое, что не всякого поставишь во главе. Сам понимаешь. Обидеть ребёнка всякая скотина горазда, да и деньги казённые тырить легче лёгкого. А ты, я знаю, не тот человек, чтоб такие беззакония творить. Да и другим не позволишь. Вот и будешь директором. Штат сам подберёшь, – сказал епископ.

Отец Пью изумлённо воззрился на архиерея:

– Так я же...

– Так я же – что? – оборвал владыка семинарского товарища.

– Ну ты же читал моё дело... Пьяница я.

– Читал и плакал, Миша, читал и плакал. А за воротник закладывать тебе некогда будет, уж поверь мне. Ты теперь многодетный отец. Давайка чай пить, пока не остыл.

* * *

Прослушав послание президента Федеральному Собранию, бывший настоятель отца Пью на всякий случай перевёл все свои доллары в юани, но смутное чувство беспокойства его так и не покинуло...

* * *

Застав монастырского сторожа за курением на рабочем месте, отец Тигрий хотел было сделать ему строгое внушение, но помедлил с этим, спросив на всякий случай, не случилось ли чего.

Сторож с отрешённым видом неопределённо махнул рукой и сказал:

– Видите ли, батюшка, я боюсь грядущей диснеевской киноадаптации мультика про Мулан. Вдруг в китайской армии окажутся негры или, скажем, Ли Шанг влюбится в Мулан раньше времени? Представляете картину? Он ощущает где-то внутри сперва слабую искру, но гасит в се-

бе чувства, ведь он офицер и прежде всего должен исполнить воинский долг.

А тут ещё его снедает желание доказать всем, что он получил капитанское звание не потому, что он генеральский сынок. Выходит, что проявлять симпатию к Мулан несвоевременно, ведь нужно зарабатывать авторитет. Но он ничего не может с собой поделать, и его чувства, обострённые ежедневной опасностью смерти как собственной, так и Мулан, буквально пожирают его изнутри. Втайне он, само собой, надеется на ответную любовь, что естественно, ведь он живой человек. Постепенно он начинает ловить на себе тайные взгляды Мулан и после стадии отрицания всё же уверяется, что любим.

Понимая, что его любовь может не пережить и следующего дня, он открывается Мулан и, услышав в ответ робкое признание в ответных чувствах, забывает о всякой осторожности, и вот на экране крупным планом поцелуй двух влюблённых! Но стоп! Что это? Мулан – девушка? Как такое может быть? О, горе! О, злая судьба! Сердце Ли Шанга разбито, он не может любить девушку. Почему? Почему Мулан не мужчина? Трагедия! Жизнь потеряла всякий смысл! И капитан принимает решение погибнуть в первом же бою...

А ведь дети ждут, чтобы сходить в кино. Понимаете, о чём я, батюшка? Поскорее бы уже конец света, что ли?

Настоятель открыл рот, но вместо слов смог выдавить из себя лишь слабое сипение. Вырвав из руки сторожа пачку сигарет, он впервые за двадцать пять лет закурил и долго смотрел на закат.

* * *

Один священник очень не любил проповедовать, потому что ему нечего было сказать людям. А надо было. Поэтому он уже в алтаре просто запускал на телефоне браузер, прочитывал первую попавшуюся проповедь и пересказывал, что запомнил, прихожанам. Главное – вовремя за интернет платить, чтоб без казусов там всяких.

* * *

– Я в Церкви уже тридцать лет, – учил старший пономарь новоначального. – Что непонятно – у меня спрашивай. Нет такого вопроса на церковную тему, на который я не знал бы ответа.

Отец Пью, ставший невольным свидетелем беседы, наклонился к седому алтарнику и тихо-тихо спросил:

– Архангелу Михаилу имя кто дал?

– Как это кто? – опешил церковнослужитель. – Ну так это... Хотя нет. А... Тоже не сходится.

И он застыл, уставившись на нового клирика кафедрального собора, о котором из духовенства мало кто говорил хорошо.

А отец Пью подмигнул и ушёл в алтарь.

* * *

«Помолимся этой ночью в тишине и спокойствии», – твёрдо решил отец Тигрий и вывел к открытым воротам монастыря трубу с краном от пятитонного бака крещенской воды. И табличку написал соответствующую.

Так впервые за двадцать лет служба в монастырском храме прошла без прихожан, поскольку главные события совершались у ворот.

* * *

Одна женщина раздала обязательства, оставила больную мать и последовала за Христом иноческих одежд ради. Ибо ничто мирское ею уже не обладало.

А бывшей подруге пришлось ухаживать за её лежачей матерью-старушкой, поскольку погрязла в суете гибнущего века сего и не была достойна зваться от народа «матушка монахиня».

* * *

Чтобы не сорваться в пьянку, отец Пью научился курить кальян. Конечно, сигареты были удобнее, но табачный запах всё портил. А из-за кальяна от попа всегда пахло ладаном, что было явлением вполне естественным.

За табаком и углями он ходил в специализированный магазинчик, где работала очень симпатичная продавщица. Ей понравился зеленоглазый аккуратный мужчина, всегда сдержанный, с бархатным голосом, как у Алана Рикмана. А поскольку этот покупатель не пытался флиртовать, она сама сделала первый шаг, пригласив его в кофейню.

Отец Пью, четвёртый год живший вдовцом, бросил быстрый взгляд на губы красавицы и неожиданно для себя выдал:

– Видите ли, моя дорогая, я гей, извините.

После чего расплатился с опечаленной девицей и больше в этот магазин не приходил, заказывая всё необходимое в интернете.

* * *

Одному очень суровому молодому христианину забыли сказать, что Христос воскрес, и он так и ходил. Суровый и непримиримый к неполному соблюдению четвёртой редакции Студийского устава другими христианами.

Ибо нечего тут расслабляться, понимаешь.

* * *

Игуменье Акулине приснилось, что в споре иосифлян с нестяжателями победил преподобный Нил Сорский, отчего она проснулась в холодном поту.

– Чуть сердечко моё не остановилось, – жаловалась она потом духовнику. – Кстати, а кто это такие и чего они спорили вообще?

И пожилой иеромонах смущённо разводил на это руками.

* * *

– А правда ли, что жилища, в которых обитают собаки, нельзя освящать? – спросила одна прихожанка отца Пью.

– Абсолютная правда, – подтвердил тот. – Собака настолько нечиста духовно, что один лишь архангел Рафаил способен вынести её присутствие, да и то с трудом, поди. Что уж говорить о немощных попах, не читавших книгу Товита?

* * *

Приехали как-то высокопоставленные паломницы в мужской монастырь. Пришлось игумену Тигрию их встречать со всей братией, дабы владыку не сердить.

По старой традиции приурочили приём гостей к Пасхе и угощались красным вином и варёными яйцами.

– Нельзя яйцом стучать о стол, – сделала чиновница замечание старому монаху. – Стол – Престол Божий.

Тот остановился и вопросительно посмотрел на настоятеля.

– Это смотря каким концом стучать: тупым или острым, – пояснил игумен с набитым ртом.

– А есть разница? – удивились паломницы.

– Ещё какая! – важно поднял палец монах-филолог, шумно отхлебнув из деревянной братины. – Из-за этого, по свидетельству одного английского батюшки, два великих народа вели войну, между прочим.

Затем вытер бороду рукавом, объявил, что монахам пора поливать палки, и, оставив женщинам в сотрапезники словоохотливого сторожа, ретировался вместе с насельниками.

* * *

До прочтения Житий Святых одна добрая христианка всякий раз, когда у неё болели зубы, молилась святому Антипе Пергамскому, и помогало.

А после прочтения, когда женщина узнала, что святой вовсе не был стоматологом, помогать перестало.

«Горе от ума», – догадалась она.

* * *

Некий православный христианин из-за переезда был вынужден ходить в кафедральный собор. Но всякий раз, когда он настраивался помолиться, то через открытые Царские врата наблюдал возмутительную картину: один из священников самым наглым образом устробучивался в телефон на пару минут. Всё молитвенное состояние как рукой снимало, само собой.

Сперва хотелось подойти к ключарю и нажаловаться, но вдруг озарение свыше подсказало решение проблемы. Это нужно сделать самому, поймав, так сказать, за руку.

Стать алтарником оказалось нетрудно – всего-то согласиться от собора пойти учиться на бакалавра теологии по епархиальной разнарядке. Подать кадило, забрать кадило, зажечь свечу, погасить свечу, перекреститься, повернуться, поклониться. Телефонный поп, правда, появился только через месяц – был в отпуске.

И вот она – кульминация и развязка! Ради неё новоначальный алтарник даже отказался читать Апостола, уступив другому пономарю. Вот виновник всего предприятия – уселся на стул рядом с Горним местом и, не таясь, запустил на телефоне браузер.

Алтарник твёрдым шагом приблизился к нему и бесцеремонно заглянул через плечо. Несколько вариантов диалога были заготовлены заранее и безупречно отшлифованы.

А на экране были богослужебные указания на текущий день.

Ткнув пальцем в гиперссылку апостольского чтения, отец Пью открыл его текст, а заметив серьёзного пономаря, кивнул на телефон и прошептал:

– Рекомендую. А то пока дьякон кадит, я толком и не слышу чтеца: кадило-то звенит.

* * *

Случился как-то переполох в одном благочинии: некий настоятель на проповеди крайне резко отозвался о фильме «Кин-дза-дза», объявив его антицерковным и подрывающим скрепы.

Отец благочинный, собрав казначея и старосту, держал с ними совет: дурак ли тот настоятель или больно умный?

Мнения разделились, но было решено передать его вместе с храмом в соседнее благочиние под видом акта доброй воли.

* * *

Один православный христианин, обойдя все городские храмы, составил длинный список

огорчивших его попов и направил прямиком в Москву. Из жалобы следовало, что все сановные грубияны и хамы страны, любящие сокращать службу, собрались в одном городе и разбрелись по его приходам – заражать хамством и обновленчеством добрых православных христиан.

Вскоре пришло в епархию письмо из патриархии с мягкой просьбой разобраться в ситуации и ответить по обвинениям в трёхдневный срок.

А епископ ходил взад-вперёд по кабинету, перечитывал письмо и задумчиво напевал:

Залегла тайга в тумане сером
От большого тракта в стороне.
Для ребят хорошим был примером
На деревне Паша-пионер…

* * *

Отца Пью остановила на улице девушка-социолог и спросила, верит ли он в сверхъестественных существ, а именно: богов, духов и колдунов?

На колдунах протопоп оторопел, внимательно посмотрел на девушку и сказал:

– Признаться честно, я и в социологов не верю.

После чего осенил её крестным знамением и пошёл своим путём.

* * *

Отец Тигрий выглянул в окно и, к своему ужасу, обнаружил там съёмочную группу вокруг старенького монаха. Тот сильно смущался от такого внимания к своей персоне и прижимал к груди секатор.

Настоятель в панике распахнул окно, чтобы вмешаться, но не успел.

– Как вы прокомментируете идею Москва – Третий Рим? – спросила женщина с плотоядной улыбкой.

«...» – нецензурно подумал отец Тигрий. А монах поморгал, продолжая держаться за секатор, как за спасательный круг, и робко спросил:

– Вы об эсхатологической версии или о более поздней?

Женщина перестала улыбаться. Воцарилась пауза. Пробежав глазами по лицам коллег, она не нашла ничего лучшего, как сказать:

– Осветите, пожалуйста, а-а-а... первую версию.

– А чего там освещать-то? – сказал старый насельник. – Москва и на второй Вавилон не тянет в апокалиптическом ракурсе, не то что на Рим.

Было видно, что тележурналистка давно потеряла нить, но сдаваться она не собиралась:

– Аргументируйте, пожалуйста!

– Так ведь это очевидно! – воскликнул монах. – Масштабы не те! Разве не так?

Бросив на старика ненавидящий взгляд, женщина коротко поблагодарила его и махнула рукой съёмочной группе, мол, сворачиваемся.

– Спаси, Господи, раба Твоего отца Платона, – вздохнул игумен, держась за сердце.

* * *

Услышав доносящееся из подъезда пение, дьякон Дионисий выглянул из квартиры и обнаружил подростка, моющего площадку. Песня оказалась религиозной, а паренёк – протестантом.

– Приходите в нашу церковь! – улыбнулся паренёк.

– Ох, – вздохнул дьякон, – мне и своей вот так хватает!

И провёл ребром ладони по шее.

* * *

Суровый мужчина, поймав отца Пью буквально за рукав рясы, убеждал его в необходимости борьбы с йогой ради спасения России.

– Даже без медитативной практики все эти позы способны погрузить человека в соответствующее духовное состояние, – сказал он.

– Соответствующее э-м-м... чему? – уточнил протопоп, осторожно высвобождая рясу из захвата.

– Оккультизму.

– Честно говоря, мне всем этим заниматься лень, – признался пастырь. – Вот вам встречный вопрос: гарантируют ли земные поклоны с крестным знамением погружение в христианскую духовную жизнь?

– Э-э-э, ну-у… – с сомнением протянул мужчина.

– Поэтому мне и лень, – пояснил отец Пью, удаляясь.

* * *

Ученики спросили учителя, что он думает о признаках последних времён.

Оторвавшись от чтения оппозиционных церковных ресурсов, учитель изрёк:

– Когда Церковь начинает остро нуждаться в отделе аналитики и пиара, тут вам и последние времена.

* * *

Один церковный блогер, именующий себя PeelGrim, прознав о выходках отца Пью, решил на нём попиариться.

– Отче, как вы относитесь к четверговой соли? – спросил он, беря у соборного попа интервью.

– Очень хорошо отношусь, – ответил тот, радостно глядя в камеру.

– Э-э-э, а могли бы вы рассказать зрителям моего канала о том, как лично вы употребляете её в своей духовной жизни, – не растерялся интервьюер.

– Её? – переспросил отец Пью. – Очень даже употребляю, практически каждый день. На хлеб, бывает, насыплю и даю скотине.

– Какой скотине? – разозлился блогер.

– Заболевшей, – пояснил протопоп.

– Чёрную соль?

– Чёрную.

– А-а...

– В дальнюю дорогу всегда беру её с собой. В ладанку зашиваю и ношу на груди с нательным крестиком. Показать?

И отец Пью начал расстёгивать воротник подрясника.

– А-а, нет, не надо, спаси Господи, – торопливо сказал PeelGrim. – Вы бы лучше сформировали своё богословское мнение в связи с возрождением данной традиции. На основании, так сказать, авторитетных источников.

– Дорогой мой человек, так ведь оно уже сформировано! – воскликнул священник.

– И кем же?

– Лавровым!

Образовалась пауза, во время которой блогеру захотелось нажать на кнопку «Стоп».

Вместо этого он уточнил:

– Сергеем?

Отец Пью крепко задумался и помотал головой:

– Или это был Лосский? А может, Лосев. Не помню. – Затем поднял указательный палец и сказал: – Главное, что четверговая соль защищает.

* * *

В дни рождественских чтений стояли как-то раз в коридоре зала церковных соборов попы попроще и беседовали о важном.

– Я понял, что моя молодость прошла, когда материться начал. В юности-то я ни-ни, – сказал один.

Второй почесал лысину и поведал, что его молодость была безтабачной и трезвой.

Третий открылся, что был целомудрен, а как прошла молодость, то и погуливать начал.

Четвёртый в юности трепетал пред лицом архиерея, а теперь злословит его беспрестанно.

– А я когда был молодым, то тайну исповеди свято блюл. А теперь ничего за зубами не держится. Прошла, видать, молодость, – задумчиво сказал пятый и куда-то удалился, оставив остальных в большом недоумении.

* * *

– Плохо всё, плохо, – вздыхал соборный катехизатор в пономарке. – Пора менять этот календарь, а то путаница какая-то.

– Патриарха менять надо, – утверждал протодьякон.

– Стиль руководства надо менять, – возражал митрофорный протопоп, – соборности побольше во внутренних решениях, а во внешних чтоб пожёстче. Аферисты проклятые чтоб аж тряслись от страху!

– А я говорю, дело в патриархе! – не унимался протодьякон.

– Дело в нас, – промолвил старенький псаломщик, бия себя в грудь. – Разжирели мы, потеряли любовь между собой, вот гонения всё изменят разом. Нас пора менять, нас!

– Вот настоятеля точно пора сменить, а то цены в магазинах растут, а братские – нет, – вмешался молодой священник.

– Помяните моё слово, – грозил пальцем протодьякон.

– Надо менять богослужебный язык ещё, – вновь подал голос катехизатор.

– Планету менять пора, – это вышел из алтаря отец Пью, сверкая взором, точно ветхозаветный пророк, – старую на новую. Вот тогда только всё и будет хорошо.

* * *

На церковный суд был вызван дьякон Дионисий за оскорбление священного сана пресвитера. Свидетели утверждали, что он, узнав об очередной паломнической поездке настоятеля в Бразилию, интересовался, куда того понёс чёрт.

Опрошенный дьякон, поцеловав Крест и Евангелие, заявил, что считает своего настоятеля святым и вполне способным летать на чертях не только в Иерусалим, но и в другие святые места.

– А я ему верю! – внезапно сказал председатель суда игумен Тигрий, стукнув кулаком по столешнице.

На том и порешили.

* * *

В храме во время исповеди к отцу Пью подошёл молодой бородатый мужчина с вопросами по поводу воспитания сына-восьмиклассника.

Тот часто приносил двойки и курил. Ремень не помогал.

– А что за беда с двойками? – спросил священник.

– В каком смысле? – не понял прихожанин.

– Сформулируйте по пунктам, почему вас злят двойки сына, – потёр седые виски отец Пью.

– Вы смеетесь, что ли?

– Не смеюсь.

– А, в психоаналитика играем, – догадался мужчина.

И огласил подробный список бед, которые бывают у тех, кто учится на двойки.

– А если у него в школе проблемы? – предположил протопоп. – Конфликты, там, с учителями, учениками или в организме гормональные бури? Кости растут быстрее, чем кровеносные сосуды и нервные окончания?

Молодой отец помолчал какое-то время, затем сказал:

– Мужик должен преодолевать трудности уже в этом возрасте. Взрослая жизнь спуску не даст.

– А вы на сто процентов уверены, что у него будет взрослая жизнь? – спросил отец Пью.

– Что вы хотите этим сказать? – вскинулся бородач. – Извольте объясниться!

– Понимаете ли, мой дорогой друг, я бы очень хотел, чтобы мои дети приносили домой двойки по любым предметам. По всем предметам вместе взятым. И пусть бы они курили. Но они умерли. Попробуйте просто любить своего сына. А там дальше разберётесь, если захотите. Бога попросите, чтоб вам ума дал, и Он обязательно даст. Идите помолитесь Ему, а то вон та бабулька вас сейчас живьём съест, за то что мы тут уже минут десять беседуем.

И отец Пью мягко подтолкнул обескураженного мужчину в сторону мраморной Голгофы.

* * *

– А вот точно ли существует разница между человеком и животным? – спросили однажды гринписовцы игумена Тигрия.

– Как филолог скажу: небольшая, но имеется, – отвечал настоятель монастыря. – Всё дело в одном союзе «и».

– Это как? – не поняли защитники прав животных.

– Ну вот сказано в Писании: «Блажен, иже и скоты милует». Кто замечает этот союз, тот человек, а кто на него плевал, тот сам скотине подобен, – рассудил монах.

Гринписовцы почему-то обиделись и ушли.

* * *

Воспитанием семинаристов занимались два суровых клирика, которые самоотверженно свидетельствовали о недопустимости курения для будущих пастырей. Семинаристы же не очень верили священнику и дьякону, поскольку доподлинно знали, что воспитатели курят сами, тщетно надеясь на несбыточность немецкой поговорки о том, что знают двое – знает свинья, да на русских-то просторах. Поэтому курить мальчишки бегали за стены духовной школы. Где их, само собой, видели прогуливающиеся граждане.

Точку в этой истории поставил отец проректор в виде курительной урны в беседке на территории семинарии:

– Курите тут. А кого поймаю за оградой – отчислю.

В компании проректора семинаристам дымить было не комильфо, поэтому те, кто побогаче, ходили в ближайшую кальянную, а тем, кто победнее, пришлось завязать с этим делом аж до самой хиротонии.

* * *

Смущённые учением некоторых уважаемых пастырей о неправильном переводе слова «вино» на русский язык в тексте Библии, ученики приступили к учителю с вопросами:

– Скажи нам, что пил Христос в Кане Галилейской? Вино или виноградный сок? И что за напиток веселил сердце царя Давида?

Учитель согнул газету «Советский спорт», строго глянул поверх неё на учеников и процитировал на память:

– Пришёл Иоанн, не ест, не пьёт; и говорят: «В нём бес». Пришёл Сын Человеческий, ест и пьёт; и говорят: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам».

После чего разогнул страницу и продолжил чтение.

* * *

По собору ходили типичного вида «братки». Спортивные, деловитые, энергичные, уверенные в себе. От спортсменов – победителей Олимпийских игр они отличались глазами. Трудно выразить это словами, но отец Пью, увидев их, тут же мысленно записал в криминалитет.

Братки, в свою очередь заметив отца Пью, направились к нему.

– Слышь, батя, а вот если живого человека отпеть, то что будет? – спросил старший из них, подойдя почти вплотную.

– Зависит от обстоятельств, – уклончиво ответил протопоп, заподозрив неординарный случай. – Смотря кто, кого и за что.

Браток слегка замялся:

– Ну, вот если поп отпоёт кого-то из-за обиды?

Отец Пью вздрогнул и перекрестился:

– Господи, какой ужас!

Братки занервничали:

– Так это, а будет-то чё?

– Умрёт, чё, – отрешённо ответил священник, – нехорошей смертью умрёт, бедолага...

– Так это разве не грех будет попу, если он так сделает? – с вызовом спросил один.

– Тяжкий грех, – покивал отец Пью, – за это крест по идее снять должны. Вот только никто ещё не жаловался, ну сами понимаете почему.

– А что делать терпиле, то есть потерпевшему? – после недолгой паузы спросил старший. – Ну, там, молебен какой заказать или типа того?

Пастырь помотал головой:

– Если отпевание уже состоялось, то всё, баста. «Пункт назначения» смотрели? Ну вот. Знакомый ваш? Как зовут? Я свечку за упокой поставлю хотя бы.

Переглянувшись, братки рванули на выход, а через несколько секунд с улицы донёсся рёв мотора.

Спустя несколько дней до отца Пью дошёл слух, что у одного сельского попа бандюки пытались машину отжать на автоподставе, а тот в сердцах их отпеть пригрозил. Бандюки навели справки, напугались, покаялись и даже оплатили попу ремонт.

* * *

Ученики приступили к учителю, держа в руках церковную книжку.

– Некоторые старцы советовали и вставать с правой ноги в знак желания идти к Богу, – зачитал вслух один из учеников. Пролистав чуть-чуть вперёд, он слегка кашлянул в знак смущения и продолжил: – Если вы находились ночью в супружеском сожитии, обязательно следует омыться перед посещением храма.

Помолчав, он жалобным тоном добавил:

– Тираж десять тысяч экземпляров.

Учитель поднял глаза на учеников. Те переминались с ноги на ногу.

– Ну что сказать? – промолвил учитель. – Синька – зло!

* * *

Между двумя семинаристами разгорелся спор о том, чью позицию должен защищать на приходе поп: прихожан или архиерея. Моделировалась абстрактная ситуация, когда интересы мирян и правящего архиерея почему-то вступили в конфликт.

Второкурсник считал, что поп должен быть за прихожан, поскольку они его кормят. Третьекурсник доказывал, что поп саном обязан епископу, и вообще нефиг допускать какие бы то ни было конфликты на приходе.

В результате их спор был услышан дежпомом, который на всякий случай взял с каждого объяснительную, почему они опоздали на ужин.

* * *

– Батюшка Михаил!

Это клирошанка, никогда не замечавшая грехов отца Пью, спешила разрешить очередное недоумение.

– Батюшка, представляете, на какую мысль я вчера наткнулась в соцсетях?

– Мне паниковать? – ласково спросил пастырь.

– Там было написано, что Бог любит сатану! – выпалила певчая.

– Вот как? Прямо так и написали? Одним предложением? Без контекста?

Женщина запнулась.

– Нет... ну, там было что-то вроде того, что Бог любит сатану, но ненавидит его дела. Как Господь может любить дьявола? Объясните!

Отец Пью покачал головой:

– Хм, допустим, что это правда. Тогда логически получается, что Бог любит сатанистов, рокеров, депутатов, нерусских и вашего бывшего мужа?

– Чтоб он сдох, – автоматически добавила певчая.

– Но если насчёт остальных я ещё могу както понять, то с вашим мужем, да будь он проклят, всё непросто, – задумался протопоп, скрестив руки на груди. – Нет, правда, ладно там Аттила, Чикатило, но ваш муж, чтоб ему пусто было, разве может претендовать на любовь Творца всего сущего?

Отец Пью начал взволнованно ходить взадвперёд и ерошить свои волосы.

– Э-э-э, – сказала клирошанка.

– Гитлер хотя бы картины писал в молодости, Иуда делил с Христом тяготы, при Мао Цзэдуне в Китае вдвое выросла продолжительность жизни. Даже вечно фальшивый тенор с нашего верхнего хора, вероятно, тоже достоин Божьего снисхождения, но ваш муж-то, пропади он пропадом, как мог затесаться в эту благословенную компанию Божьих любимчиков? – выпалил священник.

– Ну, знаете, он всё-таки отец моих детей и любит их, – надулась женщина, – а они любят его.

Отец Пью молча смотрел на неё, скрывая улыбку.

– Вы меня совсем запутали. Я, пожалуй, пойду, – сказала певчая и раскланялась.

* * *

На архиерейской службе после малого входа семинарский хор, сговорившись, проигнорировал регента и спел: «Исполла эти, де-еспота! Исполла эти, де-еспота!» на мотив «Имперского марша» из «Звёздных войн».

Регент, схватившись за голову, медленно осел, размышляя, куда он пойдёт работать, когда с него снимут крест.

Молодые попы пришли в восторг, старательно пряча улыбки, а протодьякон вздохнул:

– Ой, дебилы...

К счастью, владыка «Звёздных войн» не смотрел и мелодия ему понравилась.

– Что за распев? Македонский? – спросил он у протодьякона.

– Не уверен, владыка, возможно, мандалорский, но это неточно, – ответил тот с серьёзным выражением лица.

* * *

Один человек очень переживал за Россию и Православие. Потому что проклятый Запад угрожал всё это разрушить богомерзким Днём святого Валентина.

Наш герой презрительно именовал праздник луперкалиями, а Чосера, воспевшего этот день в стихах, – птичьим поэтом. По поводу валентинок он язвил, что, будучи перевёрнутыми, те похожи на ягодицы.

Этими соображениями человек поделился с игуменом Тигрием на исповеди.

– Ягодицы, говоришь? – вскинул тот брови. – Ступай, сын мой, и неси свет истины в защиту земли Русской!

И осенил его крестом.

А вечером, выпив немного водки, отец Тигрий написал архиерею своё третье прошение на постриг в схиму.

* * *

Отцу Пью часто присылали стихотворные строки из интернета по случаю всевозможных праздников. В ответ он тоже посылал чужие стихи, причём одни и те же:

Видел я во сне горох,
Утром встал и вдруг подох.

Протопоп надеялся, что в следующий раз дождётся поздравлений своими словами, но с каждым очередным праздником всё повторялось, потому что люди думали, что это он просто спьяну хулиганит.

* * *

На учёном совете семинарии разбирали недопустимое поведение первокурсника, который, забравшись на колокольню, мастерски изобразил колокольную же мелодию из High Hopes группы Pink Floyd. На требования дежпома оный нарушитель ответил начальными нотами из «Богемской рапсодии» и бесчинным воплем: «Мама, у-у-у-у».

Выслушав ходатайство инспектора об отчислении злостного хулигана, ректор распорядился отправить семинариста на курсы звонарей с последующим послушанием в кафедральном соборе.

* * *

Молодой старец пятидесяти лет решил заняться на приходе отчиткой. Поездил по епархиям, понаблюдал за движениями, интонациями и внешним видом экзорцистов. Послушал, что кричат одержимые. Сравнил цены, придумал свою собственную фишку в виде охомячивания беснующихся по голове требным Евангелием в бархатном окладе и приступил с понедельника.

Бесы, правда, новым старцем гнушались и на отчитки не являлись, но это ему не помешало выйти в топ самых популярных экзорцистов России.

* * *

Отец Пью общался с прихожанкой, тяжело переносившей смерть собаки.

– Вы знаете, батюшка, – сказала она, – так-то я понимаю, что убиваться по собаке неправильно, но поделать с собой ничего не могу. Мне даже мысль пришла в голову, что рай без моего Шарика мне не принесёт полной радости.

– Вы так к нему привязались? – спросил священник.

– Ох, очень, – понурилась женщина.

– Ну что же, – ответил отец Пью, – в таком случае предлагаю вам приложить все усилия к возрастанию в любви. Да так, чтобы войти в Царство Истины, как в родной дом... А потом знаете что? – перешёл пастырь на шёпот.

– Что? – шёпотом спросила прихожанка.

– Потом скажите: «Шарик, ко мне!»

Женщина долго смотрела на священника, но он так и не улыбнулся.

– А почему вы уверены, что это сработает? – наконец спросила она.

– Дорогая моя, а кто ж вам запретит? Вы наследница Вселенной. Вы для Шарика бог. Позовите его, и он вас не сможет ослушаться. Вернее, не захочет.

* * *

Архиерей не разрешил отцу Тигрию постригаться в схиму. Вместо этого он отправил его на очень умную конференцию, как кандидата филологических наук.

Игумен, трижды прокляв свою учёную степень, теперь скучал и размышлял: не отказаться ли от софринских свечей? Или от свечей вообще в принципе. А то эта копоть по всему храму...

Размышления прервал сосед, также скучающий:

– А вот что самое трудное в вашей работе, коллега?

Не дав отцу Тигрию опомниться, он разразился предположениями, из которых следовало, что тяжело хранить тайну исповеди, помнить все молитвы, обманывать людей, не обворовывать церковную казну.

– А секс-то, секс! – заговорщически подмигнул сосед-филолог. – Тяжело, поди, без секса, когда вокруг столько красивых девушек, а? Или всё же мальчиков?

Внутренне выйдя из себя, игумен спокойно сказал:

– Самое трудное – не подать виду, что умеешь виртуозно материться, когда тебя к этому всячески принуждают.

Сосед хмыкнул и оставшееся время сидел молча.

* * *

Отец Пью снова был послан заседать и противодействовать экстремизму. И снова оказался в эпицентре.

– Церковь усиленно проталкивает упоминание Бога в нашу конституцию, – недовольно сказала одна немолодая чиновница. – Вы хоть там у себя понимаете, какие последствия это может вызвать?

– С трудом, – признался священник.

– Вот и я так думаю, – фыркнула дама.

– У меня по этому поводу есть мысли, – добавил отец Пью. – Во-первых, необходимо проследить, чтобы туда не попало упоминание о Кришне, не то мы все непременно станем кришнаитами, а во-вторых, нужно обязательно упомянуть в конституции про деньги, чтобы они появились у всех и нам не приходилось больше держаться. Но главное...

Тут протопоп обвёл всех горящим взором.

– Главное – не подпускайте к нашей конституции Лукьяненко, а то он со своим мелом судьбы там такое понапишет, что мы своих не узнаем!

* * *

Отцу Тигрию позвонили из областной администрации и сообщили о предстоящем визите Греты Тунберг в монастырь.

– Всё утверждено Москвой, мы сейчас согласовываем маршрут и приблизительное время...

– Так ведь у нас же тут это... корововирус в обители, – перебил игумен звонившую.

– Что? Коронавирус? У вас? – удивилась чиновница.

Отец Тигрий кашлянул в телефон.

– Так, мы тогда вас исключаем из программы, – сказали в трубке и отключились.

– Отче, а что за вирус у нас? – удивился эконом, почесав бороду.

– Да Зорька наша что-то вялая была с утра. Скажи отцу Платону, пусть покропит её святой водой на всякий случай, мало ли.

* * *

Одному семинаристу преподаватель гомилетики велел на Сретение явиться в храм, где он служил, чтобы принять проповедь в качестве экзамена.

Студент писал всю ночь. Но когда он, выйдя на амвон, вместо знакомых физиономий ухмыляющихся семинаристов увидел незнакомые лица доброй сотни прихожан, то совершенно забыл всё, что собирался сказать.

– Братья и сестры! – сказал он и ясно прочитал в глазах людей немой вопрос: «Ты, мальчик, кто вообще?»

– Сегодня, то есть нет, две тысячи лет тому назад состоялась встреча...

Тут третьекурсник запнулся, потому что увидел, что клирос в полном составе куда-то удалился, а бабушки, что стояли позади, как по команде полезли в свои пакеты и стали чем-то сосредоточенно шуршать.

«А ведь препод предупреждал, что так будет», – подумал будущий пастырь и понял, что сейчас завалит экзамен.

– Ветхий Завет! – громко выпалил он, да так, что бабушки перестали шуршать и испуганно посмотрели на него, а регентша даже выглянула из-за стены.

– С Новым Заветом встречается Ветхий! А кто из вас читал Ветхий Завет целиком? – вопросил проповедник и сделал паузу, оглядывая каждого прихожанина.

Все молчали, пребывая в недоумении.

– Что? Никто? Тогда что мы сегодня празднуем? Сретение – это встреча. Симеон читал Ветхий Завет, между прочим! Вот он и встретил Христа. А если в нас самих этой встречи двух Заветов не будет, то и праздника тоже не будет! Маранафа, то есть аминь! – сказал семинарист и зашёл в алтарь с красным лицом, ни на кого не глядя.

Между прочим, получил пятёрку.

* * *

– Что этот Кураев себе позволяет? Да кто он такой, чтобы судить? Пролез в протодьяконы, так сиди и радуйся! – возмущался с утра пожилой пономарь, недавно освоивший мобильный интернет.

Из алтаря выглянул испуганный протодьякон, вник в суть, усмехнулся и удалился обратно. Отец ключарь сокрушённо покивал головой, мол, да, вот так бывает.

Пришедший требничать отец Пью поинтересовался, в чём дело, и заглянул в телефон возмущённого алтарника.

– Так это не Кураева строки, – сказал протопоп.

– А чьи же? – недоверчиво спросил пономарь.

– Это Григорий Богослов, – был ответ.

– Так а как же...

Не найдя, что добавить, несчастный интернет-сёрфер подумал с минуту, затем демонстративно сломал свой смартфон и выбросил в мусорку с мрачным видом.

* * *

Один поп знал всё на свете. Ну просто вообще всё и обо всём. А Господь велел не скрывать талантов, но умножать, умножая. Поскольку знать больше, чем всё, невозможно, поп попросту делился своими знаниями с окружающими, причём даже не требуя взамен человеческой славы, почёта и уважения.

Случилось как-то раз тому попу сесть во время епархиального собрания на галёрке рядом с игуменом Тигрием. Тотчас сердце имущего талант воспылало жалостью к монаху, и он стал рассказывать ему о тонкостях ухода за крупным рогатым скотом. Затем прочитал отцу Тигрию краткий вводный курс по истории византийского, русского и западного монашества, переключился на советы, как правильно отсыпать гравий и разбивать клумбы, потом коснулся темы нетварного света и умной молитвы и сам не заметил, когда от критики старомосковского диалекта перешёл на рассуждения о связи русского слова «дождь» с английским «dust».

К своему ужасу, талантливый поп увидел, что отец Тигрий закатил глаза и вращает головой, словно находится на сеансе Кашпировского. Попытка привести игумена в чувство была встречена угрожающим рычанием.

Сердце попа смутилось, и он потихоньку отсел в сторону да и вовсе вышел с собрания, чтобы пройтись по епархиальным отделам в поисках слушателей.

* * *

На паре семинаристы, пока преподаватель запаздывал, обсуждали скандал вокруг статуса женщины в безбрачном сожительстве. В основном все высказывались против сравнения с проституцией, поскольку пониженная социальная ответственность не предполагает воспитания детей, варения борщей и стирки носков.

Единогласно клеймо проституции было наложено на современное состояние журналистики, поскольку в аудитории не было ни одного представителя этой уважаемой профессии, чтобы высказать противные аргументы.

Конец спорам положил появившийся преподаватель, высказав идею скрытой проституции в жаргонном слове «давать», употребляющемся при описании интимных отношений. Причём ему даже удалось расширить понятие проституции одним-единственным анекдотом.

В нём Ленин с броневика призывает слушателей разделиться: кто за конституцию – налево, кто за проституцию – направо. Заметив, что Дзержинский мечется, желая и того и другого, приглашает его к себе на броневичок.

Удовлетворённые, семинаристы оставили прения и приступили к граниту богословских наук.

* * *

Прошёл слух, что какие-то раскольники были вызваны на архиерейский собор для вразумления, а они возьми да и нахами всем преосвященным вкупе с предстоятелем. И ладно бы хоть сами были из администрации президента, а то рыбаки какие-то.

Потом выяснилось, что в некоем храме кто-то читал «Деяния апостолов» на русском языке

о допросе апостолов на Синедрионе, отсюда и недопонимания.

После долгих возмущений все решили, что таких экспериментов лучше не ставить.

* * *

Ученики спросили учителя, почему он называет притчу о блудном сыне страшной?

Учитель отвечал:

– Потому что люди не замечают, насколько ужасным было состояние сердца второго блудного сына. Больше всего на свете он боялся возвращения младшего брата. Потому, узнав о пире, он не вошёл, что было бы естественным, а стал расспрашивать, что послужило его причиной. Думаю, что старший брат так и погиб душой. Не погибнуть бы и нам.

* * *

Монахи после долгих прений решили потребовать у своего настоятеля ответа по поводу Константинополя.

Отец Тигрий, удивившись, в ответ поинтересовался, какое отношение к их монашескому деланию имеет внешняя политика и чьи-то грехи.

– Вас кто-то принуждает к пьянке, наркотикам и блуду? Кто-то заставляет вас отслужить чёрную мессу или верить в Ахуру Мазду? Или, может быть, принять Филиокве? У вас украли детство, догматику и святых отцов? Христос покинул ад и предоставил грешников самим себе? Изменилась гравитация и вам приходится ходить по потолку кельи?

Игумен оглядел озадаченных монахов и махнул рукой.

– Нам пора на службу, после которой я расскажу вам, как Сурожский митрополит Антоний беседовал с мышью. По-моему, это будет намного полезнее для всех нас.

* * *

На собрании благочиния обсуждали вопрос сошествия Христа в преисподнюю земли. Благочинный стоял на позиции, что Христос сходит в ад каждую Великую Субботу. С ним спорили пятеро настоятелей, приводя авторитетные мнения в защиту того, что Богочеловек проповедует там вневременно. Большинство клириков слушали доводы обеих сторон и не решались встревать.

Два штатных попа не слушали никого, будучи увлечены рассуждениями о формулировках вопросов змия к Еве и о том, кто дал название злополучному древу.

Дьякон Дионисий робко возразил спорщикам, что Христос сходил в ад единожды. Дьякон был поднят на смех даже певчей, копировавшей партитуры в дальнем углу.

Тут отец Пью проснулся от звука будильника и загрустил, поскольку знал, что настоящей повесткой предстоящего собрания будет повышение налогов.

* * *

На территорию семинарии зашёл выпивший дядька лет пятидесяти и, увидев третьекурсника Фёдора, принял его за священника из-за подрясника и важного вида.

– Святой отец, что мне делать, чтобы достичь небытия после смерти? – спросил он.

Давно переставший чему-либо удивляться, Фёдор присел на скамейку и жестом предложил сесть дядьке.

– А вам оно зачем?

– Понимаете, всё дело в депутатах, – отвечал тот, присаживаясь рядом.

– Конечно, – кивнул семинарист, – а как иначе?

– Если я спасусь, а вдруг там будут депутаты? Бог ведь может их простить по милости. А если погибну, там тоже могут быть депутаты, ведь Господь справедлив. Оба варианта меня удручают, вот я и пришёл к вам за советом.

– Они вам противны? – догадался юноша.

– Не то слово, – признался взыскующий нирваны.

– Видите ли, уважаемый, – ответил Фёдор, – небытия даже Будда не сподобился, но есть альтернатива. Станьте депутатом, и это изменит вас навсегда.

– Полегчает? – с надеждой спросил дядька.

– Отпустит, – пообещал семинарист, благословил собеседника и уплыл в свои покои.

Окончание следует

Ксения ФОМИНА

МНЕ НРАВИТСЯ РАЗГОВАРИВАТЬ С БЕЛЫМ ЛИСТОМ

* * *

не надо,
звезда моя, маленькая,
не влюбляйся.
такие, как ты, появляются для того,
чтобы дарить свой свет другим.
не бойся
показывать солнечный космос души.
не удивляйся,
когда погаснут все фонари
и людям заменишь их ты.
не сомневайся
в чистоте своих глаз-светлячков.
не влюбляйся,
звезда моя, маленькая,
не надо.
такие, как ты, появляются для того,
чтобы светить,
поэтому,
пожалуйста,
не погасни.

* * *

«покажи свой любимый цветок», –
улыбаешься,
задавая этот вопрос шёпотом,
когда мы стоим в магазине
с названием «цветы».
мне не нравится то,
что предлагает девушка с брекетами.
закрываю глаза и представляю,
как сирень блуждает по коже,
как от пионов кружится голова,
как роса спускается с ландышей.
но это всё не то.
ты проводишь пальцем по моей щеке
и возвращаешь в реальность.
приоткрыв глаза,
показываю пальцем на тебя.

* * *

отпускаю кораблики
плыть по маленькому ручейку,
давая каждому из них
имя,
фамилию,
отчество.
аккуратно вывожу шариковой ручкой
фарфоровые буквы.
создаю из листка бумаги тело
со шрамами,
синяками,
татуировками.
смотрю, как медленно уходят корабли,
и машу им в спины ледяной рукой,

ФОМИНА Ксения Андреевна *родилась 19 июня 1998 года на Украине, в городе Орехов. Окончила медицинский колледж, учится в Кемеровском государственном институте культуры. Участница литературного объединения «Лик». Публиковалась в журналах и альманахах «Огни Кузбасса», «Образ», «Кольчугинская осень», «После 12». Лауреат Межрегионального конкурса им. Игнатия Рождественского, финалист Второго международного конкурса «Русский Гофман». Живёт в Кемерове.*

прекрасно понимая,
что мне всё равно.
ты – это редкий вид кораблей,
которые я не хотела отпускать.

* * *

когда я увидела глаза отчаянья
у добрых людей,
которым давно уже за тридцать,
то в голове загорелась мысль:
«сделай всё, чтобы
твои глаза не стали такими».
мне двадцать один,
и я с грустью смотрю
в зеркале на глаза,
которые так боялась увидеть.

когда я увидела глаза, в которых
не осталось
никаких чувств, то в голове загорелась
мысль:
«сделай всё, чтобы
твои глаза не стали такими».
они бывают у людей,
которые видели слишком много.
мне двадцать один,
и, шагая мимо детской площадки,
слышу голос мальчика,
который обращается к бабушке:
«ба, почему у неё пустые глаза?»

когда я увидела глаза, которые смотрят
с ужасом
на происходящее, то в голове загорелась
мысль:
«сделай всё, чтобы
твои глаза не стали такими».
их обнаружила у людей,
которым давно за шестьдесят.
мне двадцать один,
и, сидя в кресле,
ощущаю, как это чувство
расцветает внутри меня.

мне двадцать один,
и я не сделала ничего,
чтобы мои глаза
не стали такими.

* * *

от меня ушли слова
на цыпочках,
не прощаясь
и не хлопая дверью.
следом
ушли слёзы,
предпочитая
чьи-то чужие глазницы
с более красивой
радужкой.
я смотрю им в спину
и вытираю ладонью
молчание
с губ.
всё, что меня окружает,
начинает
уходить / исчезать,
а молчание остаётся,
как самый преданный пёс,
и подаёт лапу.

* * *

у меня в голове
вселенная людских историй.
садишься в такси – история жизни водителя.
ночуешь в незнакомых местах –
история жизни жильца или администратора.
разговариваешь с лучшим другом –
история жизни близкого человека.
я не прошу никогда рассказывать
историю своей долгой
или недолгой жизни.
слушаю молча.
киваю.
изредка смотрю в глаза
и храню их внутри,
как самые хрупкие цветы.
и, дослушивая очередную историю,
у меня спрашивает
незнакомый парень:
«девушка, а вы почему
не рассказываете свою историю?»
улыбаюсь в ответ и, забрав пакет,
молча ухожу.
молчание – это тоже история.

* * *

Ленинск
ленится
стряхивать
угольные снежинки
с ресниц
у городских лиц.
их глаза чёрные
линзы
лижут
и прячут красоту.
на каждом углу
магазины:
магниты,
ониксы,
марии-ра,
которые не любят
вставать по утрам.
люди
между собой
спорят,
превращаясь
в бездомных собак.
и не объяснит город
этим глупым
никак,
что они
создатели
своего горя.

Татьяна ТВЕРДОХЛЕБОВА

ПОСТОРОННИЕ

Рассказ

Утро майского дня было хмурым. Деревья и кусты, поспешившие нарядиться в одежды из светло-зелёного шифона, казалось, знобило под порывами северного ветра. Серые лужи холодно отливали металлом.

Екатерина Андреевна закрыла форточку в ординаторской.

– Сквозняк! – пояснила она заведующему.

Егор Александрович просматривал анализы больных, поступивших вчера. Зав детским анестезиолого-реанимационным отделением был крупным мужчиной сорока трёх лет. В чёрных густых волосах пробивалась седина.

На подоконнике заворчал и стал плеваться кипятком старенький электрокофейник.

– Егор, кофе будешь? – Женщина показала начальнику банку с кофе.

Зелёные глаза на округлом лице Егора засветились благодарностью.

– Конечно, Катюша! Сахару…

– Две, как обычно, – закончила Екатерина.

Дородная фигура доктора Афанасьевой, выключавшей кофейник, закрыла собой пол-окна. За окном пошёл снег, нелепый на фоне зеленеющих листьев и травы. Крупные хлопья снега безостановочно падали с неба. «Как наложение кадров в мультфильме», – подумала Екатерина.

От запаха кофе у Егора по лицу расплылась блаженная улыбка.

– Егор Александрович, мальчик в детское отделение поступил. Внутривенная урография, – сказала вошедшая в ординаторскую медсестра и протянула одной рукой историю болезни.

Другой она поправила светлые волосы, высоко забранные в хвост. Екатерина Андреевна окинула неодобрительным взглядом стройную фигуру молодой женщины в коротком белом халатике.

– Леночка, передай, что я спущусь в детское к десяти. Как сынишка? – спросил Егор Александрович, глядя в глаза медсестре.

Между строк слышалось: «Я соскучился!»

– Нормально. В сад отвела, – залучилась голубыми глазами Леночка. («Я тоже соскучилась!»)

Елене было приятно чувствовать себя фавориткой короля. Пусть короля отделения. Зато какого! Сильного, страстного. А пусть все завидуют!

Мужчина заинтересовался двадцативосьмилетней Еленой сразу же, как только она устроилась на работу в отделение после декретного отпуска. «Что он в ней нашёл? Похожа на усечённую тень…» – думала Екатерина Андреевна. Впрочем, она необъективна. Личико у Леночки хорошенькое. Особенно хороши глаза. И движения мягкие, как у мелкой хищницы кошачьей породы. С кем её сравнить? Для рыси слишком тоща. Для домашней кошки диковата… Да нет, Егору во вкусе не откажешь. С ним всё ясно!..

– Елена Ивановна, катетер приготовьте! Анечке Василенко поставим, – распорядился доктор Афанасьева.

ТВЕРДОХЛЕБОВА Татьяна Евгеньевна *родилась 28 апреля 1964 года в Кемерове. Окончила Кемеровский государственный медицинский институт. Работает врачом-офтальмологом. Публиковалась в коллективном сборнике «Пожалей всех птиц влюблённых» и журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Юрге.*

«Лошадь! – подумала медсестра про Афанасьеву. – Хоть бы гриву свою красила!» И посмотрела на неё как на пораженку. А вслух сказала:

– Сейчас приготовлю, Екатерина Андреевна!

Та отвернулась к окну. Кто-то наверху продолжал прокручивать плёнку со снегом. Всё правильно: пораженка она и есть! Екатерина была тайно влюблена в бывшего однокурсника Кондакова. Было практически невозможно не влюбиться, день за днём ощущая рядом его обаяние и мужественность.

Много лет назад Катерина, знавшая, что жена Егора в командировке, набралась смелости и позвонила ему домой. На что, собственно, она рассчитывала? Что Кондаков пригласит её на свидание? Скорей всего, Кате просто хотелось услышать голос любимого человека.

Ответил не Егор, а его жена, вернувшаяся из командировки на день раньше.

– Алло, – раздался в трубке её сонный голос.

Кате стало стыдно, как будто она вошла в спальню Кондаковых и увидела их обнажёнными. Больше Екатерина Андреевна не позволяла себе подобных глупостей…

В десять часов Егор Александрович вошёл в палату детского отделения. Поступивший восьмилетний мальчик с тоской смотрел на улицу. На затылке испуганно торчал вихор каштановых волос. Маленький пациент, заслышав шаги, повернул голову к Егору. В больших карих глазах читался ужас безысходности.

– Ты Ломов Егор? – дружелюбно спросил его доктор. – А я Егор Александрович. – И протянул свою широкую ладонь ребёнку. – Тёзка, стало быть! Ты не бойся, Егорка! Мы сейчас тебе сделаем укольчик, потом сфотографируем спинку. И завтра мама тебя заберёт.

– А сегодня домой нельзя? – робко протягивая свою маленькую руку доктору, спросил мальчик.

– Завтра, Егорка! Завтра, – ответил Кондаков, а медсестре: – Ведите в рентген-кабинет!

Через несколько минут после того, как привели пациента, в рентген-кабинете раздались крики. Егор Александрович, открыв дверь, отрывисто скомандовал санитарке:

– Каталку! Срочно! Поднимаем к нам!

Бездыханное тело мальчика быстро подняли на лифте в реанимацию.

– Катя! Смерть на конце иглы!

Екатерина Андреевна моментально включилась в работу. ИВЛ… Адреналин в сердечную мышцу… Дефибриллятор… Капельница тянула своё прозрачное щупальце с питательными веществами к руке мальчика… Егорка не оживал. Доктора вскрыли мальчику грудную клетку. Прямой массаж сердца… Прошло двадцать минут. Егор Александрович как бы смотрел на себя со стороны, понимая, что всё бесполезно. Но руки продолжали работать…

– Егор! Егор! – несколько раз окликнула Екатерина.

Завреанимацией опустил руки и грузно осел на стул. В душе зияла пустота. Как будто смерть Егорки вырвала из неё кусок.

– Я пообещал, что он завтра пойдёт домой, – почти простонал Кондаков.

– Мы сделали всё, что могли, – напомнила Екатерина Андреевна.

– Кого это волнует, Кать? Ты что, надеешься этим оправдаться перед его матерью? – утирая пот со лба, тихо поинтересовался доктор.

Мальчик лежал на столе с развороченной грудной клеткой и запрокинутым бледным лицом.

– Елена Ивановна, закройте ребёнка (у Кондакова не повернулся язык сказать «труп»), и пусть санитарка собирается в морг, – дал команду заведующий.

Как доработал, Егор помнил плохо. Все действия, беседы – на автомате. И всё время сжимало в левой половине груди. Пока Катя не дала ему нитроглицерин…

Кондаков шёл домой, никого и ничего не замечая. Снег хлопьями лип к лицу и одежде. Егор не пытался бороться с его навязчивостью. Было всё равно.

Дома он молча снял верхнюю одежду и прошёл в зал.

– Егор, одежду стряхнуть надо было! Ну посмотри, с неё же течёт! – сказала вошедшая за ним жена. – Что-то случилось? – встревоженно спросила она, взглянув в лицо Кондакова.

– Не сейчас, Ириша! – устало ответил тот.

– Есть будешь?

– Нет, Ир! Я отдохну.

Он достал из бара бутылку коньяка, залпом выпил полстакана. Потом лёг на спину на диван, закрыл глаза и стал вспоминать. Егор всегда старался вспоминать что-то хорошее, когда ему было плохо. В основном моменты студенческой жизни.

Последнее время всё чаще вспоминалась Инга Петрова. Это потому, что в его отделение пришла работать Лена. Егор, когда увидел её, прямо обалдел: Инга! Конечно, стопроцентного

сходства не было. Но те же светлые кожа, волосы, наивный взгляд небесно-голубых глаз… И в дополнение к этой ангельской внешности периодически выплёскивающийся не по-ангельски бурный темперамент.

Инга… Имя как узоры на окне морозной зимой. Снежная кожа, льдистые глаза… Снегурочка. Недотрога. Что у Кондакова было с ней? Да в общем ничего. Так, целовались несколько раз.

Егор вспомнил, как они ездили на втором курсе на картошку. Было весело. Работа как-то не очень напрягала. Кондаков тогда был, можно сказать, худой. Даже не верится! Они с Ингой целовались тогда в первый раз, спрятавшись за овощехранилищем. На Петровой был серый дурацкий свитер и штормовка. Серые советские джинсы болтались на ней как на вешалке. От смущения у Инги алели щеки. Она робко подставляла лицо и целоваться совсем не умела. Егор учил её: «Не напрягай губки, глупая!»

А на следующий день они поссорились в пух и прах из-за какого-то пустяка. Упрямый парень назло Инге стал встречаться с грудастой Веркой Павловой. Петрова демонстративно не замечала его…

На третьем курсе Егор влюбился в синеглазую кокетку Ольгу Титову. Когда она его бросила, Кондаков напился. Он напился и на следующий день на студенческой пирушке в общаге. Гуляли в Ингиной комнате. Обнявшись втроём с Ингой и Наташкой Зверевой, они медленно кружились под какую-то песню Антонова. Потом Наташке срочно понадобилось уйти. Инга провожать её не пошла, а продолжала кружиться с Егором. Они долго целовались. А потом Юрка и Костя утащили пьяного товарища в такси.

Кондаков сопротивлялся и вопил:

– Я ночевать здесь останусь! Она меня любит!

Инга молчала. Он не сказал: «Я её люблю!» И вообще… Просто перебрал.

– Она меня любит, – всхлипывал Егор в такси.

А на следующий день он сделал вид, что ничего не было. В сердце саднила рана, оставленная Ольгой…

Потом Егор вспомнил, как на шестом Инга ссорилась с ним. Он посмел уличить Ингину подругу в том, что она не знает классику русской поэзии.

– Ты кем себя вообразил?! – яростно нападала на него Петрова и была похожа на закипевший кофейник.

Во всяком случае, рядом с ней напряжение было не меньше двухсот двадцати вольт, и только пар из ушей не шёл.

– А может, товарищ Всезнайка расскажет нам об операх Римского-Корсакова?! Или элементарно с английского переведёт?!

С английским у Кондакова был полный завал. Это точно. «Чего она разоралась?» – ошеломлённо думал он. Ингу-то Егор не задевал. А чего её задевать? В литературе и музыке Петрова разбиралась будь здоров! Да и на английском шпарила, как на родном. Потом по дороге домой Кондаков понял причину её внезапного выплеска: просто Инга к нему неравнодушна!

И на следующий день под предлогом помочь что-то ему найти Егор заманил свою симпатию в лаборантскую. Там он молча прижал её своим большим телом к стене и целовал до крови её по-детски пухлые губы. Инга задыхалась, но не отталкивала парня.

– Я приду к тебе сегодня? – прошептал он. – Приду?

Та замотала головой, глядя в его глаза пьяными глазами.

– Почему? Ведь я же тебе нравлюсь...

Он опять не сказал: «Ты мне нравишься!»

– ...Инга, скоро мы закончим учиться и разъедемся, может, не увидимся никогда…

– В том и дело, Егор, разъедемся! Ты со своей женой, а я… Что же ты раньше?.. – вдруг прорвались у неё в голосе слёзы.

И выбежала из лаборантской. Раньше… А что раньше? Жену Кондаков выбрал правильную. Не всю же жизнь по Ольге страдать? Кондаков себе цену знает! Женским вниманием обделён не был. А Ирка училась на параллельном курсе. Хозяйка хорошая: и приготовит – пальчики оближешь, и чистюля. Характер без вывертов. Ну и фигура – всё при ней.

С Ингой жить – то же самое, что голым задом сидеть на действующем вулкане. Фудзияма!.. И всё же она волновала Егора. Ему часто, глядя на Ингу, хотелось повалить её, беспощадно смять, почувствовав, как она извивается, послушная мужским рукам. Как смеет эта девчонка заноситься и кричать на человека, которого любит?! Но Инга смела, а он почему-то позволял.

А теперь вот Ленка… Конечно, его нынешняя пассия была менее романтичной. Инга любила его бескорыстно, а Ленка использует: заставила его, например, для своего ребёнка место в саду выбить. И всё же мужчина считал появление её в своей жизни подарком судьбы.

Утром Егор с трудом оторвал голову от подушки.

– Ир, кофе завари! – попросил он жену и закурил.

– Егор, опять дымишь, как паровоз! И кофе! А сам на сердце жалуешься. Когда кардиограмму снимешь? Что, тебя к себе в центр тащить?

– А ты у нас ведёшь здоровый образ жизни! – ввязался в перепалку мужчина. – Буквально образец для подражания! А чей это окурочек с утра пораньше в пепельнице? Серёжкин, что ли?

– Я, по крайней мере, гимнастику по утрам делаю и с работы пешком хожу! – огрызнулась Ирина.

– Ира, не заводись, я тебя умоляю! Кофе дай!

– Пожалуйста, Егор, сделай сегодня кардиограмму! – напомнила женщина, подавая горячий напиток и целуя мужа.

Егор для Ирины двадцать лет был старшим ребёнком, которого нужно везде водить за руку. «Знаешь, Ир, мне на работе надоедает принимать решения. Давай сама!» – говорил он. По поводу своего здоровья Кондаков тоже не слишком напрягался. Считал себя бессмертным, видимо.

Он рассеянно кивнул. Как обычно.

– Что там у тебя на работе? – сочувственно вспомнила жена.

– Смерть на конце иглы. Восьмилетний ребёнок. Привели на урографию, – бесстрастно ответил Кондаков.

– Заключение патологоанатомов когда будет?

– Сегодня или завтра.

Егор с тяжёлым сердцем шёл на работу. Предстоял разговор с Ломовой, матерью погибшего мальчика.

Нужно ли описывать полубезумное поведение матери Егорки, которая, рыдая, кидалась на врачей с кулаками и называла их убийцами? Катя, удерживая женщину своими сильными руками, пыталась её урезонить. Но той не нужны были объяснения. Матери нужен был сын. Живой и относительно здоровый.

Егор, понимая это, глядел в глаза Ломовой, не пытаясь оправдаться. Потом едва слышно произнёс:

– Извините…

И ушёл в отделение.

– Извините?! – кричала вслед ему потерявшая сына мать. – Он думает, я его извиню! Сидеть будешь, боров недорезанный!

Она кричала что-то ещё, пытаясь бежать за Егором Александровичем. Но крепкий санитар Олег загородил собой вход в отделение. И, строго пояснив: «Не положено!», захлопнул дверь в реанимацию.

Кондаков сидел в своём кабинете и держался за левую половину груди. Катя протянула нитроглицерин.

– Егор, иди домой! Я справлюсь, – предложила она.

– Заключение патологоанатомов пришло?

– Да, посмотри: увеличена вилочковая железа, смерть вследствие аллергического отёка лёгких. Никто не смог бы спасти этого ребёнка! По сути, он был обречён. Не этот случай, так другой… – убеждала шефа Екатерина Андреевна.

– Лучше бы другой, – горько вздохнул тот.

…В среду наконец потеплело. Деревья и кусты радостно разворачивали новые нежно-зелёные листочки. Голубизна весеннего неба была ослепительна.

В девять утра открылась дверь в ординаторскую. Сквозняк бесцеремонно перелистал истории болезни маленьких пациентов на столе Екатерины Андреевны, не подозревая о врачебной тайне. В кабинет вошёл молодой человек невысокого роста, в сером костюме и галстуке.

– Следователь Потапов, – бодро представился он. – У Ломовой Светланы Васильевны в вашем отделении скончался сын.

И, не дожидаясь приглашения, Потапов уселся в кресло.

– Что вы хотели бы от нас услышать? – ровным голосом поинтересовался Егор Александрович.

– Ну, в первую очередь что вы, уважаемые доктора, ввели ребёнку? После каких манипуляций умер практически не болевший мальчик? – ехидно спросил следователь.

– То, что обычно вводят перед проведением данного обследования. В истории болезни всё зафиксировано, – сухо ответил Кондаков. – Екатерина Андреевна, распорядитесь, чтобы нашли историю Ломова!

– И передозировка, по-вашему, исключается? – подозрительно продолжил Потапов.

Егору захотелось назвать его «молокососом» и вышвырнуть за дверь.

– Да как вы разговариваете с заведующим отделением?! – вспылил доктор Афанасьева. – У Егора Александровича стаж работы – двадцать лет! Вы даже не в состоянии представить, сколько он спас детских жизней!

– Минуточку, госпожа Афанасьева! Никто не оспаривает его прежние заслуги. Но и на старуху бывает проруха, – высокомерно сострил молодой человек.

– Екатерина Андреевна, зачем… – попытался охладить пыл коллеги Кондаков.

– Историю болезни что-то долго не несут… Последние срочные исправления? – продолжал упражняться в остроумии Потапов.

Завреанимацией навалился всей тяжестью своего наполненного неприязнью взгляда на прыткого следователя и отчётливо произнёс:

– Извините, у меня очень много работы! Запрос на историю, пожалуйста!

– Пожалуйста! – суетливо порывшись в портфеле, протянул бумагу присмиревший молодой человек.

– Ожидайте! – бросил Кондаков и вышел из ординаторской.

За ним вышла Афанасьева. Потапов в одиночестве дождался медсестру с интересующим его документом.

– Послушай, Егор! Он с нами разговаривал, как будто мы вправду убийцы! – прокомментировала в конце смены беседу со следователем Екатерина Андреевна.

– А кто мы, Кать? Убийцы! «Оборотни в белых халатах»! И, главное, ты обратила внимание, как всё у него замечательно складывается: вот труп, а вот преступники – бери сажай в тюрьму! Суд со сроком заключения только определиться должен. Заметила, что этот хлыщ весь от счастья прямо светится? Дырку, наверно, в пиджаке уже себе проковырял. Для ордена. Опасных преступников словил! – зло ответил Егор Александрович.

...Следователь заявился через три дня. Кондаков опять хотел, сославшись на занятость, избежать расспросов амбициозного молодого человека. Но тот пообещал в таком случае вызвать докторов в прокуратуру.

– Слушаю вас! – с трудом сдерживая раздражение, повернул лицо к Потапову завотделением.

– Насколько, Егор Александрович, было обосновано данное обследование? – спросил следователь.

– Обосновано. У мальчика была вялотекущая, плохо поддающаяся лечению инфекция мочевыводящих путей, – пояснил доктор Кондаков.

– А если бы вы знали, что у него может наступить смерть в силу его особенностей? – уточнил Потапов.

– Разумеется, я не стал бы провоцировать подобный ход событий.

– В таком случае почему не были проведены дополнительные обследования по выявлению увеличения вилочковой железы?

– Вероятность смерти во время урографии – один к двум тысячам. Прикажете двум тысячам пациентов перед облучением поясничной области проводить дополнительно облучение грудной клетки? – вмешалась в разговор Екатерина Андреевна.

– Прикажу! – живо откликнулся следователь. – И вам, мадемуазель Афанасьева, – выделив слово «мадемуазель», продолжил он, – я бы лично своих детей вообще не доверил! Поскольку у вас нет собственных. Вы никогда не поймёте чувств матери! Пациенты для вас просто посторонние. Рабочий, так сказать, материал!

– У нас что, профпригодность в педиатрии теперь определяется наличием или отсутствием личных детей? – посерев лицом, холодно парировала Катерина.

«Сволочь! Откуда-то ведь узнал! А то, что ей нельзя рожать…» – мелькнуло в голове у Егора. Он понял, что как раз сейчас осуществит заветное желание вышвырнуть вон этого гадёныша. Кондаков схватил мелкого молодого человека за шиворот своей могучей рукой и, невзирая на протесты и угрозы Потапова, проволок его ко входной двери отделения. Получив от своих неразумных действий моральное удовлетворение, Егор Александрович решил, не возвращаясь в ординаторскую, посмотреть поступившую вчера девочку.

– Елена Ивановна! – обратился он к медсестре, входя в палату.

Внезапно сильная жгучая боль заставила Кондакова схватиться за левую половину груди. Густой туман застелил глаза. «Дым… Курят!..» – успел подумать Егор и боком завалился на пол.

Медсестра вскрикнула и позвала с отчаянием:

– Екатерина Андреевна! Егор Александрович…

Вбежавшая Катя увидела лежащего на полу Кондакова и толкнула плачущую Елену к постовому телефону:

– Кардиологов вызывай!

Сама с санитаркой уложила заведующего на кушетку. Все действия, распоряжения – на автомате.

– Сейчас, Егор, сейчас, – шептала Екатерина Андреевна.

Специализированная бригада примчалась в считаные минуты. Диагностировали обширный инфаркт. Кондакова срочно увезли в кардиоцентр.

– Иди работай! – с неприязнью посоветовала Афанасьева в тоске опустившей голову Елене. – Необязательно всем демонстрировать своё личное горе! Постыдилась бы!

Лена гордо подняла трясущийся от сдерживаемых рыданий подбородок.

– А мне стыдиться нечего! Я люблю его! – ответила она. – А вы обзавидовались прямо на мою молодость и красоту!

Впервые война взглядов была озвучена.

Лене и вправду казалось в этот момент, что Егора она любит. А эта моралистка…

– Елена Ивановна, «тему любви» обыграете дома с мужем. Или, если хотите, с Ириной Алексеевной.

«Ей же позвонить надо!» – вспомнила Катя про жену Кондакова.

– Екатерина Андреевна, вы забыли? Его к нам привезли, – негромко ответила на другом конце провода Ирина.

Кате стало стыдно. Как будто она вновь вмешалась в их семейные отношения.

– Как он? – коротко спросила Афанасьева.

– Оперируют, – так же коротко ответила Ирина Алексеевна.

Егор лежал с развороченной грудной клеткой и запрокинутым бледным лицом и равнодушно смотрел на себя сверху и сбоку. Как посторонний. Над его грузным телом склонились коллеги – кардиохирурги… К его мощной руке тянулась тонким прозрачным щупальцем капельница… Монотонно работала ИВЛ… Кондаков знал, что всё бесполезно. Он не вернётся в это тело с кровоточащим сердцем. Зачем? Он устал. Просто устал… Егор видел, что в операционную вошла женщина в зелёном хирургическом костюме и маске. Она тихо села в углу и стала умолять Кондакова не покидать их с сыном: «Господи, пусть, пусть эти его интрижки на работе, я привыкла. Только бы жил! Только бы… Господи!» Ирина не умела молиться. «Жена», – узнал Егор. И понял, что вернуться придётся. Она не отпустит. И ещё кто-то его не отпускал. Какая-то женщина со светлыми волосами. Кондаков не мог вспомнить…

– Зашиваем, – распорядился Алексеев, ведущий хирург. – Слава богу! Всё обошлось. Ну что там ещё? Ира, ты что здесь делаешь?!

Ирина Алексеевна рыдала, сидя на полу операционной…

Екатерина Андреевна в мрачных думах брела по улице. На остановке стоял Егор. Катя вздрогнула от неожиданности и вгляделась в лицо. Посторонний мужчина с вызовом посмотрел зелёными глазами Кондакова ей в глаза.

Катерина опустила голову и медленно пошла домой. Дома ждали отец и мать. Она единственная дочь, «свет в окошке». А завтра – обычный рабочий день. И объяснения со следователем Потаповым, который наверняка кондаковский инфаркт воспримет как ловкий уход от уголовной ответственности. И дети, которых необходимо спасать… Посторонние? Нет, это её дети! Что бы там ни говорили Потаповы, Ивановы, Петровы, следователи, коллеги… И даже родители этих детей.

Валерий ТИХОНОВ

БОЖЕ МОЙ, КАК Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

ЛЮБОВЬ

Выпало родиться на Земле,
печь картошку в тающей золе,
быть порой с друзьями во хмелю…
Боже мой, как я тебя люблю!

Листопады, снегопады мчат…
Каблучками часики стучат…
Жизни быть иною не велю…
Боже мой, как я тебя люблю!

За зимою, знаем, хлынет март –
будет дан весне желанный старт.
Я уже поверил февралю…
Боже мой, как я тебя люблю!

Детскими глазами окрылён,
в женщину земную я влюблён.
Я её небесно восхвалю…
Боже мой, как я тебя люблю!

…У картошки тёплой нежный вкус.
У костра сижу. Не дую в ус.
Захочу – дровишек наколю…
Боже мой, как я тебя люблю!..

ПАМЯТИ ПОЭТОВ

Борису Капустину,
Николаю Шипилову
и Станиславу Яненко

Когда тоска,
печаль на сердце,
грусть,
то выручает избранное слово –
тем сохраняемся, что дышим наизусть
стихами Пушкина, Есенина, Рубцова…

Когда души коснётся мрак и хлад
и тусклым станет
солнечное лето,
тогда спасаемся от смрада – стар и млад –
стихами Лермонтова, Тютчева и Фета…

Вопросов – тьма.
Ответов – тоже тьма.
А хочется душевности и прока.
Вот мы и держимся,
чтоб не сойти с ума,
стихами Бунина, Некрасова и Блока…

ТИХОНОВ Валерий Евгеньевич *родился 4 августа 1961 года в городе Белореченске Луганской области (Донбасс). Раннее детство прошло в городе Кореновске Краснодарского края. Вырос в селе Тугозвоново Шипуновского района Алтайского края. До и после службы в армии работал в совхозе трактористом-электросварщиком. После окончания филфака Барнаульского государственного педагогического института работал в школе учителем русского языка и литературы. С 1992 года ведёт активную издательскую деятельность. Автор семи поэтических и шести публицистических книг, изданных в Барнауле. Публиковался в журналах «Алтай», «Барнаул», «Сибирские огни», «Сибирские Афины», «Огни Кузбасса», в «Литературной газете» и альманахе «День поэзии». Лауреат премии Алтайского центра Демидовского фонда (1995), двух краевых литературных премий – имени В. М. Шукшина (2003) и В. В. Бианки (2007). Член Союза писателей России. Основатель и главный редактор литературного фонда «Август». Живёт в Барнауле.*

И вас мы помним,
Боря, Коля, Стас,
и поминаем сокровенным словом.
Надеемся,
у вас там прежний Спас –
поэзия с её волшебным кровом.

* * *

Я в детстве был умыт росой
и понят другом,
воспитан лесополосой,
рекой и лугом…

Мне в школе было хорошо –
всё интересно.
Любил походы с шалашом,
гитару, песни…

Лишь перед матерью склонён
за все коврижки…
Я о себе, точней, о нём –
о том мальчишке.

* * *

Домашних гусей раскрылестилась
шумная стая –
они навсегда-навсегда улетают на юг!
Отныне хозяев и волю меняют местами,
но каждое пёрышко их потревожил испуг…

И всё же отважно они покидают ограду,
усыпав всю улицу пухом своим и пером.
Хозяева этому бунту не чинят преграды –
набегавшись, гуси вернутся
к кормушкам с зерном.

Их вольные братья летят
треугольником долгим,
волнительно кличут с заоблачных
тихих высот…
И кажется –
к ним поднимаются
даже дороги,
что тоже нацелены в сферы небесных красот.

ПРИТЯЖЕНИЯ

Луга зажелтели от одуванчиков,
И сразу
взлетела за домом акация...
Летают с букетами к девочкам мальчики!..
Они нарушают закон гравитации!

От солнца – по капельке –
золото в сердце...
А птицы – межконтинентальные рации!
Студенты прогуливают в мае лекции!..
Они нарушают закон гравитации!

Мы счастливы тем, что нам лето стозвонное
позволит побыть на трёх маленьких станциях,
а после –
сады и леса, словно сонные…
Они нарушают закон гравитации!

Заменят дожди снегопадом, морозами.
Тогда с Антарктидой все ассоциации...
Но всё-таки март нас закружит мимозами!..
Любовь
нарушает
закон
гравитации!

* * *

Июнь сиренью дни наполнил,
но пятилистник засекретил.
Уже черёмуху не помним.
Жару тревожит тихий ветер.

Раскрытый сквер. Тягучий полдень.
Паук в тенёчке сети вяжет.
Июнь сиренью дни наполнил!
Мы в городе словно на пляже…

Срывая или не срывая
кипучие цветы сирени,
ищу я, словно эхо мая,
своё – в пять строф – стихотворенье.

В нём отразятся детство, юность,
родные лица – дорогие…
Такие были дни в июне,
что и не надобны другие.

ЗИМОЙ

Зимой дороги каменеют
и воздух зримей.
Жизнь ощутимей, а за нею
лишь долг, что принял.

Весна ютится в дальних числах,
идёт сквозь стены.
И если сдержанно помыслить,
то сдюжат вены.

Пусть каждодневностью знакомы
усталость, жажда,
мне хорошо, когда я дома,
минутой каждой.

Морозно памяти дыханье,
но знойна мера.
Нет горизонта, есть слиянье
снегов и веры.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ В СЕНТЯБРЕ

Я вас не удивлю, пожалуй,
но расскажу вам не спеша:
работал дождь всю ночь пожарным,
а утром
снова был пожар –
менялись яркою листвою
деревья в дружестве лесном,
то ль от дождя,
то ль под росою
светился тополь под окном…
Но жара не было в округе.
Всё просто –
август уезжал.
Лишь клён, тоскуя о подруге,
всех уверял, что был пожар.

ИНВЕРСИИ

Когда завершается август,
кончается лета куплет.
У песни меняется адрес,
а знает его лишь поэт.

Он новую песню напишет
за листьев златой гонорар
про дождь, что купается в крышах,
про вечера тёплый пожар…

Какие завидные темы
рифмует на чудный мотив
природа!.. И вот – захотела
скорее в сентябрь войти.

Пока же кончается август –
плоды, звездопады, туман…
И греет желанная радость,
что лета любовь – не обман.

РАННЕЕ ДЕТСТВО. ДОНБАСС

Под тополями дождь рисует ноты.
Под ними нам не так страшна гроза.
Шахтёр знакомый, чёрный от работы,
из веток нам свистульки вырезал.

Ему с получки мы бывали рады,
как Дед Морозу в Новый год с мешком,
он щедро угощал нас лимонадом,
мороженым!.. Сам выпивал с дружком.

Нам было лет по пять, по шесть от роду.
Нам первоклассник виделся большим.
Замаявшись дворовою свободой,
грозились мы, мол, в школу убежим –

Там школьники, портфели, форма, парты,
звонки на перемены и буфет!..
А во дворе? Деды играют в карты,
и Витька бережёт велосипед:

Даёт нам прокатиться по два круга.
Ещё футбол до самой темноты!..
И было у меня тогда два друга.
И были мы со взрослыми на «ты».

* * *

Ясноглазым стал мой луг
в день, когда расцвёл подснежник.
Меж землёй и небом круг
жаворонок вывел нежно.

Колокольчик не звенит,
а молчит созревшей вишней.
Если кто придёт за ним,
тот здесь будет третьим лишним.

Кажется, что на века
мир заговорил стихами…
Ивы в жёлтых париках
солнечным живут дыханьем.

Это всё – весенний мир:
огоньковый, одуванчи…
Кепку перед ним сними,
береги его, мой мальчик!

Прошепчу себе: дыши
безраздельно, бесконечно!..
Родина моей души –
луговой простор приречный.

Александр ДЁМЫШЕВ

КУДА УХОДЯТ ДЕТИ

Рассказ

Та осень останется в моей памяти навсегда. Она познакомила меня с маленьким мальчиком, и эта короткая встреча перевернула многое в моей голове. Выходя солнечным тёплым днём на послеобеденную прогулку, я и не думал, что когда-то сяду писать об этом рассказ. Впрочем, прогулок было три. Три прогулки, что сохраню я в сердце в мельчайших подробностях до конца дней. Но обо всём по порядку.

Был октябрь. Я уже сказал о чудесной погоде, но добавлю: такого солнечного и тёплого октября, как в тот год, я на своём веку не припомню. А пожил я немало, уж поверьте. Так вот, в тот год ещё по весне я вышел на пенсию, но о начале заслуженного отдыха долгое время приходилось лишь мечтать.

Сначала меня атаковали дачные заботы: посадка, прополка, окучивание. Затем против меня выступила армия колорадских жуков. Бои на садовом участке шли с переменным успехом; больше всего в ходе этих столкновений страдала моя поясница. Затем развернулось главное сражение летней кампании – битва за урожай. Когда же я с ним, с урожаем, покончил и готовился праздновать полную и окончательную победу, угораздило меня попасть в плен под названием «ремонт домика». Сколько сил и средств положил я, чтобы вырваться из этого плена!

Так летело день за днём время. Наконец я покончил с делами. С утра ещё чесались руки, и я нашёл им занятие: поправил забор садового участка, подлатал крышу сарая.

Побездельничав после обеда, сидя на крылечке, я наконец решился. Свистнув Найде – моей молоденькой собачухе неопознанной породы, отправился гулять. Да-да! Просто гулять – без дела, без цели – впервые за многие годы.

Точнее, цель была. Я шёл в «секретное место». Туда, где часто гулял мальчишкой в то время, когда ещё и в помине не было ни этого дачного массива, ни детского оздоровительного лагеря, расположившегося неподалёку. Туда, где гулял в пору голодного послевоенного детства, когда мы жили в деревеньке за несколько вёрст отсюда. В деревеньке, откуда ушёл на войну отец, оставив меня трёх месяцев от роду у мамы на руках. В деревеньке, которой давно нет.

Я шёл не спеша. Синело меж елей небо, а песчаную дорожку украшало шуршащее жёлтое покрывало опавшей листвы. Всё ещё побаливала поясница, обиженная наплевательским отношением к ней во время уборочной страды (от слова «страдать» – точно). В тот год мне удалось поставить рекорд – четырнадцать мешков картошки, и я ужасно гордился. Тогда ещё не знал, что этот картофельный рекорд станет в моей жизни последним.

Попахивало костерком. Вокруг носилась, шмыгая длинным носом и повизгивая от восторга, Найда. Её маленьким продрогшим щенком

ДЁМЫШЕВ Александр Васильевич *родился в 1973 году. Работал в охране спецгрузов. Автор трёх книг. Член Союза писателей России. Живёт в Кирове.*

нашла в подземном переходе жена полтора года тому. Отсюда и имя. Думали: нашли, отогреем, подкормим – да и пойдёт собачка своей дорогой. Но Найда решила иначе... А в тот солнечный день она была просто счастлива идти куда-то со мной, и неважно ей было, куда я иду.

Не удержавшись, поймал собачуху и, присев, давай чесать её мохнатый подбородок и за ухом. Как же ей нравилось! Она была в ту пору ещё совсем молоденькая, моя Найда. Да, её давно уже нет. Собачий век короток, она состарилась и умерла вперёд меня три года как. А я живу. Живу, хоть, может, и задержался. Ну да я не об этом.

Проводив взглядами грохочущий товарняк, спешащий в сторону Котласа, мы с Найдой взобрались на высокую (в несколько метров) железнодорожную насыпь. Перед нами сразу за лужком вытянулась на несколько километров старица Вятки – длинные, довольно узкие, погружённые в леса озёра: Келейное, Боровое, Подозерье – остатки древнего русла реки. Найда, мой двортерьер, часто дыша, водила любопытным носом: в этих краях оказалась впервые.

Итак, наш путь лежал к «секретному месту». Во мне жила уверенность: в целом свете никто (ну или почти никто) не ведает, что, если пробраться сквозь перелесок меж Келейным и Боровым, можно выйти на берег ещё одного озера. Я никому о нём не рассказывал да и сам за последние полвека не слышал, чтобы о том озере хоть раз кто-то упомянул.

Будучи пацанами, я и мой друг Пашка Звинякин, невысокий и круглолицый мальчуган, гонимые ветрами любопытства и жаждой приключений, нашли это озеро. С Пашкой были мы лучшими друзьями, как говорят, не разлей вода. Его отец, как и мой, не вернулся с войны; впрочем, такая беда случилась почти в каждой семье. На моего батю в конце сорок второго похоронку получили (я тогда ещё пешком под стол ходил); Пашкин – был тяжело ранен, а потом, кажется, сгорел; я особо не расспрашивал: Пашка не любил об этом говорить.

Да, впоследствии встречал я по жизни немало хороших людей, но та детская дружба навсегда осталась в моей памяти как самая настоящая, самая искренняя.

Про озеро договорились с Пашкой никому не рассказывать. Мы называли его просто Старица. Имелось ли у озера другое имя, я так и не узнал. Следы моего друга давно затерялись. А я, погрязнув в житейской суете, из года в год всё откладывал вылазку – так и до пенсии дотянул.

Под ногами громко хрустели сучья. Я продирался, придерживая еловые лапы, чтоб не поранить Найду, крадущуюся позади. Наконец мы выбрались на поляну, уткнувшуюся в берег Старицы. Отсюда и начиналось «секретное место». Оно тянулось вдоль всего берега озера примерно на километр.

Здесь, как и раньше, царила тишь. Ни лай деревенских собак, ни шум топора, ни грохот проходящего состава сюда не долетали. Лишь мягкий шёпот сосновых ветвей и никаких посторонних звуков! Сразу нахлынули знакомые чувства родом из детства. Даже тогда, несмотря на голод и всякие мальчишеские заботы, оказываясь на берегу Старицы, я словно переносился в другой мир, настолько красива здешняя природа, так необычны эти места.

Что же сказать о моём возвращении сюда через полвека? Словами это тихое счастье не передать. Единственная мысль, крутящаяся в голове: «Почему я не приходил в это чудесное место так долго?» Всё здесь было прекрасно. И озеро, противоположный берег которого украшал разноцветный осенний лес: зелёные ели, бордовые клёны, жёлтые берёзы. И берег, которым шёл, его причудливый ландшафт: холмики, низинки, ручейки… А вокруг, как в детстве, ни души!

Пребывая в благостном состоянии, я продвигался, узнавая и не узнавая места моего детства. Вспоминались суровые послевоенные времена, но, видно, Старица излучала такую светлую энергию, что на память приходило лишь доброе, счастливое. Вдыхая полной грудью лесную свежесть, брёл я по усыпанному шишками берегу, а душа рвалась ввысь. Если есть рай на земле, то он здесь, по крайней мере для меня. Мой рай.

Я не спешил, смаковал каждый шаг. Немного мешала, отвлекая внимание, Найда. Кажется, она радовалась больше меня и эмоции свои выражала по-собачьи несдержанно: прыгала, повизгивая от восторга, хвост её крутился, как хороший пропеллер.

Наш путь лежал к полянке у дальнего края озера. В детстве мы с другом Пашкой иногда устраивали там посиделки: пекли в угольках картошку, рассказывали истории, делились мечтами. Я хотел немного посидеть там, на берегу, расслабиться, глядя на тихие воды, подумать о чём-то важном, вечном. Да, в следующий раз

(а он обязательно скоро будет, в этом я теперь не сомневался) нужно захватить с собой термос и пару бутербродов для маленького пикничка.

Где-то на полпути я приметил: Найда ведёт себя странно. Останавливается и замирает, навострив уши. И стоит так – как вкопанная. Кого она чует? Зайца? Или, может, больную, не могущую взлететь птицу? Вскоре что-то расслышал и я. Шёл и ушам не верил: так не хотелось встретить здесь посторонних, а неясные звуки становились всё громче. Вскоре я увидел ребёнка.

Мальчуган лет пяти копошился у кромки воды. Он самозабвенно строил замок из песка и веточек, что-то бубня под нос. Я замер, удивлённо приглядываясь к пареньку. Крепенький, словно гриб боровичок, светловолосый и круглолицый, он производил самое приятное впечатление. Я было залюбовался, но тут недовольно тявкнула ревнивица Найда.

Мальчик вскинул голову.

– Ой! – воскликнул он, восхищённо разглядывая моего двортерьера. – Собачка, как тебя зовут?

Дворняга чуть наклонила мордочку, словно раздумывая, как лучше ответить.

– Найда, – попробовал я вступить в разговор. – Её зовут Найда.

– Что? Найда? – Мальчишка, скользнув по мне взглядом, бросился знакомиться с новым четвероногим другом. – Это что, как Надя?

Я рассмеялся: такое мне в голову ещё не приходило.

– Придержите собаку!

Громкий грубый окрик прозвучал неожиданно. Из кустов, ломая ветки, вывалился невысокий, крепко сбитый мужчина в поношенном камуфляже. Я сразу понял: это папаша – до того походил на него мальчишка. Лишь глаза сильно отличались; точнее, потухший взгляд явившегося выдавал: мужчина не в духе.

– Игорёк, где твой мяч?

Но сын не слышал. Мальчишка уже подружился с собакой, и они нарезали круги по опушке, гоняясь попеременно друг за дружкой. Найда весело потявкивала, а Игорёк хохотал так, что эхо, отражённое противоположным берегом, грохотало на весь лес. Я бросил взгляд на мрачного папашу. Казалось, смех сына режет ему уши. Что-то странное читалось в его остекленевших глазах. Взгляд некрасивый. Может, он не выспался или выпил? Но, кажется, папаша начинал закипать.

– День добрый, – робко попытался я сгладить углы. – Не смотрите, что это дворняжка; собака привита и полностью здорова.

Но он, не глядя на меня, лишь процедил:

– Уберите животное.

Животное! Вот те раз! С трудом поймав Найду, я как-то резко нагнулся пристегнуть поводок и получил-таки «выстрел» в поясницу. Вот и расплата за любовь к рекордам! Мои челюсти плотно сжались от боли, глаза зажмурились. И мне привиделся, как наяву, бесконечный, до горизонта ряд вёдер, полных картошки.

В это время папаша оттаскивал рвущегося к собаке Игорька. Уходя, я обернулся. Мужчина в камуфляже пытался втолковать парнишке что-то про необходимость соблюдать гигиену, но, кажется, его слова улетали в пустоту.

Доковыляв до полянки на краю Старицы, я призадумался. Сесть на берег не мог из-за разболевшейся поясницы – так и стоял, прислонившись спиной к шершавому стволу древнего дуба. Я помнил это дерево – единственный дуб в округе. В детстве мы с Пашкой не раз пытались вдвоём, взявшись за руки, обнять этот дуб, но, как ни старались, не могли дотянуться. Всё такой же величавый, шуршащий пожелтевшей листвой, за прошедшие пять десятилетий дуб стал лишь крепче. Не как я.

Вместо мудрёных размышлений о чём-то важном, вечном (коим планировал здесь предаться), я думал о своей пояснице. Ну и об этом мальчике и его странном отце. Как забрели они в эту глушь? Зачем? И что творится с этим не в меру напряжённым папашей? Долго стоять так мне как-то не улыбалось. Пообещав себе и присмиревшей Найде обязательно вернуться сюда, как только пройдёт поясница, и надеясь на то, что в следующую вылазку не встречу тут посторонних, я двинул обратно.

Я заранее взял Найду на поводок. Отец с сыном пребывали на том же месте. Не желая провоцировать конфликт, я старался обойти их подальше. Найда, жалобно поскуливая, всё пыталась свернуть к Игорьку. Я одёргивал её.

А мужчина присел, положив ладонь на плечо сына. Тот изменился буквально на глазах. Теперь мальчишка превратился в уменьшенную копию отца: глаза его так же потухли и словно остекленели. Не понимая, за что лишён радости, смотрел он нам вслед.

Зайдя за деревья, я услышал с поляны тонкий голосок:

– Пока, Найда! Ты хорошая! Пока!

Взглянув на навострившую уши собачуху, я вздохнул. Чуть помедлив, ответил за неё:

– Пока, Игорёк!

Так закончился мой первый за долгие годы поход в «секретное место», на Старицу. Погрузившись в наш видавший виды зелёный жигуль, мы с Найдой отбыли в город, на квартиру.

Соскучившаяся жена (она у меня, как вы, наверное, догадались, не слишком заядлая дачница) кормила домашними пельменями, щебетала, делясь новостями от разъехавшихся по дальним весям детей. Я же, вслух хвастаясь рекордным картофельным урожаем, в уме пытался прикинуть, куда его девать.

Ежедневные уколы и растирания принесли плоды, и через недельку я стал как новенький. Погода по-прежнему радовала теплом и солнцем, но октябрь уже перевалил за середину, следовало готовить дачу к зиме. И мы с Найдой засобирались.

* * *

По приезде на дачу я нарезал бутерброды, заварил в термосе чай, отыскал старый плед. Закинув рюкзачок за плечи, свистнул Найде и направился к Старице. Мы шли, разглядывая, как изменился лес всего за неделю. На берёзах и клёнах листвы почти не осталось, и казалось, лес поредел. Солнышко грело как летом, и я шёл в одной лишь рубашке. Найда весело носилась вокруг – много ли собаке надо для счастья?

Вскарабкавшись на железнодорожную насыпь, я на несколько секунд задержался, разглядывая дальние дали. Затем, с надеждой на то, что этот поход станет более удачным, спустился к поджидавшей Найде, и мы углубились в лес.

На сей раз, едва оказавшись на берегу Старицы, Найда рванула вперёд. Она убегала всё дальше и дальше, нетерпеливо поскуливала, дожидаясь меня. Ну а мне, естественно, эта спешка не нравилась, ведь я пришёл сюда гулять, а не готовиться к чемпионату по спортивной ходьбе.

Вскоре я понял, куда так рвалась моя собака. Она оставила меня в одиночестве, учесав далеко вперёд, за деревья.

Я шёл по берегу не спеша, и тут вдруг до моих ушей донёсся всё тот же знакомый мальчишеский голос:

– Найда! Найда, ты вернулась!

Игорёк! Я ускорил шаг: нужно скорее взять Найду на поводок и сматываться от его недовольного папаши. Встреча с ним не сулила ничего хорошего. Да что же они, совсем не уходят отсюда?

Но что это?! Выйдя из-за деревьев, я оторопел. Уж чего не ожидал – так этого!

На полянке резвились все трое: Найда, Игорёк и его угрюмый папаша. Точнее, уже не угрюмый. Его было не узнать. Теперь передо мной он предстал совершенно другим человеком – весёлым, добрым. На нём и одежда была другая: бежевая футболка и джинсы. Вначале отец с сыном пытались поймать мою визжащую собачуху, потом все дружно кинулись ловить Игорька. Как же смеялся этот мальчишка! Его звонкий хохот до сих пор звенит у меня в ушах.

Наконец меня заметили. Мальчик продолжал играть с дворнягой, а его отец, явно смущённый, направился ко мне. Мы поздоровались, и он протянул руку, представился.

– Кирилл. А это, – он показал взглядом, – Игорёк, мой сын.

В этот миг мне показалось, что по лицу Кирилла пробежала тень, что он снова сделался мрачен, как на прошлой неделе. Но это длилось лишь мгновение.

Я собирался, как заведено в таких случаях, сказать пару фраз о погоде, но тут Найда, убегавшая от Игорька, вздумала прятаться за моими ногами. Я тоже стал её ловить и не заметил, как включился в игру. Вчетвером мы резвились в этом чудном месте: бегали, кричали, смеялись, катались по траве. Подобного урагана эмоций я не припомню. Конечно, этим взрывом счастья мы все были обязаны неугомонному Игорьку. Не будь здесь его – сложно представить, что мы стали бы дурачиться так.

Вволю нарезвившись, решили перекусить. Я расстелил на берегу плед и достал из рюкзачка запасы. Кирилл принёс корзинку с овощами, хлебом и сыром. Оказалось, сыр – одно из любимых лакомств Игорька. Во время обеда весёлое настроение не покидало нас.

Игорёк по-детски наивно рассуждал:

– Когда я стану большим, как папа, я заведу большую собаку и мы пойдём с ней вместе работать на границу. Будем ловить там шпионов и зайцев, и нам дадут много медалей.

И мы смеялись, смеялись...

Потом, оставив на пледе недоеденное яблоко, мальчишка вновь побежал, гогоча, за собакой.

– Мы читаем сейчас книжку про пограничников, – пояснил отец Игорька.

Я всё собирался и забывал спросить у Кирилла, как он нашёл это место, и только открыл рот, но не успел.

Кирилл, глядя на озеро, тихо промолвил:

– Мальчик скоро умрёт.

Пребывая в радужном настроении, я поначалу не уловил смысла этих слов. Что?! О чём он? Кирилл, помолчав, повернулся ко мне. Его глаза переполняли слёзы. Он хотел продолжить, но не мог из-за нахлынувших чувств. Папа мальчика вновь отвернулся к озеру, чтобы я не видел, как он плачет. Я молчал, слыша вдали звонкий смех Игорька и наблюдая, как подёргиваются плечи его отца. Я посмотрел на недоеденное яблоко. Там, где откусил Игорёк, оно стало тёмно-коричневым.

Резвясь, пара теперь уже закадычных друзей – мальчишка и собачка – подлетели к нам. Игорёк подхватил кусочек сыра. Откусил сам и поделился с Найдой.

– Пап, мы весной построим кораблик и поплывём по озеру?

Кирилл сидел отвернувшись, не в силах ответить. Он лишь часто кивал.

Я попытался прийти на помощь:

– Э-э-э... Да. Да! Вы поплывёте, конечно...

– Папа мне говорил! Мы очень-очень далеко поплывём. Это будет такое... – Игорёк задумался, вспоминая слово. – Путешествие, вот.

– О! – только и мог выдавить я.

– Может, мы даже в океан поплывём. Пап, а Найда с нами поплывёт?

Не дожидаясь ответа, он опять убежал, хохоча.

Я крикнул вдогонку:

– Конечно, поплывёт!

Успокоившись, Кирилл повернулся ко мне.

– Спасибо, что отпускаете с нами Найду. – Он грустно улыбнулся. – Дети – такой наивный народ, многому верят; наверное, от этого им легко живётся.

Мы помолчали, затем он сказал:

– Всё так нелепо. До сих пор не приму, что происходит это с нами, на самом деле. По телевизору часто показывают сюжеты о серьёзно больных детях. Онкология там, или проблемы с сердцем, или ещё что. Я даже перечислял им какие-то копейки пару раз – наверное, подсознательно откупался от совести. Мне всегда казалось, что всё это где-то далеко, словно на другой планете. Никогда не думал, что такое может коснуться и нас.

Кирилл говорил тихо, слова не должны были улететь дальше моих ушей. Мне приходилось напрягаться, чтобы расслышать.

– Вы же видите, какой он, этот человечек! До ста считает запросто и книжки сам читает по слогам. Да ладно это! Он ведь очень добрый, мухи не обидит. С любыми детьми да и со взрослыми общий язык находит моментально. Даже с собакой вашей мигом подружился. Воспитатели в садике говорят, что им интересно с Игорьком общаться, он так обстоятельно, по-своему обо всём рассуждает… Всё так замечательно шло, даже слишком замечательно. И вдруг этот убийственный диагноз!

Я молча слушал отцовскую исповедь. А весёлый детский смех не давал поверить тихим страшным словам:

– В самом начале сентября Игорёк почувствовал лёгкое недомогание. Мы с женой обратили внимание, что он меньше играет, подолгу лежит, глядя в потолок. Оказалось, температура. Небольшая – тридцать семь и две, тридцать семь и три всего. Ну, думаем, не страшно, продуло где-то. Поначалу даже и таблеток не давали: зачем лишний раз ребёнка химией пичкать? Жена отгулы взяла, сидела с малышом, шиповник заваривала да на ночь молоко горячее с мёдом. У него по утрам и температуры-то не было, к обеду появлялась... С неделю ждали. Игорёк уже и выглядел вполне здоровым – и бегал, и играл как ни в чём не бывало. Но температурка держалась, и мы повели его по врачам. Одно обследование, другое. Ничего доктора не находили. А потом сделали томографию. Короче, глиобластома или как там её. Это опухоль такая, неоперабельная, четвёртая стадия, шансов нет никаких.

Он вновь, тяжело задышав, резко отвернулся к озеру и изменившимся, срывающимся голосом еле слышно продолжил:

– Он ведь у нас один-единственный, долгожданный... Долго не получалось зачать, потом два выкидыша подряд случились... Мы уж и не мечтали стать родителями... Когда Игорёк появился на свет... это стало для меня... для нас... чудом! Мы были самыми счастливыми родителями в мире... А теперь – самые несчастные… У нашего сына рак, у меня до сих пор язык не поворачивается… Онкология в пять лет – как страшно... Знаете, я так мечтал сводить его в на-

стоящий многодневный поход… Научить ловить рыбу… А когда подрастёт, обучить водить машину… И вот…

Посматривая на резвящегося в нескольких метрах мальчишку, я не мог проглотить комок, стоявший в горле. Неужели этот человечек так и уйдёт из нашего мира? Не пойдёт в первый класс и не получит аттестат, не испытает чувство первой любви и радость отцовства… С другой стороны, не познает он и что такое ложь, предательство, измена. Его сердце не успеет огрубеть, а совесть останется чистой. Так и уйдёт ангелочком.

Когда заговорил, голос мой хрипел, словно я неделю скитался без воды в пустыне:

– Медики тоже люди, могут и ошибиться.

– Хорошо бы, но диагноз перепроверен.

– Так что, совсем ничего нельзя сделать?

– Всё лечение, какое возможно, – это превратить нашего мальчика с помощью лекарств в овощ. В таком состоянии он сможет протянуть несколько месяцев, максимум год. Мы с женой долго думали и поняли: этого не хотим. Трудно принимали решение, но наш выбор такой. Сейчас у Игорька ремиссия: болезнь никуда не ушла, лишь затаилась для решающего удара. Когда это произойдёт, неизвестно, может, через месяц или завтра… – Плечи Кирилла вновь задрожали; еле справляясь с собой, он закончил: – Мы решили: пусть радуется жизни сколько отпущено.

К нам подбежали наши озорники – Игорёк и Найда, мальчишка вновь выудил кусочек сыра. Я видел, что Кирилл, всё ещё отвернувшись к озеру, пытается скорее прийти в себя, трёт носовым платком щёки.

– Папа! Ну что ты всё сидишь да сидишь? – Игорёк откусил сыр, а оставшийся скормил довольной Найде. – Бежим с нами играть!

– Да-да, малыш. – Кирилл, выдавив улыбку, наконец обернулся. – Вы играйте, а мы сейчас подойдём.

– Ой! Что это? – улыбающийся Игорёк подошёл к отцу, протягивая пальчики к его щекам. – У тебя глазки мокрые.

Кирилл, сидя, притянул к себе сына. Крепко-крепко обняв, поцеловал в щёчку.

– Это, малыш, так... Это соринка в глаз попала.

– А! Понятно! – Игорёк выкрутился из отцовских объятий и, звонко гогоча, побежал за собакой. – Найда! Найда! Соринка попала! Ха-ха! Соринка! Попала!

Мы встали, и Кирилл повернулся ко мне:

– Вы простите меня за нашу первую встречу. Я тогда почему-то думал, что с животными Игорьку лучше не контактировать. Ну мало ли что. А сейчас понял: всё, что приносит ему радость, хорошо. Потому мы и гуляем здесь каждый день: Игорьку тут нравится очень.

Я молча обнял Кирилла. Обнял по-отечески, всё-таки он годился мне в сыновья.

А потом мы играли. Целый день, до самого вечера. Играли в ляпы и в прятки, валялись в кучках опавшей листвы. Я показывал Игорьку, как дрессируют собак. Мы строили домик для Найды и учились втыкать в землю перочинный ножик.

Я повёл их на дальнюю полянку, к древнему дубу. Втроём, взявшись за руки, мы смогли его обнять. Там мы и разожгли костерок. А потом втроём (включая Найду) внимательно слушали забавную сказку, которую Кирилл сочинял на ходу. Сказку о приключениях маленького отважного мальчика, подружившегося с собачкой и отправившегося с ней в дальние страны на поиски клада.

Ни слова больше не было сказано о болезни Игорька. Мы шутили и смеялись, радуясь жизни. А когда пришла пора расставаться, на минутку притихли. Я лихорадочно соображал, как бы мне поддержать Кирилла. Что чувствовал – выразить словами не мог. Я крепко пожал его протянутую руку.

– Знаете, у меня в этом году рекордный урожай. Картошку не знаю куда деть. Может, возьмёте пару мешков? Денег не надо.

Кирилл улыбнулся:

– Мы картошку очень мало едим, да у нас и хранить негде. Спасибо вам за этот день.

Я кивнул Кириллу и нагнулся к Игорьку, этому славному мальчугану. Мы попрощались с ним за руку, по-мужски.

– Пока, Игорёк! – Моя душа рвалась обнять этого человечка, но я почему-то сдержался.

– До свиданья! Не забудьте поиграть с Найдой и дать ей кусочек сыра.

И они ушли. Я вспомнил, что за целый день так и не спросил Кирилла, как тот нашёл моё «секретное место». Думал, что встречусь с ними ещё не раз, собирался прийти на Старицу через пару дней. Но планам моим не суждено было сбыться.

* * *

На следующий день меня свалил инсульт. К счастью, за все прожитые годы инсульт случался у меня лишь дважды. Тот раз был первый. Помню, к обеду пошёл мыть руки, встал перед умывальником, а двинуться – никак. Дальше не помню. Хорошо, соседи через два участка услышали, как Найда скулит, пришли проведать. Нашли меня валяющимся на грядке и бормочущим что-то несвязно. Могло и хуже кончиться: народу по осени в нашем дачном массиве совсем негусто.

Меня поместили в неврологию Северной больницы, где я заново научился самостоятельно держать ложку, справлять нужду и ходить. Так и не понял, в честь чего тогда слёг. По мнению лечащего врача, перетрудился на огороде. Именно там, в палате, я узнал от навещавшей жены, что по весне, если оклемаюсь, стану дедом.

Пока приходил в себя после инсульта, всё переменилось. Северо-восточный ветер принёс похолодание и тучи, мир изменился. Выходил из больницы я через три недели. Помню, в тот день как раз выпал первый снег. А первый снег для меня всегда много значит. Когда он выпадает – словно всё вокруг обновляется и начинает жить с чистого листа. В такие моменты у меня обычно радостно-приподнятое настроение. Только не в ту осень.

Я шёл к автобусу; рядом, поддерживая под руку, как всегда, щебетала жена. Прозрачный и свежий воздух бодрил. На дорогах блестели лужи от тающего снега. Газоны напротив всё ещё белели, укрытые пушистой холодной периной. Мне бы радоваться всему этому: и выписке, и первому снегу. Но на душе лежал камень. Мне было тяжело. Очень. Из головы не шёл Игорёк и связанные с этой ситуацией философские вопросы. Я думал о том, как странно устроена жизнь, и всё такое. Действительно, мир изменился.

Уже понимая, что из-за инсульта не попаду на Старицу как минимум до весны да и мои новые друзья Кирилл и Игорёк вряд ли гуляют там в такую погоду, я смирился с болезнью. Осень незаметно перетекла в зиму, а у зимы свои заботы.

Вечерами же, выключив телевизор после программы «Время», я подолгу сидел, размышляя, в своём старом добром кресле. Лёжа на подстилке, Найда взирала на меня снизу вверх, с готовностью ожидая команды; ловила каждое моё движение, навострив уши; гипнотизировала умными глазами, словно умоляя идти гулять. Но я не поддавался.

Время позднее, ещё одна прогулка мне ни к чему. Стараясь не шевелиться, сидел я в такие минуты, прикрыв веки. Слышал, как копошится на кухне жена, и думал об Игорьке и его родителях. Впрочем, не только о них, а вообще обо всех родителях, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. О той непомерной тяжести, вдруг свалившейся на их плечи. О том, как страдают они, зная, что ребёнок их смертельно болен, при этом продолжая гулять с ним, играть, учить чему-то, улыбаясь, не подавая вида, чтобы не смутить ненароком малыша.

Как же тяжело им в бессильном отчаянии сознавать, что смерть с каждым днём, с каждым часом всё крепче сжимает своими холодными щупальцами их чадушко, их малыша, которого они родили, растили, вкладывая в него душу и сердце. Как же тяжело им взирать с нежностью и болью на их обессиленного ребятёночка. О, эти некрасивые и святые родительские глаза, уставшие от бессонных ночей и слёз! О, эти люди, готовые пожертвовать всем, лишь бы хоть немного облегчить участь детей, люди, позабывшие о земных благах, люди, устремлённые к небу...

Правильно сказано в одной книжке: страшнее, чем умирать от рака, только когда умирает от рака твой ребёнок.

А ещё мне почему-то вспоминались рассказы соседа по больничной палате. Тот много и долго говорил о внуке – как часто путешествует он с родителями по всему миру. Семилетний паренёк уже объездил полсвета: катался на горках в парижском Диснейленде, летал с отцом на аэростате над Пиренеями и знал, в каком уголке мира подают лучшие фуа-гра и тирамису.

А из моей головы не шёл Кирилл. Наверняка, если бы имел такую возможность, он провёз бы своего Игорька по всем самым красивым местам планеты. Но, похоже, Игорёк уйдёт из жизни, не повидав ничего краше нашего озера. Да, жаль… Но ведь Игорёк был счастлив на Старице, наверное, не меньше, чем тот паренёк в Диснейленде.

Сосед по палате хвастал путешествиями внука, как каким-то важным достижением. Я, конечно, был рад за паренька, но вот сейчас до меня по-настоящему дошло: семья этого мальчугана и родители Игорька, живя в одном городе,

а может, даже на одной улице, в одном доме, существуют в абсолютно разных измерениях. И им, тем благополучным родителям, какими бы они хорошими и добрыми ни были, никогда до конца не понять родителей, попавших в такой переплёт, как папа и мама Игорька. Не скажу, плохо это или хорошо. Это просто факт, и ничего с ним не поделаешь, хоть ты тресни!

И ещё. Когда лежал в больнице, видел передачу об одном очень известном, немолодом уже скульпторе. Показывали его громадную двухэтажную квартиру в центре Питера. Этот скульптор подробно рассказывал о своём чудо-жилище: в какой стране заказывал ту люстру, где покупал этот сервант и так далее. Потом он заявил, что несколько лет назад приобрёл полуразрушенный замок во Франции. Но последние годы все свои силы и средства он вкладывал в обустройство этой квартиры. И вот наконец с квартирой закончил, теперь начинает ремонтировать замок.

Я тогда подумал: «Мы, люди, обустраиваемся на земле так, словно собираемся жить здесь тысячи лет. Драгоценное время тратим на обустройство, а когда всё готово – жизнь уже и кончилась. А ведь сервант на тот свет с собой не утащишь…»

К весне я совсем оклемался, но ни о каких садоводческих рекордах даже не помышлял. Излишки прошлогоднего картофеля мне с трудом удалось пристроить в расположенный на соседней улице детский дом.

В конце апреля в Киров приехала рожать дочь с зятем. У жены, всю жизнь проработавшей во втором роддоме, остались кое-какие связи. Поэтому мы все страховались, надеясь на какое-то особое отношение. Впрочем, как говорят, дома и стены помогают. Всё прошло благополучно. В срок, как положено, на свет появилась наша первая внучка (сейчас она перешла, кажется, уже в девятый класс). Мы были счастливы.

Всё-таки я был не прав: мир не стал другим, он тот же всегда. Но изменился я, моё отношение к себе и этому миру. Жертвовать здоровьем ради лишнего мешка картошки я теперь не желал. Все свои посевы я сократил в несколько раз; освободившаяся территория превратилась в широкую лужайку, на которой стало можно играть с Найдой, жарить шашлык или просто валяться с журналом в руках.

Я уговорил жену, и она всё чаще стала составлять нам компанию в поездках на дачу. Но ездили мы теперь туда не надрываться, а отдыхать. Устраивали посиделки за чашкой чая, ходили купаться, много гуляли. Я даже удочки смастерил, и впервые за многие годы мы отправились на рыбалку.

Конечно, водил жену и в своё «секретное место». Впрочем, особого впечатления от прогулок на Старицу, как я понял, она не получила. И ясно почему. Ведь я рассказал ей про Игорька и его папу Кирилла. Каждый раз, идя на Старицу, ставшую нашим «озером надежды», мы с замиранием сердца ждали встречи с ними. Надеялись на чудо, и нам было как-то не до природных красот. Но чудо произойти не спешило.

Да, кстати, я не самый рьяный поклонник примадонны российской эстрады, но тем летом мотив песни: «Озеро надежды, всё как есть прими. Пусть никто не понял – ты меня пойми...» постоянно вертелся у меня в голове. Первое время я даже и рассказ хотел так назвать: «Озеро надежды», но потом передумал – слишком уж конец у этой песни грустный. Конечно, если прислушиваться к словам...

* * *

Так прошло то лето, ещё одно лето в длинной череде моих лет и зим. Промелькнуло – даже не заметил, с возрастом оно так. Это в детстве лето бескрайно, длится целую вечность... Если бы я мог отдать хоть одно своё лето Игорьку!

Пришла осень. Не такая, как в прошлом году: дожди, дожди. Одно радовало: я не надрывался в битве за урожай. Его, урожая, почти и не было, но я не расстроился, честное слово. Чего не хватало – прикупил по дешёвке у соседей. И они были рады, и я. Дождливой осенью жена вновь стала редкой гостьей на даче, наверное, у неё и дома имелось много дел. Так что в тот день я был там один, точнее, с Найдой (уж кому не нравилось торчать в городской квартире, так это ей).

С утра, как обычно, накрапывал дождик, и я собирался после обеда ехать домой. Но чего-то мне не хватало, и я решил, несмотря на морось, перед отъездом прогуляться в «секретное место» – возможно, последний раз в этом году. Одел штормовку с капюшоном, резиновые полусапожки, а Найда была уже тут как тут.

Не спеша топал на Старицу, вспоминая Игорька и его отца. Жаль, за всё лето так и не увидел этого весёлого паренька. Где они? Жив ли ещё Игорёк? Я, конечно, очень надеялся на чудо – знал: в жизни возможно всё.

Еле дождался, когда проползёт грохочущий поезд из Котласа. Взобрался на насыпь и осмотрел хмурое небо. Ни единого просвета, только серые облака. Дождь прекратился, но мы вымокли, продираясь сквозь сырые еловые лапы. Каждый раз этим летом, когда мы шли вдоль Старицы, я следил за поведением Найды. Надеялся, что вот сейчас она начнёт рваться вперёд, почуяв их. Но каждый раз собачуха вела себя примерно, слишком примерно, что в данной ситуации меня вовсе не радовало.

Спокойной была Найда и в тот день. Оттого, выйдя на полянку, я не поверил своим глазам. Первое, что увидел, – спину мужчины, сидевшего лицом к озеру. Он был одет в синюю куртку. Куртку я видел впервые. Найда, застыв, принюхивалась. Застыл и я, вглядываясь в затылок сидящего, ища в нём сходство с Кириллом.

Вдруг показалось мне, что я попал в чудесную сказку. Тучи расступились, и солнечные лучи осветили полянку. Мужчина, почувствовав наши взгляды, обернулся. Да, это был Кирилл, он улыбался! Мы бросились обниматься, крепко жали друг другу руки. Под ногами, визжа от радости, крутилась Найда. Я оглядывался, ища глазами Игорька, ведь по сказочным правилам он должен быть где-то здесь. На миг я представил, как выбегает он из-за деревьев. Как бросается к нам, точнее, конечно же, к Найде. Как, сойдя с ума от счастья, моя собака лижет его ладони и щёки... Мне так хотелось его обнять!

– Как ваши дела? – услышал я голос Кирилла.

– У меня всё в порядке. Прошлой осенью случился инсульт. Зато теперь я не вкалываю, словно проклятый, на огороде, – отвечал я, всё ещё озираясь. – Да, а ещё по весне я стал дедом.

– Ух ты! Здорово! Рад за вас, поздравляю! – Кирилл всё так же улыбался.

Игорька нигде не было. От затянувшейся тишины мне стало неловко.

Чтобы прервать молчание, я сказал:

– Ещё в прошлый раз забыл спросить. Как ты нашёл это место?

– Старицу? – В глазах Кирилла сверкнула искорка.

– Старицу... – еле вымолвил я. – Откуда ты знаешь…

Ещё не закончил вопроса, а догадка мелькнула в голове. Переварив её, я спросил:

– У тебя, случайно, отчество не Палыч будет?

– Как догадались? – удивился он.

– Хочешь, и фамилию угадаю? Звинякин! Верно?

– Верно... А как...

На этот раз вопрос не успел закончить Кирилл. Я сгрёб его, ничего не понимающего, в охапку. От нахлынувших воспоминаний комок подступил к горлу. Я обнимал сына моего лучшего друга Пашки – только когда я его в последний раз видел, был мой друг много младше Кирилла.

Мы разговаривали с Кириллом, заново узнавая друг друга. Он тогда в двух словах поведал мне о непростой судьбе своего отца, но я не стану сейчас об этом. Может, в другой раз расскажу. Добавлю лишь, что много-много лет назад Паша приводил в наше «секретное место» Кирилла, когда тот был ещё мальчишкой. Конечно, Кирилл слышал обо мне от отца.

В общем, так мы поговорили. Всё это, вдруг неожиданно открывшееся нам, конечно, было потрясающе интересно. Обо всём подробно нам предстояло поговорить в скором будущем. И уж теперь-то мы знали: не потеряемся. Потом мы вновь притихли. Пришла пора поговорить о нём.

Присев на берегу, мы молча смотрели на озеро. По воде бежала мелкая рябь. Я видел перевёрнутые сосны, отражённые в кривоватом зеркале Старицы. Напрыгавшаяся Найда улеглась рядом, прижав длинный нос к земле. Я тихонько гладил её по холке.

Кирилл, вытащив из внутреннего кармана куртки какой-то листок, протянул мне. То было фото, сделанное прошлой осенью. С карточки на меня взирал вполоборота Игорёк, он куда-то убегал (наверное, Кирилл гнался за мальчишкой с фотоаппаратом, чтобы сделать кадр). Лицо Игорька, довольное-предовольное, лучилось счастьем, смеющийся рот застыл широко открытым. В моих ушах слышался звонкий мальчишеский хохот, словно долетевший из прошлого.

– Он ушёл от нас в начале зимы. Помните, вдруг резко испортилась погода? Вот тогда и произошло обострение. Не скрою: и ему, и нам было очень тяжело. Вначале Игорёк слёг, стал сонным, вялым. Плохо слушались ручки и ножки. Постоянно кружилась голова. Аппетит совсем пропал. Началась тошнота, рвота, как сказал врач, из-за смещения мозга. Временами он страшно мучился: болела голова из-за сильного внутричерепного давления. Игорёк стал плохо видеть, пошли галлюцинации: вспышки какие-то мерещились ему. Нарушилась речь, и с памятью совсем плохо стало. Вечером он

не помнил, что утром приходила навещать бабушка. – Голос Кирилла чуть дрогнул, нервная улыбка коснулась его губ. – Но Найду он помнил! И вас. И моё обещание построить корабль и отправиться в путешествие... Да, что и говорить, дети – такой наивный народ. Знаете, какие были его последние слова? Я сидел у постели с мокрыми глазами, а Игорёк посмотрел так жалобно и шепнул: «Папа, тебе соринка попала». Отмучился наш малыш, всё теперь позади. Мы с женой стараемся вычеркнуть из памяти то тяжёлое время, хотим навсегда запомнить нашего сыночка вот таким.

Он кивнул на фото. Я снова посмотрел на убегающего от нас куда-то вдаль счастливого мальчишку и попытался найти слова:

– Он был чудесным ребёнком. Мне жаль, что так случилось. Очень!

– Да, это так. Но я сейчас понимаю: каждый ребёнок – чудесный.

– Но Игорёк... Игорёк... – Я задохнулся, не в силах говорить.

– Мы с женой очень хотим ещё родить, не знаем, получится или нет, но решили: этой осенью подаём документы на усыновление сироты. Хоть одного человечка мы сможем сделать счастливым.

Перестав стесняться, я тихо плакал. Кирилл, посмотрев на меня, сказал:

– О, кажется, вам соринка в глаз попала.

Я кивнул и, глянув на его лицо, ответил:

– Похоже, у нас обоих соринки.

Так мы и сидели в нашем «секретном месте» на берегу Старицы ещё долго-долго. Ветер потихоньку разогнал облака и осушил наши щёки. Сияло солнышко. Очень медленно становилось легче на душе...

Когда тёмным вечером возвращались с Найдой домой, из динамиков в нашем видавшем виды жигулёнке на ретроволне звучала песня:

Куда уходит детство,
В какие города?
И где найти нам средство,
Чтоб вновь попасть туда?
Оно уйдёт неслышно,
Пока весь город спит,
И писем не напишет,
И вряд ли позвонит.

В свете фар наплывала на нас дорога. А знакомые слова старой песни обретали в сознании новый смысл.

Куда уходит детство,
Куда ушло оно?
Наверно, в край чудесный,
Где каждый день кино,
Где так же ночью синей
Струится лунный свет,
Но нам с тобой отныне
Туда дороги нет.

Моя левая рука крепко сжимала руль, правая же протянулась к Найде. Я гладил собаку, сидящую на пассажирском кресле, а она, навострив уши, напряжённо вглядывалась в дорогу и, кажется, вместе со мной слушала песню.

И зимой, и летом
Небывалых ждать чудес!
Будет детство где-то, но не здесь.
И в сугробах белых,
И по лужам у ручья
Будет кто-то бегать,
*Но не я...**

С тех пор прошло лет пятнадцать, больше. Я давно не был на Старице: ноги не те. Да и вообще с моим теперешним здоровьем не до дальних прогулок. Вечерами всё так же, выключив телевизор после программы «Время», долго сижу я в своём старом добром кресле (жаль всё же, что не получится прихватить его на тот свет). Закрыв глаза, размышляю о смысле жизни.

Я часто вспоминаю тот древний дуб в «секретном месте», единственный дуб в округе. Он и сейчас такой же, как в моих детских грёзах. И через сто лет, когда обо мне уже никто не вспомнит, этот дуб, всё такой же величавый, будет возвышаться над Старицей. Но даже он не вечен. Каждому отмерен свой срок.

Жена приносит тёплое молоко с мёдом, чтоб легче заснуть. Я пью его медленными глотками. В эти мгновенья мне особенно хочется верить: там, на заветном берегу, время от времени гуляет Кирилл.

Гуляет не один.

---

* Текст песни «Куда уходит детство» – слова Л. Дербенёва, музыка А. Зацепина.

Ирина НАДИРОВА

ЖИТЬ ТУТ МОЖНО – ВОПРЕКИ, ВРАЗРЕЗ

* * *

Звякнула цепь.
Вылезла шельма-собака.
Мордой в колени –
Мол, ты моя хозяйка...
Я отвернулась
И мимо шагаю, к дому.
Господи, с этим вирусом впали в кому –
Истощена собака, и тело тает...
Видно, и ей любви моей не хватает!

ПИШИ МНЕ ПРОСТО ТАК

Ещё ты не любил, ещё не плодоносил,
А учишь по шагам, как подобает жить.
А я тебе скажу: скупая твоя осень.
Смотри – ноябрь мёртв, и я мертва, кажись...

Да, расцветали дни, но мы с тобой старели.
Таков закон полей, таков закон души.
Мы временем с тобой однажды заболели.
Пиши мне просто так, пожалуйста, пиши...

Ещё ты не любил и не горел, как пламя, –
В огонь бросай слова! Забудь, как надо жить.
Иди, дитя любви, и трогай мир руками...
Когда речь о любви, не следует спешить.

Ещё ты не любил, ещё не плодоносил...

ТАЙГА

1

В небо клыки врезаются – небо плачет...
Всюду деревья как крепостные стены.
Зубы им время спиливает и стачивает:
Шаткость зубов – мудрость самой
Вселенной.

Как же в тайге красиво сегодня утро!
Вот где ещё мир стар и ветхозаветен.
Не щебетанье птичье – я слышу уток...
Ветер, меня обнимает свободный ветер!

2

Острые ритмы линий
Преобладают над плоскостью.
Резко контрастны лилии –
Жёлтое над синей пропастью.
Пеной лабазник стелется.
Лёгок кипрей пушистый.
Это тайга? Не верится!
Вот она и душица...
Гнус-мошкара назойлива,
Оводы липнут к телу…
Острая самоирония
Превращается в веру.

НАДИРОВА Ирина Азаровна *родилась 22 ноября 1984 года в Ленинске-Кузнецком. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Фантастическая среда», альманахах «Кольчугинская осень», «Образ», «Между». Член городского литературного объединения «Лик». Участница литературного цеха «Образ». Живёт в Ленинске-Кузнецком.*

* * *

Живём в каком-то кураже,
Со словарём уже не Даля.
Читаем блогеров ЖЖ,
Значки считаем за медали.

Но как запутали себя!
Забросив жизнь, ушли в соцсети…
А за окном горит земля
И умирают наши дети.

О КУЗБАССЕ

Серые отвалы – чёрный уголь.
Лезь на котлован, смотри: луна!
И она сейчас идёт на убыль –
И Кузбасс идёт на убыль, на...

Кладбище растёт. Растут коттеджи.
Место ссылки – это где-то здесь.
Но шахтёр работает прилежно:
Жить тут можно – вопреки, вразрез.

ОДУВАНЧИКИ

Желторотые цыплята –
Одуванчики России –
Вырастали без пригляда
Одинокими, простыми.

Говорят, что надо строго,
Все их надо бы с корнями…
Бесконечная дорога
Пролегла меж деревнями.

Подчиняясь ритму солнца,
Закрываются от влаги.
Перламутровая бронза –
Одуванчик на бумаге.

Разлетись от дуновенья!
Пух, лети
За горсткой горстка.
Одуванчик – вдохновенье.
Пыль космическая – звёзды…

Трудно полевым в России
Отличиться, стать заметным.
Одуванчики скосили.
Одуванчики – бессмертны.

* * *

Ибо дано нам много.
Спросят ли с нас за то,
Что потеряли Бога,
Выйдя за молоком?

Ну а когда вернулись,
Бога и след простыл…
С нами не разминулась
Бабка с ведром пустым...

* * *

Я верю в снег, как верят в имена.
Не верить невозможно белым хлопьям.
Мы время убыстряем и торопим –
Не торопи меня, моя страна.

Для снега храм – открытая ладонь.
Живите ярко!
Угасайте быстро!
Грань так тонка, а небо слишком близко.
(Сгорает тело. Нас спасёт огонь.)
Нас не сотрут с космического диска.

Святые неразделённой церкви

В Музее изобразительных искусств Кузбасса впервые показана посетителям выставка современной иконы, участниками которой стали художники из 15 стран мира.

Кто эти люди, чьи изображения мы открываем для себя? Это – миссионеры и пастыри, короли и воины, монахи и миряне, мужчины и женщины, люди разных возрастов, сословий, культур. Все они, каждый по-своему, пошли за Христом, и многие приняли мученическую смерть. Почитание этих святых уходит корнями в историю церкви, их изображения в большинстве своём утрачены, и современные иконописцы собирают материалы для написания икон из разных литературных источников, а иногда опираются на образы, рождённые их фантазией.

На выставке в Музее были представлены образы святых, почитаемых у христиан как на Западе, так и на Востоке, – 120 икон, изображающих святых первого тысячелетия.

Директор Музея изобразительных искусств Кузбасса Л. И. Мызина

Мученик Альбан, первомученик Британский, Англия, III–IV века. Ольга Шаламова, Россия, 2016 г.

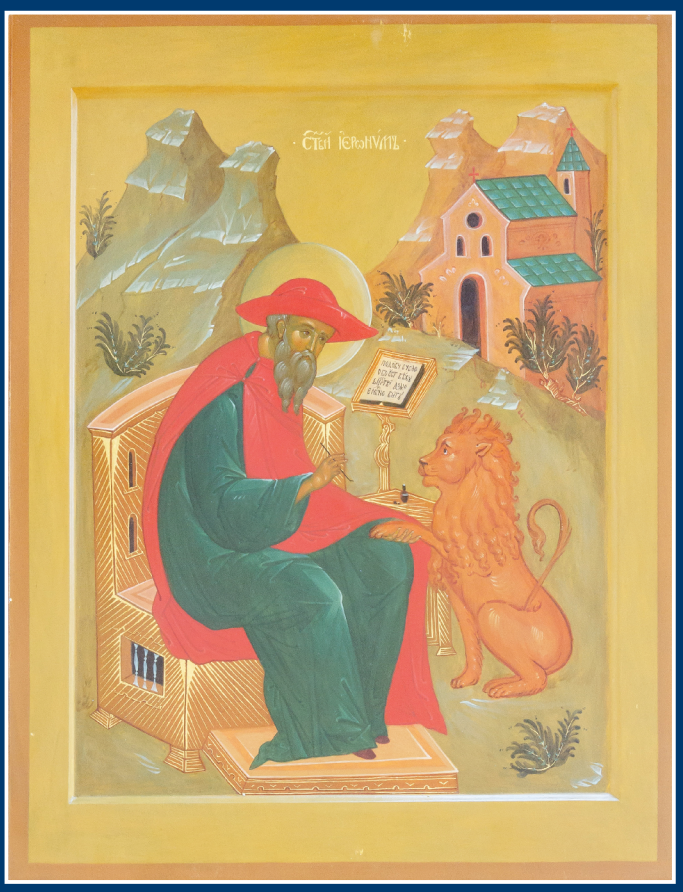
Святитель Бернвард Хильдесхаймский, Германия, XI век. Яков Хесин, Германия, 2017 г.

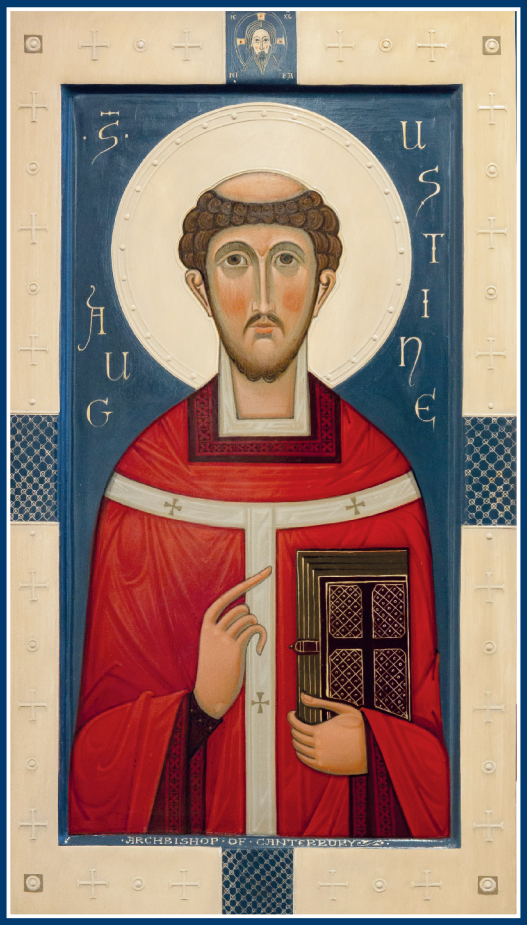
**Преподобный Кэдмон,
песнописец, Англия, VII век
Елизавета Корпелайнен,
Финляндия, 2017 г.**

**Преподобная Геновера (Женевьева)
Парижская, Галлия, V–VI века
Александр Солдатов, Россия, 2017 г.**

**Блаженный Иероним Стридонский,
Палестина, Италия, V век
Евгения Бирючевская, Россия, 2017 г.**

Святитель Августин,
епископ Кентерберийский,
Англия, Италия, VII век
Ольга Шаламова, Россия, 2016 г.

Преподобный Онуфрий Великий,
Египет, V век
Сергей Чёрный, Россия, 2017 г.

Явление Архангела Михаила епископу Оберу,
Нормандия, VIII век. Мария Клодт, Россия, 2018 г.

Священномученик Викентий
Августопольский (Сарагосский),
Испания, IV век
Марина Ходакова, Испания, 2017 г.

Преподобный Иоанн Кассиян Римлянин,
Галлия, Египет, V век
Георгий Кордис, Греция, 2017 г.

Открытие выставки: слева направо кардинал Герхард Мюллер,
митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх, Лариса Мызина,
епископ Александровский и Юрьев-Польский Иннокентий,
министр культуры и национальной политики Кузбасса Марина Евса,
епископ Иосиф Верт

Василий ДВОРЦОВ

РУССКАЯ ПРАВДА ЕРМАКА

Эссе

Срамно <...> видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей...

Преподобный Нил Синайский

Почему Ермак? Кто он, откуда, какой он – этот эпический герой, которому выпало направить всемирную историю в настоящее?.. Почему Ермак?..

На чтениях, круглых столах и конференциях, посвящённых нашей художественно-исторической литературе, мне не раз доводилось озвучивать крамольную убеждённость в том, что написанные в последние лет двести русские литературные произведения, повествующие об исторических событиях и героях Отечества, как правило, исторически несостоятельны. И, выслушав очередные гневные отповеди и обвинения в непатриотизме, в непонимании воспитательного значения, а возможно, банальной зависти, пытаться объяснить коллегам их неправоту. Ведь если подумать, то проблема псевдоисторичности даже в лучших художественных образцах, к тому же из-за пафосной тематики родинолюбия, действительно наличествует. Проблема системна, то есть воспроизводится из поколения в поколение, при всех общественных эстетических и этических переменах. Эта проблема, очевидно, не литературная и не идеологическая, так что не выявляется и не вычищается литературной или партийной критикой.

Исторический роман или повесть, историческая поэма или драма, конечно же, всегда и обязательно основываются на реальном историческом материале. Реальные события, реальные участники реальных событий, реальные подробности быта реальных участников реальных событий… И совершенно правильно, когда писателей восхваляют за панорамность битв и градостроений при обилии проработанных мелких деталей, хвалят за филологические изыскания и фольклорно-диалектную стилизацию, за церемониальную и ритуальную точность. Но славословят авторов ещё и за идейное, даже политическое созвучие описуемых действий прошлого нашей современности, за тождественность мыслей, чувств и убеждений исторических героев и сегодняшнего читателя. Что, увы, зачастую (да что там – практически всегда!) превратно, неверно да просто невозможно.

Здесь мы опять упираемся в зашоренность проиезуитской историографической парадигмы, в которой христианское, а тем паче православное мировоззрение русского человека и русского народа как мотивационная доминанта жизнедеятельности даже не рассматривается. Отсюда все трактовки и логические построения вариантов протечения исторических процессов через реперные научно подтверждённые факты неубедительны, ведь главным в истории вообще и в историях конкретных всегда был, есть и будет человек, а всё остальное: климат, ландшафт, экономика, технологии – ступени вниз.

Глубокоуважаемые доктора наук, профессора, академики, прикладные археологи и кабинетные историографы, именно в этой сходной точке – проблеме реконструкции идейной и чувственной рефлексии, образа мыслей, характера героя или этноса, своими действиями определивших направление развития истории, вы и мы, поэты, прозаики, драматурги, совершенно едины. И мы можем на собственном примере вам показать: воссоздание истинных мыслей, реакций, действий верующего героя, тем более верующего абсолютно, безвариантно, неверующим автором невозможно. Честно говоря, это невозможно и для верующего писателя, но верующего как-то так, вне церкви, не пережившего несколько сот литургий и всенощных, не постящегося и не трудничающего в монастырях, просто не понимающего, как можно страдать без исповеди, без причастия и иных таинств. Не пережившего благодати молитвенной соборности и не познавшего лично отклика святых на свои тайные сердечные мольбы.

Об этом трудно говорить, ибо это вызывает понятный эмоциональный протест людей, воспитанных в проиезуитских шаблонах толкования истории, но… Большинство великих художественных произведений, написанных на исторические темы за последние двести лет, –

лжесвидетельства. Увы, никакой самый-самый патриот-великодержавник, самый искренне русский отчизнолюбец, литературно талантливый и исторически начитанный, но при этом невоцерковленный писатель не создаст правды о Владимире Святославовиче, Александре Невском, Василии Тёмном, Борисе Годунове, Скопине-Шуйском, а уж насколько исторически фальшивы и даже кощунственны (потому-то столь растиражированы) романные и поэмные портреты преподобного Сергия, патриархов Ермогена и Никона!

И Ермака.

«Ко славе страстию дыша, в стране суровой и угрюмой, на диком бреге Иртыша сидел Ермак, объятый думой…» – ну не поэтические изыски или ляпы оценивал Пушкин, нацарапав на полях рылеевской «Думы», изданной в 1825 году: «Дрянь» и ниже уточнив: «Совершенная дрянь». Александра Сергеевича, только что закончившего работу над драмой «Борис Годунов», буквально взбеленила пошлость либерально-материалистического толкования трагичного сибирского похода как похода за… паблисити: «Товарищи его трудов, побед и громозвучной славы <…> С рассветом глас раздастся мой, на славу иль на смерть <…> сладкий сон – в мечтах напомнит славу он…» За год до смерти Пушкин, уже имевший опыт архивных и экспедиционных изысканий, автор «Истории пугачёвского бунта», начал собирать материалы по Ермаку, выписав всевозможные документы из Тобольска.

Запущенная в начале XIX века масонско-декабристская литературная ермакиада, трактовавшая образ русского православного героя этаким дерзким и алчным авантюристом, лихим искателем славы, добычи и – как же! – свободы от душащей всё прогрессивное царской тирании, в советское время закрепилась доктриной «стремление на Дон и за Урал – стихийный народный протест». Так Ермака начально масоны-декабристы, за ними либералы-разночинцы, далее – идеологи-троцкисты и советские и антисоветские писатели-патриоты эстафетно упорно вписывали и вкореняли во всё тот же антихристианский революционный иконостас, в один «пророческий» (ведь «далеки они были от народа») ряд с душегубом, насильником и грабителем Стенькой Разиным. С кровавым упырём Булавиным и лжецом-самозванцем Пугачёвым.

Параллельно с того же XIX века внешние (а как же без иезуитов?) и внутренние (а как же без их учеников?) русофобские силы столь же упорно память о походе Ермака стали связывать с колониальными экспедициями конкистадоров Писарро и Кортеса, уничтоживших миры инков и ацтеков. Именно в этом духе – духе цивилизационного превосходства – написана очень красивая, но исторически совершенно наветная, даже клеветническая картина Василия Сурикова.

* * *

Рассуждение – это руль, который ведёт <…> безопасно, не позволяя уклоняться с прямого пути ни направо, ни налево.

Преподобный Паисий Святогорец

Ермак-Василий Тимофеевич Оленин.

Почти до конца XVIII века в России имя, получаемое при крещении, оставалось в зоне сакральности, употребляемо было лишь в церковных практиках и только отчасти в официальных документах. Личное же имя – рекло, назвище, прозвище, сегодня рудиментно живущее в школьных, уголовных, армейских и иных корпоративных кличках, было общеупотребительно. Отражало ли оно его личные качества, несло ли наследные родовые черты внешние и внутренние, оно могло и обязательно менялось – первое детское, семейное, затем взрослое, и профессиональное, и уточняющее характер.

Ермак. Точнее бы звучать «ермэк» – от тюркского «эр», «ер» – единица. То есть Ермак – это одиночка, человек, не имеющий семьи. По-славянски – бобыль, бездомок. Или же инок – живущий иначе, не как все. Отсюда нарицательное «ермак» – маленький походный котелок на одного едока, в отличие от общего, дружинного казана.

Почему Оленин, а не Аленин? Так уж до XVII века писалось. До печатного станка каллиграфия титульной «А» и «О» трудно различалась.

Версии же о времени рождения и месте происхождения Ермака-Василия столь различны, противны друг другу и равно малодоказательны, что истина здесь возможна не в «преданиях старцев», а в доказательствах логики. Логики жизни и смерти, где смерть обстоятельствами, мотивами, противлением ей или смиренным восприятием – куда большая важность, чем рождение.

Именно в логике произошедшего много позже и оставившего материальные доказательства мы должны признать версию рождения Василия

Оленина на Северном Урале. Никакой пришлый донской или волжский атаман не смог бы за пару месяцев спланировать военную операцию, которую блестяще, практически без накладок провёл в течение следующего года. Косвенно принадлежность к родине Чусовой подтверждается тем лёгким схождением Ермака в качестве представителя Белого царя с повелителями угорских и тюркских родов Оби, Иртыша и Тобола, где его не восприняли экзотическим иностранцем. И портретом, переданным Ремизову его дедом, участником того славного похода: «Вельми мужествен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою, возрастом середней, и плоск, и плечист». «Плосколиц», «черн брадою» – это же от матери-вогулки.

Действительно, нельзя, невозможно спланировать рейд с целью захвата столицы и убийства владыки пусть рыхлого населением, но территориально огромного Сибирского юрта, опираясь только на проводников, без личного знания всех сложностей, всех тонкостей прокладки маршрута, просто поражающего тактической привязанностью к местности. Какой волжский или донской атаман смог бы простроить тысячевёрстовый поход по осенне-мелким, с волоками-перетасками речкам, да так, чтобы не потерять ни одного плоскодонного струга, ни пуда пороха и свинца, ни меры муки? Какой прибылой военачальник смог бы заложить тайную зимовку для восьмисот бойцов, чтобы не нашли, не заметили местные охотники и рыбаки и не оповестили своих князей?

Сохранить в тайне зимовку восьмисот человек – это действительно неразрешимая загадка для несибиряков. Даже если разбить отряд на три-четыре стана, то всё равно получаются слишком большие таборы, чтобы к весне они не выдали себя… Но ответ возможен – ялпын-ма. Священные земли, запретные для посещения, прохождения, а тем более для охоты и рыбалки, тайные урочища, горы, берега озёр и рек. Ни ханты, ни манси, ни даже татары, если они не шаманы, никогда не заходили в ялпын-ма. Даже приближение к их границам сопровождалось обязательными жертвоприношениями, отводящими порчу мстительных духов. Мог ли дончак или волжанин знать про эти места – излучины, лощины, сопки и останцы, а главное, знать, где эти места, о которых каждый род, сохраняя своё здоровье и жизнь детей, умалчивал даже от соседей? Мог ли пришлый заранее, без карт наметить зимовья в практически недоступной тайге?

А зачем Ермак вообще заложил столь сложную стратегию набега со столь сложным маршрутом? Мелкие реки, скрытная зимовка…

До ермаковского похода Строгановы уже лет десять – пятнадцать находились в состоянии вялотекущей войны с уральскими и сибирскими вогульскими, хантыйскими и татарскими князьками и беками. Впрочем, такие же мелкие боестолкновения постоянно происходили и меж зауральскими племенами и родами. Постоянно и многовеково. То и дело археологи находят-раскапывают останки мощных деревянных, с земляными валами крепостей X–XV веков, в которых на зимовку запирались полукочевые летом семьи остяков и пелымцев. Запирались от стужи, от соседей и заходящих из тундры лыжников-ненцев, снимающих скальпы со всех, кого им удавалось убить и ограбить. Несколько сот наёмных казаков и «немцев», выкупленных из рабства у крымского хана мушкетёров и пушкарей, венгров, итальянцев, германцев, поляков и от иных народов солдат удачи располагались Строгановыми по заводам и шахтам, отпугивая и отбивая налёты небольших ватаг мародёров.

Однако с укреплением власти Кучума набеги эти становились всё масштабней и по количеству и соорганизованности нападавших, и по жертвенным последствиям для русского населения. И вот наступил год, когда Кучум собрал под своим бунчуком практически всех подданных: десятитысячный тумен, возглавляемый племянником Кучума молодым царевичем Мухаммед-Кули (Махмуткул), на сотнях больших дощатых лодок с головами змей, напоминающих шнеккары викингов, на тысячах долблёных обласков, собравшихся с притоков Иртыша и Оби, плыли на русских уже не ради нанесения тревог и обид, а на вытеснение, изгнание. Плыли под дудки и бубны, под разноголосые песни и боевые выкрики. На зорях кричали муэдзины, у ночных костров камлали шаманы: на войне не до межрелигиозных споров.

Для того чтобы отбиться от такого войска, необходимо было встречно выставить хотя бы пять-шесть тысяч. Но ведь всё опричное стрелецкое войско в максимальном своём наборе было не более десяти тысяч.

А Строгановы и вовсе отправили в поход восемьсот пятьдесят. К тому же надо учитывать,

что и Москва, и Казань с Астраханью, и Бухара с Тюменью – осколки единой Орды, то есть принципы войсковой стратегии у всех были одинаковы, всем знакомы. И смесь древесного угля, серы и селитры, то есть порох, особо эти принципы не меняла. Конечно, пушки, завезённые в Европу из Китая Батыем, изменили тактику осад и взятия крепостей, хорошо они зарекомендовали себя в передвижных крепостях – гуляй-городах, непереоценимы оказались в морских и речных сражениях. Но фитильные ручницы и пищали вымещали луки из пехотного боя с большим трудом. Это сделали уже кремнёвые ружья и пистоли в конце XVII века.

Тем более что в Сибири царствовало феноменальное в своём совершенстве орудие смерти – композитный селькупский лук. Этот лук наравне с пушниной шёл ценнейшим ясаком: сложносоставной, склеенный рыбьим клеем из четырёх пород дерева в форме соединённых рукоятью дуг, с роговой накладкой под руку и обтянутый от размокания берестой. Он не сгибался при натягивании тетивы, а сжимался своими разнесёнными полукружиями и бил дальше и точнее не только фитильного, но даже кремнёвого ружья, необсуждаемо обходя их в скорострельности.

* * *

Нести крест – значит быть готовым к опасностям <…> и ежедневной смерти…

Святитель Иоанн Златоуст

Десять тысяч воинов огнём и мечом прошлись по «московским» остякам и вогуличам, захватили и разграбили несколько русских укреплений, вплотную подойдя аж к Перми. В то же время за спиной у Строгановых по Вятке и Каме уже пять лет кроваво кипело восстание черемисов и чувашей, к которым присоединились взбунтовавшиеся казанские татары, так что Казань, Чебоксары и Свияжск были заблокированы. А на юге хан Сибирского юрта Кучум заключил с беем Большой Ногайской Орды Исмаилом договор о военной помощи против московского царя. Хотя оба числились данниками России, но как же соседям было не воспользоваться тем, что их повелитель завяз на северо-западе? И если черемисы, казанцы и сибиряки уже заявили о своём намерении, то ногайцы мялись, якобы дожидаясь повода для объявления войны.

В таком раскладе даже странно, если казаки атаманов Барбоши, Кольца и Черкаса напали на ногайское посольство нечаянно, случайно.

Итак, англичане в Сибири, у Кучума. Хан посылает не мелкую свору грабителей, а максимально возможное для него войско в десять тысяч – на Пермь. Черемисы, чуваши и волжские татары выжигают русские поселения по Каме, Вятке, пытаются отбить Казань. Большая Ногайская Орда заготовилась ударить на Астрахань.

В сложившейся геополитической ситуации совершенно понятно, что, какое бы количество наёмников Строгановы ни осилили, без государевой помощи отстоять русское присутствие на Северной Двине, Каме, Вятке, Оби, Иртыше и Тоболе им даже не думалось. Но практически все боевые и технические возможности Иоанна Васильевича были уже два десятилетия увязаны в Ливонии, растянуты от Пскова до Чернигова. Так что срываемые с бесконечных фронтов малые отряды не могли загасить бунты черемисов и казанцев, замиряя местных ханов лишь на краткое время.

Вот так крошатся, осыпаются в пыль двухсотлетние окаменелости проиезуитской историографии: «покорение Сибири Ермаком» и «завоевание Сибирского царства». Да о каком завоевании бескрайней неведомой страны можно говорить, о каком покорении десятков самовольных князьков, ханов и биев, имеющих свои крепостцы, знающих свои земли и реки как пять пальцев да ещё обладающих достаточным боевым опытом для их защиты? Это как же такое можно замышлять с восемью с половиной сотнями сердюков и десятком пушечек?! Столь же безумно рассуждать об алчной строгановской авантюре с проплатой воровского похода за тысячу вёрст ради собольих и беличьих шкурок.

В 1582 году на подавление черемисского бунта посылались и князья Воротынский с Хворостининым. Однако московские полки попали в метель, надолго увязнув обозами в бездорожных снегах и упустив разбойников. Кажется, это было единственное задание, не выполненное великими полководцами. И урок: без местных проводников и помощников войска слепы и глухи.

Я следую версии историка Руслана Григорьевича Скрынникова: Ермак-Василий Оленин десять лет отвоевал под знамёнами великого стратега-победителя князя Дмитрия Ивановича

Хворостинина – с битвы при Молодях 1572 года по 1581 год, когда «сотника Ермака Тимофеевича, атамана казацкого» в докладе королю Стефану поминает комендант Могилёва Стравинский. И вот почему. Упоминание по отчеству – признание пожизненного дворянства: в те времена сотнику присваивался статус «боярского сына», только выслужить таковой было ох не просто – не только участием в боях и походах, но и особыми заслугами, и не за один год.

Так что где-то здесь, на Вятке или Ветлуге, объяснение тому, почему именно Ермак командируется из воюющей армии на Яик нанять провинившихся казаков для похода на Кучума: Дмитрий Иванович Хворостинин и Аника Феодоров сын Строганов были опричниками первого набора, братией «малой опричнины», доверительно знавшие друг друга, и потому прямое, личное прошение сыновей покойного Аники к князю о толковом, опытном, смелом и умном военачальнике для организации спецоперации по уничтожению подлого супостата было очень даже возможно.

Почему Строгановы обратились с предложением не к самому царю, а к его воеводе? Точнее, почему воевода не перенаправил их прошение к царю?.. Ну, очень возможны для того и личные причины: по любимому черемисскому преданию, Иоанн Васильевич в гневе за упущенных в метели бунтарей приказал князьям Воротынскому и Хворостинину надеть бабские одежды и сеять муку. Было, не было? Но проваленный карательный рейд вряд ли располагал усугубить царское недовольство докладом-ябедой о зломыслии Кучума и коварстве англичан, которым черемисский бунт был тоже на руку. Бабьим платком и ситом можно было и не отделаться. Другое дело – попробовать рискнуть, дерзнуть и дело исправить: разрушить многосложный заговор одним точечным, ножевым ударом в сердце изменщиков. А уже потом и доложить об успехе.

Только многолетняя царская служба логизирует последующее поведение Ермака. Ну не был он вожаком-атаманом вольных яицких-волжских-донских казаков, не желавших служить царю. Однако удобно из-под щита российской армии промышлявших разбоем вдоль границ с Персией и Османской империей. А порой за мзду и дуван равно легко нанимавшихся хоть к крымскому хану, хоть к польскому магнату. Сотник же и боярский сын Ермак-Василий Тимофеевич Оленин убеждённо, умом и сердцем являлся верноподданным государевым слугой. И как доверенный человек князя Хворостинина, взявшийся за запредельно опасное поручение, дело практически смертное, он не мог не быть ответственным именно религиозно.

Кроме десятилетнего боевого опыта и командной выучки в регулярных опричных войсках сотник Ермак-Василий с детства-юности не понаслышке знал Чусовую, Сосьву, Конду, Пелым. Что являлось просто обязательным для стратегического планирования и тактического исполнения неисправимого в случае какой-либо ошибки похода.

При всём том Ермак – атаман казацкий. То есть голова, старшой и вожак, избранный на воеводство товарищами по оружию. Такой знак народного доверия важен был в переговорах по найму охотников из числа провинившихся казаков, никого из государевых людей не признававших и уже почти отчаявшихся смертников. И сработало: две казачьи станицы – 250 сабель Ивана Кольца и 200 Александра Черкаса пошли за Ермаком и были прощены и награждены царём. А вот отказавшуюся «воровскую» станицу Богдана Барабоши стрельцы казнили всю без пощады, дабы повиниться за побитых послов перед беем Большой Ногайской Орды, чем лишить того повода к объявлению войны.

Итак, двинувшись мелкими реками, чтобы разойтись с туменом Мухаммеда-Кули, скрытно перезимовав и по весеннему полноводью пустив ладьи чайками, отряд Ермака нежданно для Кучума вышел к сибирской столице.

* * *

Если бы человек всегда в мысленной части держался здравомыслия, а в деятельности благоразумия, то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных сердцу...

Святитель Феофан, Затворник Вышинский

Не будем разбирать историю всей кампании, разберём лишь то, что произошло на Чувашском мысу, и оттолкнёмся от знаменитейшего полотна великого художника Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем», которое наравне с репинским «Царь Иван Васильевич Грозный и сын его Иван» стало художественным

символом, условным знаком нашей российско-иезуитской историографии.

В 1895 году картина была выставлена на публику, и автор получил заслуженные хвалы за талант и мастерство, а также звание академика и невиданный сорокатысячный гонорар от императора. Но в один из дней выставку Товарищества передвижников посетил другой русский гений – Василий Верещагин. Человек, повидавший не одну войну, в чине прапорщика участвовавший в кровопролитной обороне Самаркандской цитадели, за что удостоился ордена Святого Георгия, перед картиной он долго и тяжело молчал. Потом, резко развернувшись, негромко буркнул: «Кремнёвые ружья только через сто лет появятся» – и вышел.

Конечно, можно Сурикову предъявлять упрёки в дилетантски поверхностной военно-исторической подготовке к написанию эпического полотна. Можно улавливать на незнании того, что остяцкие богатыри, выходя на битву, надевали доспехи из лопатин лосиных рогов, что боевые топоры вогулов наводили ужас на архангелогородцев и даже шведов, а примитивные детские луки с почему-то растрёпанными стрелами, которые автор вложил в руки сибирских воинов, использовались только в охоте на белку и щуку… Но ведь гениальный художник Суриков нимало не ленился, он же столько сил и времени потратил на изучение материалов, написал десятки и десятки этюдов, посещал музеи, читал! И что? И почему такие ляпы и оплошные искажения?

А дело в том, что читал он, а потом, исходя из прочитанного, отбирал нужное замысленному в полном подчинении господствовавшей тогда (и господствующей ныне) цивилизационной доктрине. Суриков, сам не осознавая того, отдавал все свои силы, талант и мастерство исполнению заказа от «общественного мнения», воплощая в красках заложенные некогда аббатом Шарлем Николя и его братьями по Ордену представления о примитивности азиатских варваров и европейском превосходстве колонизаторов. Отсюда эта умбристо-чёрная гамма хаотично копошащейся человеческой массы, цветом и тоном сливающейся с мокрой глиной откоса. И гипертрофированная эмоциональность аборигенных лиц, точнее – застывших масок страха и злобы античного театра. Масок-слепков с умерших.

При всей абсурдности композиции с точки зрения реальности боевых действий главная идея картины читается всеми, сразу и однозначно: удар громонесущей, порохотучной монолитной богатырской дружины не встретит никакого сопротивления. Не может встретить: несколько пушечных и пищальных выстрелов – и тысячи дикарей тут же разбегутся по своим лесам и болотам.

Сергей Соловьёв, «История России с древнейших времён»: «В то время как на Средней Волге и Нижней Каме *дикие народцы* (выделено мной. – *В. Д.*) делали последние отчаянные усилия, чтоб высвободиться из-под русского подданства, в то время как на Западе Польша и Швеция благодаря личным достоинствам Батория успели соединёнными силами оттолкнуть Московское государство от моря, успели отнять у него возможность ближайшего, непосредственного сообщения с Западною Европою, возможность пользоваться плодами её образованности, необходимыми для скорейшего и окончательного торжества над Азиею, – в то время движение русского народонаселения на северо-восток не только не прекращалось, но усиливалось всё более и более, и русский человек перешёл наконец через Уральские горы».

Вот именно так от Карамзина и до сих пор российским школьникам российские учителя читают: «В трактовке художника это событие представлено как народный подвиг, художник подчёркивает неразрывную связь русских воинов с их предводителем <…> осеняя дружину Ермака этим знаменем, Суриков тем самым как бы передаёт ей эстафету многовековой борьбы русского народа против татар...» Какую эстафету, против каких татар?! Которые в конце августа 1598 года догнали в устье Ирменя, окружили и, плечо в плечо с русскими, разбили остатки кучумовского отряда? И где на картине хоть один из трёх священников, вышедших в дальний и отчаянно рисковый поход для духовного окормления воинов, готовых к смерти в любой день?

За 438 лет очертания берега у Чувашского мыса под Тобольском, конечно же, сильно изменились. Однако сам характер подмываемого крутого левобережья всё тот же: высокий подковообразный обрыв протяжённостью в несколько километров сдерживает напор весенних разливов.

Сколько воинов успел собрать Кучум? Появление русских челнов в такой глубине неоглядного Юрта, в двух-трёх переходах от столицы,

вызвало естественный шок, и рассчитывать на призыв обдорцев, ляпинцев, казымцев, бардаковцев, а тем более Пегой Орды не приходилось. Даже если успевали белогорцы с кондинцами и пелымцами, вряд ли под стенами Искера набиралось более трёх тысяч его защитников.

Для того чтобы прицельно и множественно стрелять в наступающего противника, лучникам, каковые составляли основную массу сибирского войска, необходимо было растянуться в пятидесятирядную шеренгу. Так, чтобы фланги находились на расстоянии полёта стрелы, это 250–350 метров, и могли поддерживать друг друга. Невероятно, чтобы часть стрелков оставили на обласках под яром на бессмысленную смерть. Правильнее было выстроить всех по-над обрывом, чтобы иметь возможность быстрого передвижения шеренги вправо-влево, в зависимости от точки десантирования противника. За спинами лучников по центру располагалась вооружённая копьями, топорами, саблями, защищённая доспехами и щитами пехота, прикрывающая ставку, а на флангах ждали своего времени отряды всадников.

И вот вопрос к адвокатам Сурикова: каким образом численно почти трёхкратно уступающий противнику отряд Ермака мог под обстрелом лучников пришвартоваться, штурмом взять обрыв и только после того вступить в прямой ружейный и рукопашный бой? Напомню, что селькупский лук пробивал лёгкий доспех – тегиляй и даже кольчугу с двухсот шагов. Пусть он был не у каждого, но и из обычного охотничьего тренированные лучники на 100–150 шагов точно поражали незащищённые места. При том что за те две секунды, пока первая стрела настигала цель, за ней вылетали ещё две-три, а то и четыре.

Поймём же возмущение Верещагина: если бы на Чувашском мысу всё происходило согласно Сурикову, то буквально через три-четыре минуты по Иртышу поплыли бы, безвольно кружась под завалившимися хоругвями струги, переполненные убитыми и умирающими казаками, плотно истыканными тысячами и тысячами стрел…

Первое огнестрельное, тем более фитильное оружие не применялось без защиты, пушкари и пищальщики вели оборонительный бой только из-за фортификационных сооружений: долговременных (крепостных стен, тынов, валов) или полевых передвижных (тяжёлого, на гужевой тяге гуляй-города и лёгкого град-обоза). Вести бой наступательный или тактически-маневренный стрельцы и мушкетёры смогли только с изобретением ударно-кремнёвого замка и порохового дозатора-патрона в XVII веке.

Однако в полевых условиях, если не предвиделось противостояние тяжёлой кавалерии, стрельцы также использовали ручные щиты: прямоугольные, с откидными опорами, они полностью закрывали стоящего человека. В конкретных случаях (из липовых досок или плетёные ивовые, с покрытием дублёной кожей) щиты весили от десяти килограмм, так что их, как правило, несли сами пищальщики либо, если щиты были больших размеров и усиленные, выделялись специальные несуны-«защитники».

Причалить и высадиться ермаковцам необходимо было там, где угол наклона и высота обрыва позволяли споро выйти наверх, дабы успеть построиться в боевой порядок, прежде чем кучумовцы подойдут на выстрел. А если противник не начнёт сближение, то атаковать самим. Боевое построение для атаки на шеренгу лучников – «черепаха». От гоплитов античных времён до спецназа современной Росгвардии – это единственная защита от метательных снарядов: при достаточной тренировке отряд свободно маневрирует, закрываясь по периферии и сверху плотно сдвинутыми щитами.

На каждого бойца в ермаковской дружине приходилось по две пищали. Пусть часть оставалась на лодках, для защиты пушек и припасов с реки, основной атакующий отряд на расстоянии двухсот шагов от неприятеля должен был по возможности развернуть фронт для стрельбы. Конечно же, растянуть не на двести метров, но… Первый залп в 600–700 стволов кроме поражения прямостоящего противника давал хорошую дымовую завесу, позволяющую продолжить сближение. А вот на втором залпе, со ста шагов и менее, пищаль уже имела существенное преимущество перед самым мощным луком: выпущенная пуля пробивала два, а то и три тела. Конечно, если мишени не защищали колонтари и куяки.

Выбив огнестрелом у противника центральную часть, казаки, пользуясь ещё большим дымом, из-за оставленных щитов набегом вступали в рукопашный бой, в котором им не было равных. Сотня направо, сотня налево – не давая лучникам опомниться и перестроиться, основная же масса бросалась вперёд – сквозь заграду тяжёлой пехоты к ставке. Конечно, стра-

тегия и тактика не сёстры-близнецы, каждый конкретный бой складывался своеобразно. Но всякий раз в результате сражений (кроме западён-засад на рыбачащие или промышляющие лосей малые казачьи разъезды) военачальники-кучумовцы или мятежные князьки-вопречники брались в полон или гибли в несогласии сдаться. В этом несомненность военного гения избранного на сие «дело» царского сотника и казачьего атамана.

* * *

Положить душу свою – значит отречься от себя, отречься от своих стремлений к богатству, к наслаждениям, к чести и славе...

Святитель Лука Крымский

На взятие Ермаком Искера с восстановлением власти «крестьянского Белого царя» над обскими, иртышскими и томскими княжествами и ханствами первым отреагировал бей Большой Ногайской Орды Исмаил, тут же послав в Москву грамоту о вечной дружбе. Вместе с ногайцами подтвердили свою ясачность и башкиры. Сникли бунтари в Казани и Астрахани, потеряли задор и черемисы.

А когда беглый Кучум послал к родственникам и прежним покровителям в Бухару мольбу о военной помощи, то получил отказ: владыку Аблуллах-хана очень даже устраивало, что московский государь, войдя в Сибирь, пресёк готовящийся прорыв торговых кораблей из Европы в Китай, затеянный Кучумом в ущерб караванному пути. Чуть позже Аблуллах-хан известит царя Фёдора Иоанновича о начале новых добрых своих отношений с Россией. Прочувствовав с юга (с опытом Персии, Индии, Пакистана и Афганистана) нарастающий напор европейской колонизации, бухарские, самаркандские и ташкентские правители на сто с лишним лет дали русским «зелёный свет» для беспрепятственного продвижения на восток, но только севернее полустепных районов Шёлкового пути. И мы шли, шли, шли – Тюмень, Берёзов, Сургут, Мангазея, Томск, Кузнецк, Красноярск, Иркутск, Якутск… И вот уже наши станы в Русской Америке – Ново-Архангельск, Форт-Росс.

Конфликты в южных областях Сибири и в Центральной Азии у России начались при Анне Иоанновне санкт-петербургским ответом на просьбы казахов спасти их от ойратов: «Ежели на вас, кайсаков, будут нападать неприятели, чтоб вы от того нашим защищением охранены быть». И затем, всё более запутываясь в сложнейших многовековых мотках, петлях и узелках хивинских, бухарских, туркменских, киргизских взаимных обид и родословий мести, русские в Азии пролили крови просто немерено.

«Отречься от себя, отречься от своих стремлений к богатству, к наслаждениям, к чести и славе...» Почему Ермак? Опять и опять: кто же он, этот царский сотник и казацкий атаман Ермак-Василий Тимофеевич Оленин, столь круто повернувший мировую историю в наше настоящее?

По занятии Искера русскими мирная жизнь в Сибири мгновенно не началась. И Кучум, бежавший с большой казной и имевший поддержку в исламизированных семьях князьков и биев, несколько раз пытался собрать коалицию для ответного удара. И не все вогульские князцы, побаиваясь расплаты за набеги на Пермь и противление Ермаку, спешили присягнуть Белому царю. И обезглавленный некогда Кучумом Тайбугинский юрт, откочевавший к ногаям, тоже замечтал вернуться. Ибо всех смущала и соблазняла численная малость русского присутствия.

Отправив станичного атамана Ивана-Черкаса Александрова в Москву с пленными царевичами и скопившейся в ханском сарае за счёт неоплаченных ясачных лет пушниной, Ермак получил щедрую царскую милость для себя и прощение вины яицким казакам. Но высланные через год в помощь 500 стрельцов по незнанию иных дорог пошли по всё тем же мелким рекам, по которым Ермак обходил заслоны. В результате стрельцы бросили обозный груз, добравшись до Сибири без пороха, свинца, муки, одежды и прочего. И зиму не пережили, умерев все от холода и голода. А дальше со стороны Москвы наступило молчание.

Мартом 1584 года, приняв постриг с именем Иона, умирает Иоанн IV Васильевич Грозный. На трон вступил его третий сын, сын Анастасии Захарьиной-Юрьевой Фёдор I Иоаннович Блаженный, последний правитель рода Рюриковичей, по словам отца, «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рождённый». И, как мы уже понимаем, канонизированный как «святой благоверный Феодор I Иоаннович, царь Московский», в российско-иезуитской историографии рассматривается,

конечно же, «ненормальным», «слабоумным», «вырожденцем»…

Николай Костомаров: «Царь Фёдор Иванович был чужд всего, соответственно своему малоумию. Вставал он в четыре часа, приходил к нему духовник со святою водою и с иконою того святого, чья память праздновалась в настоящий день. Царь читал вслух молитвы, потом шёл к царице, которая жила особо, вместе с нею ходил к заутрене, <…> в 9 часов утра шёл к обедне, в одиннадцать часов обедал, потом спал, потом ходил к вечерне...»

Василий Ключевский: «Царевич Фёдор вырос в Александровской слободе, среди безобразия и ужасов опричнины. Рано по утрам отец, игумен шутовского слободского монастыря, посылал его на колокольню звонить к заутрене. <…> он рос безматерним сиротой в отвратительной опричной обстановке и вырос малорослым и бледнолицым недорослтком. Английский посол Флетчер: «В лице царя Фёдора династия вымирала воочию».

Ещё бы не привлечь «воспоминания» лондонского посла, изгнанного из России с закрытием Московской компании, то есть с закрытием английской монополии на торговлю русскими товарами за границей. С началом самостоятельных выходов русских купцов на Францию, Германию и Италию.

Ненависть отечественных историков к истории своего Отечества как к истории православного государства – Святой Руси и православного народа – народа-богоносца откровенно инфернальная. Природно-сатанинская. Ведь есть же свидетельство первого русского патриарха Иова, также прославленного в лике святых: в предсмертном томлении царь беседовал с незримым «великим Святителем», а в сам час кончины Фёдора Иоанновича по всем кремлёвским палатам ощущалось благоухание. Да только кому нужны удостоверения убеждённого опричника, ко всему прочему канонизовавшего Иосифа Волоцкого?

Ведь если непредвзято, без предубеждений, то почему бы рядом с иностранными источниками не проработать-проанализировать слёзные вопли летописцев Смутного времени о том, как при Фёдоре Иоанновиче и страна процветала, и люди были счастливы. И что никто не хотел никаких перемен, ибо народ знал наверняка: царь своею праведною молитвою спасает и направляет Россию. Ответ у современника святого благоверного царя дьяка Ивана Семёнова: «Монашество, соединённое с царством, не разделяясь, взаимно украшали друг друга <…> И то и другое было *видимо только одним верным, которые были привязаны к нему любовью* (выделено мной. – *В. Д.*). Извне все легко могли видеть в нём царя, внутри же подвигами иночества он оказывался монахом».

Без перемены историографической парадигмы мы и далее обречены шаблонно-рамочно взирать на себя, на свой народ, своих героев, свою родину вражескими глазами. Глазами врага рода человеческого. И что бы ни мечтали о себе самые высоколобые витии, самые прославленные книжники и совопросники мира сего, они «преданием старцев» приговорены определять православные духовные нормы «юродством», духовную волю – «слабостью», духовный подвиг – «безумием». И никогда им не понять, как сотник-атаман Ермак-Василий Тимофеевич Оленин, идеально спланировавший и блестяще проведший спецоперацию по обеспечению для России мира с Востока, нежданно на три года принял для себя миссию государева наместника, точнее, «местного воеводы» величайшей страны, не имея для того никаких ресурсов, но – вот чудо! – примерно управился и с этим непредставимым для ратоборца испытанием. Принял, вник и справился – как ответственный религиозно.

* * *

Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.

Римлянам 13:4

С маленьким отрядом, сократившимся в результате полновесных боёв и мелких стычек с засадами, обморожений, болезней и несчастных случаев до пяти с половиной сотен бойцов, Ермак должен был не только удерживать столицу, но и по возможности развернуть и закрепить административно-властное присутствие Русского государства во всех сибирских родовых княжествах и ханствах. Как, чем и, главное, кем?..

Действительно, сибирские татары Тайбугины в своём правлении опирались на поддержку единокровников-ханов с их родовыми ополчениями, а бухарский шейбонид Кучум, хотя взошёл

на трон благодаря бухарским сарбазам и джигитам да и после не раз получал войсковую помощь, главную ставку делал на ислам, через веру отрывая местную аристократию от своих одноплеменников-простолюдинов. Тайбугины вели суды на основе традиций, Кучум – шариата. Но в любом случае у предыдущих повелителей всегда было достаточно нукеров и для обеспечения обыденного сбора налогов, и для подавления вспыхивающих недовольств баскаками или бесерменами. То есть для устрашения и расправы. Ведь именно террором Кучум провёл перепись населения, когда менял общеродовой налог-тамгу на исламский закят «с дыма», то есть с семьи.

Проникшая вглубь неизведанных земель небольшая дружина славян, с довеском из фрязин, франков и прочих «немцев», одинаково чуждая для местных племён угров и тюрок, не могла, подобно Тайбугинам, использовать в своих интересах извечное для Сибири этническое противостояние. Исповедуемое христианство не позволяло ожидать какого-либо добродушия, тем более благоговейного уважения от упрямых язычников и мусульман-неофитов. А о русском терроре и геноциде «диких народцев» (выраженьице С. Соловьёва) нелепые пасквили стали измышлять опять же в XVIII веке, опять же в иезуитских школах: российских, польских, французских, итальянских…

Да подумать только: какой такой геноцид с «вылазной дружиной» в две-три сотни человек! Ужаснуть, надругаться, нанести кровавую обиду, а далее мирно принимать в крепости гостей, поставщиков продовольствия, послов с дарами и самих родовых князьков с данью для Белого царя и просьбой о личной дружбе? С прошениями о правдивом воеводском суде меж граничными соседями?.. Инфернальная русофобия.

В шорах двухсотлетней прогрессистской историографии недопустимо, абсурдно, казусно: ну не мог, не должен был Ермак из своих отчаянных стрелков и рубак создать администрацию для неоглядного региона, населённого столь разбросанно и разнородно! Казаки-башибузуки и иноземные солдаты удачи годились для войны, но поручить им дьячие и подьячие дела? А остальных поставить в приставы, надельщики, рассыльщики и иные приказники?..

Наместники и сменявшие их местные воеводы утверждались царём и Боярской думой на два-три года. Как правило, это были отставные служилые люди: родовые бояре, дворяне и выслужившиеся дети боярские. За оклад, дабы не торговали и не побирались, воеводы вели военные, управленческие, стражные, судебные и налоговые дела, руководя приказными избами и столами. Отвечали воеводы даже за писцовые книги, в которые для финансовых отчётов в Москву собирали описания земель по их количеству и качеству, доходности и повинности населения. А ещё висели на них заботы о пополнении пороховых, дровяных и съестных припасов с описью. Притом наказы и указы из центра зачастую присылались с таковыми уточнениями: «как буде пригоже», «смотря по тамошнему делу», «как Бог вразумит».

И это не курьёз времени, не глупость (прозрейте, костомаровцы-ключевцы-соловьёвцы!) безграмотных дьяков и ленивых писарей приказной избы: при тогдашней неразработанности государственного законодательства нехватка законов гражданских и уголовных восполнялась законами веры. В пределах русской власти – законами Евангелия и совести. Так что православное государство продуманно и вполне рационально полагалось на богобоязненную рассудительность своего православного представительства. И та православная совестливая рассудительность в местах тюркских, угорских, черкесских, мусульманских, буддийских, языческих воспринималась как закон крестьянского Белого царя, принималась как суд убедительно-праведный.

Справедливость Белого царя и была главной опорой Ермака в правлении Сибирью. Единственным ресурсом обеспечения его власти была Русская правда.

Война как густейшая сосредоточенность болей, скорбей и страхов беспощадно проявляет человека. В походе и боях невозможно притворяться, лгать и утаивать, скоро всем всё становится видно и бесспорно понятно. В этих общих на всех болях, скорбях и страхах очерчивается круг отвечающих друг за друга и полагающихся друг на друга. Круг тех, кто думает, действует и говорит: мы.

А ещё война возводит во власть истинного лидера. Нет более чтимого и доверенного вождя, кроме того, кто брал на себя боли, скорби и страхи своих дружников. Кто был равен с ними перед смертью, но вывел их в жизнь. Он ось, вокруг которой и очерчивается *мы*. *Мы* кристаллизуется лидером. И помешать тому, клеветой,

глумлением и фальсификацией надругаться над памятью, дабы подорвать в настоящем и будущем само только вероятие объединения православного народа вокруг православного лидера… Пересмотрите школьные уроки истории…

Преображение вольных казаков и наёмников в верноподданных государевых слуг – ещё один, религиозный подвиг Ермака-Василия Оленина. Доверие, перешедшее в веру с совершенным послушанием, преображение сознания людей, ох своевольных, ох негибких, – так, что, исполнив обещанное на Чусовой и получив долю добычи с копья, не разбежались они по своим путям-дорожкам, а остались, продолжили дружинное служение на сибирской украине, – это подлинное чудо. Не в силе Бог, а в правде. Ермаковцы продолжили гибнуть от подлых засад и заманных предательств, от лютых холодов, безвременных метелей, от цинги. Но держались друг за друга, держались друг другом. Умирая друг за друга, жили друг другом. Чем вызывали уважение и благоговейное признание их силы у местных народов. Силы их Бога.

«Так да светит свет *ваш* пред *людьми*, чтобы они *видели ваши* добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:14–16). Первый архиепископ Тобольский и Сибирский Киприан повелел записать в синодик соборной Софийской церкви для ежедневного поминовения имена Ермака-Василия и всех его товарищей, принявших смерть в Сибири. А в неделю православия соборному протодиакону велегласно возглашать им вечную память.

Помянем своих героев и мы.

Полный вариант эссе читайте на сайте «Огни Кузбасса» (www.ognikuzbassa.ru).

Александр САВЧЕНКО

МЫ ВСЕ В ОДНОЙ ЖИЗНИ

Начало сентября 1978 года... Очередная командировка в Донбасс. Всесоюзный семинар на базе Донецкого металлургического завода проводит украинское предприятие «ВНИПИЧерметэнергоочистка».

Донецк. Здесь благостное место и такое же время года... Этот город всегда отличался приветливостью, обилием цветов (не зря называли городом миллиона роз!), раскидистыми каштанами и красивыми девушками. Утром на самолёте до Москвы, а уже после обеда – в аэропорту, расположенном почти в черте Донецка...

В отличие от предыдущих приездов, когда с трудом приходилось добывать любое койко-место, на этот раз всё было обставлено чинно и благородно: в гостинице «Донбасс» прибывших со всей страны гостей ожидали забронированные места... Три дня – это не хухры-мухры. Знаменитый и в то время самый главный водоснабженец с КМК Иван Михайлович Ушаков знакомит меня со своими старыми друзьями. Что ни фамилия – настоящее светило: то знаменитый изобретатель, то высокоостепенённый учёный, то автор учебника или популярной книги. Шабалин, Вахлер, Пантелят, Клименко, Мороз, Галкин...

В первый же вечер тороплюсь на проспект Пушкина, 25. Это в центре города. Угловой пятиэтажный дом, построенный после войны около территории бывшего кирпичного завода.

Вот и хозяева квартиры. Представляюсь. Передаю сибирский презент от моей коллеги по Сибгипромезу. Людмила Тимофеевна Люленкова, тогда старший инженер строительного отдела, выпускница Ростовского инженерно-строительного института, послала своим родителям кедровые орешки из нового урожая и какую-то вкуснятину, закатанную в стеклянную баночку. Приятная и радостная для родителей весточка. Рука, протянутая через тысячи километров...

Стоять у входной двери долго не пришлось, хозяева меня не отпускают. Просят пройти в просторный зал. И вскоре на столе появляется обильное для сибиряка угощение. Тимофей Иванович, высокий и плотный мужчина со смуглым лицом и узковатыми азиатскими глазами, сидит напротив меня. У него внимательный, испытующий взгляд, говорит слаженно, деловито. Много слушает, но больше спрашивает о Новокузнецке. О новом городском строительстве, о транспорте, о том, сколько на улице зелени...

– Знавал, знавал те места... Многое с ними связано... – И умолкает. Но тут же вроде как отряхивается и с вопросом ко мне: – Как там Томь? Не зашуговывает с началом холодов каэмковский водозабор?

Я, как специалист в этом деле, понимаю его любознательность. Отвечаю, что больше половины завода переведено с прямотока на оборотное водоснабжение. Так что даже при временном перебое на водозаборе завод не остановится... Да и деревянные магистральные водоводы диаметром в метр меняют на металлические. А то кое-где клёпаные трубы лежат прямо на поверхности земли. Летом в них пацанва пытается сверлить дырки, чтоб охладиться под животворящей струей. Охрана завода не успевает гонять малолетних проказников...

– Оно так и должно быть... В наши времена могло быть намного хуже...

И опять хмуро умолкает.

У доброжелательной хозяйки квартиры Елены Петровны светятся радостью глаза. Она то хлопочет около стола, то убегает на кухню и вскоре снова появляется, стараясь не упустить сути нашего разговора.

Спрашивает, зная наперёд мой ответ:

– Как там у Людочки горло?

– Ну что ты, Лена! Взрослая она давно... У самой вон какая красавица вымахала! – Супруг показал взором на фотографию, что была приткнута к углу зеркала, – видимо, внучка...

Тимофей Иванович Шкляр

Елена Петровна выставляет из холодильника домашние запасы. У нас в Сибири такого нет. На столе гора фруктов. Муж достаёт из серванта три бокала и хрустальный графин.

Незаметно в разговорах пролетело часа полтора. За это время переходили с одного на другое, но больше слов было о чёрной металлургии. Чувствовалось, что хозяин находится в курсе всех новшеств в этой отрасли, деловито делая замечания, и с радостью делится успехами Донецкого металлургического завода, где, как сказал он, значится начальником производственного отдела и одновременно заместителем главного инженера предприятия.

Но сколько ни сиди… В руках ответный подарок для дочери и внучки Оли. И на прощание приветы Сибири, Кузнецку и крепкое рукопожатие хозяина. Ладонь шершавая, широкая, жилистая. Не как у простого городского обывателя…

Только через долгое время я узнал, что был тогда в гостях у одного из первых директоров Кузметкомбината, точнее, у третьего – после Франкфурта и Бутенко. У самого товарища Шкляра.

Нынешняя историческая публицистика почему-то полушёпотом и мало говорит о времени его директорства. Попробуйте найдите в интернете материал о Тимофее Шкляре… Почти одна пустота. Будто не было на свете такого заметного человека. В «Википедии», правда, о нём упоминается. Но, опять же, вскользь, указаны только даты жизни бывшего директора комбината: 1906–1983 гг.

А вот дословная выдержка из одного современного исследования:

«Расстрелян директор КМК профессиональный металлург К. И. Бутенко. Несмотря на весь социально-бытовой ад, вал доносов и маразматическую борьбу со «шпионами, террористами и подрывным элементом», завод продолжал работать и развиваться. В 1939 г. местные инженеры изобрели и запустили в производство машину непрерывного литья заготовки – одну из первых в мире. Во время Великой Отечественной войны директором комбината был Роман Васильевич Белан».

Весьма кратко и даже кое в чём непонятно… А ведь между Бутенко и Беланом был ещё один директор!

В четвёртом номере «Огней Кузбасса» за 2018 год, в статье «Твёрдый сплав», известный журналист Григорий Шалакин пишет:

«Остаются малоизученными отдельные страницы истории Новокузнецка, связанные с необоснованными политическими репрессиями, хотя реабилитация невинно осуждённых идёт с 1953 года. Неизвестно, по какой причине ушла в тень жизнь Тимофея Ивановича Шкляра, который в 1938–1939 годах был директором КМК, а потом арестован и осуждён на десять лет. Мне довелось держать в руках, листать и читать его дело с резолюцией Лаврентия Павловича Берии. Это было в 1991 году, когда архивы вдруг распахнули двери. Я сосредотачивался на ответах директора на задаваемые вопросы. Отчетливо помню: никакой политической подоплёки в своих действиях он не видел и настойчиво доказывал это.

Что касается производства, то при нём на КМК действительно не всё ладилось. Были технологические срывы, аварии, нестыковки во взаимодействии сталеплавильного и прокатного переделов. Но при Шкляре заводчане сказали новое слово в мировой металлургии, создав прообраз машины непрерывного литья заготовок, которая была внедрена только в 1990-х годах во время директорства Героя Социалистического Труда Алексея Фёдоровича Кузнецова».

Всё верно. Известно и большее. В городе одновременно с технологическими объектами завода развивалась социальная сфера. Был введён в эксплуатацию пятиэтажный жилой дом на улице Кирова, 18, построены или достраивались универмаг, родильный дом. Набирали производственную силу специалисты завода, ставшие потом не только костяком комбината, но и трудовой гордостью страны. В частности, показал свои технические и руководящие способности мастер сталеплавильного производства Леонид Сергеевич Климасенко, будущий директор Запсиба. Он начинал работать под непосредственным началом Т. И. Шкляра. В то время на заводе безусловным авторитетом был главный инженер Кузнецкстроя Иван Павлович Бардин. «Академик в полушубке», как звали Бардина, видимо, давно приметил способности Климасенко и в 1935 году посодействовал его переходу с должности директора ФЗУ в мартеновский цех, для начала подручным сталевара. А там в это время командовал Тимофей Шкляр… Надо полагать, не случайна встреча двух прирождённых металлургов-организаторов с пытливым умом, неутомимой энергией и огромным запасом теоретических знаний.

Именно при Шкляре в мартеновском производстве КМК (тогда завода) зародилась плеяда талантливых сталеваров, а М. В. Буркацкому, И. Г. Могиливцеву и М. М. Привалову неслучайно впоследствии было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Вспоминается случай из прошлой жизни. В семидесятых начальником технического отдела Сибгипромеза работал Рудольф Аронович Браунштейн. Кстати, отец будущего директора КМК Евгения Браунштейна. Он и мне тогда по возрасту годился в отцы. Но были у нас с ним весьма дружеские отношения. Рудольф Аронович рассказывал, как в ночь с 23 на 24 июня 1941 года на завод позвонил нарком чёрной металлургии Тевосян (это через два года, как исчез Шкляр). Он дал указание рассмотреть возможность выпуска в Сталинске броневой стали для танков. В считаное время завод смог выполнить государственный заказ.

На заводских задворках был сооружён испытательный полигон, где в распоряжении Браунштейна находилась специальная пушка. Там каждодневно гремели выстрелы, на особом стенде расстреливались пробные броневые листы. И вот из практически неприспособленных для этого мартеновских печей вскоре пошёл металл нужного стране качества.

Я, помню, поинтересовался у Рудольфа Ароновича:

– И сразу так у вас получилось? Или простое совпадение случайностей?

– Что ты! Наши сталевары имели опыт работы по пять – десять лет. В их головах, как у талантливых поваров, рождались и хранились сотни рецептов получения разных марок стали… А тут выдался случай поломать голову по-настоящему.

Это я к тому, что у истоков производства броневой стали находился в своё время и главный сталеплавильщик Шкляр. Очевидно, на пользу пошёл накопившийся у него и переданный молодому поколению опыт.

…Итак, предыдущий директор Кузметзавода того времени Константин Иванович Бутенко после репрессированного С. М. Франкфурта вёл предприятие «правильным путём», за что был обласкан лично Сталиным. Его в порядке ротации перевели в столицу заместителем наркома, но вскоре объявили «озверелой троцкистской гадиной». В мае 1938 года арестовали, а через два месяца расстреляли. Можно сказать, «повезло» человеку, Франкфурт, например, был расстрелян в день вынесения приговора…

С повышением бывшего директора и отбытием его в столицу по приказу Лазаря Кагановича Шкляр, работавший у Бутенко главным инженером, в январе 1938 года становится директором Кузнецкого металлургического завода. Он в один час оказался самым молодым руководителем в отрасли (за плечами всего 31 год) самого крупного и самого современного предприятия Советского Союза…

Несколько слов отступления. Софья Александровна, жена Бутенко, была неординарной женщиной. Невысокая, с красивым греческим носом, она вызывала восхищение не только у простых мужчин и женщин. Она была организатором женского движения в Сталинске. С ней считался даже первый секретарь краевого комитета партии Роберт Эйхе, к которому она при желании могла свободно попасть для беседы. Фотографии Софьи Александровны появлялись периодически в журналах «Общественница» и «Работница». На одном из съездов женщин СССР её пригласил из зала сам Серго Орджоникидзе и усадил в президиуме между собой и Сталиным… И она запросто задавала вопросы и с улыбочкой отвечала Иосифу Виссарионовичу. Но, как и у многих жен высокого начальства, судьба этой женщины оказалась плачевной.

По прошествии многих лет Софья Александровна вспоминала, как она с мужем ехала на отдых. Перед Омском мужу передали правительственную телеграмму, в которой сообщалось, что Бутенко срочно переводится в Москву. Необходимо было так же незамедлительно сообщить фамилию человека, который может стать его преемником. Софья Александровна была полностью посвящена в дела мужа. Он даже на курорт в Крым посылал ей телеграммы не только с воздушными поцелуями, но и называл показатели рекордных плавок за неделю… После непродолжительного совещания в двухместном купе Бутенко назвал фамилию следующего директора – Шкляр. Причём только Шкляр. Других кандидатур на заводе не было. Высококлассный специалист, имеющий правительственные награды, человек самого работоспособного возраста, коммунист, организатор, прошедший суровую школу производства, настоящий психолог, способный найти подход к каждому человеку…

А потом почти на каждой станции до Урала, где останавливался паровоз для заправки водой и углем, в двери купе стучали какие-то люди и совали заспанным пассажирам правительственную телеграмму…

Клерки из Москвы перестраховались и на всякий случай разослали одинаковые телеграммы на все станции, где мог остановиться пассажирский поезд из Сталинска…

Тимофей Иванович родился в 1906 году на Днепропетровщине в семье рабочего и домохозяйки. Семейная фамилия Шкляр имела белорусские корни, в точном переводе значит «стекольщик»

(помните «склянку» или родственную фамилию Скляр?).

Учился Тимофей в земской школе, окончил семилетку. В 1924-м поступил рабочим на завод им. Дзержинского, параллельно учился в Каменском вечернем индустриальном институте.

После окончания вуза в 1928 году был направлен в Сталино (будущий Донецк) на металлургический завод, где начал работу с должности начальника смены, потом стал заместителем начальника и, наконец, начальником мартеновского цеха. В 1933 году с целью повышения квалификации его направили в трёхмесячную командировку на заводы Круппа в Германию (это, кстати, тоже нашему герою потом припомнилось).

В 1921 году Шкляр, как и большинство молодых продвинутых людей того времени, стал комсомольцем, а в 1927 году вступил в ряды ВКП(б). В 1933 году его награждают грамотой Центрального исполнительного комитета СССР за организацию технического обучения молодёжи. В этом же году в день 15-летия ВЛКСМ одним из первых в Донбассе Шкляр получает высшую в стране награду – орден Ленина.

В 1934 году по распоряжению наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе Шкляра направляют в сибирский Кузнецк, где он сначала работал начальником мартеновского цеха, а в июне 1937 года был назначен главным инженером завода. То есть как бы подхватил знамя, которое до него нёс Иван Павлович Бардин.

Это было вдвойне ответственно. Во-первых, сама высокая должность. А во-вторых, Бардин был не просто главным инженером. Он был человеком, который практически построил завод, организовал передовое металлургическое производство, и, наконец, вокруг него сложилась своя инженерная школа. А это расстановка людей, вложенные в них технические идеи, наработанные взаимоотношения.

И Бутенко, и Шкляр уважали человека, который им практически годился в отцы. Отдавали должное его героизму, высокому уму, огромнейшему опыту, его возрасту. Но жизнь есть жизнь. Вечная проблема отцов и детей не исчезала. Неслучайно между Бутенко и Бардиным так и не сложились тёплые дружеские отношения. Шкляр, естественно, не мог стать вторым Бардиным.

Итак, после того как Бутенко уехал на службу в Москву, директором завода стал Тимофей Иванович Шкляр. Металлургическое производство он знал досконально, причём не только в рамках своей специальности. Как человек основательный и ответственный, он каждый свой день проживал внутри всей технологической цепочки, начиная от карьера добычи железной руды и кончая складами отгрузки готовой продукции.

Шкляр первым в городе узнал об аресте Бутенко. Вот как он пересказывал на ближайшем партийном собрании этот памятный и весьма, как оказалось, для него судьбоносный момент: «Я позвонил в Москву, мне сообщили, что Каганович просил предупредить о том, что Бутенко «изъят». В этот же день я сообщил новость Аксёнову, Носову и другим работникам завода... Мне по телефону из Москвы пояснили, что наш бывший директор является врагом народа, это же самое я сообщил нашим людям... Мы с Бутенко были знакомы ещё по Донбассу, он работал там начальником доменного, а я был начальником мартеновского цеха. Когда я в Сибири стал работать начальником мартеновского цеха, а затем главным инженером, мне часто приходилось контактировать с Бутенко, иногда бывать у него на квартире...»

Так, действительно, оно и было. Высшее руководство обитало на Верхней колонии, расселившись внутри «буржуазной» Орлиной улицы. Здесь по факту процветал цивилизованный центр города, где проживали иностранные спецы и самое высокое начальство завода. Асфальтированные дороги с фонарным освещением, роскошные особняки и гостиница с номерами люкс, ванны с душем и горячей водой, биллиардный зал, ресторан с лепниной на стенах и потолках. Начальники, как тогда было принято, жили закрытой кучкой, отдыхая в узком кругу от повседневных нагоняев и пролетарского матаперемата...

Бутенко считался человеком «голубых кровей», он любил частые командировки в столицу. Уезжал в купейном вагоне на полмесяца, а иногда и больше. Когда был избран в Верховный Совет, то, по существу, отошёл от директорства. Во время пребывания Бутенко в Москве Шкляр руководил работой предприятия и по телефону докладывал о делах практически ежедневно. Старался не своевольничать, поэтому обращался к шефу очень часто и порой срочно... Это тоже стало уличающим фактом против Шкляра. Мол, у директора и его выдвиженца была между собой тесная и тайная связь.

Да, времена конца тридцатых были весьма жестокие. С одной стороны, люди проявляли, так сказать, коммунистическую и революционную принципиальность, с другой стороны, шли на всяческие ухищрения, чтобы избежать репрессий со стороны власти. Шкляр уважал Бутенко, но всё-таки не всег-

да следовал его указаниям. Например, он открыто заступился за бузотёра инженера Дульнева, которому Бутенко выражал политическое недоверие и всячески старался выжить не только с завода, но и из города.

Мне в 1967 году, когда я был молодым инженером-проектировщиком Сибгипромеза, ещё удалось застать на комбинате главного энергетика Фёдора Семёновича Дульнева. Бывал у него на совещаниях. По внешности и характеру он представлял неординарную личность, действовавшую в революционном духе... Большая лысая голова (что-то от Котовского), неуживчивый и часто сомневавшийся даже в мелочах человек. Но зато какой знаток своего дела! И напористый, порой нахрапистый характер! Видимо, директору Бутенко такие человеческие черты были не нужны...

А совсем недавно при подготовке этой статьи мне пришлось завести случайный разговор с коллегой из существовавшего когда-то в Новокузнецке института «Союзводоканалпроект» Валентиной Дмитриевной Урубковой.

И нарисовалась такая картина. Её мать Александра Николаевна в середине тридцатых приехала в Сталинск из-под Новосибирска. Девушке было 25 лет. Крепкого сельского склада, сильная, волевая дивчина. Но без большого образования. Устроилась на работу на коксохимическое производство. С семьёй получила неблагоустроенное жильё на Верхней колонии, до работы совсем недалеко...

Я видел фотографию Александры Николаевны последних лет её жизни. На груди – пять государственных наград, знак «Слава женщинам-металлургам!». От начала своей деятельности до выхода на пенсию проработала она на коксохиме люковой. Это чисто мужская профессия, требующая силы, выносливости, внимания и осторожности. Причём надо вечно крутиться в грязном и загазованном воздухе, состоящем из сплошных сквозняков и перепадов температуры...

Как-то летом ехал я на электричке в сторону Карлыка. Проезжали мимо коксохимпроизводства Запсиба. В окна вагона проник невыносимо вонючий специфический воздух от КХП. Девочка лет пяти, закрыв щепоткой нос, спросила: «Мама, здесь яд вырабатывают?..»

Это я описываю, чтоб лучше представить жизнь и производство того времени. Так вот Александра Николаевна в давние годы рассказывала дочери, что как-то от усталости и недосыпа опёрлась на черенок лопаты, задумалась и отключилась. Моментально заснула на рабочем месте. И вдруг чудится ей, что рядом громко лает собака. Она открыла глаза и видит, что перед ней стоит её непосредственный начальник, исходя матом, что-то кричит и грозно машет руками. Она не успела ответить, как возле неё и орущего мастера оказался высокий мужчина в плаще.

– Скажите, вас кто научил так безобразно разговаривать с женщинами? – спросил он густым голосом.

Мастер растерялся, стал что-то бормотать в своё оправдание... Короче, всё обошлось, но с этой поры он с Урубковой не встревал в прямой диалог, просто чаще обходил свою работницу стороной. А Александре товарищи по работе подсказали, что спас её от беспощадного разноса главный инженер завода Шкляр. Она больше не видела того заводского начальника вблизи, даже не узнала бы в лицо, но запомнила его большие, широкие ладони. Такие руки в их деревне были одни на всю улицу – у местного кузнеца...

Шкляр возглавил завод сразу после Бутенко. Но менее чем через год его директорства последовал арест. Он был взят 5 января 1939 года в Москве, куда на исходе декабря 1938 года прибыл в Наркомат тяжёлой промышленности с отчётом о работе своего предприятия.

К этому времени УНКВД по Новосибирской области (Сталинск тогда был в её составе) уже подготовило документы на арест Шкляра. В Сталинске партийная верхушка города тоже готовилась к этому загодя. На пленумах и рядовых заседаниях горкома навязчиво ставились вопросы о неудовлетворительной работе металлургического завода, что якобы стало результатом вредительского руководства предприятием со стороны Франкфурта и Бутенко. Особенно доставалось «ставленникам и приспешникам» последнего директора. Шкляр, конечно, всё это понимал, чувствовал, что камни летят в его огород. Но, принимая всё близко к сердцу, сделать ничего не мог.

Формальным основанием для ареста послужило анонимное заявление, в котором утверждалось, что директор Шкляр возглавляет контрреволюционную работу, подготавливает вооружённое восстание, даёт секретные задания на аварии... Нового, как видите, ничего нет. Интересно только то, что написано было заявление не где-то в Урюпинске, не каким-то малограмотным водовозом или больным на голову типом, а в родном городе, человеком, хорошо знающим металлургическое производство и который наверняка при встрече со Шкляром душевно улыбался и крепко пожимал ему руку...

Шкляр знал, что на заводе могут работать люди, в которых не выветрилась злоба на советскую власть. Они в своём большинстве оказались здесь ещё при строительстве завода. Тот же Бардин рассказывал, как тогда были случаи: кто-то зубилом делал насечки на тросах, которые должны быть задействованы на ответственных работах, кто-то подпиливал стойки ограждений или вместо цемента бросал в замес мешок опилок... Есть ещё категория крупных или мелких пакостников. Но все остальные – это ведь нормальные люди!..

В Москве его не пытали и даже особо не допрашивали, а вот в Новосибирске на всякий случай четыре месяца продержали в одиночке. Лишь после этого по месту жительства в Сталинске начались допросы и издевательства. Шкляру вменялись в вину вещи, причастность к которым он как директор имел, но даже в мыслях не допускал каких-то нечестных поступков. Суд не разрешил дать подсудимому объяснения, а строго придерживался официальностей и формализма, затратив на рассмотрение дела всего тридцать минут.

Исход дела был предрешён заранее... Аноним из бывших сослуживцев постарался «доказать», что Шкляр не только вражеский прихвостень, но и матёрый враг советского народа.

Никакие заявления о невиновности подсудимого, а в данном случае «врага народа», во внимание не принимались. Судебной системе тех лет не хватало ещё этого...

Начались изнурительные скитания по лагпунктам Сиблага. Больше всего пришлось Шкляру познать трудности таёжного лесоповала. Это оказалось во сто крат тяжелее нескольких беспрерывных вахт у мартеновской печи... Зимой до кровавой синевы мёрзли в дырявых пимах ноги, обёрнутые портянками из рогожи. А летом целый день страдало потное тело, покрытое слепнями и таёжным гнусом. О лагерной «диете», особенно в военное время, не стоит говорить: еды хватало, только чтобы не протянуть ноги. Зато у таёжного лесоповала был один большой плюс: природа во все времена года подкармливала зэков – колбой, папоротником, грибами, кедровой шишкой. Даже глоток берёзового сока или щепоть мороженой калины помогали человеческому организму переносить тяготы жизни.

Как-то на лесоповал в середине лета прибыл высокий гость из краевого центра. Зэки, что были поострее на язык, обратились к нему:

– Гражданин начальник, нам бы вместо кальсон завезли б лучше сатиновые трусы. Мочи нет, июль ведь, изопрели все до костей...

– Ишь ты! Смотри, какое у них архиважное дело! У меня вон дочка второй год в МГУ учится и без трусов ходит... А они тут чего захотели! – осветил майор лагерную братву золотым зубом и добавил: – А то, что паритесь, так дольше проживёте. Запомните: только мёртвые не потеют...

Дома осталась жена с десятилетним сыном Анатолием и двухлетней Люсей. Семья оказалась выброшенной из квартиры, без средств к существованию. Помогла небольшая сумма денег, которую получил хозяин от недавней продажи личной легковушки, подаренной ему государством за большую и добросовестную работу. Тимофей Иванович был неглупым человеком и, видимо, хорошо понимал, что ожидает его и любимую семью в ближайшем будущем. Поэтому старался подстелить соломки...

Елена Петровна кое-как сумела по дешёвке сбыть домашние вещи и с детьми уехала на Украину, ближе к своим родственникам.

С началом войны семья оказалась в оккупации. В Донбассе творился фашистский беспредел. Стоит только сказать, что в упомянутой выше гостинице «Донбасс» немцы разместили южный штаб гестапо, а некоторые улицы и парки превратили в кладбища для своих солдат... Кто не читал «Молодую гвардию» А. Фадеева! Написано почти про тамошние места...

Итак, 2 декабря 1939 года военным трибуналом Сибирского военного округа Тимофей Шкляр был приговорён к 20 годам нахождения в ИТЛ, его лишили ордена Ленина. Правда, через полгода, 16 июня 1940 года, Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев кассационную жалобу Шкляра, меру наказания скостила до 12 лет. Зато вменила обязательное отбытие на спецпоселении в течение пяти последующих лет.

У Тимофея Ивановича начались настоящие хождения по мукам. Он валил, сучковал (обрубал сучья) и грузил лес в Красноярской тайге. Непрерывная работа по 10, а то и по 12–16 часов в сутки! И хоть с молодости были крепкие мозолистые руки, не раз приходилось быть на грани жизни и смерти. Однако всегда помогали счастливые случаи, стойкость и терпение Шкляра.

Два года назад в газете «Вечерний Донецк» появился материал, в котором рассказывалось, как однажды обессиленного зэка Шкляра подхватил и донёс до барака парень. Этого парня, оказывается, на свой страх и риск в Сталинске принял на работу лично главный инженер метзавода. Тогда парень только что вышел из заключения и ему в горо-

де всюду отказывали в работе. И вот в местах не столь отдалённых два человека снова случайно встретились...

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 июля 1955 года Тимофей Шкляр был реабилитирован за отсутствием состава преступления. Как показала проверка, предъявленное обвинение было сфабриковано путём грубой подтасовки действительно имевших место на комбинате событий и аварий, несчастных случаев, брака при выплавке спецсталей и т. п. Всё это было наворочено в одну кучу и вменялось в вину Шкляру как результат его обширной вредительской деятельности.

Но ни на следствии, ни в суде Шкляр себя виновным не признал. Было установлено, что он ни в какой контрреволюционной организации не состоял (теперь уже стопроцентно известно: таковой в Сталинске просто никогда не существовало) и, следовательно, не мог заниматься вредительской деятельностью, какую приписывали следственные органы. Всё просто и ясно.

...После отбытия назначенного срока в лагерях Шкляра переводят на спецпоселение в том же Красноярском крае. И только после освобождения в 1955-м он вернулся к семье в Донбасс, где его восстановили в гражданских правах. Это позволило Тимофею Ивановичу по-человечески трудиться до выхода на пенсию в 1978 году. С того времени со Сталинском его ничто не связывало. Жили в душе только разные воспоминания...

Лагерная жизнь и спецпоселение общей продолжительностью в пятнадцать лет не сломили целеустремлённый дух Тимофея Шкляра. За год до своего освобождения он обращается в государственную комиссию по реабилитации: «У меня осталась последняя надежда, что всё же существует революционная законность, и силы правды победят, и я буду реабилитирован».

Приехал домой Шкляр, как и все остальные граждане, прибывающие из мест заключения, налегке. В руке лишь тощий фанерный чемоданчик. Но зато какой ценный для себя груз привёз он с собой: полтора десятка писем. Жене Елене Петровне было позволено отсылать мужу не более одного письма в год! Все эти письма Шкляр хранил до конца своих дней...

Новая, недобранная в своё время жизнь понесла Шкляра вперёд. Приходилось даже привыкать к своим близким и родным, ведь практически без него выросли, повзрослели и выучились дети. Восстанавливался после разрухи город, работал во всю силу металлургический завод. Шкляр с головой ушёл в любимую работу. О нём не раз добрые слова писали не только в местной печати, но и рассказывали в союзных журналах «Металлургия» и «Сталь». Иногда робко указывали, что это один из бывших директоров КМК.

Думаю, что Тимофей Иванович сотни, а может быть, и тысячи раз вспоминал о Кузнецке, заводе, которому отдал лучшие годы жизни. Но, как у любого нормального человека, у него могла таиться обида на тех, по чьей вине он оказался в ГУЛАГе. И хуже всего было то, что он не знал конкретных виновников его трагедии. Поэтому Шкляр никогда не проявлял желания поехать в знакомый сибирский край и побывать на своём бывшем предприятии...

В один из дней в Донецк из Сибири приехал сын старого товарища по Сталинску Володя Люленков. Его отец Иван Самсонович когда-то в числе первостроителей металлургического комбината тоже прибыл с Украины и, пройдя уйму различных должностей, дошёл до главного механика предприятия. Иван Люленков был к этому времени Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинской премии. А когда-то Шкляры и Люленковы жили почти соседями на Верхней колонии: Бардин, Франкфурт, Бутенко и Шкляр – на Орлиной улице, а Люленковы – ниже, на Тельбесской. Володя и Анатолий были ровесниками и даже учились вместе в школе № 17 (с двумя глобусами у входа). Володя часто нянчился с маленькой Люсей Шкляр, таскал её на руках... А тут вдруг вместо большеглазого «шклярёнка» увидел редкостную красавицу. И случилось почти чудо: вскоре Людмила сменила свою фамилию на Люленкову...

Жизнь не бывает вечной. В свои семьдесят семь Тимофей Иванович скончался. Его похоронили на Мушкетовском кладбище Донецка. Прожив нелёгкую жизнь, человек не потерял веру в людей и до конца оставался преданным своему делу. Каменное надгробие на могиле Шкляра хранит цифры: «1906–1983». За чёрточкой скрывается долгая, трудная, но счастливая жизнь хорошего человека. За трудовые достижения кроме ордена Ленина Тимофей Шкляр был награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», медалями. В 1978 году ему было присвоено звание «Заслуженный металлург Украинской ССР».

По воспоминаниям знавших его людей в Донбассе, это был человек большой сердечной щедрости. Он обладал огромным житейским опытом и даром технической интуиции, жил не только для себя, но и для людей, заботу о которых всегда ставил превыше всего.

Любопытная деталь. В 2000 году после фактического уничтожения Сибгипромеза остатки трудового коллектива проектировщиков в количестве примерно ста человек были переведены на КМК в организованный вскоре «Инжиниринг-центр». Я проработал там шесть лет. И мне ни разу не встретился какой-либо официальный документ с подписями Франкфурта, Бутенко или Шкляра, я ни разу не видел упоминаний и ссылок на этих людей. Встречались разные казённые бумаги и чертежи с подписью Белана, Ермолаева, Жеребина и последующих руководителей комбината, даже встречал подпись самого Бардина. А вот фамилии «государственных преступников и врагов народа» старательностью компетентных органов были в своё время тщательно уничтожены или переведены в разряд секретных.

Я ни в коей мере не хочу бросить тень на замечательного директора Р. В. Белана. Он, ровесник Шкляра, подхватил после него руководство крупнейшим предприятием страны и славно провёл его через труднейшие годы войны и послевоенной разрухи. Но Роман Васильевич в какой-то мере тоже имел резон умалчивать о своих предшественниках. Он слыл чрезвычайно самолюбивым и честолюбивым человеком, не терпел над собой никакой власти. Среди многих рождённых вокруг его фигуры легенд есть и такие, которые близки к правде. Белан, равняясь на своего кумира Сталина, поддерживал личный культ не только в заводском, но и в городском масштабе. Поэтому ему не с руки было вспоминать и ссылаться на предшественников. Он начинал работу на заводе как бы с нуля или, образно говоря, с чистого листа. Всё лучшее – это шло от него, а недостатки тянулись с прошлых лет, от других людей, которым государство вынесло свою оценку, точнее приговор…

Недавно мне удалось побеседовать с Н. В. Степановой – директором Научно-технического музея им. академика И. П. Бардина. Наталья Васильевна посетовала на то, что в музее практически нет никаких материалов о директоре Шкляре. Среди всех комбинатовских директоров имеется только фото Тимофея Шкляра, относящееся к концу тридцатых годов. И всё.

«Так он и проработал всего один год…» – заметила Наталья Васильевна.

Да, директором год. Но ещё почти четыре года в должности главного инженера и начальника цеха – это тоже не последнее место на заводе. Причём в такой крутой, почти переломный период становления предприятия! И всё это сегодня рассыпалось в прах…

Для наглядности приведу пример из параллельного прошлого.

В 1935 году С. М. Франкфурт, который после Кузнецкстроя работал уполномоченным Наркомата тяжёлой промышленности на Южном Урале, написал книгу «Рождение стали и человека», рассказывающую о строительстве гиганта чёрной металлургии, о людях, строивших завод в Кузнецке, лишениях и трудностях, об энтузиазме молодёжи. Книга сразу же стала библиографической редкостью. Но в 1940–1950-х годах она была изъята с полок библиотек и уничтожена. Те, у кого её случайно находили, объявлялись врагами народа. Это чтобы не засорять мусором народную память, память будущих поколений.

Правда, вышло совсем не так. В преддверии 400-летия Новокузнецка сотрудники Муниципальной информационно-библиотечной системы города сумели оцифровать эту книгу. Теперь она доступна всем желающим.

Стоит сказать ещё об одной стороне дела. Сегодня сохранилось мало фотографий нашего героя. Это объясняется следующими обстоятельствами. Практически все фотокарточки со Шкляром были «отсеяны» сразу же после его ареста.

Так, видимо, происходило в каждом случае, когда человек попадал под жернова репрессий. Помню, что в моём детстве я не раз слышал про своего дядю, которого я никогда не видел. Это был брат моей матери Роман Андреевич Горбачёв. Он в конце тридцатых работал простым мотористом в забайкальском леспромхозе. Когда его забрали и вскоре расстреляли, родственники вычистили все загашники, зная, что за хранение фотографии «врага народа» можно жестоко поплатиться… И только после смерти Сталина, то есть в период реабилитаций, дядина жена, тётя Марфа, вытащила из сундука единственную сохранённую фотографию мужа. Потом это размноженное фото появилось в семейных альбомах нашей многочисленной родни.

Период нахождения Шкляра в зоне за колючей проволокой, надо полагать, был отмечен лишь фотокарточками, которые подшивались к личному делу. А после этого Тимофей Иванович старался лишний раз не запечатлевать себя: жизнь для него во многом была в прошлом…

Ещё раз хочется обратить внимание на то, что директорство Шкляра пришлось на суровую и сложную историческую пору. Это, например, как руководство Белана Кузнецким меткомбинатом совпало с периодом Великой Отечественной войны. Специфические задачи, иные условия и законы того и другого времени.

Донецк. Т. Шкляр с женой и семьёй сына Анатолия

Однако некоторые исследователи подходят к этим фактам и событиям весьма однобоко, порой вольно или предвзято. Так, на «Литературном сайте» М. Кушниковой и В. Тогулева можно найти много интересного из жизни руководителей Сталинска конца тридцатых. Никак не оспариваю приведённые факты той исторической поры. К сожалению, интерпретация этих фактов вызывает много вопросов и возражений. Авторы, претендуя на объективность, часто осуждают героев далёкого прошлого за их недальновидность, человеческие слабости, подыгрывание маховику репрессий, проявленную трусость и боязнь за собственную шкуру…

Мы, потомки тех поколений, должны уважать людей, переживших массовые репрессии, не только за их личные страдания. Надо уметь видеть главное – то, как они своим умом и руками создали и оставили нам большой ресурсный (не только материальный, но в большей мере человеческий) потенциал, великое общественное богатство, что в конечном счёте сохранило нашу великую Родину.

Данная статья не претендует на абсолютную объективность. Материалы собирались с трудом. Порой просто склеивались из малозначащих фактов. Я много лет проработал с Людмилой Люленковой, дочерью Шкляра. Знаю, что она иногда делилась воспоминаниями об отце с коллегами и близкими подругами. Какие-то рассеянные факты остались до сих пор на слуху. Но, полагаю, никто тогда не представлял, что её отец – это бывший каэмковский директор. Сегодня рассыпанную мозаику приходится восстанавливать, склеивать разрозненные картинки воедино… А где-то в чьей-то памяти и, возможно, случайных записях и фотографических альбомах таятся отдельные факты, связанные с трудовой деятельностью бывшего руководителя комбината.

На всякий случай для местных историков, краеведов, музейщиков и (не в последнюю очередь) для нынешнего руководства ЕВРАЗ ЗСМК сообщаю, что до сих пор в Донецке проживает сын Шкляра – Анатолий Тимофеевич (ему в мае 2019 г. исполнилось 90!), а в Новокузнецке живут его близкие родные: внучка по дочери Ольга Владимировна Матехина, доцент кафедры архитектуры СибГУ, и зять Владимир Иванович Люленков – известный в городе университетский профессор, кандидат технических наук, турист, фотограф и филерист. К сожалению, дочери Людмилы не стало в феврале 2018 года. Ещё жив и работает металлургом-сталеплавильщиком (видимо, передалось от деда) внук Юрий Анатольевич Шкляр. Живёт непросто. Квартира и семья находятся в Донецке, на территории ДНР, а работать приходится на Украине…

Пока есть время и возможность собрать для истории разбросанные факты из личной жизни и трудовой деятельности одного из первых директоров Кузнецкого металлургического комбината.

Было бы только искреннее желание.

г. Новокузнецк

Геннадий КРАСНИКОВ

И ОДНА В ПОЛЕ ВОИН

Гоголи и Жуковские за нас заступники...

Б. Зайцев

Если бы не было жизни в книгах –
В жизни бы не было книг...

Н. Матвеева

Всего несколько десятилетий назад известная поэтесса Новелла Матвеева написала песню, ставшую знаменитой, где был такой запев: «Когда потеряют значенье слова и предметы...» Как поразительно быстро, однако, сбываются нынче самые неожиданные пророчества. Впрочем, подобное случалось и во времена Шекспира, обронившего однажды: «Ещё мы спим, а сны уже сбылись!..» Просто эпохи и события разнятся.

К концу XX века нас обольстительно легко и даже радостно, словно облагодетельствовав, приучили к мысли о том, как благодаря «прогрессу» и «цивилизации» с быстротой шагреневой кожи скукожилось повсеместно географическое пространство, как до размеров оруэлловского скотного двора уменьшился, стал ничтожно маленьким наш земной шар. Почти одновременно открылись беспрепятственные возможности для кругосветного передвижения (со скоростью тьмы – не света!) капиталов и террористов; для глобалистских замыслов нового мирового правительства и для пошлости массовой культуры с её «порнокопытными» идолами и кумирами; для так называемых общечеловеческих ценностей, насаждаемых не мытьём, так катаньем натовских бомб; для наркотиков; для армии мигрантов, в необъявленной латентной войне шаг за шагом осуществляющей захват и передел мира; для политического проходимства «сорос»ов всех мастей (больших пропагандистов политкорректности и толерантности); для легиона сектантских миссионеров, новоиспечённых «лжехристов и лжепророков»... Таковым в общих чертах оказался итог победы «цивилизации» над культурой, грубого материализма над духом. Приходится признать, что современный мир, в котором мы живём, пребывает в кризисной точке истории своего развития.

Означенная «победа» привела в том числе и к исчезновению поэзии (на Западе почти полному, в России – пока частичному). Можно с абсолютной уверенностью констатировать: в мире стало меньше Поэзии. Само Слово сузилось (сплющилось!) до структурной единицы мёртвого текста, коммуникативной функциональности. Наступил предречённый Новеллой Матвеевой момент, когда «слова и предметы» утратили свой высший поэтический смысл. Хотя ещё живо, не вымерло окончательно поколение, которое помнит, что именно Поэзия делала мир необъятным, объёмным, безграничным... Прав был Хайдеггер, утверждавший, что «бытие оправдывается только в слове». Сколько морей и рек, неба и деревьев, стран и путешествий, пейзажей, дорог, людей, эпох, сюжетов, мелодий, песен в творчестве одной только Новеллы Матвеевой! Если здесь уместна математическая терминология, то в своём сложении (в сумме) многоязычная поэзия разных времён и народов расширила кругозор человека до бесконечности задуманного небесным зодчим Божиего мира. «Кремнистый путь», над которым «звезда с звездою говорит», или «горний ангелов полёт и гад морских подводный ход» – действительно вне времени и пространства, ибо, как сказано поэтом XX века, «от моря лжи до поля ржи дорога далека». Не случайно же в самой великой и самой поэтичной книге человечества рассказывается о том, как для преодоления всего одной пустыни целому народу потребовалось 40 лет!

Этот конфликт двух пространств, цивилизационного и культурного, где одно – великое, бескорыстное, живое, космически огромное попирается-пожирается другим – утилитарным, плоским, мёртвым, исчисленным, усреднённо-мелким, – и есть философская и культурософская драма, которая досталась в наследство XXI веку. И всё напряжение этого конфликта, этой сложнейшей мировой драмы становится главным и едва ли не единственным мотивом в творчестве Новеллы Матвеевой последних лет, в её многообразной прозе (в прекрасно выраженной формуле «Мяч, оставшийся в небе») и поэзии (символичная формула которой обозначена стихами «Штормовое предупреждение»). Всё остальное уже как бы не имеет значения, теряет смысл перед лицом неотвратимого морального выбора между спасением и добровольным самоубийственным безумием, между добром и злом, между ценностями вечными и преходящими, сиюминутными. А предупреждение для заигравшихся, как раньше говорили, в «неиграемое», на самом деле грозное:

Им Кассандра – ничто.
Им посмешищем – Лаокоон;
(В змеях вязнущий,
вязнет теперь в непристойностях он…)
«Близок день –
и погибнет священная Троя» – был глас.
«После вас – хоть потоп», – говорите?
А если – ПРИ ВАС?
(**«Штормовое предупреждение»**)

И здесь выявляется существенная эволюция в творчестве Новеллы Матвеевой (взять хотя бы её любимую морскую тему!). Конечно, от чудесной матвеевской песни «Какой большой ветер», даже в известном форсированно-драматизированном её исполнении молодым Владимиром Высоцким, до «Штормового предупреждения» – дистанция огромного размера. В раннем стихотворении было всё-таки что-то завораживающее, тайно обнадёживающее, несмотря на «большой ветер», который «напал на наш остров». Само происшествие выглядело как некое приключение: «А шквал унёс в море / Десятка два шлюпок, / А рыбакам – горе, / Не раскурить трубок. / А раскурить надо, / Да вот зажечь спичку – / Как на лету взглядом / Остановить птичку...»

Странный этот ветер не только разрушает, но и по-своему созидает: «Сломал ветлу ветер, / В саду сровнял гряды – / Аж корешок редьки / Из почвы сам вылез. / И, подкатясь боком / К соседнему саду, / В чужую врос грядку / И снова там вырос...»

Разумеется, было предчувствие тревоги и в тех давних стихах и песнях Новеллы Матвеевой, но их экспрессивные краски скорее относились к свободной стихии моря, чем к предвестию общечеловеческих бед и катастроф: «В закатных тучах красные прорывы... / Большая чайка – плаваний сестра – / Из красных волн выхватывает рыбу, / Как головню из красного костра...» Или помните? «Шёл кораблик по летним морям, / Корчил рожи последним царям, / Все ли страны в цвету, всё ль на месте, – / Всё записывал, всё проверял...» Забавным мультиком покажется теперь история про кораблик рядом со скорбью горьких строк поздней Новеллы Матвеевой о новейшей нашей истории:

Такой туман ехидный,
Как будто сожгли в нём резину...
Такое впечатленье,
Что в море подлили бензину <…>
Какое странное море! –
Ни белое, ни голубое...
Такое впечатленье,
Что сдан Севастополь без боя.
Неужто лиходеи
От праведной кары закляты?
Такое впечатленье,
Что крепости – подлостью взяты! <…>
Решусь ли оглянуться
На шум заповедного флага?
Такое впечатленье,
Что льётся из глаз моих влага...
(**«Такое впечатленье»**)

Конечно, подобная «перемена» в творчестве поэтессы не могла пройти незамеченной. Современная критика (назовем её «лагерной»), пишущая по принципу «ихний лагерь против неихнего», была начеку. Вот один из характерных не заставивших себя ждать откликов (окриков!): «Прирождённый лирик с дыханием свободным и лёгким, Матвеева упорно пытается писать стихи публицистические; результат не нулевой даже, а отрицательный» (М. Ремизова, А. Урицкий. Обзор прессы // Независимая газета. 2000. 16 августа). Столь утончённым эстетам либо никогда не доводилось читать публицистические стихи прирождённых лириков Пушкина, Тютчева, Некрасова, А. К. Толстого? Прежде которых был и Василий Тредиаковский, задающий тон этой теме стихами: «Начну на флейте стихи печальны, / Зря на Россию чрез страны дальны...» Или взять беспощадные стихи на злобу дня прирождённого лирика Марины Цветаевой, ну хотя бы её знаменитые «Читатели газет», увы, не потерявшие актуальной остроты и до сего дня: «Кто наших сыновей / Гноит во цвете лет? / Смесители кровей, / Писатели газет!» Или её «Стихи к Чехии»: «Отказываюсь – быть. / В Бедламе нелюдей / Отказываюсь – жить. / С волками площадей / Отказываюсь – выть...»

Либо патентованным либеральным ценителям прекрасного доставляет особое удовольствие упиваться высоким искусством (так же как и подлым хохмачеством концептуалистов), когда под ногами горит земля, когда «крепости – подлостью взяты», когда государство унижено предательством власти,

когда демократия в стране работает с неутомимостью газовых печей Освенцима, освобождая от земных тягот по миллиону человек в год?.. «Тут уж пир – не ВО ВРЕМЯ чумы, а ВО ИМЯ чумы», как сказано у Новеллы Матвеевой, для которой, по её признанию, «не участвовать в кораблекрушении» есть принципиальный этический и эстетический императив.

Тотальная деградация в мире, игра «на понижение» болевого, морального, психологического порога слишком опасны, чреваты цепною реакцией взаимоуничтожения, обоюдоканнибализма. Новелла Матвеева так описывает это скатывание в пропасть: «...с дороги – на тропинку, а с тропинки... уж и незнамо куда (бывают ведь ещё и канавы!). От Достоевского – к Арцыбашеву, от Александра Островского – к Т. Уильямсу, от героев Александра Грина – к ведьмёнку Гарри Поттеру, летающему на метле; от «Капитанской дочки» – к мерзостям про девочку Лолиту (помоями политу); от честности – к непрошеной откровенности; от Галины Улановой к ... ...; от Михаила Плетнёва – к ... ... И одним словом – уж обязательно от Моцарта – к Сальери!» (**«Сюжеты на манжетах»**). «Клиническое привыкание к крови, убийствам, трупам на экране, на сцене, в литературе давно перешло не только грань христианской морали, но и все пределы человеческого одичания», – предупреждает поэтесса.

«Гибель Титаника» – это не мистика. / Не развлекаловка. Не беллетристика <...> Что ж вы никак НАГЛЯДЕТЬСЯ не можете / На беспокойное, на безысходное? / В чём-то и с нашими бедами сходное?..» (**«Неслышимая сирена»**). И расплата не заставила себя ждать. Диагнозом, поставленным современному человечеству (не пожелавшему услышать «штормовое предупреждение»!), можно считать реакцию композитора-авангардиста Карлхайнца Штокхаузена на события 11 сентября в Нью-Йорке, назвавшего нападение на манхэттенские башни-близнецы «величайшим в мире произведением искусства». Факт (по нравственной глухоте мало кем замеченный), после которого человечеству падать ниже уже некуда. Тут, как говорится, точка возврата пройдена, дальше только болезнь к смерти, только дорога в ад, только возвращение неиспользованного билета Богу...

В творчестве Новеллы Матвеевой никогда не было противоречия между формой и содержанием: эстетическое начало отстаивает этическое в жизни, а этическое всегда на стороне прекрасного, эстетического. Любители поэзии знают, с каким совершенством владеет поэтесса Ювеналовым бичом – сатирой, иронией, как остроумны и опасны её эпиграммы, памфлеты, политические инвективы. Её дифирамбы, пасторали – гимны природе, небу, человеческой порядочности, униженным и оскорблённым. Её сатира, публицистика – вызов подлецам и негодяям, унижающим и оскорбляющим, клеветникам России, пошлякам и растлителям, всем тем, кто «вместо клятвы Гиппократа / Даёт вам клятву Герострата...».

С годами сатира Матвеевой становится жёстче, непримиримей:

...Прощать врагов приспела нынче мода,
И в том числе врага людского рода!

О том же в своё время предупреждал великий русский философ Иван Александрович Ильин: «Никто не вправе прощать чужие обиды или предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить Родину», ибо, действительно, «только для лицемера или слепца равноправны Георгий Победоносец и закалываемый им дракон».

Особое замешательство у «лагерной» критики вызывает то обстоятельство, что Новелла Матвеева своим творчеством решительно опрокидывает распространённое мнение о якобы невнимании нашей литературы (в отличие от западной) к форме художественных произведений. С таким-то артистизмом, да с таким моцартианским «свободным и лёгким» дыханием, да с такой европейской культурой ей вроде как на роду написано принадлежать к либеральному лагерю «чистых», свободных от докучных социальных, национальных, державных, моральных предрассудков или, упаси бог, от «имперских», а пуще – патриотических взглядов, для этого есть тёмные литературные смерды, лаптем щи хлебающие, квасом запивающие...

К сожалению, мы и сами распространяем тот же миф о собственной ущербности, недотянутости (ну конечно же!) до мировых стандартов: «...родственная русской литературе черта – жертвовать законченностью формы, если в ней не умещается «дело» (Пётр Палиевский).

Новелла Матвеева с блеском доказывает (практически и теоретически!), что это не так:

...Есть клады ценных слёз, есть копи, есть пещеры
Алмазных вымыслов и фактов золотых,
Но муза не придаст им ни малейшей веры,
Пока отделки блеск не заиграл на них.

Как часто тёмная певца терзает сила!
Как песня бы его страданья облегчила!
Пой, торопись, Орфей! Твой дар тебя спасёт!

Уж весь подземный сонм его за платье ловит...
Он может умереть, пока слова готовит!
Но неготовых слов он не произнесёт.
(**«Есть вопиющий быт, есть вещие примеры...»**)

В своей прозе Новелла Матвеева, вспоминая младенческий возраст, приоткроет неожиданно глубокий философский смысл невозможности для себя произнесения «неготовых слов»: «Задержусь лишь на том, как жадно я хваталась за первые образы бытия, на собственном горьком опыте успев понять, что всё самое страшное идёт от бесформенного или неопределённого» (**«Мяч, оставшийся в небе»**).

Покажется анекдотом, но в прежние времена тогдашняя, по-отечески пристальная критика нередко вменяла Новелле Матвеевой в вину именно виртуозное владение формой, словно предполагая в этом скрытый идеологический подвох, а проще – невозможность для себя в силу малообразованности своевременно углядеть фигу, глубоко замаскированную в излишней, как они считали, «книжности» и «литературности» поэтессы. И хотя нельзя не согласиться с неистовым Лютером в том, что «истина сильнее красноречия», но традиция европейской поэтической культуры, утверждённая Пушкиным и продолженная Лермонтовым, Тютчевым, Блоком, Белым, обоими Ивановыми, Вячеславом и Георгием, подняла русскую поэзию на мировую высоту, доказав, что истина становится доходчивей и убедительней, если она отчеканена в идеальной форме. Говоря о виртуозном поэтическом мастерстве Новеллы Матвеевой, уместно вспомнить латинский корень этого слова: virtus, что значит «доблесть», «добродетель», «подвиг». Кстати, тут поэтесса и заносчивым европейцам может дать сто очков форы. Когда, к примеру, знаменитый испанец Рамон Гомес де ла Серна иронизирует по поводу её любимой стихотворной формы, называя сонет «бархатным жилетиком поэзии», во-первых, видишь усталость и старческую апатию западноевропейской литературы, забывшей о «суровом Данте», «не презиравшем сонета», о Шекспире с его могучими 14-строчными скрижалями! Для Матвеевой же, у которой, кажется, более половины стихов написано в данной классической форме, – сонет скорее кольчуга, латы, рыцарская амуниция, но уж никак не жилетик! Прочтите её знаменитые сонетные циклы в защиту Шекспира (целые поэтические трактаты, достойные учёной степени Британской академии!), стихи о Кристофере Марло или её, как всегда остроумное, эссе «Сонет, не презирай поэта!», и вы увидите, что эта форма в русской поэзии ничуть не устарела, она дисциплинирует мысль, оттачивает слово, требует от фразы бесстрашной лаконичной остроты и гибкости.

Поклонники поэзии Новеллы Матвеевой знают, с какой благородной отвагой бросается она в бой то на защиту Шекспира, то на защиту детских душ от телевизионных и книжных Ставрогиных, на защиту русского леса от нуворишей, на защиту маленького человека (неслучайно любимые её герои – чаплинский персонаж, Гекльберри Финн, бедняки из трущоб всех времён и стран)…

Невольно приходит на память давно написанный ею сонет «Жорж Санд»:

…Учтив, спокоен, храбр, великодушен,
Не столь плаксив, не всем ветрам послушен,
Один Жорж Санд – мужчина среди всех.

Ужель это та самая Матвеева, от светлых романтических стихов которой когда-то был в восторге Корней Чуковский, человек изысканного вкуса? Рассказывают, как однажды, услышав очаровательного матвеевского «Солнечного зайчика», по-детски импульсивный, в радостном порыве он даже принялся прыгать через стул. (Так же эмоционально, бегая по комнате со словами: «Гоголь, новый Гоголь явился!», встречал Чуковский в начале XX века появление в литературе Евгения Замятина.) Однако тот же Корней Иванович, блестяще знавший русскую поэзию и писавший о самых великих поэтах XX века, называл Новеллу Матвееву «уходящая». Почему? Во-первых, в эти слова вкладывался буквальный смысл: «уходящая», поскольку по врождённой деликатности Новелла Матвеева старалась не обременять старого писателя своим присутствием, не задерживаясь обычно в его доме, и без того полном обожателей и почитателей. Но вряд ли утончённый эстет Чуковский не вкладывал в это слово и некий дополнительный смысл, обозначающий, как теперь сказали бы, своеобразный «эскапизм», что в переводе на пушкинский язык значит «задумал я побег» – от реальности, от действительности в мир фантастический, в мир грёз. Подразумевалось ли, что романтика, в которой тогдашняя критика прописала музу поэтессы, – слишком старомодный для новой эпохи предмет, уходящая натура, как Россия Чехова, Иннокентия Анненского, Блока? А быть может, в «уходящесть» всё-таки вкладывался иной подтекст, вполне открывшийся только с годами? Ведь многие давние произведения Новеллы Матвеевой, как перевёрнутые нынешней эпохой айсберги, обнаруживают свою невидимую до поры (уходящую от глаз) суть, ранее прикрываемую видимой романтической надводной «одною третью». Ведь в те годы и прозвучало недвусмысленно, для чего приходят на Землю поэты: «Их тоска над разгадкою скверных, / проклятых вопросов – / Это каторжный труд суеверных / старинных матросов, / Спасающих старую шхуну Земли».

Неспроста Иван Киуру называл её лирику «рыцарски щедрой, поскольку она не ворчливо умудрённая, а детски мудрая и всегда на стороне справедливого». Вот и дом у «девушки из харчевни» в знаменитой её песне небогат своим бытом, иначе бы плащ не «висел на гвозде», вколоченном в стену.

И след от гвоздя исчезает в том доме под кистью старого маляра, а не благодаря буржуйскому евроремонту или, помилуй бог, «феноменологической редукции», как померещилось учёной голове Льва Аннинского («У нашей героини любимый редуцируется до плаща, потом плащ редуцируется до гвоздя»). Да и сама Новелла Николаевна по своим детским снимкам не случайно так похожа на девочку с картины Константина Маковского «Дети, бегущие от грозы». В стихах она декларирует это со всей определённостью: «…поэзия есть область боли / Не за богатых и здоровых, / А за беднейших, за больных» (**«Поэзия»**).

В эссе «Почему у нас гениев нет?», написанном в начале 90-х годов прошлого века, в самый разгар катастрофы очередной, теперь уже либеральной, революции, Новелла Матвеева высказывается о роли художника в обществе с тою предельной нравственной мерой, какую, пожалуй, трудно припомнить со времён «Дневника писателя» Фёдора Достоевского: «Обосновываем, утверждаем и подтверждаем правду. Каждый свою. Но каждый – минуя вопросы земного богатства и земной бедности. Как будто это что-то второстепенное. Как будто на путях правды бывает что-нибудь другое, кроме этих двух проблем. Как будто их как-нибудь этак обойти можно. Сделать вид, что не от них все, буквально все остальные вопросы! Проблемы! Беды! При всяком новом успехе этой маленькой хитрости убавляется нечто важное в каждом человеке, в каждой судьбе, в каждой профессии – везде, где эту хитрость применили. Но самое необратимое происходит, конечно, с художником, закрывающим глаза на самое вопиющее: на богатство одних и на бедность других… И вот почему (таланты у нас есть, но) гения нет и не может быть». И всё чаще отчаяние прорывается в творчестве поэтессы, пытающейся, как герой какого-нибудь ненаписанного романа «Тихий Дон Кихот», бороться с ветряными мельницами: «Народу – гриб сорвать нельзя. / Всё можно – для Ылиты! / Страна разграблена. Не вся. / Но нет у ней защиты» (**«На приватизацию русских лесов»**).

Чтобы понять истоки «всемирной отзывчивости» таланта Новеллы Матвеевой, нужно для начала попытаться понять причину обаяния тех песен, которые невозможно отделить от тайны, таящейся в её лёгком, почти детском голосе. Пусть это покажется неправдоподобно странным, но есть что-то неожиданно роднящее голос русской поэтессы Новеллы Матвеевой с голосом русской певицы Евгении Смольяниновой. Она тоже поёт почти как ребёнок, как, наверное, пела услышанная Блоком девушка в церковном хоре – «о всех кораблях, ушедших в море, о всех, забывших радость свою…» (А ведь это не только тема молитвы о «плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих», но и один из повторяющихся сюжетов поэзии Матвеевой!) О манере исполнения Смольяниновой известно, что это русская школа народного пения, которому певица училась у старых крестьянок. Видимо, есть какой-то генетический код, который связывает, казалось бы, столь далёкие друг от друга камерный стиль уникального авторского исполнения и изысканное народное пение!

Не случайно, пожалуй, именно это народное естество интуитивно уловил в песнях поэтессы такой интеллектуал, как Альфред Шнитке, композитор с мировым именем.

С точки зрения профессионального музыканта, это и есть то непостижимое, что никакими гарвардами, никакими консерваториями не возьмёшь, что даётся только изнутри культуры твоего народа, из глубины и мелодической протяжённости родного слова, родного пейзажа, родной истории. В этот уровень безоговорочно выходят лучшие песни Новеллы Матвеевой: «Какой большой ветер», «Цыганка-молдаванка», «Горизонт», «Мой караван шагал через пустыню», «Девушка из харчевни», «Окраина», «Адриатика», «Ехал солдат лесом», «Следы», «Капитаны без усов», «Луна», «Ах, как долго, долго едем», «Платок вышивая цветной», «Когда потеряют значенье слова и предметы» и десятки других, разлетавшихся по всей стране сначала на магнитофонных бобинах, а затем на грампластинках, звучавших с эстрады и в кинофильмах.

Кстати, есть прелестный эпизод в воспоминаниях Новеллы Матвеевой о том, как в детском саду вместе с другими детьми она пела песню о Щорсе:

«…наш хор выстраивался на ступенях. И с определённого мгновения где-то надо мной, в верхнем ряду поющих, начиналось тихое цоканье – подражание удаляющейся коннице. Это некоторые, специально отведённые для такого дела ребята принимались ритмично щёлкать языками. Помню своё удовлетворение, что я-то не в цокающем ряду!..» (**«Из песни слова не выкинешь»**). Трудно себе вообразить Новеллу Матвееву с её одиноким голосом не для хора поющей коллективно! И как прекрасно, как точно явлена здесь черта её характера: не быть «в цокающем ряду»!

Написанная в последние годы Новеллой Матвеевой проза, собственно, и есть исповедь о том, как человек, прожив долгую и трудную жизнь в разных эпохах, при разных политических режимах и правителях, будучи по большей части страдательным субъектом истории XX и теперь уже XXI века, со всеми их войнами, трагедиями, идеологиями, разломами цивилизационных систем, распадом империй, духовными и экологическими катастрофами, смог сохранить в чистоте бессмертную свою душу, свой неагрессивный, но твёрдый голос, своё отдельное, пусть и продуваемое всеми ветрами место на земле не в цокающем ряду и не в толпе кричащих: «Распни Его!..»

Воспоминательно-эссеистический жанр этой прозы можно определить словами самого автора как «личный эпос». Сколь бы величественно-эпическим ни было движение Большой Истории, Большого Времени, внутри у каждого из нас есть своя собственная история, свой личный эпос, даже своё отношение с обычным временем (как, например, в сказке Новеллы Матвеевой: «У меня не было часов ни на руке, ни на башне!»). Хотя и образ Большого Времени ещё в начале творчества, как мне кажется, выражен у неё невероятной, космической метафорой – «выселение из Вселенной». Такими масштабами в поэзии мог мыслить ещё разве что Уитмен…

Жизненные обстоятельства, в которые попадала поэтесса, были нередко таковы, что, описывая их, ей приходится порою как бы заранее оправдываться перед читателем: «Ах, боюсь, меня опять посчитают злою! Что, по мнению некоторых людей, слишком не соответствует моему творчески-беззащитному облику и нежной, как фиалки, манере письма…» (**«Дама-бродяга»**). Но как описать фиалковыми красками «неприветливую, неуютную, осыпанную матом и щепками детдомовскую территорию», где «на все приютские воротники ставятся клейма – то есть имена и фамилии обвиняемых в сиротстве, уличённых в беззащитности» (**«Пастушеский дневник»**)?

Как идиллическим языком «Дафниса и Хлои» Лонга передать реальную историю гонений, клеветы и преследований, которыми мелкие грызуны советской номенклатуры буквально изживали со свету (выселяли из Вселенной) двух беззащитных поэтов, Новеллу Матвееву и Ивана Киуру, её мужа. «В моём истерзанном воображении Иван Семёнович – как человек бесстрашный и слишком неосторожный – при всякой его отлучке из дома погибал тысячу раз!.. Куда бы то ни было я – в мирное для всех время – провожала Ивана Семёновича как на фронт! Как на войну, видную, казалось, нам одним, слышную – нам одним, тайно объявленную – для нас одних. Я боялась, что его… покончат с собой!» (**«Дама-бродяга»**).

Так было, свидетельствую об этом, поскольку именно в те годы (начало 1980-х) мы как раз и познакомились с Новеллой Николаевной и Иваном Семёновичем и вся эта криминально-абсурдистская история разворачивалась на моих глазах. Мне приходилось быть свидетелем сцен, подобных описанному в «Даме-бродяге» сюжету, происходивших на внешне благополучных для постороннего взгляда тропинках Дома творчества. «Не вздумай с ними связаться, – потихоньку предупреждала я Ивана Семёновича при их приближении. – Им ведь только того и надо!» – «Выпрямись! – отвечал мне он. – И не вздумай уступать им дорогу!» Их же одаривал таким взглядом, что (надобно отдать им должное!), не выдержав, они отводили взоры…»

Присутствие Ивана Семёновича Киуру на страницах прозы Новеллы Матвеевой столь же значительно, сколь значительно было присутствие этого во всех отношениях удивительного человека и поэта в её жизни. Вместе они составляли настолько гармоничную, цельную, дополняющую друг друга пару, что, глядя на них, нельзя было усомниться в истинности утверждения о том, что браки совершаются на небесах. В сущности, это были два странника, два Божиих человека на земле, рождённых для поэзии, далеких от «шума повседневности», от мирской суеты, от свары за место под солнцем. И в этом была вся их драма, ибо, как поётся у Новеллы Матвеевой: «Но колбасникам, тайным и явным, поэты противны». Неудивительно, что в наиболее драматические моменты её воспоминаний, как античный хор в трагедиях древнегреческого театра, возникают стихи Ивана Киуру, как, например, эти глубоко символичные строки: «Нерв звенящей натянут струною, / И дрожат на нём горькие слёзы… / То не Лорки ли песню они отразили / И трепещут, сорваться готовы? / Не сорвутся. Вы соли их не раскусили / И подумали вовсе не то вы…»

В этой прозе много снов, самых различных: от снов-расследований, снов-шерлокхолмсов (блестящее эссе-сновидение «Опыт грёз» о разгадке убийства Кристофера Марло), до снов-режиссёров,

постановщиков трагедии о Ясоне («Дама-бродяга», где страшная, как сон, явь перемешана с не менее ужасающим сновидением). В снах вообще не бывает прозы, сны сами по себе всегда поэзия, а в рассказанных снах Новеллы Матвеевой это ещё и поэзия, на которой лежит золотой отблеск художественного опыта Гофмана, Кафки...

В яркой традиции политических памфлетов Дефо, Свифта написано эссе «Страшный кондитер» о трансгенных (генетически изменённых) продуктах. С такой бы великолепной речью – к народным защитникам в Госдуму. Но там и Солженицына не услышали, осмеяли, посчитав себя семипядистей во лбу. И разве услышали бы наши думцы такой вот глас вопиющего: «Господь создавал этот мир как гениальное стихотворение. Никто не вправе редактировать Господа! А тут явились целые бизнес-кланы редакторов хлеба нашего насущного...» (**«Страшный кондитер»**).

В большой работе «Сюжеты на манжетах» на каждой странице россыпь открытий, отточенных мыслей: «Есть люди, которым ужасно нравится думать, что у нас в России чего-то нет! Ну хоть чего-нибудь пусть в России не будет – и то уже им приятно... Канальство, как легко их сделать счастливыми!..» Или: «Можно считать порчу концом всего. Однако началом всего порчу считать я отказываюсь»; «Мелодия – это СЮЖЕТ МУЗЫКИ, а сюжет – это МЕЛОДИЯ ПРОЗЫ». И сколько ещё подобных драгоценных наблюдений у Новеллы Матвеевой повсюду: «Был бы грех – оправдание сыщется»; «Упоение – враг анализа»; «Благородство, даже испорченное легкомыслием, даже не во всех точностях в себе уточнённое, но ИСКРЕННЕЕ И ПЫЛКОЕ, тоже может одерживать блестящие победы над временем» (**«Именем короля!..»**); «А неплохое было бы название для журнала – «Весёлый экономист»?» (**«Страшный кондитер»**). О «Бегущей по волнам» А. Грина: «Слов нет: «Алые паруса» Грина совершенны, но, по мне, «Бегущая...» лучше. Здесь больше приключений, пространства, тайны. Больше догадок о душе человека... Быть может, я скажу неожиданность, но «Бегущая по волнам» – это СВОЕГО РОДА... гриновское «Преступление и наказание»!» (**«Не скучно ли на тёмной дороге?»**). Собрать бы эти изречения Новеллы Матвеевой вместе с бесчисленными поэтическими максимами из её стихотворений – какой дивный сборник афоризмов мог бы сложиться, не хуже знаменитого «Карманного оракула» Бальтасара Грасиана-и-Моралеса!

Читая классическое эссе Матвеевой «Над омутом лозы...», убеждаешься, что все разговоры о конце русской литературы не более чем чья-то злоумышленная выдумка. Как и воспоминания «Мяч, оставшийся в небе», это повествование, посвящённое «утреннему свету детства», наполнено той красотой и таинственностью, той чистой доверчивостью и мудростью неведения, той открытостью незнакомому миру и впервые возникающими в юной душе вечными вопросами бытия, которые помнятся нам как незабываемая радость от чтения лучших страниц о детстве Сергея Аксакова, Льва Толстого, Алексея Толстого...

Что же видно с высоты детства, какая правда про нас и нашу жизнь открывается оттуда? Что здесь существует мир реальный, без неба, где кругом униженность бедности, алчность богатых, злобность преследователей? Но ведь над всем этим всегда, во веки веков, был и будет прекрасный, необыкновенный, незабываемый «Мяч, оставшийся в небе»! Послушайте – в небе! А не провалившийся же в бездну, в тартарары или преисподнюю – какими бы там жестокими и трагическими ни были тридцатые, сороковые прошлого века! Ведь это там свершилось чудо рождения поэта Новеллы Матвеевой! Это там, по её свидетельству, был у неё «первый перехват горла перед явлением настоящей поэзии». И виной тому были «не только сами... стихи, но и то, как читала их моя мать». Это там, как теперь сказали бы, в «тоталитарной», не идеальной, грубой эпохе, слух будущей поэтессы «был навсегда испорчен музыкой Идеала и ничего иного больше не принимал». И как же не подумать после этого: не есть ли вся наша последующая взрослая история всего лишь обратный путь в поисках утраченного мяча, оставшегося в небе?

Новелла Матвеева с мужем Иваном Киуру

P. S. Будь жив Александр Пушкин, он непременно внёс бы в свой «Table-talk» историю о том, как автор старинной новогодней песни про «Золушку» («Я раздуваю пушинку огня, / Пламя бушует, и варятся щи, / Если за печкой не сыщешь меня, / То уж нигде не ищи...») попала однажды наяву, ну не в царский дворец, а в Кремль, на вручение Государственной премии. И как, проходя по красной дорожке, чтобы получить из рук президента премию, потеряла туфельку (с ноги у неё буквально едва не слетела босоножка!). Но то был бы не более чем повторившийся сказочный случай, если бы... Если бы Новелла Матвеева не написала когда-то ещё одну пророческую песню, в которой предсказала новый поворот темы своей Золушки, весьма подходящий к её кремлёвскому происшествию: «Но портить подошвы ходьбой / Не так по душе мне, / Я лучше приду к вам босой – / Так будет дешевле» (**«Платок вышивая цветной»**).

Но ещё поразительнее, что многие удивились этому государственному признанию её творчества – одни из зависти (почему она, а не мы?!), другие из раздражения (уж слишком любит Россию, того и гляди станет российским Киплингом, певцом империи!). А Новелла Матвеева вопреки всему продолжает своё великое духовное странствие в мире, где почти уже не осталось места для поэзии.

Вы видели когда-нибудь, как ходят по земле «певцы империи»? У Новеллы Матвеевой это очень хорошо описано: «Свернуть бы? Да было некуда. Промедлить? Не имело смысла. У меня уже выработалась походка бродяг – людей, которым спешить некуда, но и остановиться нельзя...»

г. Москва

«РОССИЯ ЕЩЁ ВЕРНЁТСЯ К СЕБЕ…»

Книг о Валентине Распутине сегодня пишется немало. Такое явление русского национального духа, имя которому Распутин, нам предстоит осмысливать по мере того, как это явление отдаляется от нас по времени. Александру Королькову, известному российскому философу и автору книг по исследованию того, что в мире называется «загадкой русской души», Бог подарил счастье личного знакомства и общения с Валентином Григорьевичем. Знакомства не разового, но длительного и интенсивного. Переписка, беседы с глазу на глаз с Распутиным, возможность видеть Распутина в самых разных ситуациях, когда Валентин Григорьевич бывал и грустен, и весел, и сосредоточен на внутренних переживаниях.

Книга представляет нам Валентина Распутина в разных ситуациях и на пересечении самых разных литературных, политических, социальных, личностных векторов. Со страниц книги перед нами предстаёт живой полнокровный образ писателя волею Божией. Писателя, которого все мы, современники, вроде бы знаем, многие ещё в школе изучали. Тем не менее, как всякое огромное явление, до конца изучить и понять внутренний мир Распутина нельзя. Он и доселе, даже прочитанный и перечитанный нами, нами же не узнан!

И уж коль речь зашла об узнаваемости, сразу приходит на ум эпизод из книги Александра Королькова «Нравственная философия Валентина Распутина». Эпизод с узнаванием известного писателя современниками, особенно из числа молодого поколения. Как говорится, всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно от мысли, что наша молодёжь менее всего ощущает свою великую принадлежность российской земле и российской литературе. Почти анекдотичным выглядит случай, происшедший с двумя нашими великими прозаиками-друзьями Распутиным и Крупиным. Как-то ехали писатели в вагоне метро, причём ехали стоя: места им никто не уступил, да они о том и не просили. Ну едут себе и едут. А тут Крупин увидел, что едва ли не единственная на весь вагон читающая книгу девушка оказалась читательницей… его новой книги! Надо же!

Крупин не удержался и поинтересовался у девушки:

– Интересная книга-то?

Девушка, не отрывая взгляда от книги, отвечала утвердительно.

Тогда обрадованный Крупин снова не удержался:

– Девушка! А ведь эту книгу написал я!

На что молодая читательница смерила оценивающим взглядом нависшего над ней собеседника и иронически ответствовала:

– Иди проспись, дядя!

Конечно, молодую читательницу надо похвалить, что читает настоящие книги. А как захочешь поругать её, что не знает в лицо создателей этих настоящих книг, так и трижды подумаешь, а стоит ли ругать? Любой из нас – продукт своей эпохи. Разве может себе молодая читательница представить ситуацию, что именитый писатель запросто разъезжает в метро в то время, когда всякая безголосая звезда помпезно ездит в иномарках с охраной? Хотя как ещё ездить народному писателю, как не с теми, для кого он пишет свои книги?

Несмотря на свою явную одинокость, потому что талантливый человек всегда одинок, Валентин Распутин дружил и общался с очень многими людьми, пересекался с очень многими явлениями. Часто именно противоречивые явления и люди привлекали его внимание. Об одном из таких людей есть в книге Александра Королькова глава. Это однофамилец Валентина Григорьевича – знаменитый старец Григорий Ефимович Распутин, который был загадкой при жизни и после своей гибели оставил множество тайн, что и доселе не разгаданы… Села Покровского, уроженцем которого был старец Распутин, нет на картах – ни на карте Сибири XVI–XVII веков, ни в словаре Брокгауза – Ефрона. Что очень странно, потому как это было большое село на реке Туре, одно из стариннейших и крупнейших сел Сибири. В нём вырос и из него ушёл в столицу Григорий Распутин.

До сих пор личность Григория Распутина возбуждает в обществе самые яростные споры. Одни говорят о нём как о блуднике и интригане. Другие говорят об удивительной духовной одарённости старца, о том, что его приближение последним русским императором к своей семье было не случайным, а наполненным глубоким мистическим смыслом. Александр Корольков, общаясь с Распутиным на протяжении долгого времени, не раз бывал свидетелем того, что Валентин Григорьевич очень внимательно относился к судьбе своего однофамильца. Как-то, вспоминает Корольков, в Ленинграде они с Валентином Григорьевичем сбежали с концерта Дмитрия Кабалевского, куда их привела дочь Распутина Мария. И отправились гулять по Ленинграду. Бродили возле Михайловского замка, гуляли вдоль канала Грибоедова, не преминули зайти во дворик дома-музея Пушкина, вышли к реке Мойке и направились было в сторону

Невского проспекта, как вдруг Распутин внезапно спросил: «А где Юсуповский дворец?» Выяснилось, что Валентин Григорьевич уже бывал там и даже посетил ту подвальную комнату, где воссоздана обстановка расправы над Распутиным, парадоксальная личность которого явно интересовала Валентина Григорьевича...

Александр Корольков также припоминает давний рассказ Валентина Григорьевича о какой-то заграничной писательской поездке, когда он с писателями-коллегами оказался волею случая в ресторане «Распутин». Захмелевшие во время ужина писатели после очередного тоста похвастались хозяевам, что один из них – Распутин. Это возымело такое действие, что хозяева ресторана сочли за честь оплатить банкет российских писателей за счёт ресторана! В 1980-х годах в Ленинграде появился старинного вида дом, который некий ловкий мужичок позиционировал как музей Григория Распутина, демонстрируя в нём как самый ценный экспонат стул, на котором якобы сидел старец. За отдельную таксу посетителям музея предлагалось посидеть на этом раритетном стуле, дабы напитаться мощной распутинской энергетикой... Хотя ни тогда, ни сегодня власти, понятно, не хотелось, чтобы народ вспоминал о таком неоднозначном человеке отечественной истории, каким был Григорий Распутин... И по указанию партии тематика старца Григория Распутина стала загоняться на периферию общественного внимания. Впрочем, партийные указы всегда мешали народу воспринимать свою историю в полном объёме. Изначально-то само слово «партия» обозначает «часть». А потому всякая партийность есть ущемление общенационального. Но об этом мы ещё вспомним, говоря об отношении Распутина к Солженицыну.

Нельзя обойти вниманием повесть Валентина Григорьевича, о которой много говорят в литературных кругах, но которую пока никто не видел опубликованной и даже в рукописи. Это повесть о первой любви Распутина. Хочется поблагодарить Александра Королькова за то, что с большим человеческим тактом он всё-таки затронул тему этой нигде и никогда не публиковавшейся повести Распутина. Рассказал нам о молодом Валентине Распутине, ещё до его женитьбы на Светлане Ивановне. Собственно, иначе как целомудренной любовью нельзя назвать отношение Валентина Григорьевича к тёзке своей будущей жены, студентке МГУ Светлане Ф., с которой познакомился, когда она приехала на практику в Иркутск. Созвучие душ обусловило ту глубину и целомудренность отношений, которую Распутин и Светлана Ф. пронесли по жизни. Причём Распутину настолько было нечего скрывать от жены, что он мог позволить себе роскошь познакомить двух Светлан – жену и Светлану Ф., которая на момент второй встречи с Распутиным и знакомства с его супругой тоже была замужем. Но было и осталось главное – родственность душ и беспокойство за Россию.

Большая заслуга книги «Нравственная философия Валентина Распутина» в том, что она не обходит вниманием ни один из аспектов мировоззрения нашего великого писателя. Даже те аспекты, которые могут вызвать не очень однозначную реакцию читателей и почитателей Распутина. Такой темой является отношение Распутина к Солженицыну. Ещё в доперестроечные годы на одной из встреч Валентин Распутин, отвечая на вопрос из зала, как он относится к Солженицыну, сказал: «Это Достоевский нашего времени». Это было, когда такие высказывания могли дорого стоить писателю: то был период высылки Солженицына из СССР и запрета на его публикации в СССР. Распутин никогда не поддавался политической конъюнктуре. Когда читатели и коллеги Валентина Григорьевича обнаруживают, что он ценит Солженицына-публициста, то одни впадают в недоумение, другие даже в гнев. Мол, как мог Распутин, которого мы считаем совестью нации, встречаться с Солженицыным и даже получить премию Солженицына? А ведь не было у Распутина недоверия к слову Солженицына, хотя Валентин Григорьевич мог и поспорить с ним.

Очень точно, словно именно об этой ситуации, сказал архиепископ Сан-Францисский Иоанн Шаховской, чьи слова приводит в своей книге Александр Корольков: «Русский реализм Солженицына может быть понят по-настоящему только друзьями правды последней. <...> Непартийность этого реализма – в понимании и осуществлении человека в его последней правде...»

Трудно не согласиться и с самим Александром Корольковым, который так видит ситуацию взаимодействия двух явлений, имя которым Распутин и Солженицын: «...Солженицын чужд всякому страждущему партийной верности, забывающему, что партия по смыслу самого слова – это часть, а не весь народ, что партии разделяют, разрывают народ на части. Солженицын никогда не поддавался этому раздраю и оттого не был понят ни красными, ни белыми, его отвергли и выбросили за пределы Отечества недальновидные коммунисты, но он не пришёлся ко двору и врагам коммунизма – это стало ясно в его заграничном американском бытии. Он никому не служил в партийном смысле слова...»

Аналогично и Распутин не мог в силу своего таланта служить лишь части народа, какой является любая, даже самая справедливая и «правильная» партия. И, думается, именно в этом приятии народа во всей полноте этого понятия, в его последней правде и было созвучие Распутина и Солженицына. В одном из писем Распутина, датируемом

1990 годом, которое приведено в книге Александра Королькова, мы читаем: «Статью Солженицына (речь идёт о знаменитой статье «Как нам обустроить Россию?». – *Э. А.*) я, конечно, прочитал: очень она кстати, и даже кстати с опозданием. Никому, кроме А. И., её бы и близко к тому, что сказано им, не написать. И всё же чувствуется, что это взгляд со стороны, взгляд мощный, исторический, но не опалённый нашей действительностью, но как бы выхолощенный, направленный сзади, а не сверху. Но потому именно, что это Солженицын, статью прочитают все и при его огромном авторитете внемлют больше, чем от нас, вместе взятых...»

Вот тут я категорически не соглашусь с Валентином Григорьевичем. Его скромность общеизвестна, и часто понимаешь: скромен Распутин не по таланту. Как пишет Александр Корольков, однажды он получил нагоняй от Валентина Григорьевича только за то, что, когда писал эссе о Шмелёве, поставил рядом имя Распутина как явления литературно и духовно созвучного и равного. Валентин Григорьевич позвонил Королькову и сказал, что неэтично ставить его имя в один ряд с таким великим писателем, как Шмелёв. И потребовал, чтобы Корольков убрал его имя из текста, оставив только имя Шмелёва. Однако теперь, спустя время, которое всё и вся ставит на места, мы прекрасно понимаем, что имена Шмелёва и Распутина навсегда вписаны золотыми буквами в историю русской литературы. И стоят по праву рядом! А потому я, нисколько не принижая того вклада в русское самосознание, что сделал Солженицын, всё-таки скажу, что вклад Распутина на пути исследования и, если угодно, целительства души и духа нашего народа много-много больше!

Долго и непросто шёл Валентин Григорьевич от просто веры к воцерковлению. Человеком верующим он был всегда. Ещё в советское время «позволял» себе, живя в официально атеистической Советской стране, очень рискованные высказывания с точки зрения официальной идеологии. Говорил о том, что духовная составляющая нашего народа – изначально православна. Поначалу православные батюшки, с которыми Распутин стал общаться задолго до своего воцерковления, отмечали, что при всей своей глубокой православности Валентин Григорьевич всё-таки недостаточно воцерковлен. Путь Распутина к воцерковлению был непрост, как не может быть он прост у русского человека в принципе, если речь идёт не о формальном соблюдении православных обрядов и канонов, но о том невидимом внешне мистическом духовном опыте.

Этот путь к воцерковлению начался у Распутина с чтения Ивана Шмелёва и его «Поля Куликова». «В сентябре 1980 года в Сергиевом подворье старинного города Ельца Валентин Григорьевич принял крещение. По воспоминаниям его крёстной, он волновался, как ребёнок! Распутин постился, исповедовался, причащался, а в Сретенском монастыре сблизился с архимандритом Тихоном Шевкуновым...»

Надо поблагодарить автора книги «Нравственная философия Валентина Распутина» Александра Королькова за его смелость не замалчивать непростые моменты мировоззрения человека, которому Господь судил стать совестью народа именно в то время, когда совесть самым наглым образом повсюду попирается. Это евангельское качество совести хотят вытравить из души нашего народа. Причём часто вытравливают, прикрываясь православной риторикой. Валентин Распутин в этом смысле для нас является образцом того, как примирять в душе неизбежные противоречия земные ради сохранения небесного завета в душе. Как противостоять искушениям, на которые столь щедра наша смутная эпоха. А самое главное, как не извериться в России в то время, когда вера в неё воистину становится духовным выбором и духовным подвигом.

А закончить хочу словами письма Валентина Григорьевича, что опубликовано в книге Александра Королькова: «Россия ещё вернётся к себе, я верю в это, но будет существовать с пересаженным сердцем. Даже остатки её национализма будут другими, как бы контрактными, а не проистекающими из органической жизни. То, как наш русский человек примерно до сорока лет кинулся прочь от России, даже оставаясь в России, говорит, что его возвращение не может быть безболезненным...» Как говорится, болезни попущаются нам свыше, и если мы способны чувствовать боль душевную, значит, мы живы.

Эдуард АНАШКИН,
член Союза писателей России

Виктор АРНАУТОВ

ПО ЮЖНОМУ ВЬЕТНАМУ

(Дневниковые заметки кемеровского туриста)

Вьетнам ныне стомиллионная страна Юго-Восточной Азии, тянущаяся полторы тысячи километров с севера на юг, вдоль западного побережья Южно-Китайского моря, с площадью, равной примерно трём с половиной территориям нашего Кузбасса. Особо благоприятен там климат для туристов в центральной и южной частях страны. За два предыдущих пребывания во Вьетнаме удалось побывать в городах Камрань, Нячанг и Далат, на многих островах. Забегая немного вперёд, отмечу, что довелось проехать автобусом вдоль Вьетнама почти пятьсот километров и понаблюдать его не только из окна салона…

22–23 января 2020 года

Сам полёт ничем особо не отличался от предыдущих: после обязательного инструктажа и набора высоты стюардессы принялись разносить пассажирам напитки, а чуть позднее и завтрак. При этом замечаю, что с каждым полётом завтраки (обеды), а тем более ланчи, становятся всё скуднее. Видно, экономят и на этом. Весь полёт проходил ночью, так что смотреть в иллюминатор, у которого оказалось моё место, было практически бесполезно. Уже через полчаса за окнами была сплошная темень. И лишь позднее внизу стали появляться огни, которых было будто чёрт репу насеял: где густо, а где пусто. Только ближе к окончанию полёта сплошняком – от горизонта до горизонта – всё было расцвечено огнями. Мы пролетали явно над каким-то очень большим городом Китая. И уже на самом подлёте к Камрани небо стало светлеть с востока, а внизу я начал различать водное пространство с огоньками рыбацких лодок. Посадка, как и взлёт, прошла довольно мягко. Салоны самолёта, наполненные пассажирами, единовременно выдохнули напряжённое ожидание, переходящее в искренние и радостные овации в адрес экипажа самолёта!

Только-только зарождался новый день на вьетнамской земле. И на улице пока ещё только +25. Настоящее лето! Это ли не благо, к которому мы, сибиряки-россияне, так стремимся, особенно морозной и длинной зимой!

Попав в здание аэровокзала **Камрани**, мы изрядно подивились новшествам! Некогда тесный и взбудораженный от разномастной толпы пассажиров аэровокзал был неузнаваем: просторные и огромные залы; блестящие мраморные полы, панели стен и колонн, словно зеркала, отражали нас, суетливо-растерянных. Оказывается, из-за растущего пассажиропотока, основными воротами которого в южную часть Вьетнама и являлся Камрань, было решено перестроить старое здание, значительно (раза в 4–5) расширив его. И в том им немало помогли не такие уж и далёкие недруги – китайцы. А они-то работать умеют! И быстро, и, если необходимо, качественно. Сегодняшний аэровокзал Камрани нам чем-то напоминал мегааэропорт тайского Бангкока!

Одновременно с нами, сибиряками-кузбассовцами, прибыл сюда авиаборт из Китая – на празднование Нового года (Тета) по восточному лунному календарю, который в этом году приходится на 25 января. Ещё в канун нашего вылета во Вьетнам в средствах массовой информации стали муссироваться слухи об эпидемии нового вируса гриппа (или пневмонии) – коронавируса, эпицентром которой является Китай. Это несколько напрягало и тревожило даже наших бесшабашных туристов, уже привыкших ко всякого рода страшилкам. Здесь же и впрямь служащие аэропорта, в том числе паспортного контроля, в большинстве своём были облачены в марлевые маски. То же самое касалось и прилетевших сюда китайцев.

Встречающие сотрудники туроператора «Анекс Тур» быстренько расфасовали нас по комфортабельным автобусам. Наш оказался под номером 83, с весьма грамотным гидом. «Зовите меня просто Пак», – представился молодой, лет тридцати, мужчина в операторской униформе, восточной внешности, но с хорошим русским языком. Поначалу мне показалось, что это вьетнамец. Когда я поинтересовался, откуда он так прилично знает русский язык, последовал ответ, что, дескать, хорошо учился в школе.

– А где? Здесь или в России? – последовал ещё один уточняющий вопрос.

– В Киргизии…

Ага, стало быть, и после распада СССР наши бывшие соотечественники всё же не брезгуют изучением русского языка. Похоже, Пак был метисом, с явными доминантами внешности корейца. У себя в Киргизии он окончил университет со специализацией туристического менеджера и уже лет десять работает за границей с русскоговорящими туристами: в Турции, Таиланде, Вьетнаме.

Загрузив полностью автобус туристами с нашего авиарейса (человек 35), ровно в 7 часов утра мы выехали из аэропорта Камрани в южном направлении, противоположном от уже знакомого нам Нячанга. Вьетнамец-водитель дело своё знал. Трасса была ровной, правосторонней, с разделительной полосой. На улице уже вовсю хозяйничал день, залитый южным солнцем, сменившим на тёмном небе старый лежачий месяц.

Поначалу мы ехали южной окраиной Камрани, в глаза бросались новостройки вперемежку с жилыми домами своеобразной вьетнамской архитектуры. Двадцать, тридцать минут езды, а казалось, что едешь по одному сплошному населённому пункту. По обеим сторонам дороги практически без пустырных интервалов стояли дома. И лишь по их скученности и наличию возле них приусадебных участков можно было догадаться, проезжаем городом или какой деревней. Все строения отличаются своей узостью (3–6 метров) относительно дороги (улицы), но непременной вытянутостью вглубь (до 20 и более метров). Мало того, дома эти, что в городе, что в деревне, обладают ещё и оригинальной архитектурой. Как правило, они двух-четырёхэтажные, но непременно с колоннами, пилястрами, башенками, верандами, мансардами, лоджиями, балкончиками, лепниной, оригинальными крышами. Нередко можно встретить дома, у которых на открытой площадке-лоджии верхнего яруса находится статуя Богоматери, а то и сидящего в позе лотоса Будды. Иногда фигура Будды воплощается в его женской форме – богини милосердия Лин(ь) Анг. Встречаются и некие подобия часовенок с католическим крестом на самом верху.

И ещё. Особенностью архитектуры этого региона Вьетнама (а мне довелось проехать от Нячанга и до Сайгона) является соседство различных стилей – с учётом национальной и религиозной принадлежности владельцев домов. Такие дома, как правило, частная собственность, где первый этаж и прилегающий к нему участок, если это сельская местность, заняты под малый семейный бизнес, который не облагается налогом. Таким образом, в населённых пунктах вперемежку стоят вьетнамские дома-параллелепипеды, космополитические европейские строения, здания средневековой готики с узкими высокими башенками, а то и вовсе – в классическом китайском стиле: с загнутыми кверху краями плоских крыш фанз, позолоченными и увитыми узорчатой лепниной, вплоть до золотистых драконов.

То же самое касается и ещё одной повсеместной особенности Вьетнама – наличия культово-религиозных построек. Как и дома, храмы и соборы здесь перемешаны. Поскольку во Вьетнаме отсутствует доминантная религия (как, допустим, в Индии, Китае или Таиланде), то и места отправления религиозно-культовых обрядов здесь весьма разнообразны. На протяжении почти всего пути нам ни разу не попались буддийские пагоды – храмы-монастыри, наподобие храмов Лонг Шон, Чук Лам или Чуа Лин(ь) Анг (какие встречались в Нячанге и Далате). Зато несколько раз на возвышении красовались культовые, из красного кирпича башни чамов (тямов), наподобие Чамских башен По Нагар (в Нячанге), построенных ещё тысячу лет назад, во времена королевства Каутхара. Здесь можно встретить храмы самых различных направлений и ветвей буддизма, но, как ни странно, с преобладанием китайского направления. В целом же в общей массе культовых строений преобладают католические соборы, привнесённые во Вьетнам французскими колонизаторами ещё в начале XIX века.

В современном Вьетнаме, помимо прочих, проживает около 60 национальностей только одних потомков Белого Дракона и Феи и насчитывается порядка 150 религиозных исповеданий, включая язычество, сектантство, иудаизм, христианство всех проявлений, а также многочисленные формы и ветви буддизма. И всё же практически все народности истинных племён вьетов считают своими прародителями Белого Дракона и Фею. Эти-то легендарно-мифические существа и являются непременными объектами поклонения всех вьетнамцев…

По мере продвижения к месту нашего конечного пункта – пока ещё загадочным Фантхиету и Муйне – всё чаще стали попадаться каменистобезлесые горы. А вожделенного моря всё ещё не

было видно. Камни были такой причудливой формы, что туристы находили в них нечто похожее на зверей, птиц, фантастических драконов, замки. Дорога, как обычно прямая и с большими (до десятка километров) перегонами, шла понизу, в своеобразных каньонах. По обочинам дороги встречались широколиственные деревья; изнурённые, будто опалённые зноем, хвойные кипарисовики и араукарии; высокоствольные пальмы, блазнящие видом крупных плодов зелёных кокосов; разнообразные кустарники, среди которых особо выделялись разноцветно-рясные бугенвиллеи.

Временами наш путь пролегал мимо «городов мёртвых» – вьетнамских кладбищ – с разноцветными могильными памятниками, от простеньких могильных плит до вычурных сооружений.

Но что поражало более всего, до возмущения и негодования, так это повсеместная замусоренность. Строительными отходами, бытовым мусором, банками, бутылками, полиэтиленом, гниющими остатками овощей и фруктов… Это ли не первопричина для возникновения и распространения всякого рода инфекций и эпидемий вроде коронавируса?!

Временами встречались пасущиеся стада (уж чем они там питались, на выгоревшей земле?) горбатых тёмно-коричневых коров, табунки лошадей, большие отары белорунных овец. Травяная растительность здесь была хилой, блекло-иссушенной, обезвоженной… Зато радовали глаз квадраты тёмно-зелёных орошаемых полей, засаженных рисом, среди которых хлопьями снега копошились цапли. Иногда попадались дома с приусадебными огороженными водоёмами, в которых кишели тысячи домашних уток и гусей. Были и куры, преимущественно пёстрые. Всё чаще стали виднеться плантации густого двухметрового сочно-жирного сахарного тростника. Его перемежали посадки деревьев манго и молоденьких пальм.

А ещё – квадраты с ровными рядами густых тёмно-зелёных кустов в метр высотой, с подведённым к каждому кусту электрическим освещением и оросительным шлангом. Иногда среди ветвей можно было разглядеть розовеющие плоды размером с очень крупное яблоко. Как пояснил гид Пак, это плантации питахайи (помимо этого, есть ещё названия: питайя, сердце дракона, драгонфрут) – плода, так почитаемого среди самих вьетнамцев. Кстати, питахайя – плоды кактуса, ветви которого напоминают жирно-колючие и широкие сочные листья алоэ. Питахайи, помимо красно-розового цвета, могут иметь ещё и желтовато-зелёную окраску. А мякоть под несъедобной кожурой бывает пастообразной – белого или тёмно-малинового цвета с множеством мелких, с маковое зёрнышко, семян. Питахайи считаются очень полезными для здоровья.

Этому растению соответствует своя легенда. Якобы во времена драконов люди воевали с ними. Драконы выплёвывали из пасти огонь, который и напоминает по форме и виду питахайю. А ещё, чтобы быть храбрее и сильнее, особо почиталось у тех людей поедание сердца убитого дракона. И вот, когда был убит последний дракон, воины извлекли его сердце и решили закопать в землю. И из него выросли кактусы с плодами в виде сердца дракона.

Кана (Ca Na)

На пути следования повстречался город Фанранг. И уже вскоре с левой стороны вдали стало поблёскивать в лучах солнца море. А справа от трассы высились причудливые горы, сплошь в огромных валунах. Через полчаса езды от Фанранга наш автобус сделал остановку. Место это называется Кана. Его история уходит во времена королевства чампов. А ещё во время войны тут на горе был обустроен американский дот, сохранившийся и поныне как местная достопримечательность.

Небольшая площадка для останавливающихся автобусов с туристами. Кафе-ресторан с просторными залами, вплотную приближающимися к самому морю. Из залов ресторана через переходный мостик с перилами и беседками, мостящимися на валунах, можно выйти к морю, волны которого плещутся о ступеньки сходней и валуны. Широкая бухта Винь Хи отливает изумрудными водами, её края уходят далеко на юго-восток и юго-запад. Лёгкий свежий ветерок гонит с моря волны. Между валунами на неширокой прибрежной полосе накатные волны постоянно лижут белый песок. Вдали виднеется холмистый остров Хон Лао, который знаменит своим гротом Тач. Почти на горизонте, словно на рейде, застыли громадины грузовых судов. А напротив, через дорогу-трассу, проходящую у самого подножия, высятся голокаменные горы с валунами причудливой формы. И где-то на высоте, примерно метрах в двухстах от подножия, примостились на площадочках два красивых строения, к которым ведут карабкающиеся ступеньки

узеньких лестниц-тропок. Эти хрупкие очаги живого мира на фоне величия природы смотрятся поистине умилительно.

Чем ещё примечательна Кана, так это десятикилометровым чистейшим пляжем Нинь Чу – с неофициальным названием Спящая Красавица. Говорят, что это прозвище пляж получил из-за пока ещё не очень активного его освоения всепроникающими туристами.

Ветряки и песчаные дюны

Мы катим дальше, в пока ещё загадочный для нас Муйне. Трасса вновь убежала от моря. По обеим сторонам её высятся горы, а на многочисленных невысоких плато вразброс колоссами вырастают ветряки. Именно колоссами! Даже на фоне гор они смотрятся как некие рукотворные монстры. Белоснежны их столбы-опоры. Три лопасти меланхолически вращаются вокруг оси. Подвластны они лишь одному ветру, который каждодневно усиливается во второй половине дня. И таких элементов экологически чистой добычи энергии – несчитаное количество. Ветряки карабкаются даже и на горы, по которым стоят ещё одни великаны, творения рук человеческих – гигантские опоры ЛЭП с провисшими проводами. И остаётся только диву даваться: как, каким образом их удалось установить?!

И ещё нечто новенькое. Всё чаще стали попадаться участки земли с разноцветными песками: то совершенно белоснежными, то бежево-жёлтыми, то красно-коричневыми. И чем дальше, тем чаще и крупнее становились песчаные безлесые плешины. Вот уже и скальные горы переросли в сплошные песчаные дюны. Да какие! Поражало ещё и то, что разноцветные барханы и дюны, не перемешиваясь, соседствовали буквально в десятке метров друг от друга, будто кто-то узаконил их суверенные территории и, как на миражной радуге, раскрасил цветами…

Муйне (Mui Ne)

На месте современного местечка Муйне не в таком далёком прошлом находились поселения королевства чамов, о чём свидетельствуют сохранившиеся и поныне невдалеке башни, носящие название Тап Пошану, сооружённые в начале второго тысячелетия в честь индийского бога Шивы. Как мне объяснили русскоговорящие гиды, Муйне переводится как «мыс Не». Ну мыс-то – понятно, а вот что такое «Не», я так и не выяснил. Если посмотреть по карте, и впрямь явно выделяется мыс, омываемый с двух сторон водами бухт Южно-Китайского моря. Ещё одну трактовку этого названия дал мне гид Валерий: «ветер с моря».

На самом мысу расположена рыбацкая деревушка со знаменитым ныне рынком морепродуктов. И уже от неё и до самого города тянется на протяжении более десятка километров курортная зона Муйне, представляющая собой преимущественно одну улицу-трассу, с расположенными по обеим сторонам отелями, сопутствующими им торговыми точками и кафе-ресторанами.

Здесь практически ежедневно часов с одиннадцати утра и до самой темноты дует с моря усиливающийся ветер и поднимаются волны – что привлекает сюда армию любителей покататься на досках под парусом (виндсёрфинг) и с парашютом (кайтсёрфинг).

Sun & Sands Beach Hotel

Всё побережье, насколько охватывал и различал взгляд, было совершенно песчаным, с накатывающими с моря волнами, перемешивающимися у берега с мутными частицами песка, ракушек и раковин, выполосканными остатками полиэтилена, водорослей и прочего мусора. И ещё: накатные волны постоянно переворачивали и перемещали с места на место множество разноцветных раковинок-створок морских гребешков размером от советского рубля до кофейной чашечки. Эти тарелочки-гребешки мозаично устилали всё побережье, как цементом, покрываясь песком. Тут же было неисчислимое количество выброшенных волнами колотых остатков спирально закрученных тонкостенных пёстро-коричневых раковин рапанов. Раскалившийся песок, высохший после отлива, изрядно припекал подошвы.

И ещё некоторые особенности пляжа: справа и слева от нас, в каких-то пятидесяти – ста метрах, покоились на берегу и колыхались на волнах десятки, если не сотни рыбацких круглых лодок – тхунгчай. Тхунгчай (в переводе – «смоляная плетёная корзина») появились у местных рыбаков во времена французской колонизации.

Дно здесь твёрдо-песчаное, вода весьма солёная, держащая на своей поверхности тело человека. Её температура примерно одинаковая в любое время суток – порядка 25 градусов. В обозримом пространстве моря не видно ни одного острова, как и проходящих мимо грузовых судов и пассажирских лайнеров.

Немало тхунгчай, поставленных на якорь, покачивалось невдалеке от берега. А помори-

стее виднелись поплавки-буи ставных рыбацких сетей и ловушек. Разноцветные створки раковинок гребешков так и блазнили пособирать их, и не одного меня. Метрах в ста от берега моря вдоль подножия сопок шла автострада, а сразу за ней высились песчаные холмы метров до двухсот высотой, покрытые редкими лиственными деревьями и кустарником. Местами эти сопки-холмы полностью обнажались, красуясь своими яркими белыми, бежевыми и красными песчаными дюнами. Кое-где виднелись тропки для подъёма вверх, но ни одного человека почему-то на них видно не было.

«У Вани»

Искупавшись в море и даже в бассейне, мы решили выйти на улицу, осмотреться, поменять доллары на донги и что-нибудь прикупить на ужин. За ресепшеном отеля, прямо с торца, был магазин с русским названием «У Вани». Напротив, через дорогу, размещалось подряд ещё несколько торговых точек и кафешек, и тоже с вывесками-рекламами на русском языке, типа «У Тани», «Магазин по оптовым ценам», «Аптека», турагентство «У Димы». Но всё же больше было рекламы и названий либо на английском, либо на китайском языках. Ну и на вьетнамском (французском), разумеется.

«У Вани» (владельцем оказался улыбчивый вьетнамец, хорошо говоривший по-русски) мы поменяли первую сотенную купюру долларов на 2 миллиона 310 тысяч донгов. Магазин «У Вани», как и большинство здесь подобных, универсального назначения. В нём можно купить всё необходимое: от продуктов питания, кондитерских товаров, соков, фруктов, овощей, кофе и чая всевозможных сортов и упаковок, аптечных препаратов и лекарств, винно-водочных и табачных изделий, различных сувениров и до одежды.

Разговорчивый хозяин этого заведения, которого все туристы запанибрата называли Ваней и обращались к нему на «ты», на мой вопрос о знании русского языка охотно ответил, что окончил университет в Ханое, филологический факультет с факультативом по русскому языку и литературе, с правом преподавания в школе этих предметов. После окончания университета он даже побывал в Москве, надеясь найти работу, но что-то там у него не срослось, и он вернулся во Вьетнам. Судьба забросила его в курортный Муйне, и здесь, обзаведясь семьёй, он занялся не совсем обычным для него делом – торговлей. Судя по тому потоку русских, в основном туристов, который двигался между рядами с товаром и находился в магазине, толпясь у кассы, коммерция Вани была весьма успешной и прибыльной.

Отужинали мы в своём номере, когда сгустились ранние сумерки. В семь часов вечера здесь уже настоящая южная ночь. Улицы и все дома расцвечиваются огнями и рекламами, к тому же ещё и приукрашенными по случаю Тета, который официально наступит послезавтра, 25 января. А на чёрном звёздном небе старый тонюсенький месяц полностью улёгся навзничь. Под пивко с ромом очень кстати пришлась нарезка помидоров под майонезом и соевым соусом, купленные фрукты и рачительно прихваченные из дома сырокопчёная колбаса, солёное сало, плетёночка сыра и вяленые окуни собственного улова и приготовления. Ай, хорошо сидим… Ай, благодать-то какая… Ну и как к этому блаженству не присовокупить ещё купание в вечернем бассейне?!

24 января 2020 года

Часам к 4 ночи я уже окончательно проснулся и, заварив кофе, устроился, как обычно, в ванной комнате со своими дневниковыми записями. Едва за окном забрезжил рассвет, подался к морю. На нём ещё местами мигали огоньки рыбацких лодок. Ни ветерка. И волны были какими-то совсем домашними, не сердитыми. Мало того, море убежало от берега метров на пятьдесят, обнажив свою прибрежно-накатную плоть. Редкие туристы, опередившие меня со встречей рассвета, флегматично бродили по отливной полосе, обращая взоры куда-то в морскую даль. А кое-кто уже и находился в море, бредя в нём по колено там, где ещё вчера едва доставали дно ногами. Не удержался от искуса принять утреннюю морскую ванну и я.

Завтрак – в ресторане нашего отеля. Под него была приспособлена просторная и высокая пристройка, крытая плотными пластинами пальмовых веток. Большинство блюд адаптированы под вкусы русских туристов, они не очень острые.

Пляжные «макашники» и «офени»

После встречи с гидом, переждав самый солнцепёк в номере, с половины четвёртого и до половины шестого, когда раскалённое за день солнце уж практически упало в море, предавались пляжной неге. От утреннего отлива не осталось и следа. Море совсем рядом плескалось у столиков «макашников», которые с самого утра,

затарившись свежими морепродуктами, предлагали их уже в готовом виде праздным туристам. Что предлагали пляжно-побережные «макашники»? Печённые на углях мангалов и жаровен морепродукты: гребешки, устрицы, мидии, кальмары, рапаны (освобождённые от раковин), креветки, два-три вида рыбы; початки варёной крупной жёлтой кукурузы, холодное пиво… Порции у этих «макашников» были весьма умеренными, не то что в ресторанах. Зато цены – явно рассчитанные на туристов, ещё не успевших потратиться. От «макашен» исходил и распространялся соблазнительный запах жареного и печёного, который временами перемешивался, увы, со зловонным – от сливного ручья, вытекавшего прямо в море метрах в семидесяти от наших пляжных лежаков.

Сразу за этим ручьём, за забором внешнего двора отеля, был пустырь, поросший тропической растительностью. По нему меланхолично бродили с полдюжины тёмно-рыжих горбатых коров, отыскивающих там корм. Чем ещё примечателен пляжный отдых, так это мелкорозничными торговцами, фланирующими со своим товаром вдоль побережья. Что предлагают? Как обычно: пляжные принадлежности. Особой популярностью пользуются здесь просторные лёгкие белоснежные хлопчатобумажные рубахи с капюшоном, всех размеров и на любой возраст. Сюда обязательно наведаются «офени», торгующие бижутерией и ювелирными изделиями: браслетами, бусами, колье, серьгами из жемчуга, судя по ценам «цыганского». То же касается и торговцев кожаными изделиями: всевозможные сумки и сумочки, кошельки, брючные ремни, браслеты. Уж каков процент там натуральной кожи – кто бы знал из нас, незнаек, бросающихся, словно неразумные рыбёшки на блестящие обманки. А вот разносчикам фруктов с дымящими ёмкостями морепродуктов мало перепадает: слишком уж конкурируют с ними «стационарные» береговые «макашники» и бесчисленные уличные ларьки с магазинчиками, что всего-то в сотне шагов от пляжного побережья.

Встреча Нового года

Сегодняшний вечер – канун Нового года, Года Мыши или Крысы по восточному календарю. Признаться, для нас, в седьмой раз выехавших за границу, в страны Юго-Восточной Азии, это не такая уж и редкость. Примерный сценарий этого торжества мы уже знаем. Во Вьетнаме празднуют Новый год едва ли не полмесяца. Начинают ещё за неделю до его наступления. И эта неделя считается у них неделей покупок. По восточному обычаю в Новый год необходимо одаривать своих родственников и даже близких знакомых. Потому-то и готовятся к нему, копя деньги и загодя делая покупки. В это же время принято украшать жилища и улицы красными китайскими фонариками и делать разноцветную люминесценцию. Во дворах и при домах выставляются большие керамические вазы с непременно жёлтыми цветами. Обычно это бывают крупные и на высоких стеблях хризантемы, специально выращиваемые под этот праздник, или золотисто-оранжевые крупные шафраны (бархатцы). Если жители дома (или служители отеля) по вероисповеданию буддисты, непременно украшают свои приусадебные культовые уголки с изображением Будды и других божков жёлто-золотистыми цветами, выставляют фрукты, вкусные кушанья в блюдцах и сладкие напитки. Дома и прочие строения украшают яркими плакатами и баннерами с иероглифами, надписями на языках проживающих тут народов. А в последнее время можно частенько встретить новогодние панно и транспаранты с традиционным пожеланием на английском: «Happy new year!» или вовсе на русском: «С Новым годом!» На площадях и в центрах скопления народа устраивают вечером и ночью ношение фигурки дракона, с танцами и огненными фейерверками, под громкие барабанные звуки. Ну и, разумеется, повсюду раздаются звуки взрывающихся петард и хлопушек. Чуть не забыл: едва ли не от каждого ближнего ресторана доносятся звуки песен на вьетнамском языке – признаться, весьма мелодичные. Вьетнамцы очень любят петь под караоке, особенно в праздничные дни…

На сей раз от искушения поучаствовать в уличных шествиях и празднествах мы отказались, созерцая всё это со своей лоджии-галереи. Взрывы и фейерверки продолжались практически до самого утра. Им вторили в ночной акустике громкие рыки мотобайков, заглушающие мелодичные песенные караоке…

25 января 2020 года

Сделав краткие записи в дневнике, уже часов около шести утра отправился в сторону города на рынок, о котором осведомился вчера у ларёчных продавцов и знающих туристов. Улица была ещё почти пустынной, зато со множеством куч мусора, оставленного после встречи

Нового года. Слегка остывший за ночь свежий воздух начинал пропитываться и насыщаться уличными утренними ароматами с примесями гниющих отходов и канализации. Местами принимались подметать уличную территорию торговцы, выставляя тут же на столики и прилавки свои фруктово-овощные товары. Ассортимент этих товаров был везде примерно одинаков, как и цены на них. Редкие прохожие попадались мне навстречу, так же как и ранние (или поздние) тарахтящие байкеры с непременными масками-повязками на лицах. В одном месте крыса вальяжно выползла, намереваясь поживиться остатками пиршества в честь неё. Я непроизвольно прицыкнул на неё, и она лениво ретировалась. Верхние этажи домиков-коттеджей и отелей стали окрашиваться лучами встающего солнца.

Через полчаса ходьбы по левой стороне я наконец-то обнаружил рынок под внушительным навесом. Торговцы начинали выставлять груды товара на прилавки. Между рядами, приценяваясь, неторопливо прохаживались редкие покупатели. Тут же мои ноздри уловили запахи печёного сдобного теста, поджаренного мяса и морепродуктов. Ряды торговцев овощами и фруктами чередовались с «макашниками», пекущими сладкие пончики и булки, вафли и багеты, жарящими вкусные мясные и куриные нарезки. Улавливались и ароматы настоящего вьетнамского кофе. Чуть поодаль шли ряды со свежим мясом всех сортов и видов. Живые ещё утки, курицы и петухи в клетках соседствовали с разделываемыми (ощипываемыми прямо здесь же, опаливаемыми и потрошёными); грудились куриные и перепелиные яйца – россыпью и в упаковках (таких же, как и у нас, – по десятку и тридцать штук). Ещё глубже, ближе к выходу со стороны моря, находились ряды торговцев морепродуктами. И опять прямо на сыром бетонном полу шла фасовка, сортировка и разделка свежей рыбы разных размеров и видов. Повсюду в соответствии с товаром источались специфические запахи. В этих рядах стоял ещё не выветрившийся аромат моря и его обитателей. Наконец-то я увидел и вожделенных креветок. Вьетнамка перебирала их, ещё живых и шевелящихся, весьма приличных размеров, едва ли не королевских; набирая в чашки, взвешивала на небольших весах и ссыпала в полиэтиленовые мешочки-упаковки, видимо, фасуя по полкило и килограмму. Поинтересовался ценой. Из расспросов уличных торговцев я уже знал, что цены здесь колеблются в зависимости от времени и улова. Тем более в Новый год. Мне ответили, показав на калькуляторе: «160 тысяч донгов за кило». Я не стал торговаться и вскоре положил в сумку шевелящуюся массу креветок, упакованную в два мешочка.

Пройдясь по рядам, купил свежие огурчики, слегка напоминавшие формой и видом недозрелые кабачки, упаковку куриных яиц. Отоварился помидорами, пятком головок репчатого лука, парочкой крупных сладких перцев (красным и жёлтым), связочкой лонганов. Не удержался от соблазна купить свежих, фаршированных фруктами пончиков. В общем, сумка моя изрядно потяжелела. Кстати, если не торговаться, то изначальные цены здесь практически ничем не отличаются от улично-магазинных. А сбивать цену и торговаться я так и не научился.

Фантхьет – если верно нам пояснил и растолковал семантику гид Валерий – означает «рис у моря». Русские варианты транскрипции – Фантхиет и Фантьет. В настоящее время это весьма цивилизованный город с населением 350 тысяч человек. Его история, как и многих населённых пунктов южной части современного Вьетнама, из-за благодатного климата, приближённости к морю и протекающей реки Са Ту уходит во времена индуистского королевства чамов Каутхара, покорённого Дайвьетом в 1470 году. Находится он примерно в 200 километрах от Сайгона (Хошимина). И столько же от него до Нячанга. Река, впадающая в пяти километрах в море, образует плодородную дельту и губу-лиман. Видимо, из-за благоприятных условий выращивания тут риса город и назван.

Внутренняя история Вьетнама во многом связана с династическими войнами за обладание королевской короной – между кланами Чинь, Нгуен, Ле и Тэйшон. Современные вьетнамцы носят имена этих династических фамилий, среди которых наиболее распространённой оказалась фамилия Нгуен. Обладателями этих королевско-династических фамилий были даже партийные лидеры и руководители социалистического Вьетнама – Ле Зуан и Нгуен Фу Чонг.

Новая история Фантхьета начинается с 1995 года, когда ожидалось полное солнечное затмение, которое удобнее всего было наблюдать именно отсюда. 24 февраля в город съехалось много людей, среди которых оказались и просто туристы. Затмение затмением, а вот тури-

стам очень приглянулись эти места. И уже летом сюда хлынули потоки «дикарей».

Чамские башни Посахины – комплекс из трёх башен: главная – в честь бога Шивы, другая – в честь быка Шивы и третья – принцессы Посахины. Построены они были здесь ещё в VII веке. Все башни давнего королевства чамов являлись составляющими комплексов культовых мест индуизма. Строились они в едином архитектурном стиле со множеством рельефных уступов-пилястр, фигурок божков и пирамидальными крышами. Изготавливались башни из красного кирпича, по прочности не уступающего камню. Вот потому-то и выстояли многие из них, несмотря на попытки вандального разрушения завоевателями. И до сих пор в них проводятся религиозные обряды, при этом осуществляются они только лёжа.

Семисотметровая гора Таку, находящаяся в 40 километрах от города, со знаменитой статуей лежащего Будды (длиной в 49 метров). Это самая большая скульптура лежащего Будды – основателя буддизма Шакья Муни. Вообще, фигура лежащего Будды очень характерна для культовых храмов буддизма. Она символизирует достижение состояния нирваны. Здесь же строили её три года (с 1962-го по 1965-й). Длина этой скульптуры говорит о 49 днях-ступенях к нирване. Высота (11 метров) – 11 ступеней буддизма. При этой скульптуре имеется и действующий буддистский монастырь.

Маяк Ке Га – самый высокий маяк в Юго-Восточной Азии расположен на острове. Выполнен он был французским архитектором Шенаватом и введён в строй в 1899 году. К достопримечательностям города относят ещё озеро Лотосов, Красные и Белые дюны, а также ручей Фей.

К нашему великому разочарованию, экскурсионная ознакомительная поездка в Фантхьет оказалась банальнейшей шопинговой раскруткой. Первым остановочным пунктом нашей экскурсии явился ювелирно-торговый центр, над входом в который красовалась надпись: «Принцесса Джевелри». Это и впрямь внушительный торговый центр с изделиями из драгоценных и полудрагоценных камней, добываемых во Вьетнаме, коих насчитывают порядка 50 видов: разнообразные сапфиры, рубины, изумруды, топазы, аметисты, жемчуга… Осмотр витрин с ювелирными украшениями поистине повергает в шок! Такое разнообразие и невообразимая красота! Кольца, перстни, серьги, колье, браслеты, подвески, броши – в золотых и серебряных оправах… И при этом такие мизерно-нищенские наши покупательские возможности… Правда, с полдюжины туристов нашего автобуса всё же приобрели для себя кое-что, получив в качестве новогоднего бонусного подарка кто бутылку шампанского, кто майку с логотипом центра, кто ещё какую-либо сувенирную безделушку.

Проехав по красивому мосту Чан Хунг Дай через реку Са Ту, мы приблизились к следующей остановке. Теперь пунктом шопинговой раскрутки был центр восточной медицины «Моринга» (для нас с женой подобное было уже едва ли не в третий раз). В качестве развлечения – десятиминутное шоу факиров со змеями и питонами. Признаться, нам это уже так надоело, что мы не пошли на зрелище, а побродили по двору и окрестностям, сделав несколько неплохих фотоснимков. А далее опять, как по единому сценарию: рекламно-лекционный экскурс в историю народной медицины и изготовления препаратов – из дерева моринга, женьшеня, лекарственных растений Вьетнама, змей, скорпионов, крокодилов и прочих рептилий. С показом и рекламой препаратов. И непременно акцент на том, что в магазинах и аптечных пунктах города нам обязательно втюхают явную подделку, что настоящие препараты можно приобрести только здесь. После торговые залы с рекламными зазывалами. Помимо лекарственных препаратов, здесь немало изделий из кожи: змей, крокодилов и других пресмыкающихся. Жена моя подзадержалась и вернулась, неся в руках пакетик, в котором оказалась купленная за 270 тысяч донгов мазь-бальзам зелёного цвета из яда то ли кобры, то ли скорпиона. Замечу, что аналогичные мази «У Вани» и в иных торговых точках Муйне стоят на порядок меньше (а процедурный эффект такой же). Ну как тут не припомнить строки: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад».

Наконец высадили нас, уже потемну, у Центра чая и кофе. Рассадив за столы и выдав квиточки с перечнем дегустируемых напитков, нам поведали о чаях, выращиваемых во Вьетнаме, и сортах кофе: арабика, робуста, гибридном кофе «кули», ну и, разумеется, таких сортах, как «лювак» и «слон», полученных из фекальных отходов зверька куничка и слонов. В настоящее время Вьетнам является вторым в мире по выращиванию и экспорту кофе, вполне конкурентного на мировом рынке.

Среди сортов чая акцент был сделан на сорта «оолонг лотос», «оолонг молочный», «женьшеневый», «артишоковый» и на какао. Особенности выращивания и получения каждого сорта кофе, как и чая, сопровождались не только эмоциональными рассказами, но и дегустацией из мизерных (на один глоток) фарфоровых чашечек.

После дегустации – торговые залы с чаями, кофе и крепкими напитками, вплоть до рома с заспиртованной в каждой бутылке змеёй или скорпионом. Ну и, непременно (а как без этого?) – только здесь (и нигде более!) мы сможем приобрести настоящие брендовые товары. Охотно клевали на эти приманки туристы, приехавшие во Вьетнам впервые…

Рыбаки и уловы

С рассветом следующего дня решил податься к морю. Тут-то наконец я увидел рыбаков, выплывавших в своих круглых лодках-корзинах с моря, с уловом. Причалив лодку к берегу, один-два вьетнамца помогали рыбаку с помощью специальных бамбуковых шестов оттащить её на песчаный берег, метров на десять – пятнадцать от воды.

В лодках грудою лежали сети и ловушки. Подстелив на песок подле лодки клеёнку или кусок полиэтилена, начинали перебирать сети, выпутывая и отбрасывая в сторонку улов. В крупноячеистые сети попадали в основном ракушки-рапаны размером с кулак, разноцветные раковинки-гребешки диаметром со стакан, кальмары, лобстеры, членистоногие, с вёсельными хвостами серые королевские креветки; поблёскивала не очень крупная рыба (внешне напоминающая мне ставридку и сайру); между ними какие-то пластинчатые желеобразные коричневатые водоросли (или что-то иное?). Признаться, я ожидал большего и разнообразного. Очищенные от улова и мусора сети укладывались в груду, улов же сортировался в зависимости от вида морепродуктов.

Помогали в этом деле и женщины, непременно в марлевых масках и конических вьетнамских шляпах. Прямо тут же кололи раковины рапанов и извлекали из них шевелящиеся тела. Остатки раковин бросались на берег, их содержимое – в специальные ёмкости. Тут же находились уже и скупщики – побережные «макашники». Так что выловленный товар у рыбаков не залёживался и реализовывался прямо на берегу.

А вот и ещё один вид рыбалки: из моря вручную выбирали мелкоячеистый (до 10 мм) невод. Этот невод, длиной не менее полукилометра только каждой из стенок, высотой (шириной) метра в полтора, выставлялся вдоль побережья ночью, метрах в трёхстах от берега. Теперь оба конца его начинали выбирать – сначала прочные концы-канаты, постепенно сближая по берегу друг к другу. Каждый конец невода тянули по три рыбака, упираясь ногами в песок и пятясь задом от воды. «Бурлаки», сближаясь с обоих концов, продолжали с усилием делать своё дело, покуда не стала показываться и сама «мотня» невода, взбудораживающая за собой воду. Наконец и основная часть невода оказалась на берегу. Любопытные наблюдатели, в числе коих был и я, подошли ближе. И каково же было наше разочарование уловом: там оказалось всего килограмма полтора мелкой рыбёшки, среди которой попадалась и такая, какую ловили на обычную удочку…

Вечером у себя в номере отварили часть купленных креветок (для этого специально из дома прихватили небольшую алюминиевую кастрюлечку и электрокипятильник), сделали салат из свежих огурцов, помидоров, перца и репчатого лука, заправив всё майонезом. Добавили моих вяленых окуней, сырокопчёную колбасу, сыр, хлеб «дарницкий» – получился вполне приличный ужин. К тому же – пиво и ром. И после ужина купание-барахтанье в бассейне внутреннего двора…

Ручей Фей

Гуляя вдоль улицы, метрах в трёхстах от нашего отеля я неоднократно обращал внимание на мостик, перекинутый через небольшой ручей с красной водой. По ручью постоянно двигались потоки туристов. Как оказалось, это одна из достопримечательностей Муйне – ручей Фей. Ну как тут не посетить его? Дойдя до мостика, по сходням мы спустились к ручью, сняв обувь. Вода в ручье и впрямь была на удивление красной, будто кто развёл в ней гуашь красного цвета. Впрочем, как ни странно, но наши уже изрядно подзагоревшие ноги нисколько ею не окрашивались. Итак, Красный ручей, или ручей Фей. Согласно поверью аборигенов, посещение этого места придаёт дополнительные силы и энергию. Правда, в это надо поверить ещё и самому.

Ручей чем-то напомнил мне пешеходный Арбат или аналогичную улицу в Челябинске, где не было грохота и сигналов проезжих машин, байков, а по нему хаотично сновали лишь одни пешеходы. Ручей вверх по течению от мостика был мелководным, едва доходившим до

щиколоток, шириной всего от трёх метров и до семи-восьми в иных местах. Вода тёплая, как в бассейнах или в море, медленно текущая. И никаких рыбёшек в ней, как и прочей живности, мы не заметили. (Правда, в интернете я позднее вычитал, что иногда всё же попадаются змеи. Да это и неудивительно: левобережная сторона ручья была практически сплошь из джунглевой растительности.) Зато движение по ручью было весьма интенсивным, в обе стороны. Люди не спеша передвигались по руслу – с фотоаппаратами и видеокамерами. У большинства туристов были пакеты с обувью, а то и вовсе обувку несли прямо в руках. Помимо туристов европейской внешности, здесь было много азиатов. И особенно китайцев, которых отличали марлевые маски на лицах. Они не снимали их даже и тогда, когда фотографировались. Большинство пешеходов, попадавшихся нам навстречу, были весьма эмоционально возбуждёнными, явно с положительным зарядом от посещения Красного ручья.

Чем дальше мы продвигались вверх по ручью, тем чаще стали попадаться торговые точки, предлагающие мороженое, коктейли, свежие соки из фруктов и тростника, разнообразные фрукты. В одном месте мы соблазнились даже дегустационными кусочками знаменитого дуриана. Вот тут-то я впервые за всё время осмелился на дегустацию этой экзотики. Запашок от него и впрямь был тот ещё. А вкус – ни с чем не сравнимый. Его мякоть была нежной, пастообразной, вкус – сладко-приятный, но не приторный. И уже напрочь исчезало предубеждение, вызванное запахом. Небольшие кафешки, зацепившиеся за площадочки косогорья, предлагали лёгкий перекус и релаксацию с бутылочкой пива, а то и с рюмкой рома или виски со льдом.

Метров через триста от начала нашего пути по ручью Фей повстречалась красочная высокая арка, представляющая собой пункт пропуска. По обеим сторонам арки стояло по полицейскому, требующему от каждого туриста плату за дальнейшее продвижение по ручью. Поодаль находилась будочка, в которой продавались билеты. И стоил входной билет 15 тысяч донгов (45 рублей). Совсем ещё недавно посещение ручья было совершенно бесплатным. Взимание с туристов платы за практически неокультуренное место откровенно отдавало душком литературного авантюриста Остапа Бендера (в эпизоде с Провалом). А вот суммарный навар, похоже, даже за одни сутки получается здесь весьма приличный.

Деньги, конечно, были невеликими, но за что их с нас взимали, мы так толком и не поняли, поскольку дальнейший путь по ручью не был практически окультурен, разве что убирался мусор, оставляемый туристами, да повстречались дветри беседки и качели-тарзанки… Ну и ещё один аттракцион: вольер, метров пятьдесят по сторонам, в котором находилось два страуса под сёдлами. И за дополнительную плату (100 тысяч донгов) на них можно было прокатиться по периметру вольера, сидя в седле. Но и тут были весовые ограничения – до 70 кг.

Как раз дальше-то и начиналось самое интересное! Ручей протекал по своеобразному каньону, стены которого с левой стороны вверх по течению представляли собой удивительные естественные изваяния из глинопеска, сотворённые ветром, водой, солнцем и временем. Причудливые формы этих стен напоминали чем-то марсианский пейзаж: то пологие песчаные оползни, то вертикальные рельефные столбы. Местами выветренный песок образовывал намёты – большие чистейшие скопления – от самого подножия и доверху, метров на семьдесят. И трудно было удержаться, чтобы не подняться по этому раскалённому краснодюнному песку на самый верх. Не осилил соблазна и я, поднявшись, запыхавшийся, на вершину, зато награждённый за это отличными пейзажными снимками.

Мало того, белоснежные вертикальные плиты-полосы и столбы соседствовали с такими же, но красного цвета. При этом красноцветные изваяния обычно преобладали. Этот красный цвет песка и окрашивал воду ручья, глубина которого местами доходила до колен. Кое-где попадались мизерные ручейки, впадающие в русло. Вода в них была почему-то теплее, чем в самом ручье. Возможно, где-то наверху образовалось от скопления воды небольшое озерцо, и вода там прогревалась на солнце сильнее. А уже из этого озерца стекала вниз. По мере продвижения к конечному пункту маршрута твёрдое песчаное дно всё чаще устилалось камнями, а вода в ручье становилась прозрачнее. Километра через полтора мы упёрлись в причудливый «замок» – всё из тех же строительных, но исключительно серых материалов. «Замок» имел множество башенок и бойниц, а внутри него могло поместиться не более полудюжины человек. И я подумал:

«А может быть, тут и есть главная резиденция тех самых волшебных фей, подаривших этому ручью название?»

Буквально метрах в пяти и чуть позади этого «замка» струился несколькими плоскими водяными потоками небольшой прозрачный водопадик, стекавший с семиметровой высоты. Постояв тут минут пять и сделав снимки, мы не спеша двинули в обратную сторону. Откуда берёт своё начало этот ручей, мы так и не выяснили, но дальше этого водопада никто из туристов обычно не ходит. И, к счастью, никаких змей и прочей жаляще-кусающей гадости мы не повстречали. Ну и слава богу! Зато впечатлений и эмоций тут набрались на весь оставшийся вечер.

27 января 2020 года

Ещё 200 километров на юг Вьетнама

На выходе, перед прибытием автобуса, нас оросили капли тёплого южного дождичка. Мне вспомнилась полусерьёзная песенка из юности: «Добрая примета – капля дождевая…» Впрочем, этот малахольный дождичек сопровождал нас всего-то минут двадцать пять, пока мы ехали по городу. Дождевые капли освежали знойную дорогу, а дворники с лобового стекла автобуса смахивали дождинки, собиравшиеся в ручейки.

Сопровождающим нас экскурсионным гидом на сей раз оказался смугловатый мужчина, назвавшийся Валерием. Его говорок с лёгким акцентом выдавал в нём малоросса. К его чести, за всю экскурсию он лишь однажды обмолвился, что родом с Украины. И больше ни слова о натянутых отношениях Украины с Россией. Чем ближе к бывшей столице Южного Вьетнама, тем больше стало попадаться католических храмов – от миниатюрных часовен и до капитальных соборов, с непременными массивными католическими каменными крестами. Предрассветную темноту вовсю ещё расцвечивали огни новогодних украшений.

Придорожные строения деревень перемежались с приусадебными полями и участками. И всё чаще попадались участки с густыми кустами питахайи, каждый из которых ещё и подсвечивался небольшой электрической лампочкой. Питахайя – культовое растение вьетнамцев, без плодов которого не обходится ни один новогодний праздничный стол. Цветёт и созревает оно исключительно ночью. Причём лучше и быстрее, если его дополнительно осветить и подвести к каждому кусту орошение. Временами попадались участки из стройных рядов лиственных деревьев, к каждому из которых примерно в метре от земли была прикручена получаша. Это – плантации гевей, а в чаши собирается их сок, из которого получают латекс и каучук.

Хошимин – Сайгон. Немного истории

Со слов гида Валерия, Сайгон трактуется как «дерево на реке». Как и многие города и поселения современного Вьетнама, насчитывающие тысячелетние истории, нынешний город Хошимин имел несколько названий. Среди них наиболее распространённым и устойчивым являлся Сайгон. В настоящее время это самый большой город Вьетнама. В нём проживают, по одним данным, порядка 11 миллионов населения, по другим – 8,5 миллиона. Поскольку находится он в дельте Меконга, крупнейшей реки Индокитая, его история уходит в древность. Эту плодородную для земледелия дельту реки, богатую рыбой и морепродуктами, не могли не облюбовать древние народы, проживавшие здесь.

В 1802 году Вьетнам формируется как одно государство. Увы, XIX век не принёс Вьетнаму единства и мира. Активный процесс колонизации Юго-Восточной Азии европейцами не мог не затронуть и королевства вьетов. На этот лакомый кусок нацелила свои алчные интересы Франция, которая, как гидра, от своего наполеоновского эпицентра стала проявлять агрессию во все стороны (Египет и Северная Африка, страны Индокитая, на востоке – Россия и т. п.).

К середине XIX века (1859 г.) колониями Франции стали первые три провинции севера вьетнамского королевства. Экспансивные планы Франции ширились с каждым годом, число провинций, входящих в колониальную митрополию, увеличивалось. С 1867 года столицей французской колонии во Вьетнаме официально стал Сайгон, переименованный по названию реки, объединяя пять южных провинций. Вьетнам периода французской колонии вошёл в историю, литературу и кинематограф под названием Индокитай. С 1867 по 1901 год Сайгон являлся официальной столицей колониального Индокитая.

Тут следует сделать некоторую оговорку. Не всё во время колонизации было так уж и плохо для развития Индокитая и предпосылок для его дальнейшего формирования как единого самостоятельного государства Вьетнам. Французы привнесли во Вьетнам немало и положительного. Благодаря французам Вьетнам обрёл свою

грамотность, прокитайские иероглифы заменены латиницей. При этом была разработана оригинальная грамматика, адаптированная под тонально-слоговой разговорный язык вьетнамцев. Миссионерство несло населению Индокитая новую для них религию – католическое христианство. Строилось множество католических храмов по канонам европейской архитектуры. Появились новые города в европейском стиле. В 1893 году было положено начало строительству города Далат в высокогорном районе.

Благодаря французам во Вьетнаме появились целые отрасли народного хозяйства, в частности молочное животноводство, виноградарство и виноделие. Более сорока лет отдал Вьетнаму французский учёный-микробиолог с мировым именем Александр Йерсен, занимавшийся изучением эпидемий и вирусов, разрабатывая противовирусные вакцины, вплоть до создания в Нячанге научно-исследовательского эпидемиологического центра им. Луи Пастера.

По проектам французских архитекторов были построены уникальные здания в Сайгоне, такие как собор Нотр-Дам де Сайгон, главпочтамт, мэрия, оперный театр, и многое другое. Это из-за налогов на катера и лодки вьетнамские рыбаки научились делать круглые плетёные лодки-корзины, получившие название тхунгчай, широко применяемые и в настоящее время.

И всё же, какие бы блага ни нёс колониальный протекторат, народ всегда стремится к избавлению. Колониальный режим поддерживался в Индокитае благодаря марионеточному правительству королевских династий. Первая половина XX века в цивилизованной Европе взбудоражена революционными движениями. Бывшая могучая Российская империя освобождается революционным путём от царствующей династии Романовых, превратившись в первое в мире социалистическое государство – СССР. Труды его главного идеолога В. И. Ленина становятся достоянием революционно настроенных умов даже в странах Индокитая. Один из сторонников революционных преобразований – вьетнамский коммунист Хо Ши Мин, создавший Коммунистическую партию Индокитая. А в 1941 году по инициативе всё того же Хо Ши Мина была создана Лига за независимость Вьетнама – Вьетминь. 2 сентября 1945 года лидером борьбы за независимость было провозглашено образование независимой Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) с центром в северной части страны – городе Ханой.

Однако осенью того же года французам удалось восстановить колониальный протекторат над южной частью Индокитая, а в декабре 1946 года Франция начала крупномасштабные военные действия против независимой республики в северной её части. И, по сути, именно с этого времени современная история Вьетнама выделяет два самостоятельных государства: Северный (демократический) Вьетнам и Южный (колониальный) Вьетнам. Столицей Южного Вьетнама, как и прежде, является город Сайгон.

В 1950 году военную помощь Южному Вьетнаму стали оказывать США. В противовес им на стороне Северного Вьетнама выступил Китай, имея, между прочим, и свои корыстные цели в виде некоторых спорных островов Южно-Китайского моря.

В 1954 году в Женеве на конференции было узаконено соглашение между противоборствующими сторонами, согласно которому прекращалась история колониального Индокитая и признавалось два самостоятельных и суверенных государства Вьетнама, разделённых по 17-й параллели.

Северный Вьетнам, со столицей в Ханое и лидером Хо Ши Мином, вступил на прокоммунистический путь развития. Южный Вьетнам (с Сайгоном) оставался пока ещё под колониальным протекторатом Франции, управлялся марионеточным правительством последнего императора Бао Дай. Недовольство марионеточным правительством привело к тому, что в Южном Вьетнаме стали формироваться силы сопротивления, что повлекло за собой, по сути, гражданскую войну.

Императора Бао Дай сменило правительство Зьема, не менее марионеточное. В 1960 году под влиянием патриотически настроенных сил и коммунистов создаётся Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, получивший вскоре название Вьетконг. Вьетконговцы (вьетнамские коммунисты) начинают активные военные действия против колонистов и поддерживающей их режим части народов Южного Вьетнама. Мало того, они обращаются за помощью к военным силам Северного Вьетнама (ДРВ). И те через горы и территорию соседних Камбоджи и Лаоса перебрасывают в Южный Вьетнам до 40 тысяч своих военных вместе с

оружием и техникой (так называемой Тропой Хо Ши Мина).

И с 1965 года в эту войну втягиваются военные силы США – якобы для оказания помощи по просьбе правительства Южного Вьетнама. После поражения американцев в войне, в 1975 году, Сайгон переименовывают в Хошимин в честь вождя вьетнамских коммунистов. Южный и Северный Вьетнам наконец-то объединяются вместе и с тех пор существуют уже как Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ). А ныне вновь возвращено прежнее официальное название – Демократическая Республика Вьетнам. Между столицей нынешнего Вьетнама Ханоем и Хошимином расстояние 1 700 километров.

Современный Хошимин, с населением 8,5 миллиона человек, – многонациональный город, в котором основными являются вьеты, хоа (китайцы), кхмеры и тямы. Порядка 80 процентов населения исповедуют буддизм (во всевозможных его проявлениях), 10 процентов – католики. Хошимин – крупнейший промышленный, научный и культурный центр Вьетнама. Одних только высших учебных заведений насчитывается в нём более сорока.

Музей военных преступлений

Туристический автобус, миновав широкий и довольно длинный мост через реку Сайгон, петляя по не очень пока загруженным улицам Хошимина, продвигается к месту нашей первой остановки. Приятно удивляют и даже поражают виды новых кварталов этого города – гигантскими высотками из стекла и бетона. Да и улицы здесь, не в пример Муйне и Фантхьету, намного шире и чище. Такое впечатление, что находишься в самом настоящем цивилизованном европейском мегаполисе. Особо поражает своим величием комплекс высоток, принадлежащих одному олигарху – долларовому миллиардеру, начавшему бизнес с лапши быстрого приготовления. В центре комплекса высится здание Bitexco Financial Tower, со смотровой площадкой на 49-м этаже и выступающей площадкой (примерно на уровне 40–50-го этажа) для посадки вертолётов ВИП-персон.

Военный музей – это целый музейный комплекс, находится недалеко от центра города. Пройдя через пропускные ворота, попадаем на открытую огороженную территорию, на которой экспонируется военная техника, применяемая в течение двадцатилетней войны американцев против вьетнамцев: различные самолёты (за исключением бомбардировщиков Б-52, которых за всё время военных действий было сбито всего две единицы), боевые бронированные вертолёты, артиллерийские орудия (вплоть до гаубиц и ракетных установок), боевые машины пехоты и бэтээры, огнемёты, миномёты и гранатомёты… Особое место под открытым небом занимают образцы авиационных бомб. За время боевых действий американской военщиной было сброшено на Вьетнам более 18 миллионов различных авиабомб! Население всего Вьетнама составляло на то время порядка 45 миллионов человек, нетрудно подсчитать, что на трёх вьетнамцев приходилось по одной авиабомбе.

Мало того, американцы в этой войне испытали многие виды запрещённого химического и бактериологического оружия, вылив на территорию Вьетнама 80 миллионов литров отравляющих веществ! От такого оружия, как напалм, заживо сгорели тысячи вьетнамских сопротивленцев и мирных жителей. Особой жестокостью со стороны американцев отмечено применение диоксина, от которого гибли не только люди и животные, но и вся растительность. В местах его применения, как после пожарищ, стоял совершенно голый лес. Не менее варварским было и использование белого фосфора.

25 февраля 1969 года (ровно за неделю до событий на советско-китайской границе на острове Даманском) благодаря бесстрашию журналистов мир облетела весть о небывалой жестокости американской военщины, когда было уничтожено мирное население (500 человек), включая детей и даже грудных младенцев, вьетнамской деревушки Сангми. По приказу самодура-лейтенанта вооружённые до зубов вояки расстреливали едва ли не в упор из автоматов всех подряд, кто бы ни попался им на пути, в том числе и спавших в своих домах и кроватях немощных стариков и малолетних детей. Якобы из-за того, что мирные крестьяне здесь оказали сопротивление американским солдатам. Удалось спастись лишь 32 жителям, поведавшим о зверствах «освободителей». Сангми – это вьетнамская Хатынь…

Более трёх миллионов погибших вьетнамцев – таков итог сопротивления и борьбы за независимость вьетнамского народа против американской военщины. Почти девять миллионов граждан Вьетнама и его союзников прошли через эту войну. Потери американцев за десять лет

боевых действий составили порядка 58 тысяч солдат и офицеров. На стороне Вьетнама было немало советских военных инструкторов. Советский Союз официально не принимал участия в боевых операциях, тем не менее потерял здесь более 40 своих сограждан.

Три этажа здания военного музея своими экспозициями наглядно показывают преступные зверства американской военщины против регулярных войск, партизан и мирных жителей этой маленькой свободолюбивой страны, боровшейся за независимость. Стрелковое оружие всех видов и модификаций, тысячи экспонатов боеприпасов, гранат, мин и патронов заполняют залы музея. А ещё – фотографии людей, от которых становится дурно и не выдерживают нервы, на которые невозможно смотреть без слёз и спазмов. Людей, изуродованных не только стрелковым оружием, но и воздействием отравляющих веществ, а также рождённых послевоенных детей-уродцев… Отголоски той войны протуберанцами прорываются и в наше время. На потомстве отражаются.

С захватом правительственного здания Южного Вьетнама объединёнными национально-освободительными силами 30 апреля 1975 года официально заканчивается эта кровопролитная война. Войска США были полностью выведены из страны, а бывшую военную базу США в Камрани арендовали у СРВ военные СССР.

Нотр-Дам де Сайгон

Миновав красивое здание народного собрания, в проектировании которого принимал участие знаменитый французский архитектор Гюстав Эйфель, наш автобус подъезжает к самому центру города – главпочтамту и собору Нотр-Дам де Сайгон, находящимся на площади Парижской Коммуны. Католический храм Нотр-Дам де Сайгон не без основания можно считать младшим братом знаменитой французской базилики Нотр-Дам де Пари. На это родство указывает и первая часть названия (Нотр-Дам де). Кто же из иностранных туристов, приехавших в Париж, минует несомненный шедевр средневековой архитектуры – собор Парижской Богоматери, воспетый в литературе французским классиком Виктором Гюго?

Для возведения собора по подобию парижского из Франции завозились морским путём абсолютно все строительные материалы, предметы внутреннего убранства и даже уникальный музыкальный инструмент – орган. Открыт собор был на католическую Пасху. С момента открытия католическая базилика Сайгона получила статус государственного собора Франции. В 1895 году к основному зданию пристроены две боковые колокольни. Согласно архитектурно-композиционному замыслу, в комплекс собора входила скульптурная группа, стоящая отдельно перед входом на мраморном постаменте. Скульптура символизировала религиозно-государственный протекторат Франции над Вьетнамом. Из бронзы была отлита фигура архиепископа, ведущего за руку принца Кун Ху (сына тогдашнего императора Гия Лонга). Но во время провозглашения Хо Ши Мином Независимой Республики Вьетнам (1945) эта скульптурная группа была снесена с пьедестала. Он оставался пустым более десяти лет, пока не решили возвести новую статую. А кто должен был занять это место, очевидно: та, в честь кого и возведена базилика, Пресвятая Дева Мария.

Между тем Нотр-Дам де Сайгон имеет и архитектурные отличия от своего знаменитого собрата. И не только в том, что он меньше размерами. К примеру, у него отсутствуют изваяния химер, сидящих на верхнем ярусе по периметру крыши. Не полюбоваться воочию и уникальными витражами окон и плафонов перекрытия. Красоту витражей этого собора в какой-то мере воспроизводят лишь цветные фотографии. Сами же витражи были порушены во время боевых действий в Сайгоне и до сих пор не восстановлены. Да и вообще, полная реставрация собора ещё далека от своего завершения. К тому же после недавнего трагически-печального события с пожаром в Нотр-Дам де Пари было решено и в этом соборе заменить тяжёлую черепичную кровлю на более лёгкую, из негорючих материалов. Так что боковые фасады находятся в строительно-реставрационных лесах. Да и внутрь собора туристам не попасть. Зато фотографируйся на его фоне сколько душе угодно!

Чем ещё примечателен собор, так это белоснежной статуей Богоматери. Изваять фигуру Богоматери было разрешено итальянскому скульптору Джузеппе Сиочетти. И в 1959 году четырёхметровая статуя Девы Марии из белого мрамора была возведена на пустующем постаменте. В руках Пресвятая Дева Мария держит глобус, попирая ногой змею. А не так давно, в 2012 году, эта статуя явила миру чудо – замироточила. Впрочем, официально это чудо главой

Ватикана и всей католической церкви Папой Римским признано не было.

Главпочтамт является достопримечательностью современного Сайгона (Хошимина). Как и здание народного собрания, он проектировался при участии Гюстава Эйфеля, а посему является объектом охраны ЮНЕСКО. Над его арочным входом в полукруге красуются крупные буквы латиницы: «Buu Dien», под ними – часы.

Почта как весьма сложный институт передачи письменной информации и посылок в настоящее время утрачивает своё былое значение и традиции. Виной тому мультимедийные средства коммуникации. Тем не менее почта вообще и главпочтамт в Сайгоне до сих пор считаются действующими. Отсюда можно отправить почтовое сообщение в виде открытки в любом направлении.

Здание главпочтамта соседствует с упомянутым храмом. И изрядно контрастирует с ним как по архитектуре, так и по цветовому решению. Выполнено оно в серых тонах в отличие от собора. Оно и понятно: религиозность по тем временам имела доминирующее значение. Вместе с тем здание главпочтамта, не подавляя величие собора, входит в единый архитектурный ансамбль центральной площади. А когда входишь внутрь здания, для тебя открываются объёмы – со сводчатыми высокими витражными потолками, боковыми «крыльями» (ныне занятыми под торговые залы). На стене, противоположной входу, большой красочный портрет вьетнамского кормчего Хо Ши Мина. В целом же внутренний антураж этого почтамта чем-то напомнил мне Пассаж в Питере.

Возвращаясь к теме действенности главпочтамта, отмечу, что всем иностранным туристам здесь непременно посоветуют купить у уличных торговцев (или в киосках почтамта) красочную объёмно-складную открытку с видами Сайгона и отправить её домой или своим родственникам-знакомым. Правда и то, что идти такая открытка до адресата будет весьма долго. Отправители приедут домой гораздо быстрее, чем придёт открытка. Так что эта открытка лишь своеобразный свидетель того, что «и я там был».

И ещё. В небольшом скверике справа от входа в главпочтамт поставлена скульптурная группа в честь первого вьетнамского космонавта – Героя Вьетнама и СССР, лётчика Фам Туана, сбившего в своё время один из двух американских бомбардировщиков Б-52. Сие сооружение символизирует причастность Вьетнама к покорению космоса. А по левую сторону от входа тоже скульптурная композиция – в виде двух вьетнамских бойцов-партизан (парень и девушка с оружием в руках) – символ повстанческого национально-освободительного движения вьетконговцев.

Послеобеденный променад

Собрав после обеда группу, Валерий провёл инструктаж на дальнейшие два часа нашего свободного времени в Сайгоне, раздав каждому карту-схему и сообщив номер своего телефона (мало ли что). Порекомендовав сходить на центральный рынок Сайгона, наметил он и обозначил нам время (2 часа дня) и место сбора (всё у того же собора и главпочтамта).

Высмотрев по карте месторасположение рынка, мы не спеша двинулись к нему в надежде купить там внуку обещанное лего или что-нибудь оригинальное, чего не было в «наших» магазинах Муйне. Поплутав, вышли к бесконечным торговым рядам. И, пройдя немного, мы были изрядно обескуражены: ничего особенного там не было – всё тот же ходовой ассортимент товаров, что и «у нас». Нигде не обнаружили и лего. К тому же цены буквально на всё были в два, а то и три раза выше. Ну и на кой нам такой рынок?! Всё это можно было приобрести едва ли не в любом магазинчике Муйне, но значительно дешевле.

Повернув от торговых рядов на примеченный ориентир – самое высотное здание города, мы двинулись в обратную сторону. Пройдя немного назад, встретили по пути очень красивое белокаменное строение оригинальной конструкции со множеством архитектурных украшений. Им была ратуша, или мэрия, построенная также французами. Мэрия, или, как официально называют, здание Народного комитета Сайгона (Сайгон сити-холл), строилась по проекту архитектора Фернанда Гардеса. Строение предназначалось первоначально под элитный отель. Однако удобное расположение практически в центре города послужило основанием для размещения здесь городской ратуши. А с получением Вьетнамом независимости в этом здании стал заседать городской Народный комитет.

После объединения Вьетнама через дорогу от ратуши был установлен памятник вождю Вьетнама. На мраморном красном пьедестале скульптурное изображение сидящего Хо Ши Мина с ребёнком на коленях и книгой в руках.

Перпендикулярно к ратуше расположен сайгонский «Арбат» – пешеходный проспект, наря-

женный по случаю Тета всеми мыслимыми и немыслимыми украшениями, яркими живыми цветами и украшенный скульптурными композициями, символизирующими наступающий Год Мыши или Крысы. Едва мы попали на этот проспект, как на нашем пути возник упомянутый памятник самому почитаемому во Вьетнаме человеку – Хо Ши Мину. Он расположен спиной к мэрии, устремляет свой взор вдоль проспекта – в светлое будущее вьетнамского народа, правой рукой указуя этот путь. Памятник этот, в полный рост, семиметровой высоты, был поставлен на прежнем постаменте вместо сидящего вождя в 2015 году.

Чем дальше мы продвигались по проспекту, тем больше народа его заполняло. Признаться, преобладали толпы китайцев, кои безошибочно угадывались по марлевым маскам-повязкам и восторженному фотографированию во всяких изощрённых позах.

Не могли и мы не оставить память об этом замечательном месте и дне пребывания в Сайгоне на флеш-карте зеркального аппарата. А фоном послужили: великолепный фонтан с распустившимся крупным розовым лотосом посредине; дружелюбные скульптурные группы мышей и крыс; огромный поднос-ваза с яркими экзотическими тропическими фруктами; решётчатая шпалера с витиеватыми цифрами «2020»; огромная клумба с цветущими орхидеями самой разной расцветки; вазы и вазоны с крупными золотистыми цветами хризантем… И куда ни глянь – высотки-небоскрёбы современного сити!

По пути к месту сбора забрели мы в одну из уличных галерей, где выставлены яркие картины, ещё вовсю пахнущие масляными красками. Это был своеобразный вернисаж: полотна героического эпоса; ярко сочные натюрморты, пейзажи и бытовые сцены, в которых присутствовали крестьяне в национальных конических шляпах, рыбаки в лодках, женщины с палками-коромыслами на плечах; городские пейзажи и жанровые сцены – с домами и улицами, заполненными людьми, байкерами и даже велорикшами; портреты людей, лирические и любовные сцены – вплоть до ню, но в стиле кубизма… И получили мы от их созерцания немало удовольствия и положительных эмоций.

Никого не потеряв и не забыв, наш автобус с переполненными эмоциями пассажирами в начале третьего часа дня отправился обратно. И где бы мы ни ехали по городу, отовсюду была видна высотка-башня, ставшая визиткой-ориентиром Хошимина. Кстати, два названия города – как прежнее Сайгон, так и нынешнее Хошимин – здесь равноценны в употреблении. (Замечу, что, пытаясь хотя бы чуточку проникнуть вглубь истории этой страны, я немало поплутал по совершенно различным названиям одних и тех же городов, сооружений и храмов Вьетнама…)

Экскурсия в Сайгон оставила впечатления, под которыми находимся до сих пор. Хотя что можно увидеть в таком мегаполисе, как Сайгон, за какие-то четыре-пять часов дежурного пребывания в нём? Там, пожалуй, и за месяц специальных экскурсий всего не пересмотреть и не познать… Но остаётся лишь утешиться афоризмом мудрого Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Впрочем, что Сайгон по сравнению с миром? Песчинка всемирной истории, культуры и этнографии – не более того. И насколько же мизерны наши возможности и жизненный век. А ведь многим не доведётся увидеть даже и того, что Бог отпустил на нашу долю…

3–4 февраля 2020 года

Вот и подошло к финишу наше нынешнее пребывание в курортном Муйне. Предужинный променад, покупки. Ужин. Телевизор, карты. Звонки друзьям. Иногда – вечернее купание в бассейне. Сон… В общем, сплошное беззаботное курортное сибаритство!

Правда, за это время ещё парочку раз наведывался на рынки – в сторону города и рыбацкой деревни. В основном за полюбившимися свежими креветками и овощами. И за всё пляжное пребывание у моря я ни разу не прилёг (в отличие от жены) на лежанку. В лучшем случае – прямо на песок: погреть свои ревматические коленки. Но каждый раз брожу вдоль побережья, уходя в обе стороны километра на полтора. В сторону города встречаются неплохие приотельные пляжи с чистым песком и более чистой водой. Местами, помимо «макашен», прямо на берегу попадаются массажные пункты. Салонами их назвать никак нельзя: под навесом из пальмовых ветвей один-два массажных стола, ну и массажисты с клиентами…

Как и инструктировал нас гид-куратор Максат, после обеда в предпоследний день справились на ресепшене о времени отбытия из отеля и города. Время нашего отбытия из отеля, как и вылета из Камрани, немного сместили к утру. Если быть точным, на 3:15 ночи.

Днём занимались закупкой фруктов, кофе, рома, подарков и сувениров, тратя оставшиеся

разменянные деньги. И упаковкой чемоданов. На сей раз нам было разрешено дополнительно к багажному весу (по 20 кг на человека плюс 5 кг ручной клади) провезти по пять килограммов фруктов. Купив парочку удобных пластмассовых корзинок всё у того же Вани, заполнили их фруктами, в основном манго. Помимо них, парочка питахайи (с белой и красной мякотью), один хороший сочный ананас (их-то теперь зачем везти домой – в каждом магазине продаются, и не очень дорого), с десяток плодов маракуйи, сахарное яблоко, по полкило лонганов и рамбутанов… Упаковали, подписав корзинки, чтобы распознать уже у себя в порту.

Вьетнамцу Ване я подарил с автографом книжку «Пхукет – остров спасённый» и парочку кедровых шишек, прихваченных с собой в качестве презентов. Такому презенту и вниманию Ваня был искренне рад! Оставшиеся кедровые шишки хотел подарить горничным. Но те, увидев их, отреагировали бурно отрицательно, зажав ладонями рты, словно от рвотного. А может, они этим хотели показать, что боятся поломать зубы о наши крепкие кедровые орехи?!

И ещё. Оставались две моих книжки из цикла «Записки кемеровского туриста» о Пхукете и Гоа. Выставил их (а у каждой положил ещё и по кедровой шишке) на полочку свободного обмена книгами возле ресторана. И буквально через полчаса их там уже не оказалось. Приятный момент для автора – читают-с…

г. Кемерово

Марина КАРПЕНКО

АНЮТИНО БОГАТСТВО

На улице Васильковой, возле дома номер семнадцать, грузовик выгрузил большую кучу песка.

Обрадованные дети с лопатками и ведёрками поспешили воспользоваться возможностью поиграть, построить замки, постряпать куличики.

Увлечённые игрой, они не сразу заметили загадочно ковыряющую носком сандалика песок Юлю.

– А давайте хвалиться богатством, – предложила она.

– Как это? – в предвкушении новой игры замерли дети.

Юля торжественно поставила на краешек скамейки коробочку из-под конфет. В коробочке находился сплетённый из проволоки в разноцветной оболочке перстенёк, несколько бусинок и брошка в виде бабочки.

– Хорошо, – согласилась за всех Света, – мы сбегаем домой и принесём богатство.

Она хотела для важности назвать время всеобщего сбора, ей уже объясняли, как пользоваться часами, но только выдохнула:

– Скоро.

Большинство детей уже вернулись, не было только Павлика и Анечки.

Наконец появился прихрамывающий Павлик, а затем и Анечка.

– Вот! – разворачивая бумажку, показала своё богатство Маришка.

На ладошке поблёскивала замечательная перламутровая пуговица.

– А у меня вот! – добавила к пуговице ниточку бисера Света.

Павлик долго вытаскивал из кармана что-то длинное и острое. Это оно заставляло его прихрамывать – кололо ногу. Наконец появилась шляпка большущего гвоздя.

– Вот! – торжественно продемонстрировал гвоздь Павлик.

– А у тебя что? – повернулась к Анечке Юля.

Анечка опустила руку в карман и достала маленький букетик цветов.

– Красивые, – констатировала Юля, – но это не богатство.

– Нет, богатство, – обиделась Анечка. – Это мои глазки.

– Ты маленькая и ещё глупая, – заключила Юля. – Цветы глазками не бывают.

– Бывают, – настаивала Анечка.

– Тётя Даша, скажите, что это? – повернулась к проходившей мимо женщине Юля.

– Анютины глазки, – улыбнулась тётя Даша.

– Она не знает, – заупрямилась Юля.

Дети подбежали к двум сидящим на скамейке старушкам и, протягивая букетик, наперебой стали спрашивать:

– Что это? Что это, по-вашему?

– Не шумите, дети, это анютины глазки.

– Я победила! – гордо задрав курносый носик, заявила Анечка.

Возражать никто не стал. Анютино богатство оказалось интереснее всех.

Вернувшаяся из магазина Маришкина мама застала дочь на цветочной клумбе.

– Что ты там делаешь? Негодница. Ты потопчешь все цветы!

– Я ищу свои глазки, – озабоченно ответила Маришка, раздвигая кусты георгинов.

– Какие глазки? – не поняла мама.

– Свои. Если есть анютины глазки, значит, должны быть и Маришкины.

– А вот мы сейчас посмотрим, – сказала мама, усаживая Маришку на колени. – Раз глазик, два. Кажется, все на месте, – чмокая дочурку в нос, рассмеялась она.

– Точно! На месте! – согласилась, трогая глазки, Маришка.

– Маришкины глазки я, пожалуй, не найду среди цветов, – сказала мама. – А вот ноготки на этой клумбе есть.

Мама сорвала цветок и, немного смачивая лепестки, стала приклеивать их на Маришкины пальчики.

– Красиво, – согласилась Маришка.

– Когда ты вырастешь, то обязательно встретишь человека, который подарит тебе твои цветы, – мечтательно поведала мама.

«Эх, не скоро я дождусь своего богатства», – подумала Маришка и, прихватив ведёрко, побежала к песку.

ВЫБРАЖУЛЯ

Мерно тикают большие настенные часы. На прикроватной тумбочке – чай с малиновым вареньем и градусник. Катюша встаёт на цыпочки и заглядывает в окно.

Со двора, окружённого шелестящими тополями, доносятся весёлые голоса детей.

Большая слезинка медленно катится по пухлой щёчке маленькой Катюши. Слизывая её, Катюша впервые узнала вкус горечи вынужденного одиночества.

– Мама, почему у меня нет друга?

Мама долго гладит Катюшу по белокурой головке.

– Дружба – это очень ответственно. Настоящие друзья заботятся друг о друге. А ты готова позаботиться о друге?

– Конечно! – с радостью восклицает Катюша.

Мама ушла, а Катюша в ожидании расправила платьице и с волнением заглянула в приоткрытую дверь.

– Вот, – протянула мама Катюше зеркальце.

Катюша недоверчиво заглянула в него. Пухлая губка начала подрагивать от обиды и разочарования.

Мама поднесла зеркальце к окну, и на ковре запрыгало маленькое светлое пятнышко.

– Что это?

– Это твой волшебный друг – солнечный зайчик.

Катюша потрогала пятнышко и с восторгом выхватила из рук мамы зеркальце.

– Он будет со мной играть?

– Конечно. Это сигнальное зеркальце. Им ты сможешь позвать своего друга, но когда придёт вечер, его нужно будет отпустить. Вечером все послушные дети спешат по домам.

Целый день Катюша играла с зайчиком: он бегал по стенам, скакал по потолку. Наконец подошёл вечер, и Катюша начала беспокойно поглядывать в окно.

«Вдруг он не вернётся завтра? А вдруг мне захочется ещё поиграть?» – думала Катюша.

Она взяла из маминой спальни шкатулку, положила в неё зеркальце и быстро захлопнула.

Когда на окнах задёрнули шторы, а в комнате погасили свет, Катюша достала шкатулку и осторожно заглянула в неё. Светлого пятнышка не было.

– Зайчик, – тихонько позвала она.

«Наверное, он спрятался, потому что боится темноты. Я тоже боялась, когда была маленькой», – подумала Катюша.

Она долго смотрела в зеркальце в надежде увидеть спрятавшегося зайчика. А потом, чтобы успокоить его, стала рассказывать сказки.

Сначала про Колобка, потом немного про заюшкину избушку. Но всю сказку рассказать не успела, потому что уснула.

Утром в окно заглянуло солнышко.

– Вот попадёт зайчику! Наверно, это его ищут.

Катюша поспешила вернуть пленника. Ей было очень стыдно.

– Простите, – прошептала она, щуря глаза от яркого солнца.

Наверное, простили, потому что солнечный зайчик остался с ней до самого вечера.

Назавтра лил дождь, и, как Катюша ни ждала друга, он не пришёл.

– Ты видишь, какой дождь? Его не отпустили на улицу, – сказала мама.

– Конечно, он же может простудиться, – поняла Катюша. – Не бойся! Я буду о тебе заботиться! – крикнула она в пелену дождя, прижимая к груди маленькое зеркальце.

Вскоре Катюша выздоровела. Осенью пошла в детский сад. У неё появилось много друзей, но с маленьким круглым зеркальцем она не расставалась никогда и частенько, когда ей бывало грустно, заглядывала в него.

«Выбражуля!» – дразнили дети, но Катюша только улыбалась им в ответ.

ВЕСНУШКИ

Точки рыжие на щёчках.
Платье белое в цветочках.
Маша в садик собиралась.
«Мама! Что со мною сталось?
Нос в веснушках не хочу,
Лучше мелом подлечу».
Мама весело смеётся:
«Их не смоешь у колодца.
Ничего с тобой не стало:
Солнце в нос поцеловало!»

ПАДАЛ СНЕГ

Гляжу на мир
Из своего окошка.
Он сложен весь
Из белого горошка.
В горошках люди,
Кони на бегу,
Следы прохожих
Прячутся в снегу.
В горошках едет
К дому грузовик.
С метлой стоит
Пушистый снеговик.
Метель дорожки
Снегом замела.
А дворник ищет,
Где его метла.

Я восхищенья
Подавляю вздох:
Какой красивый
Падает горох!

ЧТО? НЕ УЗНАЛИ?

Вся в песке. Глаза и уши
И ботиночки из лужи.
Бант висит, он развязался.
Поясок в репьях остался.

Сонный ворон на суку
В страхе каркнул вдруг: «Ку-ку!»
Тузик думал: «Это вор».
Кот запрыгнул на забор.

Не пугайтесь. Это наша,
Поиграв, вернулась Маша.
Почему как чучело?
Чистой быть наскучило.

г. Ленинск-Кузнецкий

Елена ПАВЛОВА

ОЧЕНЬ МОКРАЯ ПОГОДА

Очень мокрая погода,
Дождик льёт уже полгода,
И не видно горизонт…
Ухо у слона как зонт.

Спряталась под ним пичужка
И слону твердит на ушко:
«Ах, как тут тепло и сухо!»
«Что-то у меня со слухом, –

Слон был очень удивлён,
Ведь до нитки вымок он. –
Это кто тут в ухе врёт?
А по мне, так льёт и льёт».

ЗАБЫВЧИВАЯ ЖАННА

Учить уроки Жанне
Мешает мух жужжанье.
Залезла с книжкой в ванну
Догадливая Жанна,

Забыв совсем: у ванны
Испорченные краны.
Теперь учить заданье
Кап-кап мешает Жанне!

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Две лошадки возле дачи
Танцевали вальс собачий.
Как же так, ну как же так?
Вальс отняли у собак!
Танцев нет своих нисколько
У лошадок, даже польки!
И теперь для них фокстрот
Сочиняет мудрый крот.

ЗВЕРОЯЩЕР-ДИНОЗАВР

Звероящер-динозавр
Поутру открыл глаза.
Лапы вымыл хорошо
И позавтракать пошёл.
Положил он на зубок
Ростом с башню пирожок,
Выпил тазик молока
И насытился пока.

СНЕЖОК

Лёг в ладошку мне снежок,
Свежий, будто творожок.
Эх, посыпать бы изюмом –
Вкусно было бы безумно!

ГОЛОДНЫЕ ПИРАНЬИ

Вдоль Амазонки
Плывут две пираньи.
Некого скушать.
Пираньи на грани!
Вдруг догадались –
Поплыли по кругу,
Встретились
И растерзали друг друга!

ВЕНСКИЙ СТУЛ

«Ну почему я не расту?» –
Спросил у мамы венский стул.
Ответ не мог быть откровенней:
«Сынок, такие стулья в Вене».

НОЧНЫЕ ЕЖИ

По ночам в лесу ежи,
Взяв от звёзд осколки,
Ими иглы, как ножи,
Точат. Если волки
Или рядом лис бежит,
Ёж от страха не дрожит:
Выручат иголки!

В НОГАХ ПРАВДЫ НЕТ

Не зря осьминогам
Не верит минога,
Ведь знает весь свет:
В ногах правды нет.

Израиль, г. Хайфа

Ирина ЛЯШКО

КУЛЕБЯКА

В духовке сидит кулебяка.
Быть может, она забияка?
Быть может, она задавака?
А может быть, стр-р-р-рашная бяка?
За что-то ведь эту плутовку
Надолго закрыли в духовку?

АППЕТИТ

Дома очень крепко спит
Мой капризный аппетит.
Он особенно сонливый
На котлеты и подливы,
А ещё храпит искусно
На тушёную капусту.
В супе плавает чеснок –
Спит, хитрец, без задних ног.
Стоит мне пойти гулять – и
Аппетит встаёт с кровати.
На площадке, что за диво,
Съесть могу слона с подливой,
Подойдёт и целый кит…
Вот коварный аппетит!

РЫЖЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Конопат, смешлив и юн
Непоседливый июнь!
С мальчишками, с девчушками
Он делится веснушками.
На щёчки, в ямки-лунки,
Насыпал всем июньки.
Июньками богатые,
Ребята конопатые.

ВЕРМИШЕЛЬ

Мне не справиться уже ль
С этим словом – «вер-ми-шель»?
Рот пока мой не привык,
Заплетается язык:
«Гермишель и мырмышель,
Вернишель и мирнишель».
Хорошо, у бабы Томы
Есть простые ма-га-ро-ны.

г. Кемерово

Александр ШКОЛДИН

ХИТРЫЙ ДЕД

Дед прилёг после обеда.
Внук пробрался срочно к деду,
Говорит: «А в тишине
Очень-очень скучно мне.

А давай с тобой играть,
Будем вместе воевать,
А потом с тобою, деда,
Прокричим: «Ура! Победа!»

Будут взрывы, всё – в дыму!»
Отвечает дед ему:
«Хорошо, начнём с победы,
Будто ты встречаешь деда.

Будто кончилась война,
Наступила тишина.
Все устали воевать,
А теперь пора им спать».

ЧУДЕСА

Мама требует ответа:
«Удивительный вопрос!
Неужели среди лета
Приходил к нам Дед Мороз?

Что за странные узоры
На окне, я не пойму?
Реки, ёлочки и горы
Почему там, почему?»

Чудеса в квартире нашей
Папа сразу разгадал:
«Это Саша манной кашей
Всё окно разрисовал».

г. Кемерово

Владимир ПЕРЕВОДЧИКОВ

АКВАРЕЛЬ

Костя Зубов – он тут рядом живёт. Мальчик в синей шапочке. Видите, за молоком ходил. Поставил бидон на лавку. Сел рядом.

Солнышко, хорошо было, весной пахло. Домой идти не хотелось.

Шла женщина, тянула за руку малыша. А тот дёргал её во все стороны: «Баба, баба, а когда выспимся, папа придёт?»

С торца новенького дома, в лоджии первого этажа, зарешеченной железными прутьями, недвижно стояла старушка и смотрела, как показалось Косте, в никуда.

– Ой, – удивился Костя, – зачем это бабушку в клетку посадили?

Женщина, утирая платочком нос малышу, оглянулась.

– О господи! – только и вымолвила. Поднялась и повела внука дальше.

Тут Костя увидел в окне этого нового дома странную девочку, которую видел каждое утро. Иногда никого в окнах не видно, одна эта девочка во всём огромном доме. И улыбалась Косте, и махала рукой. Бледная девочка, худенькая, он никогда её не видел на улице.

Виталик, его ровесник (только Костя в третьем «Б», а Виталик в третьем «А» учится), говорил, что в их подъезде живёт девочка, у которой болят ноги. И её иногда взрослые выносят во двор и куда-то на машине лечить возят. Виталикова мама говорила, что девочкина семья жила возле какого-то чудного завода, там многие дети болеют.

«Наверно, ей скучно, – думал Костя, – ничего интересного. Улица-то ведь тоже новая, и по ней машины и то редко проезжают». Хотя из его окна вид ещё скучнее: за их домом пустырь. А сопки, с которых ныряют дельтапланы, и хоккейная коробка – это совсем с другой стороны.

Вчера он глянул из окна и увидел неописуемое зрелище: за домом снег тает вовсю, а кто-то высыпал медный купорос, и в талом снегу образовалась большая голубовато-зелёная лужа, а по ней собака прошла. Грустная такая собака.

...Девочка плющила нос о стекло и смотрела на Костю. Подошла женщина, наверно, её мама, накинула шаль и приоткрыла окно.

– Ты откуда? – крикнула девочка слабеньким голосом.

– Ходил по молоко.

– А у нас папа ходит за молоком... Я видела, как мальчишки твою шапку на дерево закинули... А ты чего вчера в школу опоздал?.. А рисовать умеешь?

– Стенгазету рисую.

Девочка помолчала, подпёрла кулачками худенькие щёчки. Сморщив нос, пристально посмотрела вверх.

– А что-нибудь большо-о-ое нарисовать можешь? – Голос девочки завибрировал, она смеялась, но смех не летел, а словно падал под окна.

Ветерок скинул с неё, смеющейся, шаль. Тут появилась женщина и окно закрыла.

Сложив воронкой ладошки, Костя крикнул:

– За нашим домом голубая лужа!

Поняла или нет девочка, но кивнула...

Вскоре девочкина мама вышла из дома в резиновых сапожках, побежала на автобусную остановку. «На работу», – подумал Костя и вспомнил, что и его маме пора.

Назавтра вечером Костина мама обнаружила на полотенцах, раковине, эмалированном ведре и даже на Костиных руках всех цветов пятна, за что он получил крепкую трёпку. Потом хватились чернил: все шесть флаконов, что прислали из Москвы, исчезли, как и анилиновые красители, что были в ванной.

– И всё-таки куда ты их девал, Константин? – допытывался папа.

– Я их в снег... вылил...

– За-аче-е-ем? – не то пропел, не то проплакал папа.

– Просто...

– Завтра из дома не выйдешь, – сказала мама.

Папа сердито ушёл в свою комнату, где он обычно работает. А непонятное Косте слово «штукарь», брошенное папой в сердцах, похожее на штукатурку, словно осыпалось с потолка на Костины уши, за шиворот.

Когда оно отшуршало, Костя сказал:

– Знаешь, мама, та девочка... Ну та, которая не выходит, так обрадовалась...

– Чему радоваться-то? Мой руки и ложись спать.

Утром Костя с мамой были возле дома той девочки. «Взрослый бы не додумался», – опешила Костина мама. Вид распахнувшейся картины ожарил ей душу, а в лицо пахнул запахами оживающей земли ветер. Она стояла на причудливом пятнистом, зелёно-голубом лепестке громадного цветка, в середине которого солнечно

горел круг. Во все стороны от этого цветка полыхали другие цветы, поменьше. По правую руку до торчащих из почвы каких-то бетонных пней – пронзительно-голубое море. На волнах его покачивались какие-то две птицы. Чайки?

Мать молчала и отчего-то медленно качала головой. Из-за угла вывернулась вчерашняя грустная собака и побрела по морю, что-то вынюхивая и чему-то удивляясь. Посмотрела на Костю. Улыбнулась ему. Наверное, она что-то понимала. «А люди, – грустно подумал Костя, – ничего не видят и не понимают: им некогда». Некогда даже возмутиться и ругнуть его, «безобразника». Только бросят взгляд на его акварель, на мгновение вздёрнутся их брови, и бегут-торопятся дальше, на остановку.

Взгляд Кости побежал вверх по стене дома. В клетке лоджии стояла старушка и смотрела печально в никуда. Окно на четвёртом этаже было раскрыто, и в нём – девочка.

– Вот она, – тихо сказал Костя своей матери.

– А я уже знаю, как тебя зовут! – изо всех своих слабых силёнок крикнула девочка. – А нарисовал ты, Костя, так красиво – умереть можно!.. Меня Олей зовут. И я тоже тебе нарисую.

И показала белый листок.

г. Кемерово

Владимир НЕУНЫВАХИН

СТРАСТЬ К РЫБАЛКЕ

Родители Артёмки – медики, и большинство игрушек в его арсенале – бывший медицинский инструментарий: старый фонендоскоп, тонометр, термометр и так далее. Однако Артёмка в медицинские игры почти не играет, а соответствующий инструментарий в большинстве своём использует в других целях.

Однажды бабушка, увидев внучонка сидящим на стульчике с задумчивым взглядом, устремлённым вдаль, с фонендоскопом в руках, участливо спросила:

– О чём задумался, доктор?

– Я не доктор. Я рыбалю, – сердито отмахнулся внук.

– Но фонендоскоп-то к рыбалке не приспособлен. Им человека слушают.

– Ну ладно, пусть я доктор. Что вас беспокоит, бабуля?

– Да вот горло болит. Вы можете какое-нибудь лекарство мне прописать?

– Не могу.

– Почему?

– Так я же на рыбалке…

РЫБАЛКА С БАЛКОНА

Сижу на балконе, читаю книгу.

Вдруг вижу: спускается сверху толстая нитка, на самом конце её – толстый крючок, сделанный из медной проволоки. Импровизированная удочка зависает на уровне моих глаз. Тихо поднимаюсь с кресла, выглядываю и, задрав голову, вижу: между железных прутьев ограждения балкона над моей головой торчат детские ножки в носочках в цветную полоску и конец корявой палки, к концу которой и привязана нитка.

«Ага, всё ясно, – думаю я. – Это юный рыболов закинул удочку и ждёт поклёвку».

На цыпочках бегу на кухню, хватаю полиэтиленовый пакетик, бросаю в него несколько шоколадных конфет и пару пряников. Аккуратно цепляю пакетик на крючок и тихо отпускаю. Удочка сразу же под тяжестью мешочка опускается на несколько сантиметров вниз. И тут же, дёрнувшись, ползёт вверх.

А через минуту слышится ликующий крик мальчугана:

– Деда! Хватит спать! Гляди, я конфеты с пряниками поймал. Такая поклёвка была! Думал, сорвётся…

ФАРАОНЫ И МУМИИ

Нашей Анечке пять лет. А вопросы она задаёт – диву дашься! И откуда она их выискивает? Иной раз даже в ступор вводит.

Однажды приходит ко мне на кухню и спрашивает:

– Мам, а что такое мумия?

– Э-э-э… – начинаю объяснять. – Понимаешь, был когда-то Египет, жили там фараоны. А когда они умирали, из них делали мумии…

– А как их делали и зачем?

– Ой, Анечка, некогда мне. Да и не могу я тебе так доходчиво объяснить, как наш папа. Иди к нему, он тебе всё расскажет.

А сама смеюсь про себя: хана папе, ни в жизнь ему не ответить на такой вопрос. И слышу дочкин разговор с отцом:

– Пап, что такое мумия?

– Мужик сушёный, – невозмутимо отвечает тот.

– А-а-а, понятно. А то мама каких-то фараонов приплела…

СКУЧНО ЖИТЬ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Сколько себя помню, с детства я была страшно любопытной и всё хотела испытать на себе. Ну и, естественно, частенько попадала в такие ситуации, которые были не только смешными, но иногда и опасными для здоровья и даже для жизни.

Когда было три года, я, прослышав, что, если заглянуть в колодец днём, можно увидеть на дне звёзды, отражающиеся с неба, долго вглядывалась, перевесившись через верхний венец колодца, пока не бултыхнулась вниз. Хорошо, в последний момент моё падение увидела бабушка. Прибежал отец и кто-то ещё из взрослых, и меня благополучно вытащили из колодезной пучины.

Потом я испытывала зонтик, как парашют, прыгнув с чердака сеновала, и в результате вывихнула ногу. Вскоре в том же колодце утопила папин топор, проверив на деле, как он умеет плавать: слышала от кого-то жалобы, что плавает как топор…

Став чуть взрослее, я изготовила костюм водяного на бал-маскарад, использовав новые шторы с окон и папину рыболовную сеть, изрезав её на куски… Сканда-а-ал был, ужас!

В третьем классе до безумия влюбилась в песни Муслима Магомаева и очень захотелось быть похожей на него. Грим плохо помогал: нос был не тот, тонкий. Тогда я попробовала засунуть в ноздри вишнёвые косточки, а вытащить их обратно не смогла. Вытаскивая их, папа грозился отрезать мне нос, но потом сжалился, видя мои слёзы, не отрезал.

Однажды пошли мы с ним на рыбалку. Он принялся забрасывать снасти, а мне вдруг очень захотелось стать солдатом. Нужна была каска. И я решила использовать вместо неё ведёрко, что папа взял под живцов. Напялила ведёрко на голову, а дужку завела за подбородок, как ремешок у взаправдашнего солдата в окопе. Ведёрко село плотно, закрыв всё лицо, и стало давить на уши. Я видела только свои ноги. Довольная своей выдумкой, я позвала отца.

– Пап, смотри, – голос был глухой, похожий на эхо, – у меня каска, как у солдата.

Папа некоторое время молчал, а потом сказал плохое слово, означающее, что рыбалке пришёл конец. И стал стаскивать с моей головы ведёрко. Но ничего не получалось. Чтобы освободить подбородок от дужки, нужно было осадить ведёрко вниз, но осадить не давал мой затылок, упершийся в дно. Давящая боль на уши усилилась. Я принялась потихоньку верещать.

Папа метался в поисках решения, грозясь оторвать мою голову вместе с ведёрком, потому что от такой дурной головы всё равно толку мало…

Мою голову, папину рыбалку и вообще честь нашей доблестной армии, солдата которой я пыталась изобразить, напялив на голову ведро, спас соседний рыбак. В его рюкзаке оказались плоскогубцы. Вдвоём они разогнули крепление дужки и стянули наконец-то злополучную «каску». И я принялась растирать свои распухшие уши…

Елена ТРУХАН

ЗАЧЕМ ПЕРЕПИСЫВАЮТСЯ МУЖЧИНЫ?

(О книге Бориса Дюкина «Диалог»)

Историки и литературоведы сетуют: «В XXI веке информатизация и интернет фактически уничтожили эпистолярный жанр!» Вместе с ним безвозвратно удаляются в прошлое целые культурные пласты – письмописание, рукописный текст, всегда считавшиеся важнейшими источниками изучения личности, жизни и творчества знаменитых людей. Все куда-то спешат, впопыхах и с ошибками общаются «по электронке», довольствуются одним-двумя словами в мессенджерах и соцсетях, легко заменяют сложные душевные переживания смайликами и кем-то созданными типовыми словесными шаблонами… Иными словами, сами того не подозревая, ежедневно уничтожают исповедальный и предельно обнажающий адресанта эпистолярий.

Сегодня получить послание, написанное от руки, по «Почте России» – настоящая экзотика! Обмен письмами в конверте сохранили, пожалуй, только организации, официально предъявляющие друг другу какие-то претензии. То же самое можно сказать и об эпистолярных романах, пылящихся на библиотечных полках. Вряд ли кто-то по собственной воле, а не ради зачёта начнёт всерьёз штудировать переписку Андрея Курбского с Иваном Грозным или читать взахлёб шедевры XVIII века: «Памелу…» и «Клариссу…» Ричардсона, «Юлию, или Новую Элоизу» Руссо, «Путешествие Хамфри Клинкера» Смоллетта…

Тем не менее эпистолярная литература не умерла. Её лучшие традиции успешно используют современные авторы. После глубокой авторской переработки, пройдя сквозь горнило единого творческого замысла, сохранив художественную правду и получив здоровую долю условности, переписка продолжает входить в художественный текст. Достаточно вспомнить «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» Мэри Энн Шаффер и Энни Бэрроуз, «Хорошо быть тихоней» Стивена Чбоски, «Одиночество в Сети» Януша Вишневского, «А ещё я танцую» Анн-Лор Бонду и Жан-Клода Мурлева, «С любовью, Рози» Сесилии Ахерн и др.

Трудно представить, что в наше стремительное информатизационное время кто-то вдруг соберётся вытаскивать из электронной почты письма, компоновать и издавать их, руководствуясь строгой хронологией, работать над солидным томом собственной домашней переписки, выставляя частную жизнь напоказ. Хотя как знать, ведь не лень же миллионам современников выкладывать в Instagram свои ежедневные телодвижения…

Одним из таких первопроходцев сохранения эпистолярно-электронного жанра оказался кемеровчанин Борис Дюкин, всю свою сознательную жизнь посвятивший строительству дорог и мостов. Нашёл время и силы, собрал в недрах интернета многочисленные послания и издал в память о своём закарпатском друге по переписке, бывшем однокурснике и «однодумце» Богдане Дряшкабе книгу «Диалог» более чем в триста страниц!..

Любого читателя, берущего с полки очередной том, всегда интересуют вопросы: «Что это передо мной? С каким автором имею дело? Ответит ли он на мои внутренние ожидания? И вообще, стоит ли приступать к чтению?» В этом смысле с «Диалогом» Бориса Дюкина не всё оказалось гладко. Как для автора, так и для его читателя. Во всяком случае, для меня как читателя – несомненно.

Книга имеет многообещающий подзаголовок: «Немногое о многом». Хотя после её прочтения невольно посещает мысль: «Может, стоило изменить на «Многое о немногом»?» Слишком уж часто приходится увязать в повторах и ненужных читателю подробностях, натыкаться на одни и те же мысли, вновь возвращаться к тем же темам. С этими досадными недочётами и недоразумениями вполне мог бы сладить опытный литературный редактор, но его вовремя не оказалось рядом. Ну да ладно! Это не главное.

Итак, о чём всё-таки говорят, то есть переписываются мужчины? О власти и политике (хотя о ней, чтобы не поссориться, постоянно зарекаются говорить), об истории России и Украины, языках, о родных, близких, одноклассниках, знакомых, «о доблестях, о подвигах, о славе…», погоде, экономических преобразованиях, дорогах и дураках, конечно (как же без них, у нас ведь две беды!), о времени и о себе, литературе, СМИ как четвёртой власти, опять о политике, спорте, национальных традициях и закарпатских городах, об устройстве дома, домашних питомцах, детях и внуках, снова об однокурсниках… Словом, как и обещалось, понемногу обо всём. Основной вопрос, сопровождавший меня от начала и до конца книги, так и остался неразрешённым: с какой всё-таки целью автор закидал под одну обложку всю эту эпистолярную пестроту? Каков был оригинальный замысел? Искренне хотелось понять: по какому принципу объединены опубликованные письма? И ответ «по хронологическому» совсем не устраивал.

Знакомиться с «Диалогом» я начала как с эпистолярным романом. Не получилось. Отсутствовала всё та же оригинальная авторская идея и художественность. Да и сюжетная линия – тоже. Всё (боюсь сказать «действие») шло как-то монотонно-размеренно, день за днём, год за годом (поразительно, даже главы были так названы!), цепляясь за частные события из жизни никому не известных людей, поздравления

с праздниками, «большую» историю, прибывающую в книгу исключительно через телеканалы. Создавалось впечатление, что герои перебрасывают через сетку пинг-понговый шарик: туда-сюда, вопрос-ответ… Стало понятно: до последних страниц так и пойдёт: «понемногу обо всём», без какого-либо движения, и в этом точно нет никаких сомнений…

Не зря Борис Дюкин в прологе обмолвился: *«За эти годы накопились сотни страниц нашей переписки. И мне показалось, что это может быть кому-то интересным. Свидетельство современников, которые жили во времена перемен»*. Кому-то? Очень жаль, что автор не додумал, кому именно. И действительно, кому? Кто тот самый потенциальный читатель, которому действительно было бы интересно пообщаться с его книгой? И главное, зачем? А ведь это не праздные вопросы. Это часть ответа на многие «особенности» эпистолярного труда под названием «Диалог».

Один из них, не перестающий меня мучить, касается авторства. И его надо было бы задать не мне, а Богдану, написавшему, по сути, хоть и «с акцентом», но добрую половину книги, не побоюсь сказать, лучшие, самые интересные её страницы. Почему тогда он удостоился лишь скромной роли человека, которому она посвящена? Гораздо честнее было бы взять его в соавторы. Думаю, инициатору издания стоит всерьёз задуматься над этим, а то получается не «Диалог» вовсе, а «Монолог». «Если используешь что-то, даю тебе на это авторское право», – писал Богдан. Но уверена, он имел в виду какие-то «лакомые кусочки», определённую часть тематической информации или качественную «переплавку» написанного им материала в художественный текст, а отнюдь не публикацию почти полной версии личной переписки. А если для сохранения достоверности основная её часть осталась почти в нетронутом виде и был откорректирован только стиль адресата, то почему речь не идёт о соавторстве?

Кстати, о «свидетельствах современников, которые жили во времена перемен». Не знаю, как другие, но я бы не спешила радоваться приходу в мир новых эпистолярных источников конца XX – начала XXI века. Не дотянул «Диалог» Бориса Дюкина ни до значимого «эгодокумента», ни до нон-фикшен. Мысль о том, что перед нами, быть может, историческая переписка двух маститых строителей-дорожников, достойная отдельной полки в ГАК, ГАНО или ГАТО, потерпела фиаско. Перевалив за добрую половину текста, поняла, что здесь почти не будет ничего о строительстве дорог, специалистам-дорожникам рассчитывать на документальные открытия не стоит.

По долгу службы регулярно обращаясь к письмам и архивным документам, могу с точностью утверждать, что письма в «Диалоге» особой документальной ценности не имеют, так как представляют частное, поверхностно очерченное, а не аргументированное мнение известных в узких кругах специалистов. Они не подкреплены никакими деловыми бумагами, не проливают новый свет на широкомасштабные и не перестающие волновать общественность глобальные государственные или мировые события, не корректируют известные ранее факты, не показывают знаменитостей с неожиданной стороны. Они их только упоминают. В «Диалоге», на мой взгляд, нет вообще никаких особых «свидетельств». И каких-то открытий в «эпоху перемен» тоже нет. Разговоры о них есть, и в большом избытке, наброски есть, не спорю, а вот свидетельств нет.

Хотя книга была основана исключительно «на реальных событиях», они совершенно не захватывали меня как читателя, потому как напоминали интересные только двум старым друзьям беседы, с «бородатым» анекдотом и вздохами, неторопливые серьёзные мужские разговоры «за жизнь» на кухне (в силу обстоятельств – электронно-почтовой). В этом смысле «Диалог» для меня прочно вошёл в ряд бесконечных многосерийных реалити-шоу, которыми до предела напичкано сознание соотечественников. Завершить их под силу только самой жизни, в финале оборачивающейся предсказуемым собственным антиподом (надо сказать, причины внезапного обрыва эпистолярного потока подтвердили мою догадку). Про «редкие вкрапления художественного вымысла», свойственные жанру нон-фикшен, вообще говорить не приходится.

Если бы «Диалог» вели два выдающихся политических деятеля, художника, писателя (тут вспоминается, например, наш знаменитый земляк – последний секретарь Льва Толстого Валентин Булгаков, державший переписку с Мариной Цветаевой, Ромэном Ролланом, Георгием Гребенщиковым, Альбертом Эйнштейном, Григорием Потаниным, Николаем Рерихом и др.), а не оставался он обычными посланиями «симпатичных интеллигентных мальчиков», пусть и опытных, известных профессионалов своего дела, получивших достойное образование в одном из ведущих вузов страны, дослужившихся до высоких чинов, наград и званий, тогда всё кардинально бы изменилось. Тогда и уровень переписки был бы другой, и качественно другой читатель.

Но пока мы имеем дело всего лишь с текстом домашней переписки без «приватных подробностей». И выйти за пределы этого формата Борису Дюкину не удалось. «Диалог» – это «переведённые с интернетовского языка на русский» обширные материалы, не более. Действительно, они могли бы превратиться в какое-то художественное произведение или стать его украшением, могли бы вырасти до полноценного нон-фикшен, но пока такого не случилось, потому что никаких шагов в этом направлении автором сделано не было.

«Неужели так ничего и не зацепило в «Диалоге»? – пристрастно спрашивала я себя, завершая чтение. – Там ведь «многое» написано… О «немногом»?..»

Конечно, были моменты и фрагменты. Здесь и светлая ностальгия по ушедшей эпохе, и семейные

истории, и чисто человеческая жалость к стремительно уходящему от нас поколению, вступившему в жизнь в 1960-х. Но более всего запомнились этнографические экскурсы в Закарпатье об устройстве дома, национальных традициях, достопримечательностях, виноделии, местной растительности (как прекрасна японская сакура, целой аллеей цветущая в Ужгороде! Как хочется набрать целую корзину диковинного волошского грецкого ореха с тонкой скорлупой!). Кстати, книга вполне могла бы превратиться в виртуальное путешествие по благодатным закарпатским местам, стать серией захватывающих очерков о быте и нравах неизвестной страны, её культуре и кулинарии, чем привлечь внимание достаточно обширной аудитории – таких, как я, любопытных домоседов. В этом направлении в кузбасской литературе успешно работает прозаик Виктор Арнаутов («Гоа – это тоже Индия!», «Нячанг – белые дома», «Тайский вояж, или Десять дней январского лета»).

И ещё о хорошем. «Диалог» всколыхнул личные воспоминания. В памяти возник эпизод, как за полгода до смерти публицист и прозаик Николай Ничик обратился за помощью в поиске популярных книг-путешествий «Английская свадьба» и «Испанские каникулы» Елены Давыдовой-Харвуд. Их автор – внучка писателя Бориса Антоненко-Давидовича, дочь знаменитого лингвиста и специалиста по стилистике Ирины Голуб, с которой Н. Н. Ничик был знаком и часто перезванивался. Он намеревался написать рецензии на эти издания. К сожалению, его планам не суждено было осуществиться…

P. S. Идея! А не замахнуться ли мне на солидный однотомник? Страниц эдак под триста… Будет называться «Сто мудрых мыслей от ста зрелых мужчин». Спасибо за вдохновляющую идею Борису Дюкину и его другу Богдану. (Ой! Или это не им спасибо? Другим мужчинам? Хорошо, тогда им спасибо!)

Нашлись как раз в «Диалоге» две цитаты, достойные того, чтобы пойти в народ (орфография и пунктуация авторов сохранены):

«Можешь знать хоть 10–15 языков, но русский нужно знать обязательно, вдруг тебе упадёт кирпич на ногу…» (Богдан).

«Мне иногда кажется, что писать стихи в моём возрасте уже нелепо, но у каждого свои недостатки» (Борис).

P. P. S. Когда в размышлениях о «Диалоге» была поставлена последняя точка, позвонила (по старинке – на городской) моя давняя знакомая, пенсионерка за семьдесят. Тихонько пожаловалась на семейные неурядицы, нахлынувшую из-за самоизоляции волну депрессии и пессимизма, бесконечно текучие похороны одноклассников и знакомых, на скорый переезд дочери поближе к столице и подальше от них, стариков-инвалидов, на глухую тревожную беспросветность, которую когда-то она называла будущим. Напоследок вдруг поделилась сокровенным: «Теперь вообще буду молчать! Кругом такое одиночество и непонимание – слова не скажи. Среди близких людей, оказывается, мне и поговорить не с кем. Нет в округе ни одного «однодумца»…»

Я положила трубку и вдруг поняла, зачем и для кого написан «Диалог».

г. Новокузнецк

Татьяна ГОРОХОВА

ОТКЛИК НА СБОРНИК СТИХОВ В. КОВРИЖНЫХ «ЧЕРЁМУХОВЫЙ СПАС»

Сборник стихов «Черёмуховый Спас» Виктора Коврижных вышел в юбилейный для поэта год вступления в Союз писателей России. Книга состоит из двух больших глав, названия которых точно определяют мотивы, звучащие в подборке стихов. В «Сентиментальных сумерках сирени» слышны ностальгические нотки, и перед читателем явственно предстаёт *«над плёсом с водою зеркальною весь в сиреневых сумерках дом»*. Воспоминания о детстве интенсивно излучают тепло, отчего светлее становится на сердце. Это ли не потому, размышляет поэт, что *«то ль была душа моя в былом, или детство в душу посмотрело?»* И, казалось бы, уже так далеки *«синяя речка, обломок грозы, ласковый зов земляники»*, как вдруг *«заклубятся былого туманы на закате вечерних огней»* и *«опять верится, что там счастье моё детское живое»*. И никуда ничего не делось, только теперь *«живёт эта даль вне меня, светом былым продолжает светиться»*.

Стихи, где вспоминает поэт детство, не стоят особняком. Наоборот, они настолько тесно соединены музыкой *«сентиментальных сиреневых сумерек»* в этюд признания любви к родному краю и Родине, что невозможно найти тонкую грань перехода от одного к другому. Это как наполненные любовью сообщающиеся сосуды! И видит себя поэт *«с дудочкой зелёной в руках»*, которая *«поёт на все лады с кузнечиковым звоном»*, а её *«голосок томится за берёзовым заплотом»*, и делает вывод: *«Это душа моей родины – дудка зелёная!»* Природа родного края в стихах поэта В. Коврижных не просто образно красива, она воздушным потоком метафор отрывается от земли и, подсвеченная *«небесным светом»*, устремляется в другие сферы. Это так же, как *«сумерки цветов в тягучий мёд преображают пчёлы»*. Да, у В. Коврижных слово «Природа» созвучно произношению этого же слова у Ф. Тютчева. *«Ветер ль вздохнул? Или, может, Природе светлое что-то явилось во сне?»* Эпиграфом к данной теме взяла бы вот эти четыре строчки: *«Послушна природа божественной воле, любовью и светом желанным полна. Журчаньем ручья, колосящимся полем по имени нас окликает она»*.

Стихотворение «Там, в народной глуши» не открывает одноимённую главу сборника, а завершает её и итожит всю книгу. Почему? Поэт В. Коврижных нашёл ответ, о чём и говорит читателю: *«Я б срубил там избу или даже собор, да топор подобрать не могу»*. А вот отец поэта свой топор, похоже, подобрал по руке и держит его крепко, *«как судьбу»*, а ещё отцовский топор так *«настроен, что услышится звон колоколен»*. А как поэт философски подошёл к этому орудию труда – топору! *«Всё в одном топоре: и исток, и конец, ничего просто так не бывает»*. Вообще, стихотворение «Отец» – настоящая песнь-былина о труде и человеке труда. И было бы правильно писать слова «Труд» и «Природа» только с большой буквы. Стихотворение начинается словами: *«Райский сад рукотворен – отец говорил»*. Ведь это так просто! Чтобы получить райские плоды, нужно сначала посадить деревья и ухаживать за ними, а поэтому *«поначалу лопату Господь сотворил, а к лопате Адама изладил»*. Вот такое получается сотворение мира у поэта В. Коврижных. *«Я полагаю: был вначале труд поводырём дремучего сознанья. Во глубине языческих минут прозрел Господь в процессе созиданья»*. И продолжает поэт воспевать на все лады труд, *«чтобы кормились и божии птицы от насущного хлеба труда»*.

А чего стоят стихи о кране? Казалось бы, ну что можно сказать об этом длинношеем, длинноногом подъёмном механизме? А вот почитайте! У поэта В. Коврижных железный бездушный кран превращается в самое что ни на есть живое существо, обращается он к нему *«милый друг»*, извиняется за то, что *«заездил»* своего рабочего коня, и от этого кран стал жалобно скрипеть. В сборник включены также стихотворения о пиле, об одиноком тракторе, о старой кузнице, протяжке гаек, разгрузке шпал, сенокосе. Но слышит поэт, как вызревает *«в рельсах до поры, словно в трубах оркестра торжествующий музыки шквал!»*, и *«желание моё – обычный труд возвысить до Завета»*.

Уехав в город, оторвавшись на долгое время от *«светлой дали»*, где *«встречный каждый душевной близостью знаком»*, поэт тоскует о родных до боли в сердце местах и говорит, что *«здесь постоять, как заново воскреснуть с щемящим чувством грусти и вины»*. И, в конце концов, оставшись в *«тени величия труда»*, задаётся вопросом: *«Непонятно мне всё же: куда мы спешим, растворяясь в толпе обречённо?»* И о том, что *«вымирают озёра и реки»* и целые деревни: *«…на месте изб и погребов – быльём заросшие провалы и сырость с запахом грибов»*. Но теперь *«живу в селе неторопливо»* и совсем *«нескучно мне в своих веках топтать привычную дорогу до тихой речки в тальниках»*.

Так о чём же, о чём же книга В. Коврижных «Черёмуховый Спас»? И почему именно такое название дал поэт своему творению? Как это обычно водится, в заглавии заложен код всего текста. Это может быть стихотворная строка или фраза. Но в стихах данного сборника слово «черёмуха» встречается всего несколько раз, да и то как цветущая, а следовательно, это весенняя пора, но никак не летняя. «Спас» – сло-

во, не прозвучавшее ни разу в стихах, сразу выстраивает в ряд: «Медовый», «Яблочный», «Ореховый». Но ведь это август! Месяц сбора плодов. Так не в этом ли заключается смысл всего написанного?

Для человека труда, а особенно сельского жителя, хлебопашца и земледельца уборочная страда – один из наиважнейших моментов жизни на земле. Но в то же время это пора и благодарения высших сил и природы за всё то, что дала земля человеку за его труды. И эта награда, конечно, дар Божий. Получается, что небольшое деревце, растущее по берегам сибирских речушек, весной, надевая невестин наряд, не только украшает своим белоснежным цветеньем, но и наполняет горьковатым ароматом всю сельскую округу, а потом рождает сочные душистые ягоды. Испокон веков плоды черёмухи обыкновенной собирали и сушили именно в августе. Так почему же не благодарить Того, кто дарует это человеку, украшая его жизнь, спасая от болезней и голода в зимнюю пору? Возможно, поэтому поэт В. Коврижных и придумал свой сибирский Спас – черёмуховый! *«Он вкусил божью милость в новых безднах сполна. И всему, что открылось, дал свои имена».* Надеюсь, что всем, кто прочтёт стихотворный сборник поэта В. Коврижных «Черёмуховый Спас», станет *«ясен смысл душе без перевода, до печали светлой и до слёз…».*

г. Топки

«ЧТОБ ПЛАЧ РАСХРИСТАННОГО МИРА БАЮКАТЬ КОЛЫХАНЬЕМ СТРУН»

(Рецензия на книгу Алексея Бурко «Дождитесь момента»)

В наши дни книга уже не имеет такого сакрального значения, как ещё, предположим, лет двадцать – тридцать тому назад. Любая информация, в том числе и литературного свойства, стремительно перекочёвывает из печатных на более современные носители, электронное чтение вошло в привычку, обмен сетевыми новостями стал нормой. До книг ли вечно спешащему читателю сегодня? А тем более до поэзии ли? И что вообще для нас сегодня выход новой поэтической книги?

Всеми этими вопросами я задалась, прочитав книгу стихов кемеровского автора Алексея Бурко «Дождитесь момента». Вообще, это удивительное чувство – когда держишь в руках новую книгу стихов. Ведь книга – это не только свод определённых стихотворений, оказавшихся волею случая и авторской прихоти под одной обложкой. Книга – явление мистическое, не меньше. Уживутся ли стихи рядом, найдут ли общий язык друг с другом и читателем, сумеют ли составить единое целое, которому суждено будет прожить долгую жизнь? От этого зависит судьба книги – интересно ли будет читателю гостевать на её страницах, захочется ли возвращаться к прочитанному, отложится ли в сердце сказанное поэтом? В общем, новая книга – это таинство, волшебство, если хотите.

И здесь очень важен бывает критический разбор, составленный по горячим следам прочтения. Именно как первая реакция, как собрание вкусовых ощущений после первого знакомства – здесь и сейчас. И первоначальные впечатления таковы: книга «Дождитесь момента» насыщена воздухом свободы, страстью, энергией и ещё… каким-то космическим, сверхразбитным отрицанием всего и вся, но главное – зазубренных, затверждённых кем-то и когда-то догм.

Алексей Бурко не новичок в литературе. За плечами успешное участие в поэтических конкурсах, публикации стихов в журнале «Огни Кузбасса» и коллективных сборниках, а также книга стихов и прозы «Будем летать…». А ещё – встречи и литературное общение, фестивали и походы – об этом замечательно сам автор говорит в задорном и ярком, лексически смелом стихотворении «Кузнецкий бассейн»:

Я хлебал киселя в Киселёвске,
В шестаковскую степь уходил,
Я в Итате заказывал клёцки
В пёстром обществе дальних водил,

Я на Тёбе утюжил пороги,
По три дня фестивалил в Юрге,
Хмурый Каз проезжал по дороге
В горнолыжный крутой Шерегеш…

Опыт, столь необходимый любому писателю, собран немалый, впечатлений хватит на несколько жизней. Отсюда – при должном уходе и бережном развитии – есть все предпосылки для роста крепких, сильных и больших стихов.

У поэзии Алексея Бурко есть нутро, есть стержень. Есть индивидуальность, свой, выработанный голос (или авторский почерк). Чуть перчика-иронии, тёплая щемящая лирика, своеобразные ракурсы, чёткая авторская позиция, тонкие отсылы к другим авторам, известным изречениям и символам, изысканные аллюзии, смелые, ломаные метафоры… Я говорю «ломаные», потому что они иногда недокручены до конца, словно предоставлены для додумывания читателю:

Всем селеньям, народам, державам
Манифествую с пеной у рта,
Как надмирный Кузбасс уважаю
И приветствую звоном щита!..

Благодаря окказионализму «манифествую» и образу щита, который читатель волен домыслить по-своему, автор изящно уходит от прямолинейной назидательности и плакатности, обыгрывая свою причастность к направлению соцреализма, однако чётко демонстрируя тем не менее устремлённость в поэзию новых горизонтов.

Или:

И так получается, нас одурачил
насмешливый ментор,
когда искушал в поцелуях чердачных:
«Дождитесь момента –

и вам повезёт, ведь на дальних маршрутах
есть тайные страны,
и если живут здесь одни лилипуты,
то там – великаны…

Стихотворение «Теперь-то мы знаем» по-настоящему затрагивает душевные струны – правдивой глубиной своей, высокой болью, бесшабашной надеждой:

Мы верили слепо, подобно баранам,
куда же деваться –
мы верить хотели, ведь было тогда нам
всего лишь по двадцать.

Теперь-то мы видим, что нет исполинов –
всё больше пигмеи,
а вместо летающих глыб-цеппелинов –
воздушные змеи…

Метафора надежды и разочарования проходит через всё стихотворение, из строчки которого и взято название для всей книги. Оправдывается ли эта надежда юности на лучшее будущее? Об этом, собственно, вся книга…

А ещё в метафорах этого автора используются различные понятийные и лексические пласты. И, на мой взгляд, это придаёт своеобразия поэтическому языку и невероятно обогащает его. Например, «углекопные раны земли» – подача образа страдания через шахтёрские символы (стихотворение «Кузнецкий бассейн»). Или невидимые ладони, однажды прочно накрывшие плечи, словно военные погоны. То есть ладони эти видятся поэту как высшая награда, достижение (хотя погоны обычно награда заслуженная, а любовь всё же в большей степени дар). Но здесь как раз и кроется тонкость тропа: автор говорит о выстраданной любви, давшейся болью, трудом…

«Поры щелястого тротуара» (стихотворение «Взрыв») – это тоже составная метафора, очень яркий образ. Здесь же отлично найдено слово «отзвучье». Вообще весь стих плотный, густой, непростой, хочется в нём производить раскопки, искать невидимые миру амфоры.

Вздымая дымы и перья,
взорвётся твой мир однажды,
и станет совсем неважно,
во что ты нелепо верил.
В мгновенной блестяшке сора,
в секунде щемящей боли,
в просвете ничтожной доли
мерцания светофора,
сближая мечты и страхи,
взметнётся снаряд баллисты,
свирепый, как бес бесстыдства
пупка обнажённой махи…

Не могу не сказать, что в книге есть моменты, о которые словно спотыкаешься, но мне все они представляются легко устранимыми недочётами, над которыми автор ещё непременно проведёт работу. Например, коротенькое стихотворение «Давай улыбаться людям». Поскольку в нём явственно слышны нотки из поэзии предшественников, я бы посоветовала поставить эпиграф – это всегда обогащает хорошие стихи (а это хорошие стихи!), к тому же демонстрирует эрудицию автора. Здесь слышится добрая перекличка с Пастернаком («Давай ронять слова…») и Окуджавой («Дай же ты всем понемногу и не забудь про меня…»). Хотя мне почудилось ещё и окуджавское «Давайте говорить друг другу комплименты…». И ещё кажется спорным момент с сердечным грузом, обузой, от которой люди почему-то летают. Два устоявшихся образа (любовь как сердечный груз и любовь как полёт), соединяясь, словно взаимоисключают друг друга. Также неудачно звукосочетание «ебилбы» – именно так на слух воспринимается строка «Я бил бы поклоны эти…»

Стихотворение «Предлагаю» довольно-таки достойный манифест поэта, за исключением двух строк: *«Полно пыжиться, потеть мышцами – / Не достигнуть вам моей выси!»* **Утверждение кажется слишком прямолинейным, к тому же потеющие мышцы не очень ладно складываются в образ. Сомнителен и образ клизмы-половодья в стихотворении «Карантин» из-за своего неоправданно снижающего поэтический градус эффекта:**

Тогда подросткам станет не до сна,
Мангалы звёзд затлеют в небосводе,
Тогда назначит эскулап-весна
Запорным рекам клизму-половодье.

Ох, не всё то золото, что порой представляется автору точным и ярким сравнением!

Кстати, иногда именно выход книги необходим автору более, чем его читателю, поскольку стихи, абстрагируясь, уходя в другую плоскость, самому автору после издания начинают видеться несколько иначе. И это отличный шанс взглянуть на своё творчество со стороны, оценить его заново, увидеть написанное глазами критика и читателя и понять, что и где ещё можно докрутить. А для этого очень хорошо иметь возможность дать стихам дозреть уже в свободном полёте.

Но находок, конечно, гораздо больше, чем недочётов. Легко и даже дерзко поэт пользуется разными частями речи, которые у него переходят при необходимости одна в другую, создавая изобразительные тоннели: «шестаковская», «манифествую» и т. д. Это яркий показатель свободы и даже иррациональности авторского мышления, которой сегодня очень не хватает многим внешне переусложнённым, идущим от формы пиитам.

В стихотворении «Хвост Тельца замахнулся Стожарами…» замечательно показано зарождение мечты и юношеское отношение к жизни как к счастливому билету, огромному звёздному небу, распахнутому только для тебя, когда всё впервые:

Хвост Тельца замахнулся Стожарами,
Звёздный пояс надел Орион.
Мы лежим в одиночку и парами
И таращимся на небосклон…

Здорово схвачено и передано ощущение тоски по звёздам без названий, взгляд на себя из сегодняшнего взрослого мира, где все звёзды, увы, уже открыты…

Ложится на душу и стихотворение «Пришли стихи» – такое чистое-лучистое, очень светлое, полное не мук, но радости творчества. Блестящим по исполнению да и по мысли представляется это стихотворение.

Тревожной музыкой спугнув дом
И развевая сквозняком шторы,
Ночное небо будет слать гром
И умывать своим дождём город.

А после этого прольёт свет
Великолепная луна-месяц
На то, что лучше ничего нет
На свете радостных ночных песен…

Сложное, глубокое, изящно написанное стихотворение – вот разве что эпитет «великолепная» может быть заменён более живым и ёмким. «Уставший гений» – едкая вещица, многослойная, с хорошей сатирической закваской. Но я бы сделала взор не пронзающим (что он пронзает?), а пронзительным.

Сильная вещь «На перроне» – выверенная, законченная, философски-объёмная. Большими поэтическими удачами видятся такие стихи, как «Попутчику», «Всё нет тепла», «Как, замирая, душа поёт…», «Первый поклонник» (очень нежное стихотворение, оригинальное, и про поле с лесом остроумно, и както очень чисто при этом – «преследовать полем того, кто послал тебя лесом»).

…Мы будем смеяться и жить, мы себя не уроним
попыткой ничтожной предречь окончание света,
пока ещё чей-то мелок в онемевшей ладони
корябает стылый бетон: «Я люблю тебя, Света!»

Украшают сборник и стихотворения «Различаю тебя…», «Как много значит короткий миг» («сотня праведных дездемон» – это сильно!), «Пепел» (*«Ты пишешь мне бесчувственные строки, / Но я, любя, читаю между строк»* **– чудный афоризм!), «Я остаюсь!», «Магнат», «С тобой, недорогой…» (вроде и не ново, но искренне, горячо, щемяще). Великолепную игру контрастами представляет собой и заключительное стихотворение книги – «Лети!»:**

Молочнокрылым мотыльком
рябит ночная тьма…
Я наставлял себя тайком,
как не сойти с ума.

Я обучался, как уйти,
не опасаясь дня,
когда скажу тебе: «Лети,
я не умру, любя…»

Впечатляют нравственные поиски автора, попытки вывести на чистую воду низкое и подлое, что ощущается не только в людях и их поступках, но, кажется, и в самом времени.

Вообще в масштабности мировосприятия, размашистости письма, пропускной способности строки (когда время проходит сквозь каждый образ и фразу) в стихах Алексея Бурко чувствуется влияние Маяковского и, возможно, Юрия Кузнецова. Но я думаю, что в этом нет ничего плохого, напротив, такого вот размаха и не хватает подчас погрязшей в куртуазной образности сегодняшней манерно-изысканной поэзии. Ведь буквально набатом звучит бурковское:

Стомильно трубящим шаром
Сжирающих всё племён
По миру катят пожары
Последних его времён.

И кажется, что автор действительно имеет право на такие слова. Главное, не сбить прицел, не потерять точку отсчёта, удержаться на этой неколебимой вере в свою правоту, при этом не зарвавшись, но и не скатившись в комплекс неполноценности. И тогда покаянные слова будут звучать поистине горьким признанием целой страны, от лица которой написано замечательное по силе стихотворение «Повинное»:

И не мог наш мятеж
завершиться успехом.
Крах напрасных надежд
отзывается эхом.
Против ветра гребли
и с бурьяном братались.
Ничего не смогли,
но хотя бы пытались.

Неожиданный и потому взрывающий вывод «хотя бы пытались» – ещё одна грань бурковского протеста, замешанного на революциях и бунтах, на всех «нельзя» и всех кандалах ушедшей эпохи.

Важная знаковая часть поэзии Алексея – её чёткий гендерный посыл. Это поэзия абсолютно мужская, её метафоры жёсткие, размах – державный, авторский взгляд на мир – эпический. И это здорово. Веет от этих строк да и от всей книги настоящей буйной силищей сибиряка, буквально мускулы играют да косточки похрустывают. Есть что-то в лирическом герое Бурко подлинно богатырское. Верится, что такому и впрямь под силу баюкать «плач расхристанного мира» (стихотворение «Тяжёлая лира»).

Теперь с собой покорно пру
тяжёлую бандуру-лиру,
чтоб плач расхристанного мира
баюкать колыханьем струн.

Небольшой по объёму поэтический сборник всегда сложнее по построению более развёрнутой книги, ведь здесь каждое стихотворение на виду, здесь не спрятать ошибок, если они есть, не подменить качества количеством. И как раз в смысле сочетаемости книга «Дождитесь момента» мне видится очень гармоничной и слаженной: в ней как бы присутствует сквозное действие, но тем не менее нет чёткого сюжета, и читатель имеет возможность свободно перемещаться от конца к началу и наоборот без ущерба для понимания.

Название книги мне видится говорящим и даже в чём-то пророческим. Во всяком случае, российский читатель действительно дождался момента – и к нему пришли новые стихи Алексея Бурко со всей их искренней богатырской мощью, лишённой позы совестливостью и сибирской неоглядной силой. Будем надеяться, что и книга дождётся своего момента – верного и чуткого читателя, ценителя настоящего поэтического слова. Чего я с большой надеждой и от всей души желаю Алексею!

Валерия САЛТАНОВА,
член Союза писателей России,
г. Ростов-на-Дону

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ АВТОРОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Екатерина МАЛОФЕЕВА,
г. Чита

* * *

отделение патологии.
иззябшие, голоногие.
на стенах запреты – нельзя-нельзя,
приказ министерства пятнадцать-бис,
всяк заходящий сюда – боись.
усталая врач говорит:
сальпингит, тонус, опять лейкоциты
повышены,
я бы вас всех из больницы вышибла,
старородящие доходяги, кто же вас стерпит,
Господь всеблагий.
в ночнушках порванных, бесстыдно
распахнутых,
дыша контрабандным табачным запахом,
соседки стращают новеньких
чисткой без обезболивания:
рогатое кресло – ледяные рукояти
из кабинета глядит внимательно.
кто каши не ест, молока не пьёт,
того ночью сестра увезёт-увезёт,
с каталки скинет, давай не стони,
а с мужем не больно спать?
это тебе, дорогая, не спа,
это карательная гинекология.
ну не сохранили, не боги мы.
санитарочка Вера над шваброй бормочет:
и-и-их, женская доля тяжкая,
терпите, мои хорошие.

расходятся после выписки
палаточные попутчицы.
кому – за-вторым-приходите, кому –
в-другой-раз-получится.
кто – с выписной парадной,
кто – с чёрного входа украдкой.

и шепчешь, и шепчешь: прости-прости.
не всем семенам дано прорасти,
пусть время на мукомольне
размелет в пылинки зёрна,
отмолит сорокоустом.

но, Боже мой, как же больно.
но, Боже мой, как же пусто.

* * *

в озёрной, тёмной, ледяной воде,
русалочьего гребня разглядев
на дне узор заметный, ждём чудес.
и караулим
признание в небесном ведьмовстве:
закатный, дымный, невесомый свет.
узорчатым рисунком тонких вен
безлюдных улиц
любуясь, распознать обманный шаг –
в неоновых змеится миражах,
что время врачевать и воскрешать –

пришёл декабрь.

всё по кольцу, вот ключ, разгадка чар.
уходишь в темноту в вечерний час,
с рассветом возрождаешься, крича,
слепым и слабым,
побыв со смертью миг наедине.
и в вечной суете и беготне
потянется цепочка сонных дней,
пустых, бессчастных.
и крутим мы скрипучий маховик,
и наново мы учим алфавит,
мечась по миру в поисках любви,

горим и гаснем.

Арман КОМАРОВ,
г. Омск

* * *

Пазлы памяти собирать...
Помню брата, отца и мать,
Мятный чай, шоколад в фольге,
Кошку, льнущую к моей ноге,
Дачный домик, трескучую речь печи,
Мамин фартук, мамины калачи...

Рай – отчётливее теперь –
Цветёт улыбками матерей.

Анна ЗОРИНА,
г. Новосибирск

* * *

Убегу в тайгу,
ощетинюсь побитым зверем.
Я никого не люблю.
Я никому
не верю.

Только синь надо мной осыпается звёздной
пылью.
Забудется сказкой всё, что когда-то
случилось былью.

Терять больше некого, нечего,
шум городов
сродни гоготанию ада.
Сегодня ты
предложила любовь,
но навряд ли
мне это
надо.

Ты молода и красива и пахнешь сырым
апрелем,
голос звенит, и в глазах изумрудом таится
зелень.

Я бы пошёл за тобой
по пятам,
обретая в пути своё имя.
Раненый рыцарь,
безумный Тристан,
только немного
синий.

Но демон смотрит мне прямо в лицо,
другой же скулит в затылок.
Жизнь – припадочный вальс под луной
в окруженье пустых бутылок.

Убегу в тайгу.
Ощетинюсь побитым зверем.

Я.
Никого.
Не люблю.

Я.
Никому.
Не верю.

* * *

По дачам лето тихо катится.
Умолкла вечная сумятица.
Пылает маковое платьице
У деревянного крыльца.

И, тенью утренней умножены,
Неспешно мысли осторожные
Ползут кофейными дорожками
По чашке сонного творца.

А над ленивой этой прозою
Погода быть пыталась грозною,
Но тут же хохотала грозами
До слёз, рассыпанных в траве.

От них легли повсюду зайчики,
Цветные солнечные мячики,
И слов, что ничего не значили,
Стада бродили в голове.

* * *

«Разотри тимьян, не рассыпь шалфей,
Что дрожишь, как хвост у рябой овцы?
Соберись давай, прекращай тут цирк.
На, держи свой чай, потихоньку пей».

Голос твой затих много лет назад,
Только память смех до сих пор хранит,
Милых рук тепло – в пальцах вьётся нить,
Вспоминаю дом, а за домом сад,

А за садом луг помнит зелень глаз,
За собой зовёт сладкий шёпот трав:
«До того ль теперь? Кто из нас был прав?
Мы родная кровь, вот и весь рассказ».

Научи меня, как же быть сейчас?
Из седой дали добрый дай совет.
Как сберечь в себе хоть надежды свет,
Пусть расскажет дождь, мне в окно стучась.

«Не сжигай мостов, не руби сплеча.
Из любой беды выход есть всегда.
Все печали в срок унесёт вода,
Так не вешай нос и допей свой чай».

Роман ПОПЛАВСКИЙ,
г. Тюмень

* * *

Срослись берёза с елью
и ветками сплелись.
Посмотришь: в самом деле,
вот – хвоя, рядом – лист.

Не изменил ли где-то
вращенья шар земной?
С иголочки одета
берёза и зимой,
а ёлка, лишь нагрянет
осенний перелом,
берёт взаймы багрянец
и щеголяет в нём.

* * *

Самолюбование в моде:
важная птица
луна в глубокий колодец
не наглядится.

Кривится гордая пленница
ведра железного,
а в чашку мою смотреть то ли ленится,
то ли брезгует.

ЗИМА

Снегирь на ветке,
под ним синица –
долгий светофор.

Тамара ЮШКИНА,
г. Канск

* * *

Девочке восемь лет. Девочка держит скрипку.
Носит колготки с ромашковым полем
и на лице улыбку.
Сидит за большим дубовым столом,
рисует маме открытку
И в предложении из двух строк
лепит четыре ошибки.
Девочка знает названия нот и цветовые гаммы,
Папа ей дарит красивый блокнот
с надписью: «Самой-самой».
А по ночам, закрывая глаза,
девочка видит поляну,
Нежный цветок, полёт мотылька
и руки любимой мамы.
Девочке десять лет. И девочка точно знает,
Что счастье на этой планете есть,
что чудеса бывают!
Девочка вырастет, станет художником
или великим поэтом,
Напишет картину, повесит у двери,
пусть смотрят другие дети.
Девочка любит яблочный лёд
и шоколад «Алёнка»,
Все говорят, что на целом свете
нет чудесатей ребёнка,
Девочка ходит изящно и плавно,
словно летают птицы,
Лет через десять, а может, и двадцать
станет известной актрисой.
Девочка скоро окончит школу,
выйдет с блестящей медалью.
Столкнётся ребёнок с правдой суровой:
мечты не становятся явью.
Девочка смотрит цветные рисунки
в старом, потёртом блокноте
И заливает горючей слезою
не менее горький кофе.
На торте уже свечей восемнадцать,
девочка стала взрослой,
Каждую ночь свои все желанья
она посылает к звёздам.
Девочка выросла из платья в горошек,
но так и не стала поэтом,
И вот этой ночью, грустной и звёздной,
плачет и пишет про это.

Павел СИДЕЛЬНИКОВ,
г. Тюмень

* * *

Лежать на простыне вдвоём,
о мае говорить, о лете,
о платье розовом твоём
и обо всём, что есть на свете.

Закрыть окно, завесить тюль
всего осталось на прощанье.
И мы как высохший июль,
любовь и сонное молчанье...

* * *

Я молчу. Темнота в округе.
Слышно пенье птиц за окном.
И по улице бродит ругань:
молодёжь кричит перед сном.
Кто-то громко стучит, хохочет.
Где-то время уходит вспять...

Это музыка поздней ночи
научила меня молчать.

* * *

Вот так смотри: чужого не дано,
а что своё – то в рамку и на полку.
И я смотрю и робко, и чудно,
подобно большеглазому ребёнку.

И взгляд далёк, он требует тепла,
родного дела, как стихотворенье
о том, что жизнь со мною не была,
хоть и она закончилась рожденьем.

Наталья ДОБАРКИНА,
г. Иркутск

ХЛЕБ

Чёрный душистый хлеб
зрел на поду печи.
Он ноздреват и слеп
и иногда горчит,
сдобренный молоком,
зеленью и слезой.
Сращенный с языком,
с вымесившей рукой.
Мягкий, как чернозём,
в колкой щетине ржи.
Небо впитал с дождём,
Пот из мужицких жил.
К праздничному столу.
К постным остывшим щам.
Хлеб – голова всему,
Рыбам и чудесам.

* * *

Светлоокая берегиня,
береги меня, береги меня.
От несчастной любви коварства,
от коня и горящего царства.
Мне берёзы твои как сёстры,
только выше меня по росту
И не знающие печали.
Береги меня, как вначале.

Ева РАЙМ,
г. Новосибирск

* * *

Если бывают пельмени домашние,
Значит, в природе встречаются дикие.
Лица их смелы, кинзой разукрашены.
Тесто их тонко, тела – невеликие.

С криком «ю-ху!» прыгнут в реку бурлящую,
Чтобы доплыть до свободного берега.
Те, что вы ели, все ненастоящие.
(Но симулируют очень уверенно!)

* * *

Что знаешь ты про жизнь бактерий
Нелёгкую и скорбную?
Как неподатлив эпителий,
Молниеносна скорая…

Все норовят помыться с мылом
И съесть еду нормальную.
А им, беднягам, не по силам
«Антибактериальное».

Из поколенья в поколенье
Идёт борьба с препонами.
И остаются, к сожаленью,
Сироты миллионами.

Дарья УЛАНОВА,
г. Хабаровск

* * *

Придёт зима, и ты меня отпустишь.
Растерянные веки отворив,
Я огляжу белеющую пустошь
И сердца не почувствую внутри.

Деревьев остывающие жилы.
Речная загустевшая броня.
Ты скажешь: «Забираю, что вложила».
И тихо вынешь душу из меня.

* * *

Город – оглушительная фабрика.
Город производит одиночество.
И за лентой этого конвейера
Я, по ходу дел, работник месяца.

Город производит информацию.
Город производит равнодушие.
Иногда они пересекаются,
Эти производственные линии.

И за лентой серого конвейера
Я, по ходу дел, работник вечности.

Анатолий БИМАЕВ,
г. Абакан

БЕГОМ ПО СИЯЮЩЕЙ РАДУГЕ

– Давай её закопаем! – предложил Саша.

– Зачем? – произнёс Ваня, заворожённо разглядывая ярко блестевшую на солнце серёжку.

Гуляя, мальчики случайно нашли её на земле и теперь не могли оторвать глаз. Такой она была красивой. Даже не серёжка, а почти что маленькое ожерелье, состоявшее из переливающихся синим и красным стекляшек. Такое сокровище, конечно же, стоило целое состояние. Мальчики в этом нисколько не сомневались. Единственное, что они пока не решили, это как им быть дальше? Серёжка была одна, а мальчиков – двое. Таких сложных задач в школе им ещё не задавали.

– Как зачем? – воскликнул Саша. – У нас будет свой собственный клад, о котором будем знать только мы, и никто больше. Представляешь, как это здорово?

Ваня, явно не разделявший восторгов друга, пожал плечами.

– Нужно выбрать подходящее место, – продолжал тем временем Саша. – Вот здесь, под деревом.

И, взяв плоский камень с острыми кромками, он принялся раскапывать ямку. Земля под тополем была мягкой. Её совсем недавно рыхлили. Дислоцированная в городе военная часть с маршировавшими по утрам на плацу солдатами-срочниками обеспечивала в посёлке образцовый порядок. Земля под деревьями не только регулярно рыхлилась, но и сами деревья каждой весной белили извёсткой. Тротуары мелись, скамейки красились, кусты подстригались, а газоны косились, отчего город напоминал нарисованный. Аккуратные пятиэтажки, туго затянутые, точно ремнём, пешеходными тротуарами, стояли посреди стерильного, стоявшего по стойке смирно зелёного парка.

– Готово, – сказал Саша. – Давай серёжку сюда.

– Может, не надо? – произнёс Ваня.

– То есть как это «не надо»? – удивился товарищ, вставая. Он посмотрел в глаза Ване: – Разве ты не хочешь иметь собственный клад? Не хочешь нарисовать пиратскую карту и спрятать её в бутылке, а бутылку бросить в озеро? Разве будет не здорово сказать пацанам, что мы закопали сокровище? И пусть попробуют его отыскать. Разве ты не хочешь всего этого?

– Хочу, – невесело произнёс Ваня.

– Ну и всё, – шмыгнул носом Саша. – Давай серёжку.

Однако Ваня не спешил выполнять распоряжение друга. Его одолевали сомнения. Они явственно читались на его угрюмом лице. Что-то нехорошее, если не сказать враждебное, по отношению к нему чувствовалось во всей этой затее. То же самое он ощущал годом раньше, когда один мальчик из соседнего двора попросил у него велосипед покататься. «Я проеду всего один раз вокруг дома. Что, тебе жалко, что ли?» – говорил он. А потом велосипед пришлось возвращать, позвав на помощь отца. Вот и сейчас он чувствовал нечто похожее. Словно кто-то тихонько шептал ему: «Не отдавай, Ваня, серёжку». Но в том и заключается вечное проклятие сомнений, что они расплывчаты и пугливы и стоит о них хорошенько подумать, как они тут же рассеиваются, словно туман под первыми лучами встающего солнца.

Поколебавшись с секунду, он опустил в открытую ладонь друга серёжку. Тот немедля положил её в ямку и засыпал землёй. Он не притаптывал почву ногой. Наоборот, тщательно взрыхлил её пальцами, чтобы всё выглядело натурально. За свою долгую детскую жизнь он прочитал много книг о пиратах и знал о кладах практически всё.

– Нужно запомнить дерево, – сказал Саша, осматриваясь. – Гляди, какой у него изогнутый ствол. По этому-то стволу мы и запомним, где зарыто сокровище.

– Может, стоит сразу нарисовать карту?

– Нет, завтра. Сегодня мне нужно пораньше домой. К нам приехали родственники из деревни. Будем играть с двоюродным братом в танчики.

– Везёт тебе, – как-то отстранённо произнёс Ваня.

Мальчики помолчали.

– Ну, значит, до завтра? – сказал Саша.

– Да, до завтра.

Однако с места они не сдвинулись. Возле дерева, вблизи клада, им было как-то спокойней.

– Пойдёшь сразу домой? – спросил Саша.

– Пойду домой, – сказал Ваня.

– Правильно.

– Почему?

– Нечего ошиваться. Кто-нибудь, заметив тебя, догадается, что мы что-то здесь спрятали. И ночью откопает нашу серёжку.

– Без карты не сможет, – произнёс Ваня.

– Сможет. Мы с тобой уже полчаса тут стоим.

– Тогда пошли отсюда скорее.

– Конечно, пошли.

И они зашагали каждый в сторону своего дома, то и дело бросая друг на друга украдкой взгляды. Правда, Саша, который шёл чуть позади Вани, хитрил. Сам он хорошо видел друга и, когда тот на него не смотрел, сбавлял шаг, чтобы отстать ещё больше. Ваня, казалось, ни о чём не догадывался. Что можно было назвать непростительным. Ведь Сашин дом стоял в какой-нибудь полусотне шагов прямо по курсу от дерева с кладом. В то время как Ванин располагался значительно дальше. Чтобы к нему пройти, нужно было преодолеть двор наискосок, свернув за угол пятиэтажки товарища, то есть совершить путь примерно на треть больший, чем требовалось совершить Саше.

Но мир держится на легковерных. Вместо того чтобы тревожиться, Ваня как будто совсем успокоился и перестал оборачиваться. Чем тут же воспользовался его друг. Он обнаглел до такой степени, что сделал несколько шагов в сторону дерева, а потом принялся просто ждать, стоя на одном месте, когда товарищ скроется из виду.

Вскоре во всей округе о кладе не знала ни одна живая душа, кроме Сашиной. Бросившись к дереву, он принялся лихорадочно разбрасывать землю. Он торопился, опасаясь возвращения Вани. Признаться, он до сих пор не верил, что ему так легко удалось обвести его вокруг пальца, и постоянно мерещился силуэт друга, коварно выглядывающего из-за угла пятиэтажного здания. Он пытался себя успокоить, внушая мысль, что Ваня давным-давно дома, но это не помогало. Разгулявшаяся фантазия рисовала перед ним невероятное. Будто Ваня стоит у него за спиной и сейчас… нет, не накинется на него, не станет с ним драться, что, пожалуй, было бы не так страшно, а презрительно рассмеётся, не удостоив даже бранным словом. Почему-то такая абсолютно не свойственная другу реакция, которого Саша привык видеть смешливым и доброжелательным, представлялась сейчас самой ужасной. Всё равно что увидеть в кошмарном сне мёртвого дедушку, радостно броситься к нему в объятия и ощутить ледяной холод, исходящий от его неживой плоти.

Наконец Саша нащупал серёжку. Вытерев её о футболку, мальчик взглянул на сокровище, снова подивившись его красоте. Он не видел ничего подобного прежде. Как только они с Ваней случайно нашли серёжку на улице, непременно захотелось ей обладать. Откуда к нему пришло это желание, Саша не знал. Во всяком случае, никогда раньше он не испытывал ничего хотя бы отдалённо похожего. Но незнакомое это желание было столь сильным, настолько неожиданно его захватило, что противиться не было никаких сил. Его не покидало ощущение, будто все эти подлые, преступные действия совершает не он, а кто-то другой, посторонний. Саша словно находился во сне, воспринимая происходящее со стороны. В самом деле, не мог же он предать друга, провернув весь этот коварный план, ради какой-то блескучей стекляшки? Нет. Конечно же, нет. А раз так, то и не нужно ни о чём беспокоиться. Пусть этот кто-то другой делает своё мерзкое дело. Разве он в ответе за чужие поступки?

Так размышлял мальчик, а тем временем его руки делали своё дело. Положив серёжку в карман шорт, они заровняли ямку землёй. Затем ноги скорым шагом направили Сашу к дому. Когда же он оказался в детской, за дело опять взялись его руки. Они достали из шкафа картонную обувную коробку, в которой лежали самые ценные вещи мальчика. На коробке так и было написано: «Не открывать! Иначе я с вами не разговариваю. Эти вещи принадлежат мне». Мальчик хранил здесь вкладыши от жвачек, игровые фишки серии «Мортал комбат», несколько мраморных камешков, которые он на-

шёл прошлым летом на озере, и прочие ценности. Теперь его руки спрятали в коробке серёжку. Пожалуй, её тут как раз не хватало. С ней коробка тут же поднялась в цене. Теперь мальчик не отдал бы её содержимое ни за какие коврижки, пусть бы ему даже пообещали десять картриджей для «Денди» или неделю сильнейшего гриппа, которую он провёл бы в постели за чтением «Приключений Незнайки».

Весь вечер, пока Саша ужинал, смотрел мультики, умывался, мысль о том, что он обладает сокровищем, грела его детскую душу. Не раз ему хотелось тихонько улизнуть в комнату и посмотреть, на месте ли драгоценность. Но проснувшийся в нём преступник, который был гораздо хитрей и осмотрительней мальчика, неизменно удерживал его от этого шага. Лишь перед сном, когда родители легли спать, он позволил ему достать из шкафа коробку. Серёжка по-прежнему лежала на месте. В свете настольной лампы она блестела ярче, пленительней, чем на улице. Её блеск завораживал, гипнотизировал мальчика. Она блестела так, будто попала в Сашины руки прямиком из пещеры Али-Бабы и разбойников. К синим и красным оттенкам добавились миллионы новых цветов, среди которых особенно выделялся оранжевый, изумрудный и фиолетовый. Мальчик не мог оторвать глаз от этого великолепия, и если б не страх, что родители заметят свет в его комнате, он бы разглядывал серёжку до самого утра. Собрав волю в кулак, он положил драгоценность обратно в коробку, спрятав ту гораздо тщательней, чем прятал прежде, и успокоенный лёг наконец-то в кровать. Но и во сне, в этом зеркале наших желаний и страхов, ему снилась серёжка. Ему снилось, что кто-то хочет у него её отобрать, и он плакал в бессилии, вцепившись в незнакомца зубами. Ему казалось, что вместе с серёжкой он утратит крупицу себя, будто та стала его неотъемлемой частью, как голова или руки, и без неё он не сможет прожить и мгновения.

Проснувшись на следующий день, он первым же делом вспомнил об обретённом сокровище. И тут же, словно первая мысль была привязана ко второй невидимой нитью, перед ним возник образ Вани.

Он вскочил с кровати. Наспех умылся, проглотил завтрак и выбежал пулей во двор. Ваня уже был на улице. Играл с ребятами в мяч. Отозвав его, Саша предложил нарисовать карту. По замыслу мальчика это должно было усыпить подозрения друга. «Разве станет преступник напоминать об украденном? – примерно так размышлял Саша. – Но я поступлю умней и первым заговорю о кладе. Тогда Ваня решит, что серёжка на месте, и со временем потеряет к ней интерес». Однако против ожиданий Саши его друг оказался не в настроении и карту рисовать отказался.

– Давай её откопаем, – предложил неожиданно он.

– Кого? – спросил Саша и тут же понял, что выдал себя с головой.

Говорить так не следовало. Ведь только что он сам заговорил о сокровище, а теперь сделал вид, что не понимает, о чём идёт речь.

– Ну серёжку, – произнёс Ваня.

– Зачем? – не своим голосом сказал мальчик. – Хочешь, чтобы все заподозрили, что мы зарыли здесь клад?

– А мы его закопаем потом в другом месте.

Ваня явно подготовился к возражениям Саши.

– Не хочу я искать других мест. Лучше этого всё равно не найти. Тут и приметное дерево, и люди не ходят. И совсем рядом с домом, так чтобы можно было сторожить наше сокровище.

– Я хочу откопать серёжку, – сказал твёрдо Ваня.

– Ладно, как хочешь. Откапывай, – вспылил Саша. Он понимал, что противиться дальше нельзя, иначе это вызовет подозрения. – Но я мараться в грязи не хочу.

– Покажи, где копать.

– По-моему, здесь. Или здесь. Я уже точно не помню.

Опустившись на корточки, Ваня принялся разбрасывать землю руками.

– Её нет, – сказал спустя мгновение мальчик.

– Как нет?

– Сам посмотри.

Подойдя к другу, Саша взглянул ему под ноги, словно действительно не доверял зрению товарища.

– Значит, попробуй в другом месте.

Ваня снова принялся раскидывать землю. Он копал в разных местах, но серёжки нигде не нашёл. В конце концов к поиску присоединился и Саша. Вместе они переворошили всю почву под деревом, но, кроме жирных лиловых червей, ничего обнаружить в земле не смогли.

– Нет её. Говорю же.

– Да, серёжки тут нет, – подтвердил Саша.

Какое-то время мальчики молча сидели под деревом.

– Послушай, – сказал первым Саша. – Кто-то вчера похитил наш клад.

– И кто это сделал?

– Откуда я знаю? Мало ли кругом было ребят. Предупреждал же я, нечего тут ошиваться, нас могут заметить. И был прав. Если бы ты сделал всё, как я говорил, ничего бы этого не было.

Ваня сидел, обхватив ноги руками. Его голова безвольно свисала вниз, между коленями. Острые плечи, высоко поднимавшиеся над склонённой шеей, делали его похожим на грифа. Он сидел, тихонько раскачиваясь в такт собственным мыслям, и не спускал взгляда с носков своих босоножек. «Он обо всём догадался», – подумал Саша. Он не умел читать чужих мыслей, но сейчас буквально слышал, как те медленно щёлкали и скрипели, словно шестерёнки в часовом механизме, в голове у товарища. Ему даже казалось, что он может с невероятной точностью воспроизвести все слова друга, которыми тот сейчас мысленно выносил ему приговор. И нужно было срочно помешать этому самому страшному из правосудий, которые вечно проходят при закрытых дверях и на которых виновный лишён права голоса.

– Чего ты молчишь? – сказал зло Саша.

– Просто.

– Что просто?

– Просто так.

– Ты понимаешь, что теперь мне должен серёжку?

– Перестань, – устало произнёс Ваня.

Он наконец поднял голову и взглянул на товарища. В этом взгляде не было презрения или обиды, но тем не менее Саша похолодел.

– Да, должен! – буквально выкрикнул он.

Ваня поднялся и молча двинулся прочь. Тщедушный мальчишка, казалось, на ровном месте готовый споткнуться и ободрать все коленки с локтями, – вот кого видел в уходящем товарище Саша. Но в этой угловатой фигуре читалась сейчас огромная сила. Саша знал, что остановить Ваню у него не получится, даже если он собьёт его с ног и будет силой удерживать на земле. До него было можно лишь достучаться словами. Выкрикнуть что-нибудь смелое, может быть, святотатственное, какую-нибудь бесстыдную ложь, которой Ваня поверит. Побоится в неё не поверить, ведь такими словами могут играться только девчонки. Но нужных слов не находилось, и Саша просто смотрел вслед уходящему другу. Тот всё же споткнулся обо что-то, как Саша и предвидел, но эта оплошность товарища не вызвала в нём никаких сильных эмоций. Все эмоции вытеснило одно всеобъемлющее чувство стыда. Стыда и утраты, которую, как он ясно предвидел, уже ничем в жизни будет невозможно восполнить.

Оставшийся день он проиграл дома в «денди». Всё во дворе напоминало ему о случившемся утром. Весёлые игры товарищей, с которыми он поначалу честно пытался разделить досуг летнего дня, только погружали его в угрюмую отрешённость. И он ушёл, чтобы не привлекать к себе чужого внимания, которое под конец стало назойливым. «Что с тобой, Саня? Никак привидение увидел?» – говорили ребята. И нужно было им отвечать, как-то отшучиваться, на что у него попросту не было сил. Взгляд Вани так и стоял перед глазами. От этого взгляда нельзя было скрыться. Отныне все мысли, которые так или иначе вращались вокруг истории с серёжкой, приводили к этому воспоминанию. Да, во взгляде Вани не было презрения или обиды. В нём было другое. Жалость. Тоска. И что-то чудовищно взрослое. Что-то совершенно не вязавшееся со всем тем, что знал о товарище Саша. И это было самым ужасным. Взгляд говорил о том, что Ваня теперь стал чужим. Он не ответит ему, если Саша заговорит, никогда не пригласит в гости, не позовёт в поле, окружавшее их небольшой городок, тушить весенние палы или обливаться в день Ивана Купалы водой. И если они когда-нибудь встретятся, Ваня сделает вид, что не знает его.

Слёзы против воли побежали по щекам Саши. Выключив приставку, он достал из шкафа обувную коробку. Серёжка никуда не исчезла, как в глубине души надеялся мальчик. Она была там и больше не казалась красивой. Она была уродливой. Как он раньше этого не замечал!

Зажав стекляшку в потной ладони, мальчик метнулся в прихожую. Буквально впрыгнув в сандалии, даже не потрудившись их застегнуть, он побежал дальше. По лестничным пролётам на улицу через весь двор, за угол дома, туда, где вчера скрылся Ваня. Он до сих пор должен быть там. Не тот, чужой Ваня, которого он видел сегодняшним утром, а настоящий, которого он знал столько же времени, сколько и себя самого. Он

ещё только проснулся и ничего не знает о кладе. Совсем ничего.

Предчувствие не подвело мальчика. Сквозь непросохшие слёзы он увидел вдалеке друга. Тот сидел на лавочке в компании дворовых ребят и играл с ними в карты.

– Я нашёл её! Я нашёл! – закричал Саша.

Ваня обернулся на крик. Заметив друга, он невольно отстранился назад, но, увидев, как тот машет над головой серёжкой и отражённые от неё блики солнца пляшут на его мокрых щеках, то и дело норовя запрыгнуть в глаза, душой потеплел, на лице появилась улыбка.

– Я нашёл её! Она была под другим деревом. Под другим, – задыхаясь, буквально выдавил из себя Саша.

С его правой ноги спала сандалия, но он этого не почувствовал. Он бежал, шлёпая босой ступнёй по асфальту. А ему казалось, будто он бежит по сияющей радуге.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В период подготовки к празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне (апрель – май 2020 г.) управление культуры, спорта и молодёжной политики администрации г. Кемерово проводило городской конкурс «Слово-2020», в котором принимали участие чтецы в возрасте от 5 до 18 лет. В состав жюри конкурса вошёл поэт Владимир Шумилов.

Поэт Сергей Дьяков (Кемерово) вошёл в лонглист Международного поэтического конкурса им. Н. С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай – 2020».

Поэт Юлия Сычёва (Кемерово) стала финалистом Международного литературного конкурса «Мгинские мосты – 2020» в номинации «Лирическая поэзия».

Сайт «Российский писатель» разместил видеопредставление журнала «Огни Кузбасса», № 1 за 2020 год.

10 июля прошло представление 2-го номера журнала «Огни Кузбасса». Вначале главный редактор С. Донбай поздравил лауреатов журнала за 2019 год. Отв. секретарь Д. Мурзин представил оформление номера, посвящённое 75-летию Победы, и прозу. С. Донбай рассказал о фронтовой поэзии номера. Выступили авторы рубрики «Светлица» М. Кизицкий, Д. Ковалёв, Н. Чугайнов. О своих публикациях поведали В. Роков, Е. Тюшина, Ю. Сычёва, А. Коваленко, В. Елатов, Т. Горохова. Вёл вечер С. Донбай.

18 июля состоялась поездка в деревню Шестаково Чебулинского района. Деревня эта знаменита тем, что недалеко от неё раскопали останки динозавра, жившего в этих местах более ста миллионов лет назад. К раскопкам прокладывается дорога, чтобы принимать туристов. Поэтому отсюда начинается региональный проект «Перекрёсток культур». Открыла творческий праздник напутственным словом Ирина Фёдорова, председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Законодательного собрания Кемеровской области – Кузбасса. Писатели, художники, музыканты, певцы, фольклорные ансамбли и жители близлежащих деревень собрались в этот день на берегу Кии. Поэты Борис Бурмистров и Сергей Донбай провели мастер-класс с местными литераторами, пишущими стихи, а потом читали им свои стихи, отвечали на вопросы, дарили журнал «Огни Кузбасса», книги и буклеты.

22 июля в Фёдоровском дворике Государственной научной библиотеки Кузбасса им. В. Д. Фёдорова состоялась встреча победителей и участников второго этапа трёхгодичного литературного конкурса «Простою задушевною строкою», посвящённого предстоящему 100-летнему юбилею поэта Михаила Небогатова. Во втором этапе приняли участие 47 авторов из девяти городов и районов Кузбасса и из Белгорода. Председатель жюри Б. В. Бурмистров, член Союза писателей России, вручил победителям награды за стихотворения «Родина» (Н. Г. Полецкая, литстудия «Родники Сибири», г. Кемерово), «От войны к бессмертию» (Г. Б. Червова, литстудия «Притомье», г. Кемерово), «Я в тайге родилась» (Г. В. Гетманская, литстудия «Родники», г. Калтан). Во встрече приняли участие поэт, член Союза писателей России Ирина Фролова и руководитель литстудии «Родники Сибири» Наталья Гордок.

С 23 по 25 июля в посёлке Усть-Кабырза Таштагольского муниципального района состоялись акции регионального проекта «Перекрёсток культур». Здесь собрались представители Союза художников и Союза писателей России, мастера народных промыслов, любители бардовской песни, чтобы познакомить зрителей со своим творчеством.

В литературной гостиной встретились литераторы из Таштагольского района и Кемерова: Вера Лаврина, Олег Максимов, Ольга Хапилова и другие. Вера Лаврина провела мастер-класс по созданию хайку. Живое общение завершилось литературными творческими играми.

Для местных библиотек и всех участников встречи в дар были переданы книги кузбасских литераторов и несколько выпусков журнала «Огни Кузбасса».

27 июля прошло представление 3-го номера журнала «Огни Кузбасса». Свои публикации представили авторы номера. Дмитрий Филиппенко и Софья Оршатник прочитали стихи. Татьяна Юдина рассказала об учителях, повлиявших на её прозу. Марина Фёдорова изложила свой взгляд на рецензию как творческое исследование. Иногородние авторы номера Николай Зиновьев, Олеся Николаева, Александр Кердан прислали видеообращение к читателям журнала. Вёл вечер С. Донбай.

23–25 августа в режиме зум-конференции прошло Межрегиональное совещание авторов Сибири и Дальнего Востока. Семинар прозы вели писатели: М. Щукин (Новосибирск), А. Кирилин (Барнаул), А. Тимофеев и П. Басинский (Москва). Семинар поэзии вели поэты Н. Ягодинцева (Челябинск), М. Дубиковская (Новосибирск), С. Донбай и Д. Мурзин (Кемерово). По результатам совещания лучшие работы приняты к публикации в журналы «Сибирские огни» и «Огни Кузбасса». Направление на Всероссийское совещание молодых литераторов в Химки получили: Дмитрий Кононов, Наталья Короткова, Екатерина Малофеева и Анна Зорина. Кузбасс на совещании представляли Ирина Надирова (Ленинск-Кузнецкий) и Виктория Сагдиева (Кемерово).

29 августа в деревне Марьевке Яйского района прошёл третий этап регионального проекта «Перекрёсток культур», в котором приняли участие поэты, члены Союза писателей России Людмила Чидилян и Ирина Фролова, литературовед Галина Карпова. В рамках музыкально-литературной гостиной выступили победители второго этапа Всекузбасского литературного конкурса самодеятельных поэтов «Мой дом Кузбасс». У бюста поэта В. Д. Фёдорова на Назаркиной горе читали стихотворения о Кузбассе и родном крае литстудийцы из Анжеро-Судженска, Гурьевска, Салаира, Топок, Ижморского, Яи. Профессиональные поэты из Кемерова представили своё творчество и книги, провели мастер-классы и вручили награды участникам литературного конкурса.

В конце августа в городе Белово состоялся областной поэтический фестиваль-конкурс «Шахтёрский голос Кузбасса», посвящённый 300-летию Кузбасса и профессиональному празднику горняков. Творческое состязание прошло заочно. Жюри в составе членов Союза писателей России Нины Глушковой, Татьяны Колач и Елены Трухан выявило самых талантливых участников.

5 сентября на озере Большой Берчикуль прошла очередная встреча в рамках регионального проекта «Перекрёсток культур». Писатели, художники, певцы и жители близлежащих деревень собрались на берегу «кузбасского Байкала». Поэты Дмитрий и Наталья Мурзины провели мастер-класс с местными литераторами, читали им свои стихи, дарили книги, отвечали на вопросы, рассказывали, что нужно, чтобы стать автором журнала «Огни Кузбасса».

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Подъём» (Воронеж), № 1, опубликовал подборку стихотворений **Владимира Иванова**.

Альманах «Литературный курс» (Челябинск), № 5, напечатал рассказ **Надежды Якушевой** «Отчий дом».

«Независимая газета» 8 июля 2020 года напечатала отзыв на книгу поэта **Дмитрия Филиппенко** «Зайди за мной жить».

Альманах «Литературный курс» (Челябинск), № 6, напечатал рассказы **Надежды Якушевой** «Памятные туфли», «Не отпускай мою руку».

В мае подборка стихотворений **Марины Фёдоровой** вышла в сетевом литературном журнале «Формаслов».

В июле подборки стихотворений **Елены Климановой, Татьяны Речиной, Марины Фёдоровой** опубликованы в онлайн-журнале «Реч#порт».

Журнал «Воздух», № 40, напечатал подборки стихотворений **Юлии Шкуратовой, Татьяны Речиной, Марины Фёдоровой, Ильи Дика.**

ИЗДАНЫ КНИГИ

Трухан Е. Фокстрот листопада: Стихотворения, баллады, поэма. Новокузнецк: Издательские решения, 2020. 164 с.

Журнал «Фантастика-42» (Кемерово). 2020. № 1.

Иленко А. Откровение: Стихи разных лет. Кемерово, 2020. 212 с.

Арнаутов В. Мы – пудинцы!: Очерки из истории и современности пудинской округи. Кемерово, 2020. 408 с.

Арнаутов В. Муйне – ветер с моря: Дневниковые заметки кемеровского туриста. Кемерово, 2020. 90 с.

Альманах «Образ» (Ленинск-Кузнецкий). 2020. № 1. 100 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъём» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru.**

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru.**

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».

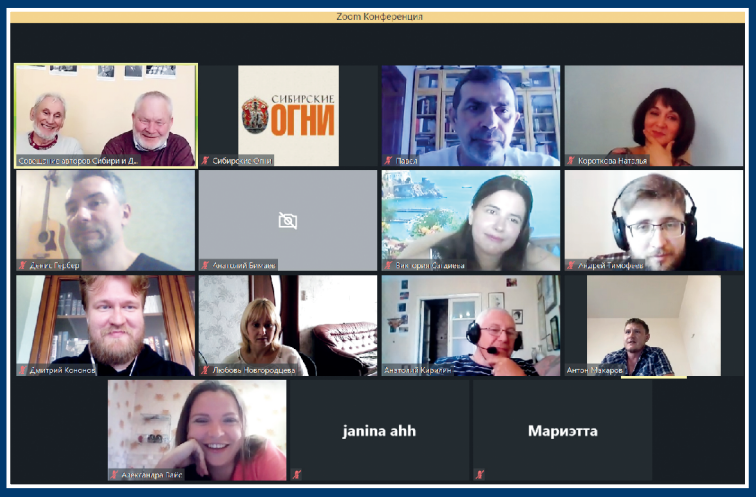
Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор ***С. Л. Донбай***
№ 5. Дата выхода в свет: 12.11.2020
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 141. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвузиздат»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Кирова, д. 45. Тел. 8 (3842) 36-36-00

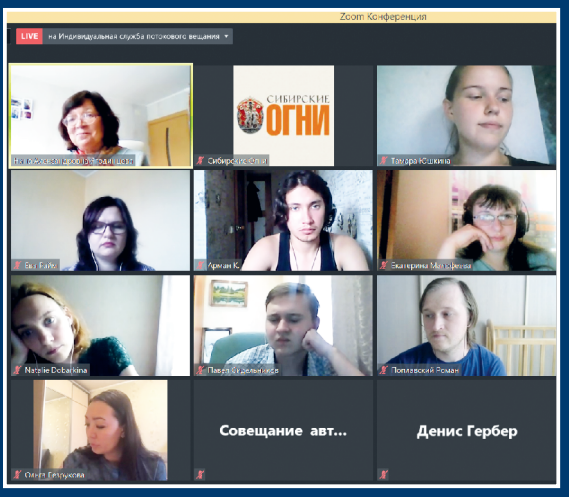
Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.
Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Компьютерная вёрстка выполнена ООО «АИ Кузбассвузиздат»
Корректор ***М. Н. Долгов***
Компьютерная вёрстка: ***П. Б. Исаков***

Межрегиональное совещание авторов Сибири и Дальнего Востока

Семинар прозы

Семинар поэзии

Руководители семинара прозы
Геннадий Прашкевич и Михаил Щукин

Руководители семинара поэзии
Дмитрий Мурзин и Сергей Донбай

Семинар прозы
Виктория Сагдиева (Кемерово)

Семинар поэзии
Ирина Надирова (Ленинск-Кузнецкий)

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40